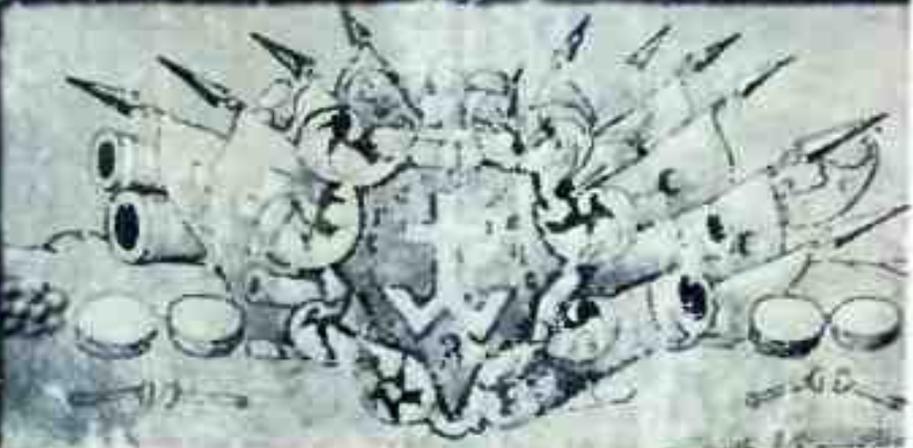

БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ

Владимир
Замлинский

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга рассказывает о замечательном сыне украинского народа Богдане Хмельницком. С его именем связана борьба за освобождение украинского народа от чужеземного ига и воссоединение Украины с Россией.

- [В. А. Замлинский](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Отчий завет](#)
 - [Тяжелая утрата](#)
 - [В казацких походах](#)
 - [Крепость Кодак](#)
 - [Писарь восставшего казачества](#)
 - [На службе у кардинала](#)
 - [Королевский привилей](#)
 - [На Запорожье](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Начало восстания. Гетман запорожского войска](#)
 - [Желтые воды. Первая победа](#)
 - [Корсунь](#)
 - [Белоцерковское перемирие](#)
 - [Письмо царю Алексею Михайловичу](#)
 - [Борьба продолжается](#)
 - [Победа под Пилявцами](#)
 - [Осада Львова и Замостья](#)
 - [Киев встречает победителей](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Миссия полковника Мужиловского](#)
 - [Шляхетские комиссары](#)
 - [Первые посольства](#)
 - [Зборовский трактат](#)

- [Тревожное перемирие](#)
- [Поход на Молдавию](#)
- [Битва под Берестечком. Белоцерковский Трактат](#)
- [Батогская победа](#)
- [Решение Земского собора](#)
- [Переяславская Рада — свершение цели](#)
- [Глава четвертая](#)
 - [По пути единства](#)
 - [В составе русского воинства](#)
 - [Союз против Украины и России](#)
 - [Дрыжиполе](#)
 - [В совместных боях и походах](#)
 - [Последние решения](#)
- [Основные даты жизни и деятельности Богдана Хмельницкого](#)
- [Краткая библиография](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)

- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)

- [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
-

В. А. Замлинский
Богдан Хмельницкий

Глава первая
«Муж совета и разума»

Отчий завет

Там, где седой Днепр Славутич, пронеся свои широкие воды по раздольным равнинам Украины, круто поворачивает на юго-запад, начинались знаменитые днепровские пороги: Кодацкий, Сурский, Лоханский, Звонецкий, Княжин, Ненасытец, Ревучий, Волышнский, Будиловский, Таволжанский, Литний, Вольный.

С ревом неслись воды Днепра через эту каменную препону и, пробившись, вольно разливались по широкому необъятному низовью, вплоть до Черного моря. В этом половодье словно рассыпались сотни больших и малых островов, среди которых Хортица (Большая и Малая), Великий, Томаковка, Базавлук... Здесь все, кому удавалось уйти от ненавистного пана, находили себе место и, построив засеки («сечи»), своеобразные укрепления от нападения татарских наездников, оседали в них, считая себя вольными людьми, казаками.

Пробыв лето на Запорожье, казаки на зиму шли в ближние города: Киев, Черкассы, Переяслав... Одним из таких «городков-зимовников» был Чигирин, куда в 1593 году прибыл Михаил Хмельницкий, отец будущего гетмана Украины. Раньше он служил на Львовщине у великого коронного гетмана Станислава Жолкевского, а в 1592 году перешел на службу к польскому магнату Яну Даниловичу. Это было время, когда правительство Речи Посполитой^[1], стремясь обезопасить розданные шляхте^[2] «пустынные места» на Украине, обжить их и закрепить за собой, образует на восточных границах сеть магнатских латифундий. Предписывалось создавать их и в районе Чигирина. Туда-то и послал Данилович пользовавшегося у него доверием

Хмельницкого «устраивать чигиринские земли и основывать на них новые поселения».

На Украине начинаются выступления народных масс против колониального режима, установленного шляхетской Польшей. К тому же в октябре 1596 года в Бресте была провозглашена уния православной церкви с католической. Православная религия оказалась на положении незаконной. Рядовые украинцы и белорусы не признавали унии и выступали против нее. Правительство Речи Посполитой решило проучить непокорных. По всей Украине «огнем и мечом» прошло коронное войско.

Украина плачет, стонет-плачет!
Летит на землю голова
За головой. Палач лютует,
А ксендз безумным языком
Кричит: «Tedeum! Аллилуя!»

Тогда-то, 27 декабря 1595 года, в семье Михаила Хмельницкого и родился сын Зиновий. Поскольку родился он на третий день рождественских праздников, когда отмечалась память святого Федора Начертанного, по святцам получил он и второе имя — Богдан (перевод греческого имени Федор, богом данный).

Из летописи Григория Грабянки:^[3] «Летописец польский Веспесиан Коховский, пишучи Хмельницкого начало, воспоминает от жмудской страны родом его быти, а от иных свидетельству от Лисянки, украинского града. А ще оттуда или отсюда, а перве от Жолкевского дома приложится. Когда же Ивану Даниловичу воеводе русскому староство Чигиринское от короля дано бе, тогда Хмельницкий пойде тамо, и бе писец, написуя поимения от людей дани. Тут, мало пожив, поимел

жену, и роди от нея сына Зиновия (его же после Богданом нарекоша)».

С детства был Богдан любознателен и склонен к учению. Очевидно, обучался он сначала дома, а со временем в одной из приходских школ Киева.

Вскоре пришло время отдавать Богдана в «настоящую науку». Отец вначале колебался, куда послать сына учиться. Дело решил Станислав Жолкевский. В это время Ватикан все больше укреплял свои позиции. Папский нунций постоянно находился при королевском дворе, участвовал в решении важнейших государственных дел. Каждый поляк обязан был ревностно служить «святому престолу».

Для насаждения католицизма на Востоке Ватикану нужны были кадры из местных жителей. Ревностный иезуит и ненавистник православной веры Станислав Жолкевский по подсказке Ватикана в 1608 году основал во Львове латинскую школу, или, как ее называли, иезуитскую коллегию. Именно туда и предложил он Михаилу Хмельницкому отдать сына. Ослушаться означало навсегда навлечь на себя гнев влиятельного лица в государстве.

В конце 1608 или же начале 1609 года повез Михаил Хмельницкий сына во Львов, где в деревянном доме рядом с костелом иезуитов, который еще возводился, разместилась иезуитская коллегия. Здесь ученикам внушалось, что «каждый польский шляхтич от рождения есть солнце». Можно себе представить, что ощущал в этих условиях Богдан.

И все же с первого дня учебы Богдан был не хуже других, а вскоре стал и первым учеником школы. Он изучал поэтику, теологию, историю; познакомился с греческими авторами Геродотом, Ксенофонтом, Платоном, Плутархом, римскими — Саллюстием, Ливием, Горацием, Овидием, Тацитом и другими.

Хорошо изучил польский язык и латынь. Все это очень пригодилось ему в будущем.

Из преподавателей коллегии известно только имя иезуита Андрея Гонцеля Мокрского. Он был доктором богословия, известным проповедником католицизма и автором панегириков. Польские хронисты свидетельствовали: «Ксендз Мокрский был иезуитом и учил в школах, он читал Хмельницкому поэтику и риторику».

Трактаты Мокрского отличались ненавистью и презрением к православию, украинцам и русским; в каждом слове восхвалялась польская шляхта и католическая вера. Православную веру он называл не иначе как «казацкой, наливайковской».

Православные ученики иезуитской коллегии были под особым присмотром коллегиального начальства. С самого начала здесь существовала практика принудительного «обращения» православных в католичество. Для этого в коллегии было организовано братство, так называемая «мариянская солидация». Отчеты коллегии того времени восторженно сообщают о триумфальном «обращении» православных, о том, что «многие от схизмы^[4] отступились». В 1613 году коллегия насчитывала 530 учеников, и количество их с каждым годом увеличивалось.

Молодой Хмельницкий не поддавался усилиям иезуитов обратить его в их веру. Недаром впоследствии они сложили о Богдане легенду как о протестанте, пошедшую даже в летописи и подтверждающую отношение Богдана Хмельницкого к католицизму. В ней говорилось о «случае, удивления достойном», происшедшем якобы с Богданом Хмельницким. Как-то «ввечеру Зиновий (так Богдана называли в коллегии. — В.З.) с соучениками прохаживался около костела, и вихрь, из той компании его... подхватя, трижды вокруг

оного костела обнес и на том месте, из которого был подхвачен, опять его поставил... Братья-наставники, равно как и учителя, сие странное небывалое приключение разные разно рассуждали, однако ж тем согласно заключили, провещая: будет-де от сего отрока великое на костел римский гонение».

Обучаясь в коллегии, Богдан не ограничивал круг своих знакомых только учениками иезуитской коллегии. Много приятелей было у него среди учеников Львовской братской школы, находившейся под покровительством таких влиятельных людей, как князь Острожский, молдавский господарь Иеремия Могила, гетман Петр Сагайдачный. Примерно в 1612 году в братскую школу поступил учиться племянник Иеремии Петр Могила, бывший годом моложе Хмельницкого. Уже тогда среди учеников братской школы он выделялся умом и знаниями. Отец его был молдавский господарь Симеон, мать — семиградская княжна Маргарет. Жестокая борьба за престол после гибели Симеона заставила семью Могилы покинуть Молдавию. Поскольку Симеона поддерживало польское шляхетство, она переселилась в Польшу и осела во Львове.

Во Львовской братской школе учились дети всех сословий. Это создавало в школе определенную демократическую атмосферу. Многие образцовое и передовое в школе шло от ее ректора профессора Иова Борецкого, составителя книги «О воспитании чад», с которой был знаком Хмельницкий. Книгу эту в иезуитской коллегии осуждали. Основная ее часть содержала церковнославянский перевод поучений «отцов церкви» и прежде всего Иоанна Златоустого. Книга открывалась стихотворным введением на украинском языке, в котором указывалось, что из науки, словно из источника, «все доброе происходит», что пренебрежение школьным обучением вызывает «непорядок и все злое».

Примерно после восьми лет обучения Богдан «окончил коллегию, и окончил хорошо».

Из «Истории Русов»^[5]. «...Все тогдашние классы изящных наук прошел он (Богдан Хмельницкий. — В.З.) под руководством наилучших учителей... Природная острота и дарования оправдали старания отеческие и учительские. При других его знаниях особенно искусен он был в первейших европейских языках, а паче в латинском и греческом...»

Возвратившись домой, к радости родителей и удивлению дружков, Богдан не проявлял большого интереса к прежним играм, стал серьезным и несколько замкнутым. По-прежнему много читал, просил отца о том, чтобы он, бывая в Киеве и других городах, покупал ему книги. Сам же стал помогать ему в хозяйственных делах. А их было немало. За честную службу Михаил Хмельницкий получил от короля по просьбе Даниловича недалеко от Чигирина на правом берегу Тясмина и его притока Субботы клочок земли. Здесь заложил он хутор Субботов, свое семейное гнездо.

Кроме устройства Субботова, Михаил Хмельницкий, пользуясь благорасположением своего хозяина, учредил и собственную «слободу» Новосельцы — небольшое сельцо с «подданными». Постепенно он становится зажиточным человеком и чигиринским сотником.

Отца радовало, что и после учебы Богдан еще больше укрепился в своей вере, считая ее истинной и единственно народной. Настораживало, правда, чрезмерное увлечение сына военным делом, как будто он упорно готовил себя к каким-то важным сражениям. Не проходило дня, чтобы Богдан не померился силами с кем-то из казаков в мастерстве владения саблей или лихой езде на коне.

И вот наступил 1618 год. Этот год Богдан помнил всю жизнь и очень сожалел, что именно ему пришлось участвовать в походе на Москву.

А дело вот в чем. В 1618 году польский король Владислав предпринял последнюю попытку захватить Москву и утвердить себя на русском престоле. Тогда же он потребовал участия в походе реестрового казачества. Часть лояльной казацкой старшины во главе с гетманом реестровцев Петром Конашевичем-Сагайдачным подняла казаков в этот поход. Среди них был и Богдан Хмельницкий. Попытки польских панов овладеть Москвой провалились и на этот раз, но королевич Владислав запомнил молодого Хмельницкого и впоследствии всегда отмечал его среди казацкой старшины.

Однако сам Богдан, возвратившись из похода, еще больше укрепился в необходимости сохранения мира с Российским государством и неправомерности шляхетских притязаний на русские земли. Он не был одинок в своем недовольстве захватнической политикой шляхетской Польши. Во время этого похода целый полк казаков в 609 человек во главе с полковником Жданом Коншиным перешел на службу к русскому правительству.

С радостью и душевным облегчением воспринял Богдан весть о том, что, вернувшись домой, Сагайдачный от имени всего казацкого войска просил у иерусалимского патриарха отпущения «греха пролитой крови христианской».

В 1620 году запорожские казаки во главе с гетманом Сагайдачным совершили удачный поход под Перекоп, после которого в Москву был отправлен Петр Одинец с посольством. Они повезли с собой пленных татар — «языков» и письмо «от гетмана Петра Сагадашного и ото всего Войска Запорожского» царю Михаилу Федоровичу. В письме выражалась готовность

казаков перейти на службу к царю и принять участие в борьбе против всех врагов Русского государства: «... памятуячи то, как предки их прежним великим государям царям и великим князьям российским повинность всякую чинили и им служили и за свои службы царское милостивое жалованье себе имели, так же и они царскому величеству служить готовы против всяких его царского величества неприятелей...».

Узнав о посольстве, Михаил Хмельницкий сказал Богдану:

— Твои войны еще впереди, сыну. Может, и придется тебе возглавлять их, потому что казак ты, видать, вырос неглупый и честь знаешь. Но сколько бы войн ты ни вел, не смей вести их против своего народа. Потому что это твоя смерть и вечный позор нашему роду. И еще скажу тебе, сыну, если будешь служить, никогда не иди на такое дело, чтобы шел ты войной на Московское государство.

Слова отца Богдан помнил всю жизнь.

Из донесения русского посла Василия Бутурлина о разговоре с Богданом Хмельницким, январь 1654-го:
«Да гетман же говорил, когда-де он еще был мал и отец его, гетманов, приказывал ему: как ты учнешь служить, не моги себе того учинить, чтобы тебе ходить войною на Московское государство».

Тяжелая утрата

Тревожно было в Речи Посполитой. Три года тому назад столкновение коронных войск Станислава Жолкевского с грозной османской армией под руководством лучшего османского военачальника Искандер-паши закончилось Бушевским договором, по которому польская сторона обязана была платить дань татарам, не вмешиваться в дела Молдавии, Трансильвании^[6] и Валахии^[7], запретить казакам выход в Черное море, срыть пограничные крепости. Все понимали, что долгого и прочного мира это не гарантирует.

В Польше роптали. «Договор со Скадер-пашой для нас отнюдь не радостный, — писал шляхтич Самуил Маскевич, — так как мы отказались от подданства молдавского господаря, потеряли Хотин... не замечая того, что язычник подобрался вплотную, теперь ему и Каменца захочется, от Хотина он лежит недалеко».

Жолкевский, как всегда, пытаюсь оправдаться, говорил: «Щенку досталась кость, пусть ею забавляется. Польше достанется покой». Но покоя не было. Турки, почувствовав вкус брошенной «кости», вплотную приблизились к польским землям, стремясь к новым завоеваниям.

Договор положил начало новому периоду татарских набегов на украинские земли. Орда доходила до Каменца и Львова, грабя и разоряя все на своем пути, угоняя в полон тысячи людей. А Жолкевский пекся лишь о том, чтобы не был нарушен мир с османами.

Наконец, еще одно доказательство недоброжелательности Порты^[8]. В апреле 1620 года в Стамбул прибыл посол польского короля

И. Отвиновский. Однако новый великий визирь Али-паша не принял его.

Из «Каменецкой хроники»^[9]: «1620 год... Тогда же Отвиновский был направлен послом от короля к турецкому султану. Его встретили весьма пренебрежительно: паши гнали его с глаз долой и не позволяли увидеться с султаном. Видя такое обхождение и необходимость бежать, он отправился по морю до самой Венеции и лишь через год после этого вернулся к королю».

Помогли королевскому послу выбраться из Стамбула казаки, которые в это время на 150 чайках находились в Варне.

Пока Жолкевский уверял короля, что посла приняли в Стамбуле хорошо и Польше ничего не грозит, Искандер-паша сформировал шестидесятитысячную армию, включая подкрепления из Молдавии и Валахии. Когда об этом стало известно Жолкевскому, он послал к Искандер-паше своего представителя Кохановского. В ответ на вопросы польского представителя паша лицемерно заверил, что армия предназначена всего лишь для строительства в Днепровском лимане укреплений, закрывающих запорожцам выход в море.

В Европе в это время разразилась Тридцатилетняя война, надолго определившая политику многих стран, в том числе взаимоотношения Польши и Порты. Еще в мае 1618 года в Чехии поднялось восстание против Габсбургов. Это было началом борьбы, которая грозила гибелью их владычеству. Габсбургов поддерживал Ватикан и католические князья Германии. Правящие круги Польши решили выступить на их стороне. Османская империя не участвовала в Тридцатилетней войне, но надеялась использовать ее для укрепления своих позиций на Балканах. Поражение Австрии, считавшейся «форпостом христианства», избавило бы

турок от главного противника в Европе, а это не устраивало Речь Посполитую. Назревал конфликт. Его разрешением и стала битва под Цецорой, небольшой крепостью на реке Прут близ города Яссы.

Из «Каменецкой хроники»: «1620 год, 9 сентября, суббота, рождество богородицы. Состоялась битва при Цецоре нашей польской армии с турками и татарами. В этой битве во главе турецкого войска стояли Искандер-паша и Сарымсак-паша, во главе татарского калгасултан, брат татарского хана, под началом которого находилось 120 тысяч татар. А турок было 8 тысяч. А во главе нашего польского войска были канцлер Жолкевский, польский гетман Конецпольский, князь Корецкий и Струсь, у которых было 12 тысяч боеспособных людей. А всего было около 20 тысяч человек»^[10].

На заседании королевского совета 15 июня 1620 года, где решался вопрос о походе, большинство высказалось против войны. Это отразилось и на количестве войска, и на его вооружении. Когда Жолкевский, чтобы увеличить армию, предложил призвать в поход казаков, польский магнат Кароль Самуэль Корецкий, зять Иеремии Могилы, нагло заявил: «С грицями воевать не стану, пусть идут землю пахать или свиной пасти».

Польские предводители считали, что им противостоят только те турки, которые переправились через Дунай, и их можно бить и без казаков. Да и сам Жолкевский не очень стремился их призывать. В условиях, когда казацкое войско приобретало все большую силу и значение в борьбе за интересы украинского народа, король и его советники считали политически опасным брать его к себе в союзники. Но Жолкевский понимал также, что без казаков в войне не

обойтись, и разослал им повеление прибыть на войну. Получил повеление и Михаил Хмельницкий: собрать в Чигиринском старостве охочих «стрельцов» и прибыть самым скорым образом к Жолкевскому в Молдавию, куда направлялось и польское войско.

Отряд собрали быстро. И вот он выстроился на площади Чигирина. Все казаки одеты по-походному. На них были плотные суконные кафтаны, на голове шапки-шлыки с высокими, заломленными до затылка красными и голубыми верхами. Вооружены пиками, саблями и мушкетами. Рядом с каждым верховым оседланный запасной конь с привязанными к тропам саквами^[11]. На войну отправился и молодой реестровый казак Чигиринской сотни Богдан Хмельницкий.

Встретили их неприветливо. Пышно одетое и снаряженное польское войско не пожелало, чтобы казаки стояли в одном ряду с ними. Жолкевский, перешедший молдавскую границу 2 сентября 1620 года, велел Михаилу Хмельницкому с его сотней, как и другим казакам, разместиться за укреплением, «чтобы знали свое место и не думали, что у Речи Посполитой такая большая в казаках потребность». Вскоре подошли молдавский господарь Каспер Грациани и его гетман боярин Бычко. Войско Грациани к тому времени разбежалось, и прибыл он к Жолкевскому в сопровождении всего 600 человек.

Среди молдаван Богдан Хмельницкий сразу же заметил своего Львовского приятеля Петра Могилу. За время, пока они не виделись, тот возмужал, вытянулся. Бросалось в глаза широкое скуластое лицо, черные усы и такие же волосы. Серо-зеленые глаза светились острым умом. После Львовской братской школы Петро Могила побывал в разных европейских университетах и научился многому. А сейчас пришел освободить от

турок родную Молдавию. Петро тоже узнал Богдана. Но было не до разговоров...

Утром 9 сентября 1620 года на крепость всей своей массой ринулась армия Искандер-паши. Польское войско вместе с казаками и молдаванами стало против врага.

Михаил Хмельницкий одним из первых ворвался в ряды неприятеля. А рядом с ним, не отступая ни на шаг, рубился Богдан. Сбросив с себя все лишнее и оставшись для легкости в одной нательной сорочке, он, зажавши в каждой руке сабли, рубил ими турок, не отставая от старших казаков. Все тело его ловко изгибалось, уклоняясь от ударов противника, сорочка и лицо были залиты кровью, но он не замечал этого, зорко следя за турецкими воинами, разя и отбивая их нападения. Но когда отца окружали турки, Богдан тут же оказывался рядом. Хмельницкий-старший одобрительно мотал головой и гудел своим сиплым голосом, перекрывая лязг сабель и стон людей: «Добре, сыну, так их!»

В тот день три приступа турок отбили войска Жолкевского.

Третий приступ турок был особенно стремительным: Искандер-паша спешил покончить с противником. Уже опустилась густая ночная тьма, когда турки отошли от крепости. Много воинов полегло в этом бою, и особенно пострадало малочисленное польское войско.

День после боя прошел спокойно. А на следующую ночь на поредевшие польские войска обрушился новый удар, на этот раз от союзников. Видя, что поляков ждет тяжелое испытание, а может, и поражение, молдавский господарь Каспер со своим гетманом Бычко и другими боярами, сговорившись с каменецким старостой Калиновским, Корецким и Струсем, решили бежать из лагеря вместе со своими отрядами. Но предателям не удалось далеко уйти: их подстерегала гибель.

Из «Каменецкой хроники»: «Объединившись, все они — более 2 тысяч человек — ушли ночью, бросив в лагере все свое имущество. Имея каждый по коню, вошли они в воду, чтобы перейти Прут всем вместе, да так и потопили друг друга. И поверхность воды от людей и лошадей казалась мостом, по из каждых десяти человек спасся только один. Да из тех, кто выбирался оттуда, мало кто спасся, потому что татары, переправившись через реку, хватали их. Но некоторые бежали. Староста Калиновский вместе с конем утонул у берега, потому что берег был обрывистый и невозможно было выбраться. А Бычко, гетмана молдавского господаря, татары схватили и отослали Искандер-паше. Искандер-паша приказал посадить его на кол тут же перед нашим польским лагерем, чтобы нашим было видно. А господаря Каспера убили молдаване во время бегства. После того несчастья в том цецорском укреплении наше войско просидело восемь дней».

В укреплении, осажденном турками, все больше зрело недовольство командованием, которое завело войско в капкан. Не хватало продовольствия, воды. Нужно было решать, что делать дальше. Жолкевский понимал, что выход один: покинуть позиции у Цецоры и отступить вдоль реки Прут к польской границе. Так и сделали. За ночь окружили тыл и фланги войска возами, сковали их цепью и на следующую ночь (20 сентября 1620 года) оставили лагерь. Казаки прикрывали отступающих. Коронные пехотные и конные части польского войска двигались впереди и с флангов, артиллерия сзади. В центре этого построения разместились паны со своими ополчениями и командование во главе с Жолкевским.

Татары и турки но пятам преследовали польское войско.

К вечеру 24 сентября войска под командованием Жолкевского, истощенные и измученные постоянными

боями, наконец пробились к Днестру и остановились в полуверсте от Могилева. А ночью кто-то распустил слух, что поляки собираются под прикрытием темноты переправиться через Днестр, оставив на этой стороне казаков как свой заслон. Вспыхнуло недовольство, разгорелись споры. Этим воспользовался предводитель буджакских татар Кантемир-Мурза и тут же со всей своей двенадцатитысячной ордой навалился на лагерь. К нему подоспели турецкие и татарские отряды. Началась страшная рубка. «Наши в панике стали разбегаться, — писал очевидец, — и кого зарубили, кого схватили живым, кто утонул в Днестре».

Михайло Хмельницкий словно ждал этого нападения. Он собрал вокруг себя верных казаков и приготовился к бою. Богдан находился возле отца, хмуро и с какой-то злой настороженностью наблюдал за катящейся к ним лавиной, в обеих руках у него было по сабле, на теле новая сорочка. На суровом лице не осталось и следа былой усталости, только решимость.

И вот первые ряды неприятеля напоролись на казацкие пики. Богдан снова, как и прежде, не отходил от отца и старался прикрыть его то сбоку, то сзади, а тот, перекладывая из руки в руку любимую саблю, крушил врагов. Михайло Хмельницкий не мог определить, сколько длится уже эта сеча, только чувствовал, что иссякают его силы и слабеет удар сабли. А враги наседали все напористей. И вдруг его пронзила острая боль: в плечо впилась татарская стрела. Рука, подняв саблю, упала безвольно вниз. И тут же его поразила татарская пика. Подхватив оседающее тело отца на руки, сын старался под прикрытием казаков вынести его из боя. Собрав последние силы, умирающий попросил положить его на землю. Богдан исполнил просьбу отца и сам опустился рядом.

— Не сказал я тебе, сыну, самого главного, — невозможная боль, еле слышно проговорил старый

Хмельницкий, — и видать, не успею уже, но о родине хочу сказать, она у тебя одна — Украина, и из всех служб в своей жизни выбери одну...

Богдан так и не дослушал, что хотел дальше сказать отец; несколько турок и татар накинулись на него сзади, вкрутили руки, петлей сдавили шею и потащили от отца в неволю, в страшный турецкий плен.

Мало кому удалось спастись в эту страшную ночь. Для многих она была последней. Погиб в ней и Станислав Жолкевский. Ему отрубили голову, насадили на копье и выставили у шатра Искандер-наши, а затем отправили султану в Стамбул. Гетман Конецпольский, князь Корецкий, другие польские военачальники и многие воины были взяты в плен.

Из летописи Григория Грабянки: «Егда же отец его (Богдана Хмельницкого. — В.З.) учинен сотником над казаками, в року 1620 поиде на Цецору гетману Жолкевскому в помощь, иде он с отцом своим, войсковому присмотруючися делу. Егда же сведоша брань ляхи с турки и татары, премогиша турки, избиша всю людскую силу и где гетман Жолкевский и Михаил Хмельницкий убиен, а Зиновий, сын его, в плен взят и татарскую землю...»

Долгими были для Богдана годы турецкой неволи! Жил он в Константинополе при доме одного турецкого флотоводца в квартале Касим-паши. Находясь в плену, Богдан, однако, и здесь старался чему-то научиться. Он знакомится с бытом турок, изучает организацию и устройство их армии; близко сходитя, а впоследствии постоянно поддерживает связь с Бакташ-агой, одним из султанских советников. Это и другие знакомства пригодились ему в дальнейшем, особенно в переговорах с Портой.

Здесь же, в плену, он еще раз убеждается в силе и верности отчизне простых людей — крестьян и бедных казаков с Украины, которые также оказались в

турецком плену. Они молча переносили издевательства и тяжелый подневольный труд, надеясь на освобождение только от своего же брата-казака. Они же сумели убедить Касим-пашу, чтобы он использовал Богдана в качестве писаря или толмача.

На Украине в это время не прекращались крестьянско-казацкие волнения. Об этом доходили слухи и до Богдана Хмельницкого. В Варшаве же сейм учредил новые подати для создания шестидесятитысячного войска. Когда турецкий султан Осман II узнал об этом, то написал польскому королю: «Не надейся больше на нашу дружбу». В середине 1621 года турецкая армия вновь двинулась на Речь Посполитую. В августе она переправилась через Дунай и раскинула лагерь под Белгородом (ныне Белгород-Днестровский). 20 августа польские войска под командованием гетмана Кароля Ходкевича расположились вблизи Хотина. Здесь и начале сентября 1621 года и началась битва, вошедшая в историю как Хотинская. Она продолжалась с короткими перерывами шесть недель.

Решающее значение в этой битве принадлежало казацким войскам. Еще летом 1621 года 40 тысяч казаков во главе с запорожским гетманом Яцком Бородавкой по предложению польского сейма направились в Молдавию, когда со своим сотысячным войском уже пришел туда султан Осман. Перейдя Днестр, казацкие отряды на протяжении всего августа вели героическую борьбу, дав тем самым возможность укрепиться лагерю шляхетского войска.

После смещения с гетманства Яцка Бородавки и избрания гетманом Петра Сагайдачного казацкое войско, в составе которого было 700 донских казаков, отбивая непрекращающиеся атаки турецкого авангарда, 1 сентября 1621 года соединилось под Хотинем с шляхетскими войсками.

Начиная со 2 сентября турецкие войска непрерывно атаковали польско-казацкую армию. В последнем генеральном штурме 28 сентября 1621 года, когда турецким силам удалось овладеть польско-шляхетскими укреплениями, казацкое войско ударами с флангов разгромило врага. Украинские казаки вместе со своими донскими побратимами беспримерным героизмом и мужеством спасли шляхетское войско от разгрома и ликвидировали опасность порабощения украинского и польского народов.

Из «Каменецкой хроники»: «Знать, сам Господь Бог побил неверных, если они в таком количестве — четырежды по 100 тысяч человек — и их 300 пушек ничего не смогли сделать полякам и казакам, но каждый раз сами были биты. А польская армия выдержала и устояла, и прежде всего благодаря могуществу Господа и запорожским казакам, которые были там, в лагере, так как каждый божий день эти казаки выходили против неверных, предлагали им сражаться, побеждали врага и не давали погибнуть полякам, потому что если бы не было казаков, то Бог знает, каким бы был исход для поляков уже через три-четыре дня.

Поскольку неверные турки знали, что казаки сильны, то всей своей огромной массой и великой мощью они обрушились на казаков, рассуждая: «Если мы одолеем казаков, то с поляками нам будет намного легче». Но Бог не дал им дожждаться такого дня».

Потерпев поражение, султан Осман II вынужден был пойти на соглашение с Польшей. По условиям Хотинского мира граница между Турцией и Польшей проходила по Днестру; Турция и Крымское ханство обязывались не нападать на Украину и Польшу и не грабить их население. Со своей стороны, Польша передавала Турции Хотин и обещала запретить казакам выступать против Турции и Крыма.

В народных песнях в связи с этим говорилось:

Ой Хотину, город давній.
На всі землі дуже славний.

Когда Богдан прослышал о героизме и изобретательности казаков в Хотинской битве, его сердце наполнилось гордостью.

Сагайдачный вернулся домой, покрытый ранами, лежа в карете, подаренной ему королевичем Владиславом, и в сопровождении королевского медика. Однако ничто не помогло, и он умер 20 апреля 1622 года от огнестрельной раны в плечо.

Человек безусловно храбрый, талантливый и образованный, он прошел нелегкий и непростой жизненный путь. Выходец из семьи украинского шляхтича, после окончания Острожской школы он подался на Запорожье, где вскоре занял видное место среди казацкой старшины. Под его руководством в 1614, 1615, 1616, 1620 годах были осуществлены походы в Крым и Турцию. Принимал он участие и в походах на Молдавию и Ливонию. Это под его руководством казаки в 1616 году напали на Кафу (Феодосию), главный невольничий рынок Крыма. Сожгли и потопили турецкие галеры-катарги, уничтожили четырнадцать тысяч турок и освободили невольников, многие из которых влились в казацкое войско. На него возлагала большие надежды созданная в 1617 году «Лига христианской милиции», целью которой было изгнание турок из Европы.

Однако это он, Сагайдачный, вместе с реестровой старшиной 28 октября 1617 года в урочище Сухая Ольшанка под Белой Церковью принял все продиктованные Жолкевским условия и подписал соответствующую декларацию о разгоне повстанцев на

Украине и возвращении их под власть панов. Это было предательством интересов народа. Он же по требованию правительства Речи Пос-политой правдами и неправдами набрал к лету 1618 года несколько тысяч казанов и выступил вместе с королевичем Владиславом, мечтавшим о русском престоле. И хотя Москву им взять не удалось, но истощенная многолетней войной Россия вынуждена была 1 декабря 1618 года в деревне Деулино под Москвой подписать перемирие с Польшей на 14 лет, по условиям которого Польша удерживала за собой Смоленскую землю и Чернигово-Северский край. И как только перемирие было заключено, папы с еще большей энергией принялись за усмирение народных волнений на Украине.

Эти действия Сагайдачного вызвали большое недовольство украинского казачества. Но он железной рукой подавлял его.

Вскоре усиление шляхетского гнета, страшные притеснения казачества изменили позицию Сагайдачного. Он начал отходить от своей соглашательской политики. И его усилиями в 1620 году вопреки политике польско-шляхетского правительства на Украине и в Белоруссии была восстановлена православная иерархия, ликвидированная после Брестской унии 1596 года. Когда иерусалимский патриарх Феофан после двухлетнего пребывания в России возвращался домой, он по настоянию Сагайдачного посвятил в сан киевского митрополита и епископов. Польское правительство и униатское духовенство начали жестокие репрессии против новопоставленных православных иерархов, но за ними теперь стоял украинский народ.

Сагайдачный всячески поддерживал развитие образования на Украине и со всем казачьим войском вступил в Киевское братство, внося немалые средства на содержание братской школы.

В 1620 году, когда на Украине поднималось новое восстание и возросли симпатии восставших к России, он отправляет в Москву своих посланцев с предложением служить России и быть в ее подданстве.

Михаил Федорович ответил на это 21 апреля 1620 года грамотой, в которой писал: «И мы, великий государь, тебя, гетмана Петра, и все войско за то похваляем, что вы нынешние государские милости к себе поискали, и службу свою к нам, великому государю, оказываете, и впредь нам службу свою и раденье хотите оказывати».

Многие одобряли тогда Сагайдачного. Поддержал его и отец Богдана, именно тогда он сказал сыну о своей приверженности к Москве.

Из «Летописца, или Описания краткого знатнейших действий и случаев, что в котором году деялося на Украине малороссийской обоих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был казацким»: «1622 год. Помянутый Петр Сагайдачный волохов воевал, против турка ходил, по возвращении умре. Был он ктытор Киево-Братского монастыря и школ, где и погребен.

Того ж года Хмельницкий Зиновий выкуплен из неволи ясыром^[12] татарским и причтен в жовнеры^[13] королевские».

Освободившись из плена, Богдан Хмельницкий отправляется на Украину, где разгорались новые восстания нереестровых казаков. Мать вскоре после возвращения сына вышла замуж за королевского жолнера Василя Ставецкого и уехала вместе с ним в Белоруссию. Богдан стал единовластным хозяином хутора. Он занимается хозяйством. Перестраивает хату, строит мельницу, разбивает пасеку. За это время он еще больше полюбил свой Субботов, но предчувствие, что он недолго засидится в нем, не покидало его.

В казацких походах

Будучи сыном Чигиринского подстаросты и реестрового казацкого сотника, погибшего в бою за Речь Посполитую, Богдан Хмельницкий после возвращения из плена мог занять неплохую должность в администрации чигиринской «королевщины». Но, передумав многое из своей недолгой, но насыщенной событиями жизни, он отказывается от возможности делать карьеру на службе у польских магнатов и возвращается в чигиринский полк. Именно среди казачества, а не отпрысков шляхтичей и магнатов нашел он себе побратимов на всю дальнейшую жизнь.

Пьер Шевалье, французский офицер, командовавший в 1646 году отрядом казаков, завербованных французским правительством на Украине, в своих воспоминаниях пишет, что Богдан Хмельницкий, «поступив юношей в казацкое войско, от простого казака постепенно дошел до чина сотника».

Мемуарист Йоахим Ерлич замечал в своей «Летописи, или Хронике разных дел и событий» с присущей ему злобностью, что в Чигиринском полку Хмельницкий «за черняка был или за атамана».

Как бы то ни было, но служба в Чигиринском полку стала для Богдана серьезной военной школой. Догадка Ерлича об атаманстве Хмельницкого, по-видимому, справедлива в том плане, что ему действительно не раз случалось возглавлять отряды, отбивавшие татарские набеги, а возможно, водить казаков на Крым и турецкие земли.

В то время на территории Украины, которая была подвластна Речи Посполитой (то есть на большей ее части), проживало не менее 5 миллионов жителей. Основной частью населения были крестьяне,

закрепощенные польскими феодалами. Одной из форм протеста против феодальной эксплуатации было бегство крестьян от владельцев. Особенно много их скрывалось в районах Полтавы, Чигирина, где по-прежнему жителей было мало. Богдан в Субботове принимал беглецов, давал им возможность отдохнуть, и они шли дальше, в степи Запорожья, где жителей было совсем мало. Многих беглецов настигали их старые хозяева. Тогда начиналась расправа. Но на хуторе Хмельницкого таких расправ владельцы не учиняли: боялись казака и его друзей, знали об уважении, которым он пользуется у запорожцев.

Хмельницкий понимал силу крестьянства. Знал он и другую грозную силу, враждебную по отношению к феодалам, — казачество.

Казачество на Украине делилось на реестровых и нереестровых. Реестр был строго ограничен, в него включалась богатая верхушка казачества. Реестровые владели землями, во многих случаях немалыми имениями, водили дружбу с польской шляхтой.

Но большая часть казачества не состояла в реестре. Это были бежавшие от крепостной неволи крестьяне, которые занимались земледелием. Казаки жили в основном на юго-востоке Украины, многие из них ушли в Запорожье. Правительство Речи Посполитой стремилось превратить нереестровых казаков в крепостных крестьян, на что те часто отвечали восстаниями, к которым присоединялись крестьяне. Нереестровые казаки представляли большую угрозу для Речи Посполитой, так как хорошо владели оружием и были склонны к военному делу.

Политические идеалы верхушки реестрового казачества и рядовых казаков, реестровых и тем более нереестровых, были в корне различны. Если первые не испытывали особой вражды к феодальному строю, который обеспечивал их привилегии, то вторые были

его непримиримыми врагами, ведь он нес им нужду, притеснения и гибель.

Идеология казацких низов, как и крестьян, звала их к борьбе, освобождению от сложившихся условий. Именно здесь, в среде крестьян и казацкой бедноты, всегда жила мысль о воссоединении украинского народа с русскими братьями.

Эти идеалы исповедовала и третья, враждебная Речи Посполитой, сила — городская беднота и часть городской верхушки, украинские мещане. В 700 украинских городах жило более миллиона человек. Это были мастера-ремесленники, члены городского магистрата — бурмистры, радцы^[14], лавники (присяжные), цеховые мастера и их подмастерья, челядь, ученики, объединенные в ремесленные цехи — кузнецов, пекарей, сапожников, винокуров, мясников, портных, скорняков, плотников, каменщиков, оружейников, ювелиров, шорников, горшечников, седельников, ткачей, пивоваров и других. Но ремеслом занималось и много нецеховых мастеров, которых называли «партачами».

Кожевники выделывали различные кожи — козлиные, бараньи, воловьи, яловые, лошадиные. Сапожники шили из них обувь. Скорняки делали шубы, крытые сукном, «черкесские» с воротниками и петлицами, подбивали мехом сукно ферязи^[15], шапки, полувенгерки, плащи. Портные шили из сукна и шелка делии^[16], доломаны^[17], жупаны^[18], летники, полувенгерки; платье для духовенства, православного и католического, бар, слуг; шили пояса, колпаки, шапочки. Пекари готовили хлеб — белый, пеклеванный, ситный, разовый. Все это делалось в основном для шляхты и духовенства, а также на вывоз за границу. Любила богато одеваться и казацкая старшина. Бедняку-крестьянину, который с раннего утра и до ночи

не разгибал спины на панских работах, да казаку-нетяге^[19] такие одежды были не по карману. Им для работы годились простая свитка да полотняные штаны с постолами.

Украинские мещане подвергались гнету со стороны феодалов. Кроме того, они испытывали притеснения — национальные и религиозные (православные, например, не имели права участвовать в выборных органах городского управления). И они боролись. Объединялись вокруг своих церквей, создавали братства, целью которых было оказание «в экстренной нужде» помощи друг другу. Братства открывали школы, стремились сохранить культуру своего народа.

Возвратясь из очередного турецкого похода выборным атаманом, Хмельницкий застал восстание нереестровых казаков. На Украину двинулось войско во главе с коронным гетманом Конецпольским, которое должно было ударить по казакам и разгромить их.

В 1625 году тридцатитысячное польское войско пришло на Киевщину. Опустошая и грабя города и села, оно приблизилось к Каневу. Казацкий гарнизон и три тысячи человек под селом Мошнами дал бой карателям и отошел к Черкассам, где соединился с двухтысячным отрядом местных казаков и направился к устью реки Цибульник; сюда стягивались и другие казацкие отряды. 15 октября 1625 года состоялся жестокий бой двадцатитысячной казацкой армии с польской. Повстанцы причинили шляхетскому войску значительный урон, но вынуждены были отступить перед превосходящими силами врага.

После этого казаки, объединившись в октябре 1625 года в урочище Медвежьи Лозы за Куруковым озером (недалеко от Кременчуга), под предводительством запорожского гетмана Марка Жмайло, вновь сразились с королевскими войсками, которые понесли большие

потери убитыми и ранеными. Богдан Хмельницкий знал Жмайло. Знал его открытую ненависть к польской и украинской шляхте, за что не любили его атаманы реестрового казачества, и боялся, что они не дадут гетману довести восстание до конца. Так и произошло. После того как попытка королевского войска разгромить казаков на Куруковом озере не увенчалась успехом, Конецпольский был вынужден начать переговоры. Тогда и показала себя реестровая старшина. Став на путь предательства, она сбросила Жмайло и избрала гетманом приверженца поляков Михаила Дорошенко, который сразу же подписал с поляками мир. Узнав об условиях мира, Хмельницкий лишь горько усмехнулся.

— Что ж, захотели наши паны получить королевские привилегии [\[20\]](#) и сравняться с польской шляхтой.

Действительно, Куруковский мир был заключен вовсе не для того, чтобы улучшить положение простого народа и нереестрового казачества. Все исключенные из реестра (около 40 тысяч повстанцев) должны были возвратиться под власть панов. В Запорожье вводился гарнизон в тысячу человек для борьбы с нереестровым казачеством. Хорошо, что хотя бы всем участникам восстания была объявлена амнистия.

Зато реестровое казачество увеличивалось до 6 тысяч человек. Ему устанавливалась ежегодная плата в 60 тысяч злотых, кроме добавочной оплаты старшине. Сохранялось право избирать старшину, которого утверждал король или коронный гетман от имени короля.

Сразу же после перемирия Дорошенко и польские комиссары начали ездить по казацким городам, составляя новый реестр. Дорошенко лично проводил запись, включая в реестр самых зажиточных казаков,

обладавших имуществом, необходимым для отбывания воинской службы.

Все те, кто не был записан в реестр, оставались крепостными. Вместе с неимущими крестьянами к ним относились бедные казаки: хорошие вояки, они были негодными старшине, так как считали наибольшей бедой для Украины хозяйничанье шляхты и магнатов. Недостойные стать реестровыми составляли основную массу казаков. И свои надежды они возлагали на Запорожье и Москву.

Реестр составили в срок и торжественно передали назначенным Конецпольским комиссарам в Киеве. Тогда же учредили и шесть реестровых полков — Киевский, Переяславский, Белоцерковский, Корсунский, Каневский и Черкасский. В каждом городе, именем которого назывался полк, создавалось управление. Здесь проживала старшина во главе с полковником. Полк делился на сотни, которыми командовала сотенная старшина.

В Чигиринскую сотню Черкасского полка и был записан Богдан Хмельницкий. Ему, тридцатилетнему казаку, знающему грамоту и прошедшему уже нелегкий путь неволи и военных тревог, было хорошо известно, что делалось на Украине. И с очень многим он не мог примириться. Например, с тем, что весной 1626 года сформированный по приказу Конецпольского отряд реестровых двинулся на Запорожье усмирять непокорных казаков и установить там «польские» порядки. И как же Богдан был рад, когда узнал, что низовые ^[21] казаки дали решительный бой Дорошенко.

Отступив на остров Хортица, гетман оставил там гарнизон в тысячу реестровцев под началом полковника Ивана Кулаги, а сам с остальными казаками вернулся восвояси.

Но паны не унимались. Насаждая католицизм, стараясь сломить непокорных, не останавливались перед самыми кровавыми мерами. Львовский летописец писал, что жолнеры на Украине «убийства и кривды несносные чинили, людей без всякой причины убивали».

Издевательства шляхты затронули даже реестровых казаков. В 1627 году они подали прошение в сейм, где жаловались, что местные паны забирают у них добро, избивают и мучают казаков.

Хмельницкий пока продолжал нести обязанности по службе в полку. Часто бывал на казацком низовье, ходил в походы. С подчиненными ему отрядами реестровых казаков по приказу короля принимал участие в его походах. В одном из них он особенно отличился, взяв в плен видных военачальников.

Из летописи Григория Грабянки: «...по выкупе, ходячи в походы (Хмельницкий. — В.З.), Орду бивал и языков до короля приводил, а в году 1629 двоих Кантемиров живыми к королю привел (от которых король много о тайных замыслах турецких на ляхов известился), из-за чего имел у короля милость великую, ибо был от природы разумен и в науке языка латинского беглый...»

1629 год был нелегким для Речи Посполитой. Долгая война, которую она вела со шведами, закончилась, наконец, в сентябре этого года перемирием, заключенным на шесть лет в Альтмарке. По его условиям шведы удерживали в своих руках Ливонию и Эльблонг, а также все порты Восточной Пруссии. Им удалось в это время фактически подчинить своей власти все принадлежащее Речи Посполитой или зависимое от нее балтийское побережье и полностью поставить под свой контроль всю ее морскую торговлю. Даже Гданьск, с которым шведы заключили особую конвенцию, должен был отдавать им львиную долю своих таможенных сборов.

Тревожным было положение и на южных рубежах: оставалась угроза новой турецкой агрессии. Когда и откуда ее ожидать?

Король принял меры для укрепления польского государства, а Хмельницкий получил высшее благословение, которое поднимало его авторитет среди шляхты и казачества.

В это же время он женился. Женой стала сестра его старого друга Якима Сомка Анна.

Началась счастливая семейная жизнь, но продолжалась она недолго. В стране начинались события, которые потребовали от Богдана его участия.

Крепость Кодак

Солнце уже садилось за темную стену густого леса, покрывшего долины и холмы Холодного Яра. Хмельницкий смотрел, как его ярко-желтый круг опускался в лесную непроницаемую глушь, как будто бы она поглощала его.

«Вот так и людей поглощает этот Холодный Яр, — думал он. — С незапамятных времен прячется в нем окрестный люд от татарских набегов, а сейчас находит приют от шляхетских разбоев. Будет он надежным защитником и для нас».

Хмельницкий стоял около дома, и мысли эти как-то особенно волновали его. Только что он узнал о новых событиях в Запорожье и решил, что дальше так жить не сможет. Не сможет смотреть на то, что творит с его народом польская шляхта, как все более притесняются не только крестьяне, но и рядовое казачество и даже реестровики.

Люди идут к нему, ищут защиты. Земли Субботов а заселены до предела. Разоренные крестьяне, выписчики^[22], чтобы поселиться на его землях, готовы на даровую работу. Только бы не прогонял. Из-за этого чигиринская и черкасская старшина на него волком смотрит. Считают, что он людей к себе переманивает, да и польские шляхтичи недовольны.

Из летописи Григория Грабянки: «...Ляхи великие тяжести людям украинским и казакам налагаху, насилия и обиды церквам божьим творяху, отъемлюще нуждою от благочестивых имения и самых смерти предаяху, от чести и власти изгоняху, суду не даяху, казаков всячески озлобяху, от всякого бидла и пчел десятое взимаху. Имет ли кто зверя — кожу дай пану, имет ли рыбу — дай урочную дань оттуда на пана; от

военных корыстей татарских конь или оружие в казака будет — дай хлопе на пана...»

Униженные и ограбленные панами крестьяне, мещане и казаки покидали родные места в поисках лучшей доли. Одни из них бежали на Запорожье. Другие часто целыми семьями находили приют в России. Там им давали землю, предоставляли возможность заниматься ремеслами.

Солнце зашло, и из-за леса высвечивалось лишь слабое зарево. Скоро и оно погасло. Хмельницкий выбил трубку и возвратился в дом. Но и там не покидали его тревожные мысли. Он видел, что в вопросе о реестре в самом польском руководстве не было единства. В то время как король и его приближенные пытались в своих интересах, смотря по обстоятельствам, увеличить численность реестра, польские и украинские магнаты, старшины стремились его сократить, боясь, что казаки станут королевской опорой против них, и желая превратить реестровцев в своих крепостных. В этих условиях он, Богдан, должен поддерживать короля в его действиях против магнатов, мечтающих ограничить королевскую власть. А поддержка короля даст ему возможность выступить против шляхты, бороться за улучшение положения народа. В этом пока единственный выход. Сразу против короля и магнатов сейчас выступать нельзя. Маловато сил, ничего еще не подготовлено. К тому же на Украину снова нахлынуло войско во главе с Конецпольским.

В 1628 году в походе на Крым умер гетман реестровцев Михаил Дорошенко. На его место реестровая старшина спешно выдвинула представителя богатого казачества Грицка Черного. Польское правительство сразу же его утвердило. А Черный в угоду ему с первого же дня начал жестоко подавлять всякое проявление недовольства народных масс. Возмущенные запорожцы, а с ними и часть реестровых

казаков объявили Черного низложенным и провозгласили гетманом Левка Ивановича. Но и он был вскоре низложен за свою нерешительность и уступчивость. Хмельницкого несказанно обрадовала весть, что после Левка Ивановича гетманом был избран его друг, энергичный и талантливый запорожский предводитель, пользовавшийся уважением казачества, Тарас Федорович (Трясило). Но Черный не желал уступать. Он обещал все простить, если казаки выйдут к нему с артиллерией с Запорожья, обещал многих вернуть в реестр. Как поведет себя Тарас, что дальше будет делать? Этот вопрос не давал покоя Хмельницкому.

Богдан уже было собрался на Запорожье, но передумал. Запорожцы сами идут сюда. Здесь он будет им нужнее. Так и вышло. Вскоре у него состоялась встреча с Тарасом Федоровичем. И наверное, не могли они не вспомнить о своих морских походах, о казацкой удали, о погибших друзьях. Но главная тема — начавшаяся война, то, как перехитрили они поляков и Конецпольского.

После избрания Тараса Федоровича запорожцам надо было поспешать с выходом из Сечи. Иначе им могли преградить путь к Переяславу, Умани, Черкассам раньше, чем они соединились бы с восставшими казаками и крестьянами. И когда Черный предложил им выйти к нему, они обещали бывшему гетману быть послушными и доставить ему пушки. Под этим предлогом они и двинулись в поход.

Черный выехал навстречу с верными казаками. Но высланный Тарасом передовой отряд запорожцев в марте 1630 года напал на них. Низложенный гетман был казнен за предательство.

Тарас двинулся дальше. Его войско, с каждым днем пополняясь повстанцами, выросло вскоре до нескольких десятков тысяч. Он овладел Черкассами. Вероятно, не

без совета и прямого участия Хмельницкого были подготовлены и изданы универсалы Тараса Федоровича к пароду, в которых он призывал объединиться с запорожским войском для защиты веры, обещая казацкие вольности.

Коронное войско вместе с присоединившимися к нему тремя тысячами казаков собралось в Корсуне.

Тарас обратился к коронному гетману с требованием, чтобы он отошел за Белую Церковь и выдал ему реестровых казаков. Эти требования не были исполнены, и запорожцы двинулись на Корсунь, жители которого восстали и перешли на их сторону. Сражение 4 апреля 1630 года окончилось поражением польской шляхты, часть которой сумела уйти в город Бар (неподалеку от Винницы).

Своим опорным пунктом Тарас Федорович избрал Переяслав. Вместе с Хмельницким обдумывали, как укрепить город на случай нападения. Они знали, что Конецпольский не уймется. Действительно, вскоре на подавление восстания из Бара выступило огромное польское войско во главе с Конецпольским. В мае оно переправилось через Днепр и начало жестокие бои под Переяславом, которые длились более трех недель и окончились в начале июня победой восставших. Стремясь избежать предательства со стороны старшинской верхушки, Федорович с отрядом в 10 тысяч казаков вернулся на Запорожье. После его ухода 8 июня 1630 года между Конецпольским и оставшейся казацкой старшиной было заключено Переяславское соглашение. Реестр был увеличен с шести до восьми тысяч человек, в него была включена часть зажиточных казаков-выписчиков.

Недолго пробыл и избранный новым гетманом Орендаренко. Летом 1631 года недовольное его неспособностью расправиться с народными массами польское правительство назначает гетманом Ивана

Кулагу-Петражицкого. Король Сигизмунд III утвердил его назначение своим универсалом от 22 сентября 1631 года. Но и этот ставленник верхушки реестровцев продержался недолго.

Действия Кулаги вызвали возмущение Хмельницкого и других представителей казачества, как реестрового, так и низового, а также крестьян и мещан. Весной 1632 года он с четырьмя тысячами реестровцев по приказу короля двинулся на Запорожье. Им удалось занять Хортицу, сжечь часть казацких чаек и, оставив на Запорожье полторы тысячи реестровых казаков, вернуться в Канев, где находилась гетманская канцелярия.

За свои предательские дела Кулага удостоился похвалы короля, но вскоре казаки снова построили свои чайки и начали готовиться в морской поход на Турцию. Когда об этом сообщили Кулаге, он поклялся окончательно уничтожить Сечь.

В это время его реестровцы вблизи Киева задержали русских послов, которые с царской грамотой направлялись на Запорожье к Тарасу Федоровичу. Назревала новая война России с Польшей, и царское правительство хотело обеспечить себе помощь запорожцев.

Кулага арестовал послов, а письмо зачитал на раде^[23], надеясь этим настроить казаков против царя. Но большинство присутствующих на раде казаков, крестьян и мещан осудило Кулагу. Путивльские воеводы писали в Посольский приказ со слов очевидца, что «мелкие-де люди черкасы^[24] говорили все, что здесь-де им, черкасам и хрестьянской вере, от поляков утеснение», заявляли, что хотят служить «государю», и потребовали отпустить послов. Кулага не согласился. На этом и разошлись. Кулага тут же отправил послов и

царское письмо Конецпольскому. Русский посол был убит. Это вызвало гнев простого народа.

В 1632 году умер Сигизмунд III. В сентябре в традиционном месте на Масловом Ставу близ Канева собралась рада в связи с требованием гетмана Конецпольского о выступлении реестровых казаков против татар. На раде Кулага, который старался во всея угодить магнатам, до того досадил казакам, что они здесь же лишили его гетманства. Казаки не простили ему предательства, и вскоре он был убит в Каневе.

В это время у Хмельницкого и его жены Анны родился первенец Тимофей. Съехались по этому поводу друзья, и веселье было немалое, и речи не краткие. Малыш с первых же дней показал себя резвым и своевольным. В отца. И в крестные пришелся ему человек достойный и всеми уважаемый, отважный воин, в будущем чигиринский реестровый полковник Михайло Кричевский.

А после отшумевшего веселья Богдану Хмельницкому выпало писать письмо депутатам сейма «от Запорожского войска и всего русского народа». Такая честь была ему оказана не только за заслуги перед казачеством, проявленные как в морских походах, так и в боях за родную землю, но и потому, что он был грамотным и образованным человеком, сведущим в делах державных и лично знакомым с одним из претендентов на польскую корону — Владиславом. Богдан лучше, нежели другой, мог описать требования казаков.

По польскому обычаю, после смерти короля должны были состояться два сейма — конвокационный^[25], на котором делался обзор прошедшего правления, излагались мнения о его дальнейшем улучшении при новом короле, рассматривались различные

предложения, и элекционный^[26], для избрания будущего короля.

Присутствие на этих сеймах было делом весьма важным, так как принятые на них решения сейма приобретали силу закона. От казаков на открывшийся конвокационный сейм явились послы Лаврентий Пашковский, Герасим Козка, Дорош Кузкевич и Федор Пух и подали примасу^[27] Яну Венжику написанное Хмельницким письмо, в котором изъяслялось соблезнование по поводу кончины короля и высказывалось пожелание, чтобы польским королем стал королевич Владислав. Вторым претендентом был Казимир — рьяный католик и гонитель православия. В письме этом казаки писали, что под правлением короля Владислава они надеются «возвращения и умножения нарушенных наших прав и вольностей». «...Довольно известно, — говорилось в письме, — и до всех народов дошли слухи о том, что в царствование покойного короля терпели большие несправедливости, неслыханные оскорбления и находились в великом огорчении от того, что униаты заступают наши права и вольности, пользуясь покровительством некоторых знатных особ, причиняют много утеснений нам, казакам, и всему русскому народу...»

Далее выражалась просьба, чтобы все эти своеволия были уничтожены уже сейчас, до коронации будущего государя, «а мы, верный и доброжелательный отечеству народ, будем успокоены и удовлетворены... Если же, сохрани боже, случилось бы иначе, то мы принуждены будем искать других мер удовлетворения, а мы того не желаем».

Эта неприкрытая угроза вызвала бурю гнева делегатов сейма.

— Как так, какие-то казаки осмеливаются указывать шляхте, кого избирать в короли?! Да еще требуют

уничтожить на Украине католицизм! Это уж совсем нахальство! А о какой это несправедливости они говорят? Казаки — подданные Речи Посполитой и должны знать свое место!

Особую ярость вызвала инструкция казацкой рады своим послам домогаться допуска казаков к избранию нового короля. Шляхтичи считали, что в выборах могут принимать участие лишь они, и просьбу казаков встретили как покушение на свои привилегии.

17 июля примас Ян Венжик снова принял казацких послов.

— Желание ваше пользоваться шляхетным правом избрания короля — неуместно, — вежливо и снисходительно улыбаясь, медленно проговорил он. — Вы должны не избирать короля, это право других, а повиноваться тому королю, которого изберет шляхта, да не подавать повода из-за своих походов в Черном море к разрыву с турецким императором и Крымом.

Высказав это, он вручил письмо за подписями своей и посольского маршала Криштофа Радзивилла, в котором и содержался этот ответ на просьбы казаков. Так ни с чем они и вернулись.

Их встретило негодование всего войска, а послов, которые не сумели выполнить поручение, чуть было не казнили. Решили отправить в Варшаву новое посольство. Но и оно ничего не добилось. Предвидя это, казаки послали письмо лично будущему королю. С ним и поехал Хмельницкий. В письме они изъявили уверенность, что именно Владислав станет их государем, и просили быть в дальнейшем благосклонным и милостивым к казакам, услуги которых он уже имел возможность оценить. «Если же, — говорилось в письме, — сохрани бог, кто-нибудь будет препятствовать Вашему величеству получить престол отца Вашего, то мы обязываемся жертвовать своим достоянием и жизнью за Ваше величество».

Владислав понимал, какое значение могут иметь казаки в расстановке сил в королевстве, и выражал им свое доброе отношение, но выполнение их требований отложил «до будущего времени».

Признание прав казацтва осложнялось и тем обстоятельством, что после восшествия Владислава IV на престол началась война с Русским государством. В Россию двинулось войско во главе с новым королем на помощь польскому гарнизону, осажденному русскими войсками в Смоленске. Русские войска оказались зажатыми между крепостью и силами Владислава и в феврале 1634 года вынуждены были капитулировать. Смоленская кампания завершилась миром, подписанным в июне 1634 года на реке Поляновке под Вязьмой. Однако Поляновский мир не решил накопившихся вопросов. Причиной конфликта был, как и прежде, Смоленск, который оставался за Польшей. Поляновский мир, или «вечное dokonчание», не давал Владиславу возможности решить внутренние вопросы, связанные с укреплением королевской власти. Он искал опору против магнатского своеволия и поэтому, заигрывал с казаками. Калиновские, Потоцкие, Конецпольские и другие «кролевята» видели это и стремились еще больше закабалить народ, не щадя и казачества.

У простого люда и разоренных казаков был один выход — пробираться на Запорожье. На пути беглецов шляхта решила воздвигнуть непреодолимую преграду.

В 1630 году на службу к королю был приглашен известный французский инженер-фортификатор Гийом Левассер де Боплан. Уроженец Нормандии, потомок викингов, он отличался не только знаниями в военном строительстве, но и любознательностью. Вернувшись во Францию, Боплан издал в 1650 году «Описание Украины, или же областей королевства Польского, размещенных между границей Московии и

Трансильванії», которое впервые познакомило Европу с Украиной, ее историей, жизнью народа, борьбой, которую он вел против господства польской шляхты. Боплану было поручено строительство военных укреплений на юге Украины. Одним из наиболее неприступных была крепость Кодак, воздвигнутая в июне 1635 года на правом берегу Днепра против Кодакского порога.

Крепость действительно имела устрашающий вид. Окруженная с суши стеной длиной 1800 м и глубоким рвом, имевшая пушки и охраняемая гарнизоном из двухсот немцев-драгун во главе с французским капитаном Жоржем Марианом, она представляла собой на то время значительную военную силу.

Не хотіли пани-ляхи
Попустити ї трохи,
Щоб їздили в Січ бурлаки
Тай через пороги, —
Спорудили над Кодаком
Город-кріпосницю
Щей прислали в Кодак військо,
Чужу-чужаницю.
Іде бурлак чи комишник
Порогом — водою,
Його лове чуже військо
Й оддає в неволю.
Зажурились запорожці,
Що нема їм волі
Ні на Дніпрі,
Ні на Росі,
Ні в чистому полі...

Хмельницкому был чем-то симпатичен Боплан, не расстававшийся со шпагой и большой лупой с золотой

ручкой, чародей математики и геометрии. Инженер был гугенотом, и свободомыслие способствовало тому, что у него было много друзей как среди польской шляхты, так и среди казачьей старшины. Хмельницкий тоже понравился ему с первой встречи, хотя и настораживала его какая-то внутренняя сила этого казацкого вожака, с которым считалось панство и отмечал сам король. Суровое, хмурое лицо, украшенное густыми спадающими усами было словно высечено из камня. Карие недоверчивые глаза под густыми бровями при разговоре впивались в собеседника, словно хотели видеть его насквозь. Боплан замечал, как иногда эти глаза заволакивались тайной грустью. В такие минуты ему становилось жаль Хмельницкого. Однако он понимал: стоит тому заметить эту жалость, и их дружбе конец.

Боплан знал, что нужен Хмельницкому, нужны его знания в военном деле, опыт фортификации, и старался передать их ему во время долгих бесед в Чпгприне или в Субботове.

Затея с Кодакской крепостью с самого начала насторожила Хмельницкого, и он старался отговорить от нее Боплана. Но тот, заключив договор с правительством, получив наперед немалые деньги, не мог отказаться от строительства.

Однако в августе 1635 года, собрав за порогами войско, гетман нереестрового казачества Иван Сулима, подойдя темным вечером к Кодакской крепости, захватил ее и разрушил.

Обізвався серед Січі
Курінний Сулима:
«Гей, давайте, хлопці, зварим
Вражим ляхам пива!»
Обізвався Павлюк-хорунжий:
«Допомоги дати!»

«Щоб ту людськую препону (то есть Кодак. — В.З.).

Нащепт зруйпувати!»

В битве с казаками погибли комендант Кодакской крепости капитан Мариан и весь гарнизон. Боплана же, привязав к столбу, собирались сжечь, но передумали, уважив просьбу Хмельницкого. Потом, когда Боплан уже уедет во Францию и на полученные деньги отстроит свой родовой замок, в котором создаст «Описание Украины»..., он всегда будет помнить об этом случае и считать его своим вторым рождением.

Среди польской шляхты поднялась тревога. В это время вместо Конецпольского, который с коронным войском находился на шведской границе, на Украине за старшего был поставлен украинский магнат, ярый сторонник шляхетской Польши, киевский каштелян^[28] и брацлавский воевода, сенатор Адам Кисель. Он уже не раз предавал интересы украинского народа. Предал и на этот раз. Подкупом и обещаниями ему удалось добиться, что реестровая старшина двинула войско к Кодаку на восставших. Хмельницкий сумел предупредить об этом Сулиму. Оценив обстановку, Сулима послал за помощью на Дон к бывшему гетману Тарасу Федоровичу и донским казакам, чтобы «Тараско с товарищами шли к нему в сход», а сам старался уклониться от битвы, поднимая все новых и новых людей. Однако реестровая старшина схватила Сулиму и пятерых других предводителей и передала королевскому правительству. После жестоких издевательств они были казнены. Лишь одному удалось избежать смерти — соратнику Сулимы Павлюку, возглавившему позднее под именем Павла Бута крестьянско-казацкое восстание. Казакам,

разрушившим Кодак, отрезали уши и отправили в Гадяч строить крепостные валы.

Богдан Хмельницкий, чтобы не испытывать судьбу, подался на казацкое низовье. В это время туда же возвратился и Павлюк, где застал посланца крымского хана Ислам-Гирея. Стремясь избавиться от турецкой зависимости, тот вел борьбу против ее ставленника хана Кантемира и просил у казаков помощи. Согласившись, Павлюк начал готовиться к походу, в котором собирался принять участие и Богдан Хмельницкий.

Писарь восставшего казачества

В наиболее тяжелое для запорожского казачества время Богдан-Зиновий Хмельницкий был избран на важную и ответственную должность писаря Запорожского Войска, а это говорило уже об особом доверии к нему казаков. Писарь осуществлял учет войска, вел всю канцелярию, оформлял документы, выполнял важные дипломатические поручения при переговорах, выступая при этом как представитель Запорожского Войска.

В отличие от большей части казацкой верхушки, почти всегда стоявшей на стороне польской шляхты, Богдан Хмельницкий с самого начала стал на сторону масс. Особенно это проявилось в 1637 году, когда Чигирин оказался центром нового крестьянско-казацкого восстания.

Тогда же он написал письмо королю, в котором изложил свою боль о народе, о преступлениях, чинимых шляхтой на Украине. Он писал, что казаки не раз старались решить дело миром. «Но ничего это нам не помогло, — писал Хмельницкий, — при сухом дереве и мокрому досталось, — или виноват, или не виноват, мечом и огнем все равно уничтожено, что, сколько на свете жили, и на чужих сторонах не видели такого пролития крови бусурманской, как теперь нашей христианской, и уничтожения невинных детей. Самому богу жаль, наверное, этого, и не знать, сколько этот плач невинных душ будет длиться! Кто и живой остался, не жить ему, такие побитые, оголенные, — другой не имеет, чем грешное тело прикрыть...»

...Восстание началось в мае. Нереестровое казачество Запорожья избрало тогда своим гетманом друга казненного в Варшаве Сулимы Павлюка (Павла

Бута). Отсюда, из Запорожья, Павлюк обратился к украинскому народу с универсалом, в котором призывал всех идти к нему и вступать в казачье войско, а папам грозил жестокой расправой.

Подняв нереестровых казаков, Павлюк двинулся из Запорожья на Переяслав, где находилась и главная квартира реестрового казачества, и гетман реестровых казаков Василий Томиленко. Павлюк потребовал уступить ему гетманство. Томиленко вначале согласился, но против Павлюка выступила реестровая верхушка. Тогда она низложила нерешительного Томиленко, упрекая в потворстве Павлюку, и избрала гетманом переяславского полковника Савву Кононовича.

В июле 1637 года восставшие во главе с Павлюком уже вступили в Боровицу, почти все жители которой присоединились к ним. А 2 августа 1637 года двухтысячный отряд во главе с соратниками Павлюка нереестровыми полковниками Карпом Скиданом и Семеном Биховцем напал на главную квартиру реестрового казачества Переяслав и, захватив Савву Кононовича, войскового писаря Федора Онушкевича и многих других старшин, вернулся в Чигирин. Здесь и состоялась казацкая рада. Суровым был ее приговор. Кононович, Онушкевич и старшины, которые шли за поляками, были преданы смерти.

Войсковой писарь Богдан Хмельницкий во всем поддерживает Павлюка, и прежде всего в его намерении соединиться с донскими казаками и признать власть московского царя. Вместе с Павлюком составляет и рассылает по всей Украине универсалы, призывая бороться за свой край, за православную веру, за права, за поруганных жен и детей.

Восстание все более разгоралось.

Против повстанцев собиралось большое польско-шляхетское войско во главе с польским гетманом

Николаем Потоцким.

Коронный гетман Станислав Конецпольский в изданном 24 августа 1637 года универсале требовал, чтобы урядники, старосты и прочие государственные чиновники на Украине «тех, которые присоединились уже к своевольной массе народа и в течение двух недель не покаялись и не возвратились оттуда, не считали казаками и, лишив их всех вольностей, предоставленных реестровым казакам, исполняющим свои обязанности, старались арестовать... Если бы ваши милости не могли задержать их, то вы должны карать их жен и детей и дома их уничтожать, ибо лучше, чтобы на тех местах росла крапива, нежели размножались изменники его королевской милости Речи Посполитой».

В соответствии с этим документом и действовало войско Потоцкого, сжигая, разрушая и уничтожая все на своем пути.

6 декабря 1637 года войска сошлись под Кумейками около города Мошны. Несмотря на невиданную храбрость повстанцев, бой сложился не в их пользу. Двинулись на позиции польско-шляхетских войск, около вражеского лагеря они попали в непроходимое болото. С трудом выбрались, и тут на них внезапно налетела польская конница. По старой казацкой тактике, повстанцы начали быстро строить укрепленный лагерь, окружая себя в шесть рядов возами. Но под напором польской конницы сделать им это не удалось. Ее наскоки, поддерживаемые вражеской пехотой и артиллерией, повстанцы отбивали трижды. Одному из польских отрядов все же удалось пробиться в повстанческий лагерь и поджечь возы с сеном и порохом. Это и решило исход боя.

Лишь ночь спасла повстанцев от полного разгрома. Собрав оставшиеся силы, Павлюк и Скидан отступили в сторону Чигирина, где надеялись собрать подкрепление. Часть повстанцев под руководством

талантливого вожака Дмитрия Гуни осталась в лагере прикрывать отход основных сил. Завязался новый бой с поляками, который продолжался до поздней ночи. Наутро Гуня сумел вывести повстанцев из окружения и отойти к Боровице за Черкассами, где и соединился с Павлюком.

18 декабря 1637 года жолнеры также подошли к Боровице и начали ее осаду. Узнав, что в Боровице находится Павлюк, сюда с основными силами польско-шляхетского войска направился сам гетман Потоцкий. День и ночь польская артиллерия вела обстрел города. Подоженный, он весь был в огне, не хватало еды. Но окруженные продолжали оказывать упорное сопротивление. Тогда Потоцкий предложил переговоры, прислав в казацкий лагерь универсал. Письмо казацкой реестровой старшине прислал и Кисель.

Первым эти послания прочел Богдан Хмельницкий. Особенно его возмутило послание Киселя, предлагавшего повстанческой старшине сдаться на милость Потоцкому, обещая им помилование. Многие из старшины были товарищами Киселя, и Хмельницкий был уверен, что, прочитав это письмо, они согласятся на сдачу. «Как спасти Павлюка?» — думал Богдан.

Однако сделать это уже было невозможно.

Прочитав оба послания, реестровые согласились на сдачу и начали обвинять во всех грехах Павлюка, предлагая выдать его полякам и тем загладить свою вину.

Против этого решения выступили Хмельницкий и Гуня, но на них уже никто не обращал внимания.

В тот же день в лагерь повстанцев прибыли Кисель, которого послал вместо себя Потоцкий, и польские комиссары. Старшине и казакам было приказано явиться на раду, и в присутствии всех казацкая старшина по приказу комиссаров положила перед ними знаки казацкой власти: бунчук, булаву, печать Войска

Запорожского. Хмельницкому пришлось сделать то же. Он переживал о случившемся, но пока ничего не мог сделать. Решил сразу — еще не пришел его час, а поэтому надо терпеть и постараться не показывать своей ненависти к польским комиссарам.

Хитрость удалась — Богдан Хмельницкий остался войсковым писарем, а новым старшим реестра был назначен Ильяш Караимович, который, «не участвуя в бунтах, верно оставался при коронном войске». Это был маневр Потоцкого и Киселя: они хотели показать, что придерживаются условий капитуляции и ценят старшину, дабы другие не боялись сдаваться и знали, что их также помилуют. Так и получилось. Когда велено было всем повстанцам присягнуть на верность королю, старшина показала пример. «Раскаяние» было засвидетельствовано письмом казаков коронному гетману Конецпольскому. Его подписал и Богдан Хмельницкий: «Писано в полной раде под Боровицею, в канун Рождества Христова, року божьего 1637, Богдан Хмельницкий именем всего войска его королевской милости запорожского как войскового писарь при печати рукою власною».

А восстание продолжало разгораться.

Настал 1638 год. В феврале в Варшаве собрался сейм. Шумными и крикливыми были выступления на нем сенаторов, бесчеловечными были его решения для казаков. Почти все требовали стереть их с лица земли, уничтожить до десятого колена. А когда разговор зашел о плененном Павлюке и его побратимах, то ненависть и злоба переполнили зал.

— Этот мятежный Павлюк покушался оторвать Украину от польской короны. Посадить его на кол! — кричали одни.

— Он хотел сам сделаться королем! — вопили другие. Предлагали надеть ему на голову раскаленную

железную корону, а в руки дать раскаленную железную палку вместо царского скипетра.

Когда утихли распаленные гневом страсти, король повелел отрубить Павлюку и его сообщникам головы и затем насадить их на колья. Приговор был исполнен.

Сейм утвердил документ, который в истории казачества считается одной из наиболее черных ее страниц. Это так называемая «Ординация Войска Запорожского реестрового, состоящего на службе Речи Посполитой».

«Хотя единственное наше желание в деле управления государством состоит в том, — провозглашал Владислав IV в «Ординации», — чтобы оказывать постоянно наше королевское благоволение верным нашим подданным, но казацкое своеволие оказалось столь разнузданным, что для его усмирения пришлось двинуть войска Речи Посполитой и вести с ними войну. По воле господ, владыки всех войск и ополчений, разгромив и победив казаков, отвратив от Речи Посполитой опасность, мы отнимаем на вечные времена все их древние юрисдикции, прерогативы, доходы и прочие блага, которыми они пользовались в награду за услуги, оказанные нашим предкам, и которых ныне лишаются вследствие своего бунта.

Мы постановляем, чтобы все те, которым судьба сохранила жизнь, были обращены в хлопов^[29]. Но так как многие реестровые, которых Речь Посполитая признает на своей службе только в количестве 6000, оказались покорными нам и Речи Посполитой, то мы, по воле нынешнего сейма, постановляем следующую ординацию этого войска».

Далее говорилось о том, что должность старшего, теперь не гетмана, а комиссара, впредь будет назначаться из шляхетской среды. Из шляхтичей будут назначаться также полковники и даже есаулы.

«Сотники и атаманы будут избираться из казаков за заслуги перед нами и Речью Посполитой...»

Полковники вместе с полками должны были по очереди нести сторожевую службу на Запорожье против татар и препятствовать сходкам нереестровых казаков на островах и речках, не допускать организации ими морских походов. Ни один казак под угрозой смертной казни не должен был уходить на Запорожье без паспорта, выданного комиссаром. «Мещане городов наших в силу давних прав и запретов не должны записываться в казаки, ни сами, ни их сыновья не должны даже выдавать дочерей замуж за казаков под страхом конфискации имущества. Постановляем также, чтобы казаки не селились в отдаленных украинских городах, не приобретали в них собственности, ограничились Черкассами, Чигирином, Корсунем и другими пограничными городами...»

Для подавления же казацких «бунтов» решено было при комиссаре и полковниках создать наемную гвардию с большим, чем у реестровых казаков, жалованьем, а также отстроить и укрепить крепость на Кодаке с гарнизоном в 700 человек. Нереестрового казачества «Ординация» вообще не признавала.

То был приговор казацкому сословию, приговор вольности, приговор человеческому достоинству.

Весть об этом позорном документе облетела всю Украину. Необходимо было сохранить казацкое войско от уничтожения и добиться хотя бы какого-то облегчения жестоких решений польского правительства.

В начале февраля 1638 года в Чигирине собралась реестровая казацкая старшина. Решался вопрос: что делать, как жить дальше? Боялись и гнева короля, и нового казацкого бунта. Ведь где-то там, в низовьях, Острянин, провозглашенный нереестровыми казаками своим гетманом, и Гуня, военный талант которого был

хорошо известен, снова поднимают народ. За ними пойдет все казачество, только кликни. А тут Потоцкий свирепствует.

Был на собрании и Хмельницкий. Он сидел в углу большого зала и молча курил трубку. Старые друзья Острянин и Гуня сообщили, что собирают казачество и люд посполитый для нового выступления против шляхты. Просили поддержки. Хмельницкий знал, помощи здесь не добиться. Гуня предложил Хмельницкому присоединиться к ним, но Острянин запротестовал. Для пользы дела лучше, чтобы он оставался на месте, тогда хоть им будет известно, что задумали против них старшина и ляхи.

Когда все выговорились, он встал и попросил слова, все уважительно притихли. Знали, что войсковой писарь глупости не скажет.

— Думаю, панове, что нужно послать на сейм наших послов с письмом, в котором изложить наши просьбы. Это оградит нас от своеволия Потоцкого, и, даст бог, сейм выслушает нас и оставит при нас наши привилегии и вольности.

С предложением все согласились. Тут же, не откладывая, решили послать в Варшаву Романа Половца, Иосифа Пашкевича и Данилу Пуловича, а Хмельницкому поручили составить письмо и в нем просить высокий сейм возвратить казацкой старшине прежние права.

Казацкое посольство не добилось успеха, и на все нижайшие просьбы был получен категоричный ответ: «Казаки своими последними поступками заслужили, чтоб их совершенно уничтожить, но король, по своему благоволению, оставляет им существование. Но чтоб не возникли впредь своевольства и бунты и чтоб злые люди не находили способов вовлекать их в дурные предприятия, необходимо дать Войску Запорожскому

другую «Ординацию», еще более жестокую и устрашающую».

С тем и вернулись послы на Украину, а за ними комиссары, готовые «огнем и мечом укрощать своеволие хлопов, когда только потребуется». Ротмистр Мелецкий, которого поставили комиссаром над казаками, со своим войском прибыл на Запорожье и потребовал выдачи Острянина, Скидана и других зачинщиков восстания. В ответ казаки прислали ему, как он потом сам выразился, «письмо очень неутешительного содержания». К тому же часть реестровых казаков, которая была в его войске, начала переходить к запорожцам. Вот тогда и написал Мелецкий в своем рапорте полковнику Станиславу Потоцкому (брату польского гетмана) слова, вошедшие в историю: «Казаков трудно использовать против их народа — это все равно, что волком пахать землю».

Хмельницкий с грустью смотрел, как наводняют Украину польские жолнеры, как они бесчинствуют. Всюду, куда ни поедешь, виселицы с трупами и колья с насаженными на них головами. Православные церкви подвергаются поруганию. Единственное спасение — это бегство казаков на Запорожье и в Российское государство. Спасибо московскому царю, что понял их горе.

С наступлением весны, когда очистились от льда широкие воды Днепра, с Запорожья на лодках и сухим путем выступили отряды Острянипа и Скидана.

Хмельницкий и его единомышленники, несмотря на неусыпный надзор польской стражи, пристально следили за развитием событий.

Вскоре Острянину удалось взять Кременчуг, Хорол и Омельник, а затем Голтву, где он укрепился. К нему присоединилось много крестьян и мещан.

К Голтве против Острянина двинулся Станислав Потоцкий, в войске которого были реестровые казаки во

главе с полковником Ильяшем Караимовичем. 1 мая 1638 года здесь произошла жестокая битва. Коронное войско потерпело поражение. Однако вскоре военное счастье изменило казакам. После боя у Голтвы Потоцкий отступил к Лубнам, и Острянин двинулся за ним. Бой под Лубнами сложился неудачно для Острянина, и он вынужден был отступить на Миргород и Лукомль. Во время этих походов войско пополнилось новыми людьми. Но и поляки получили подкрепление. Хмельницкий сумел сообщить Острянину, что на помощь коронному войску идут армии под командой польского гетмана Николая Потоцкого и Иеремии Вишневецкого. Иеремия, выходец из крупного украинского магнатского рода, принявший в 1631 году католичество, хвастался, что вырубит казаков под корень.

Острянин отступил из-под Лукомля вниз по Суле под Жолнин и начал укреплять лагерь. Здесь его атаковало коронное войско. Не надеясь на успешный исход битвы, Острянин с частью казаков ушел в пределы Российского государства, где с разрешения правительства они поселились в Чугуевском городке.

Оставшиеся казаки избрали гетманом Гуню. Они отошли к устью реки Сулы, где построили лагерь и укрепили его таким образом, что, как свидетельствует один из очевидцев, Симеон Окольский, «не один инженер дивился изобретательности грубого хлопа и его искусству в такого рода сооружениях».

Осада лагеря польским войском продолжалась до конца июля. Лишь когда кончился провиант и боеприпасы, восставшие вынуждены были капитулировать. Гуня с частью казаков прорвался в пределы России. Над сдавшимися в плен Потоцкий учинил кровавую расправу.

Так закончилось и это восстание, в котором Хмельницкий хотя и не принимал прямого участия, но

всеми помыслами был с ним. Отмечая это, один из польских авторов Васпасьян Коховский, пылавший злобой и презрением к Хмельницкому, записал в своих «Ежегодниках»: «Он был пособником Тараса, потом пошел следами бунтовщиков Острянина и Гуни, был участником жуткого дола, за которое сами зачинщики поплатились смертью, а он избежал заслуженного наказания».

Расправившись с восставшими, Потоцкий назначил казацкую раду в Киеве. Был на ней и Богдан Хмельницкий. На раде Потоцкий поучал казаков: «В нашем шляхетском состоянии к вольностям и прерогативам шляхетским доходит только тот, кто их кровью своей обольет и имуществом своим служит долго королю и отчизне. Так и вы подумайте, разве это справедливо, чтобы вы допускали каких-нибудь пастухов к своему состоянию и к вольностям рыцарским, которые предки наши и вы жизнью своей добывали?»

Польский гетман знал, что говорил. Ему и здесь важно было внести раскол в казацкую старшину. Он знал, что многие вышли именно из пастухов. Вот и нужно поднять урожденную украинскую шляхту над ними, приблизив к себе с помощью лести и подачек. Тогда с выскочками из простолюдинов легче будет расправиться. А дабы они почувствовали его силу, приказал сжечь все казацкие чайки, чтобы все посполитые из Запорожья вернулись к своим панам, а что до реестровых казаков, то их будет, сколько сочтут нужным королевские комиссары.

Возмущенное казачество в сентябре 1638 года посылает своих депутатов к королю. Это были Роман Половец, не раз уже ходивший послом казаков в Варшаву, Иван Боярин, Яцко Волченко и Богдан Хмельницкий. Они должны были передать очередную петицию. Ее вновь составлял Богдан. Он опять

настойчиво выдвинул ряд важнейших требований: оставить казаков при давних вольностях и землях, сохранить им военное жалованье, обеспечить вдов погибших в боях казаков, вернуть отнятые шляхтой села казацкому госпиталю в Трахтемирове.

Встретили казацких послов в Варшаве неприветливо. Король сам нуждался в помощи. Шляхта творила что хотела, никаким королевским указам не подчинялась. Это, как говорил один из польских летописцев, был ее «золотой час». От нее зависели казна и сила короля, и она использовала его в своих целях.

Король принял казацких послов в своих покоях, и едва они, передав ему петицию, начали излагать свои просьбы, как сам начал жаловаться, что двор его терпит нужду и унижения. Королевская казна пуста, ему не на что содержать войско, и он сам готов просить казаков о помощи против своеволия магнатов. А посему король не может пойти против решения сейма и отменить «Ординацию». Казакам нужно подчиниться — убеждал король послов, — а со временем все может измениться, и он, король, не забудет оказанных ими услуг.

Выслушав королевские жалобы и наставления, казацкие послы так ни с чем и вышли от него.

Не помог им ни в чем и канцлер Оссолинский, хотя казаки знали о его доброжелательном к ним отношении. И казаки с печалью вернулись обратно.

Потоцкий не стал узнавать о поездке в Варшаву. Ее итоги ему были хорошо известны, и 4 декабря он назначил новый сход казаков в традиционном месте — урочище Маслов Став. Место это он избрал с умыслом. Именно здесь казаки принимали на своих радах важнейшие решения, направленные против иноземных угнетателей, сама земля была пропитана духом свободы. Казаки должны были теперь выслушать

решение короля Речи Посполитой об уничтожении кровью завоеванных прав, выслушать приговор о вечной неволе.

Хмельницкий, тревожный и грустный, ехал к Маслову Ставу. Вновь и вновь, в который уже раз, он ставил себе вопросы. Почему так безжалостна судьба? Почему заставляет его переживать самые горькие и тяжкие для его народа времена? Ведь он уже не молод. Так зачем ему этот позор? Отчего он и сегодня вынужден пережить очередное унижение народа, который и так уже ограблен и низведен до уровня рабов? Наверное, для того, чтобы еще более ожесточилось его сердце, чтобы суровее и безжалостней стал ум и тверже рука, когда потом придет его время, решающее время для него, Богдана Хмельницкого, и для его народа.

Войско казацкое уже стояло на Масловом Ставу в полном снаряжении, с полковыми знаками и отличиями, словно готовое выступить в поход. Только вместо боевого задора на лицах у всех, от полковника до рядового, суровость и горечь. Хоругви и бунчуки наклонены к земле, словно при войсковом трауре. А перед строем гарцевал окруженный свитой польский гетман Потоцкий. Он наслаждался своей властью над этим побежденным воинством, которое не мог укротить до него ни один польский военачальник, и демонстрировал перед ним свою власть и шляхетский гонор. Вот он взмахнул рукой, и из свиты выехал вояка, в котором Хмельницкий узнал комиссара Шемберка, недавно купившего, как говорили, у короля свое комиссарство за тридцать тысяч злотых и уже сейчас стремившегося вернуть их себе, грабя казаков и арендаторов. Он развернул свиток и стал громко выкрикивать уже известную Хмельницкому «Ординацию».

«Ординация» коснулась и самого Богдана. Должность войскового писаря была ликвидирована, и он, таким образом, лишался влиятельного места в войске. Не получил он взамен никакой другой из высших должностей, доступных казакам, — ни войскового, ни полкового есаула. Потоцкий соизволил назначить его лишь одним из десяти Чигиринских сотников, и в этой должности он и будет состоять почти десять последующих лет.

Но польское руководство по оставляет его в покое и в должности сотника, часто вызывая то в Киев, то в другие города. Видимо, боялись, поэтому и вызывали, чтобы был часто на виду. В обоснованности такого опасения вскоре шляхтичей убедил один случай.

По «Ординации» сейм выделил деньги для восстановления крепости на Кодаке. И вскоре крепость была восстановлена тем же Бопланом. Теперь это было сооружение, еще более укрепленное и пушками, и валом, высота которого, как писал в своем дневнике очевидец Богуслав Казимир Машкевич, «была такова, что из-за него едва виднелся верх замковых построек». В крепости постоянно находился гарнизон в 600 человек «доброго войска». Машкевич далее писал, что «перед заходом солнца всегда били зорю и запирали ворота. После чего никого уже не пропускали ни в замок, ни из замка, хотя бы и в случае крайней необходимости; люди, находившиеся в замке, разумеется, все вооруженные мушкетами, неусыпно оставались на страже».

Ночью крепость обходила дозором стража и сам комендант. Часовые никого близко к крепости не подпускали. На расстоянии трех километров от Кодака построили сторожевую башню, «с вершины которой открывался горизонт на восемь миль вокруг».

Чтобы придать крепости как опоре польского правительства против народа еще больший вес,

губернатором ее коронный гетман назначил известного своей расторопностью шляхтича Яна Жолтовского, а комендантом — своего племянника Адама Конецпольского, вернувшегося недавно из-за границы. Крепость, по мнению знатоков военного дела, была «твердыней неприступной». Когда она была готова, осмотреть ее приехал сам коронный гетман Конецпольский.

Чтобы устрашить казаков и показать им силу крепости, на осмотр пригласили также казацкую старшину, среди которой был Богдан Хмельницкий. Конецпольский давно относился к нему с недоверием и искал только случая, чтобы разоблачить его и уничтожить.

При осмотре крепости он злорадно спросил Хмельницкого: «Ну, каков кажет вам Кодак? Угоден вам, казакам?» Тот ответил ему по-латыни: «*Manus tacta — manus destruo!*» (Что человеческими руками создается, то человеческими руками разрушается.)

В дерзком ответе Чигиринского сотника коронный гетман усмотрел намек на нечто большее и решил расправиться с ним. Предчувствуя это, Хмельницкий незаметно бежал из крепости. Конецпольский потом не раз сожалел, что упустил случай покончить со своевольным «казацким выкормышем». И даже перед смертью, призвав сына, он сказал ему, что «боится, чтобы Речь Посполитая не испытала от Хмельницкого много беды, потому что никогда еще не было среди казаков человека таких способностей и разума».

Конецпольский просил сына «найти против него какое-либо обвинение, чтобы сжить его со света».

Да, уже тогда шляхта ненавидела и боялась Хмельницкого, хотя еще и не взялся он за святое дело освобождения народа. Но, судя по всему, уже серьезно помышлял о нем.

На службе у кардинала

Когда казацкие послы были в Варшаве, французским посланником при дворе состоял граф де Брежи. К этому времени Франция, всеми государственными делами в которой ведал всесильный кардинал Ришелье, стремясь не допустить дальнейшего усиления Габсбургов, открыто вступила в Тридцатилетнюю войну. Французская армия, возглавляемая принцем Конде, прозванным современниками Великим Конде, одержала в этой войне ряд значительных побед, но обессилела и нуждалась в пополнении.

Трудно сейчас даже предположить, кому пришла идея обратить внимание французского правительства на казаков. Вероятно, не обошлось без Боплана, который не только построил крепость Кодак, но и командовал отрядами польских войск против Острянина и Гуни. В этих боях он испытал смелость и мастерство казаков и не мог не рассказать о них своему соотечественнику де Брежи. Не мог он не обратить внимания и на Богдана Хмельницкого, которого искренне уважал как смелого и разумного воина. Как раз в это время инженер Гийом Левассер де Боплан уже мог возвратиться во Францию. После смерти в 1643 году Людовика XIII королем Франции был провозглашен его пятилетний сын Людовик XIV, от имени которого был обнародован эдикт об амнистии гугенотам-эмигрантам. И Боплан наведывается во Францию, а потом и возвращается навсегда.

Магнаты щедро платили инженеру, и он еще до окончательного возвращения во Францию смог перестроить свой родовой замок в Нормандии, прикупить земли под Руаном, вступить в союз аматоров,

которые основывали новую факторию в Гоа. Эта идея понравилась Мазарини, одному из бывших помощников Ришелье, ставшему после его смерти в 1642 году кардиналом и главой правительства Франции. Он, как и Ришелье, стремился захватить новые колонии. Седой инженер не раз живописал де Брежи о подвигах казаков. Он и порекомендовал их Мазарини, и без того наслышанному о них. Воевали казаки и на стороне Габсбургов в 1620–1621 годах, пройдя с боями всю Чехию, Моравию, Венгрию, Австрию, служили в той же войне и под знаменами Густава-Адольфа, и у вице-короля обеих Сицилий и т. д. Их авторитет как отличной военной силы стоял очень высоко.

В 1644 году Франция готовилась к новым битвам, и французский посол обращает внимание нового кардинала Мазарини, что есть возможность привлечь на французскую службу запорожских казаков. Он пишет Мазарини, что это «очень смелые воины, неплохие всадники, совершенные пехотинцы, особенно они способны к защите крепостей». 21 сентября 1644 года де Брежи в своей депеше сообщает кардиналу, что у запорожцев «есть ныне очень способный полководец Хмельницкий, его здесь при дворе уважают».

Кардинал решил поддержать мечту польского короля Владислава IV о войне с Портой. Это было выгодно для его собственных политических комбинаций, в которых он делал ставку на польского короля. Вот здесь и вырисовывается фигура Хмельницкого, представлявшего силу, на которую при необходимости мог опереться не только Владислав, но и французский министр-кардинал в своих планах на Востоке. Мазарини поручил послу провести переговоры с казаками и лично с Хмельницким.

Де Брежи и Хмельницкий встретились дважды в октябре 1644 года. Хмельницкий прибыл в Варшаву в связи с королевскими планами войны с Турцией.

Стремясь к укреплению своей власти и не находя для этого опоры внутри страны, Владислав IV хотел создать себе такую опору вне Речи Посполитой. Для этого он и задумал войну с Турцией, у которой собирался отвоевать территорию и основать на ней крупные наследственные владения. Война готовилась королем без санкции сейма, который не дал бы денег на необходимое войско. Потому королю и понадобились казаки.

Богдана Хмельницкого он знал давно, еще со времен похода на Москву, с 1618 года. Потом, уже будучи королем, не раз приглашал к себе казачьего вожака для совета и разговора по душам. Вот и сейчас он призвал его к себе, чтобы посоветоваться в отношении своих планов. Хмельницкий был согласен возглавить поход казаков против турок и был уверен, что они пойдут за ним. Согласится ли на это сейм?

Канцлер Оссолинский предложил: «Если сейм их не поддержит, то казакам самим следует начать военные действия против турок. А тогда волей-неволей придется втянуться в войну и Польше».

Первый разговор Хмельницкого с французским послом состоялся в покоях короля и остался незаконченным. Де Брежи пригласил Хмельницкого домой.

Разодетый французский аристократ сидел против Хмельницкого и внимательно рассматривал его суровое лицо со спадающими казацкими усами, коренастую фигуру, в которой чувствовалась незаурядная сила, умные глаза с глубоко затаенной хитринкой и убеждался, что его друг Боплан был прав в отношении этого человека. Пылкая душа, твердый и бесстрашный характер угадывались во всем его облике. Такие люди знают, чего хотят, и, когда нужно, могут повести за собой других.

Разговор шел на латыни, в которой, к приятному удивлению посла, Хмельницкий был весьма искусен.

— Господин Хмельницкий сейчас не у дел и, очевидно, тоскует по военным баталиям? — издалека начал разговор граф де Брежи.

Хмельницкий усмехнулся и, поправив саблю, ответил:

— Казак без дела не сидит. И хотя больших баталий нет, чему мы, правда, рады, но мы живем на окраинных землях, и их приходится защищать от набегов татар.

Француз согласно наклонил голову, отчего его длинные волосы спали с плеча на широкий белый воротник. Он пригладил их выхоленной рукой, и, отбрасывая всякую дипломатию, спросил:

— Я имею поручение от кардинала Мазарини пригласить вас и ваших товарищей на службу королевству как храбрых и умелых воинов.

Казалось, предложение француза не было для Хмельницкого новостью, настолько спокойным оставалось его лицо.

— Что говорить, казаки сейчас не слишком заняты военными делами и могли бы послужить кардиналу. И я склонен принять предложение графа. Но граф, очевидно, знает, что надвигается война с турками, и мы не будем в стороне от нее. Я готов помочь графу, но подождем, что покажет время.

Де Брежи снова согласно склонил голову. Было сказано все, что нужно сказать. В тот же день вечером он сообщил о своей встрече и разговоре Мазарини: «Этими днями был в Варшаве один из старшин казацкой нации, полковник Хмельницкий, о котором я имел честь писать, вашей эминенции. Он был у меня, я имел с ним два разговора. Это человек образованный, разумный, сильный в латинском языке. Что же касается службы казаков у его величества, то если войны с турками не будет, Хмельницкий готов помочь мне в этом деле».

Возвратившись из Варшавы в Чигирин, Хмельницкий через некоторое время подался на Запорожье, где встретился со своими друзьями молодыми полковниками Иваном Сирко и Солтенко, а также с Ганжой, Чарнотой, Нечаем, Кривописом. Разговор шел о предложении французского правительства. Было ясно, что обратилось оно к казакам не от хорошей жизни и ждут их тяжелые бои. Это казаков не страшило, но если они уйдут во Францию, что будет здесь, на Украине? Татарские набеги продолжались. Польские жолнеры, размещенные в основном по городам, сейчас грабят и насилуют, а когда уйдут из родных мест казаки, и вовсе не будут знать удержу. Однако, подумав и поразмыслив, пришли к общему мнению, что стоит послать несколько отрядов казаков испытать свое военное счастье во Франции.

В марте 1645 года Богдан вместе с Сирко и Солтенко через Гданьск отправился во Францию.

Их принял не кардинал, как рассчитывал Богдан, а его советник де Гелье и секретарь патер де ля Ривера. Это обидело Хмельницкого, и он «надумал» возвращаться домой. Так же рассудили и его казацкие побратимы. Узнав об этом, де Гелье всполошился, пообещав все вскорости устроить. Казаки решили остаться, занялись осмотром Парижа, а главное, знакомством с организацией и оснащением армии. Увиденное поразило их. Что стоит запорожская голытьба, несмотря на храбрость и казацкую смекалку, против сильно вооруженного, закованного в сталь европейского войска, думал Богдан. Если удастся сговориться с французами, придется решать и вопрос о вооружении казаков. Казаки гуляли по Парижу, любовались дворцами, мостами и в то же время удивлялись грязи парижских улиц, на которые прямо из окон хозяйки выплескивали помои и выбрасывали

всякую нечисть. Стоявшую на них удушливую вонь не могли выдуть никакие ветры.

Как всегда, Богдан не мог долго жить без дела. Сразу же решил заняться любимым делом — чтением книг. Случайно нашлись: «Учебник для осады крепостей», «Инструкция для артиллерии», произведения Юлия Цезаря «Записки о галльской войне», «Записки о гражданской войне»...

После прочтения «Записок» Цезаря Хмельницкий несколько дней ходил под их впечатлением, на многое, происходящее вокруг, стал смотреть по-иному. Взоры его были устремлены на Англию, где не утихала война между королем и парламентом, в которую были втянуты все сословия английского общества. Первоначально перевес был на стороне короля. Поддерживавшие его феодалы были воинами-профессионалами, и их кавалерийские отряды состояли из дисциплинированных и опытных бойцов, в то время как на стороне парламента воевало народное ополчение, плохо организованное и вооруженное. Командиры ополчения вели войну вяло, неумело, рассчитывая на примирение с монархом.

Хмельницкого увлек образ командира повстанцев Оливера Кромвеля, который собрал отряд из крестьян, ремесленников и других представителей мелкой буржуазии, а также суровых и страстных кальвинистов. Отряд стал основой повой буржуазной армии. Хмельницкий изучал организацию армии Кромвеля, восхищался ее высокой боевой подготовкой, железной дисциплиной, а главное — полководческим искусством самого Кромвеля, который 2 июля 1644 года блестяще разгромил армию короля под городом Йорком. Хмельницкий внимательно изучил сражение. Армия короля потеряла в этой битве шесть тысяч человек да еще 25 орудий, а парламентские войска — всего полторы тысячи. Стороны действовали в линейном

боевом построении, но исход сражения решили маневры и атаки конницы Кромвеля по флангам и тылу противника. Большую роль сыграл и специально выделенный резерв. Да, тут было чему поучиться.

В один из светлых апрельских дней, когда после дождя, лучи щедрого солнца заливали Париж, их позвали к секретарю кардинала патеру де ля Ривере, который повел их к Мазарини. Эта встреча была в большей степени похожа на взаимные смотрины, чем на деловое решение вопроса. За показной любезностью и учтивостью кардинала просматривался четкий расчет: что можно получить от этих фантастических «казаков», которых так настойчиво рекомендовал ему де Брежи?

После аудиенции прямо из дворца Мазарини казаков повезли в Фонтенбло, городок к югу от Парижа, где размещалась загородная резиденция французских королей.

Был ли принят Хмельницкий и его товарищи французским королем или королевой-матерью Анной Австрийской, неизвестно, но именно здесь они встретились с командующим французской армией принцем Конде. Одержав победы при Рокруа и Фрейбурге, принц готовился к новым боям, и ему было интересно, с кем придется их вести. Конде и Хмельницкому достаточно было обменяться несколькими соображениями, и они почувствовали, что понимают друг друга, а в дальнейшем станут если не друзьями, то хорошими соратниками. (Много позже, когда в 1655 году Конде, возглавивший против короля «фронду принцев», был разбит и бежал в Нидерланды, а потом стал во главе испанской армии против своей страны, Хмельницкий в разговоре с приехавшим на Украину французским агентом с удовольствием вспоминал дни, проведенные во Франции, и расспрашивал о Конде, с гордостью называл его своим старым командиром.)

При встрече Конде осторожно пытался выпросить Хмельницкого и его друзей о тактике, боевых приемах казаков.

— Я знаю приемы боя турецких янычар, знакома мне и татарская орда, — слегка улыбаясь, говорил Конде.

Хмельницкий понял, что Конде хотел узнать, не головорезы ли казаки, как янычары, и не горлопаны ли, как татары, и что это его немало тревожит.

— Великий полководец может быть уверен, что мои собратья казаки честные и храбрые воины и не опозорят своего имени здесь, во Франции. Казаки ничего общего не имеют ни с турками, ни с татарами, — ответил с достоинством Хмельницкий. — Мы гордые люди, поэтому в битве каждый старается быть впереди, мы выше всего ценим товарищество и самым тяжким проступком считаем покинуть товарища в беде.

Ответ удовлетворил Конде.

Здесь, в Фонтенбло, 19 апреля 1645 года было наконец подписано соглашение. Французское командование брало на службу 1800 пеших и 800 конных запорожцев, обязавшись платить по 12 талеров каждому и по 120 талеров полковникам и сотникам.

Хмельницкий оговорил для казаков право сражаться самостоятельно. Изучая тактику боев французской армии, Хмельницкий понял, что она не подходит казакам, может сковывать их действия.

С этим и вернулись на Украину. На французскую службу вызвались многие, в основном казацкая голытьба, низовики. Набралось около двух с половиной тысяч добровольцев. Сформировали их в полки.

За время своего существования низовое казачество, наверное, не видело такой муштры, которой подвергали Хмельницкий и другие полковники отобранных для похода во Францию. Почти каждый день с раннего утра и до позднего вечера мелькали на плацах казацкие шаровары. И наблюдая за тем, как привыкшие к свободе

и развалистой походке казаки, неумело толкая друг друга, наступая на длинные шаровары, строились, отработывали шаг, не раз вынужден был гасить в усах усмешку.

Постепенно из разрозненной массы создавалась боевая единица, с которой можно было выступить против любого врага. Здесь слились вместе и казацкий опыт, и знания, почерпнутые из опыта других войск. К сентябрю 1645 года «охочие» казаки могли уже выступить в поход. Покрыв скорым маршем расстояние от Запорожья до Балтийского моря, в октябре они уже были в Гданьске, где ожидали французские корабли.

На небольших кораблях они отплыли в направлении к проливу Па-де-Кале, на берегу которого расположен Дюнкерк, в то время голландская крепость, в захвате которой и должны были принимать участие запорожцы.

Погрузив казаков и лошадей на корабли и поручив их Сирко и Солтенко, Хмельницкий вернулся в Варшаву. Сообщив королю и Оссолинскому об отправке казаков, он спешно отбыл во Францию. С ним шла часть казаков. Во Франции он сформировал из них казацкий корпус и, присоединившись к армии Конде, вместе с ней овладел несколькими крепостями на севере Франции. Казаки всегда были в первых рядах атакующих. После этих боев Конде считал, что казацкая пехота является одной из лучших в мире, и ставил ее в пример своим войскам. Большую храбрость проявил и сам Хмельницкий. Не раз видели его на шанцах с саблей и пистолетом в руках, руководившего своими сотнями. Конде и его генералитет прониклись еще большим уважением к казацкому полководцу и его войску.

Когда другая часть казачьего войска на корабле подошла к Дюнкерку, в котором засел пятитысячный испанский гарнизон, ночью на них напали испанские суда. Окружив их со всех сторон и направив на них пушки, испанцы предложили сдаться на милость

победителя. Среди французских моряков началась паника: испанцев было почти вдвое больше. Но на кораблях были такие знатоки морского боя, как хитрец Иван Сирко, большой мастер рукопашной Ганжа, артист абордажа Чарнота, которые в своих походах по Черному морю не раз попадали в более сложные ситуации и выходили из них победителями.

Посоветовавшись, они решили прибегнуть к военной хитрости. Сирко приказал экипажам поднять на кораблях белые флаги в знак капитуляции, а запорожцам — быть готовыми к абордажному бою. Как только испанцы подошли к французским кораблям, в бой вступили казаки. Схватки были короткими и жестокими. Вскоре испанские суда были захвачены. Среди пленных был и командир испанского флота Мардик.

Однако еще нужно было пройти в гавань. Сирко с частью казаков перешел со своего поврежденного флагманского корабля на сторожевик противника, а испанскому командиру приказал стать на командорский мостик и провести корабли по каналу.

Бритые казацкие головы с длинными оселедцами их грозные пистолы и сверкающие в лунном свете шашки, — все это так напугало испанца, что он безропотно повиновался Сирко и благополучно провел корабли мимо вооруженной пушками лоцманской башни. Казалось, удача сопутствовала казакам. Но в это время начался отлив, и два корабля с казаками полковника Солтенко в темноте сели на мель. На рассвете их ожидал расстрел из крепостных орудий Дюнкеркской крепости или позорный плен. Казалось, гибель неизбежна. Видя это, ожили пленные испанцы. И тогда Иван Сирко идет на риск. По его приказу запорожцы опорожняют имеющиеся на кораблях бочки, вяжут плоты и на них вместе с лошадьми добираются до берега. Здесь они строятся и мокрые, еще не

отошедшие от морской качки и жестокого морского боя, идут на приступ крепости.

Это было так неожиданно, что гарнизон крепости не смог подготовиться к бою. Вскоре запылало предместье.

А тем временем с суши на крепость двинулся с казацким корпусом Хмельницкий, который, на семьдесят миль опередив армию Конде, подошел к Дюнкерку. Здесь уже стояло несколько французских частей во главе с герцогом Энгиенским, который не решался сам идти на приступ. Казаки, пешие, а затем и конные, ворвались в крепость. Бой был стремительным. Когда французский командир встретил на стене крепости Хмельницкого без шлема с двумя саблями в руках и всего в крови, он сначала в отчаянии поднял к небу руки, а затем радостно воскликнул:

— На счастье, это не ваша кровь!

Хмельницкий вытер рукавом вспотевший лоб и, улыбнувшись, вдруг стремительно бросился куда-то. Герцог увидел, что он обнимается с каким-то молодым, статным казаком, тоже с саблей наголо и окровавленным. Это пробился к своему побратиму Иван Сирко. Радостной и теплой была эта встреча. Крепость, которую более пяти недель штурмовали французы, пала под ударами казацкого войска.

Жители города сквозь закрытые ставни со страхом разглядывали бегавших по улицам неведомых чубатых воинов с длиннющими свисающими усами в широких цветных шароварах с кривыми саблями в руках. Они не убивали тех, кто сдавался в плен, и обращались с ними по-рыцарски. Удивлению и радости горожан, привыкших к грабежам и насилиям победителей, не было предела.

Получив сообщение о падении крепости, королевская армия во главе с «серыми» мушкетерами спешно двинулась к городу и вскоре проходила уже по

его улицам, крича в честь запорожцев громкое «виват!». Среди приветствовавших казаков мушкетеров был и тридцатичетырехлетний Шарль дю Бас де Фезензак сьер де Кастельмор, назвавшийся по титулу матери граф д'Артаньян (его приключения описаны в книгах А. Дюма).

После того как отважный защитник крепости маркиз Лейд капитулировал и над крепостью вместо флагов со львами Кастилии поднялись штандарты с королевскими лилиями, по предложению Хмельницкого и других казацких вожakov маркизу было позволено вывести свои оставшиеся части с оружием из города. Когда испанские войска в полном вооружении, со свернутыми знаменами выходили из столь долго оборонявшейся ими крепости, все французские флаги и казацкие хоругви склонились перед побежденными в знак уважения к их храбрости и стойкости.

Кардинал Мазарини был доволен. Прав оказался де Брежи, так настойчиво рекомендовавший Хмельницкого как одного из способнейших воинов и полководцев. Не пропали даром талеры, заплаченные запорожцам, они помогли получить ключ от моря в испанских Нидерландах.

Но праздновать победу было еще рано. Это отлично понимал Хмельницкий. Он писал из военного лагеря советнику кардинала ле Телье: «...в этой войне мощь Испании ущерблена, но не сломлена. Испания восстанет снова. Швеция — союзник Франции, но очень опасный. Имея Ливонию, Карелию, Финляндию и северную Германию, она еще более усилилась после последних военных событий... Здесь нужно уметь выбрать союзников... Семиградье — турецкий прихлебатель. Речь Посполитая, угнетаемая крелевятами, забыла среди выгод и роскоши, что бог поставил ее бастионом на границах христианской Европы...»

Да, Хмельницкий знал положение в Европе и в этом письме показал себя тонким, умным политиком. И это почувствовали европейские правители, стремящиеся переманить Хмельницкого к себе.

А он во сне и наяву видел родину. Как там? Ловил каждую весточку и радовался ей всем сердцем. Ему снилась Украина, его Субботов, затерявшийся среди яров и густых зеленых лесов. Снилась его Анна, тихая, как никто другой, понимающая его, беззаветно верящая в него. Как недоставало ее здесь, на чужбине! Захотелось увидеть и прижать к груди детей. Уже парубок, наверное, стал Тимош, да и Екатерина уже подрастает, шестой годик Юрасю, а он все в походах да в походах и не знает, не ведает, как растут его дети.

Здесь, судя по всему, он уже сделал свое дело. Хорошей школой для казаков стала их служба во Франции. Когда прибыли сюда, не было ни амуниции, ни орудий — одна смелость.

Теперь же это стали легионы, которые познали военную науку и смогут вести войну не только со смелостью и казацкой смекалкой, но и с приобретенным умением. Каждый казак мог стать наставником своих соотечественников.

Хмельницкий отогнал взмахом головы угнетавшие его мысли (когда это еще будет?) и еще сильнее сжал рукоять сабли. Он твердо знал, что ему нужно быть на Украине, откуда долетали вести все тревожнее и тревожнее.

Его звала родина. И оставив с Сирко часть запорожцев, он со своими любимыми пятнадцатью сотнями покинул Францию, теперь уже навсегда. А те, кто остался, около двух лет сражались вместе с королевскими мушкетерами против врагов Франции.

Пройдет семнадцать лет, и Пьер Шевалье в посвящении графу де Брежи, предпосланном книге «История борьбы казаков против Польши», напишет:

«Господин! Хмельницкому, который прибыл из глубины России во Францию, посоветовали, чтобы он, если захочет стать здесь известным, обратился к Вам, господин, потому что Вы можете засвидетельствовать доблесть его и его казаков с тем большей уверенностью, что Вы были почти очевидцем их мужественных поступков во время Вашего пребывания послом в Польше. Вы видели тогда собственными глазами начало казацкой войны и узнали все ее мотивы и тайны, поскольку Ваши отменные качества, так же как и характер Вашего почетного положения, заслужили Вам большую благосклонность и особое доверие покойного короля Владислава. Вы завербовали также, господин, немало тех искателей приключений для службы в королевской пехоте, которых Вы подобрали в Польше и повели во Фландрию, где их оружие часто уничтожало многих врагов; французским же войскам не приходилось вдохновлять их своей воинственностью, потому что им хватало собственной смелости».

Королевский привилей

Хмельницкий ехал по Украине, и сердце его все больше сжимала боль. То, что увидели он и его товарищи, вызывало тревогу и гнев. Опустошенная, голая земля чернела перед ними. Нигде ни человека. Казалось, что здесь прошел какой-то страшный мор. Иногда в мартовской болотной дали замаячит серая фигура, но и она, заметив богато одетых всадников, мгновенно где-то исчезала, да так, что высланные на поиски джурьы^[30] никак не могли ее найти.

«Вот до чего довели Украину клятые ляхи», — молча думал Хмельницкий, трясясь на коне впереди своего отряда, который, чуть отстав, тоже месил грязный талый снег, боясь нарушить глубокую думу своего командира.

В тревожное и сложное время вступала Украина. Хмельницкий видел и чувствовал это. Гнев народа против польско-шляхетского своеволия и разбоя дошел до предела. Магнаты-кролевята совсем распоясались. Им и король не указ. Вон, рассказывали в Варшаве, Иеремия Вишневецкий, этот прославившийся своей необузданностью магнат и лютый ненавистник украинцев, владения которого составляли чуть ли не целое государство с тридцатью городами и местечками, с сотнями сел, хуторов и слобод, решил прибрать к своим рукам город Ромны, принадлежащий надворному маршалу Казановскому. Собрав своих головорезов, Вишневецкий напал на Ромны и устроил там невиданный разбой и грабеж. Казановский пожаловался королю Владиславу IV. Решение короля вернуть город вызвало у Вишневецкого лишь смех. Не подействовало и распоряжение сеймового суда.

Хмельницкий видел, что король, как и раньше, ищет возможность подчинить себе кролевят, но это ему пока не удастся. Может, потому он и согласился на просьбу Венеции, которая терпела поражение в войне с Турцией, включиться в эту войну. Венецианское правительство сулило за это королю большие деньги, в которых он так нуждался. К тому же, нанеся удар по Крыму, вассалу Турции, он навсегда освободил Польшу от тяжелой и унижительной обязанности платить хану дань. Но для этого нужно было войско. Хмельницкий не сомневался, что король захочет использовать в этом дело казаков... Как ему намекали в Варшаве приближенные короля, король думает использовать их и против враждебной королевской власти магнатской оппозиции. Ну что ж, это его вполне устраивало.

Одно только его беспокоило — захотят ли этого казаки. Люди бегут от шляхетского своеволия за пороги, а многие еще дальше — на Дон. В Варшаве не на шутку обеспокоены. А донской атаман Михаил Иванов Татарин всех без разбору беглецов принимает с радостью. Передавал и ему, Хмельницкому: если будет несносно от шляхетского своеволия, чтобы приходил. Примут его на Дону как брата. Но его сердце переполнено народной болью и ненавистью к магнатам, заливающим кровью его родину. Не может он покинуть Украину.

И все настойчивее приходила в голову мысль, что если снова восстанет народ и казачество, именно ему предстоит стать во главе его. И Павлюк, и Сулима, и Гуня казнены, Острянин в России. Видно, судьба выбрала его. Он чувствовал это и много размышлял над тем, почему казацкие восстания, в которых он участвовал, терпели поражение. Вот если бы тогда они были больше связаны с народом, крестьянами да

беднейшими казаками, да если бы заручились поддержкой России, все обернулось бы совсем иначе.

Хмельницкому сейчас, как никогда, нужен был совет. Кому доверить свои мысли? И он вспомнил о давнем знакомом Петре Могиле. С той памятной Цецорской битвы прошло более четверти века. За это время большие перемены произошли в судьбе Могилы. Блестящие связи (он был родственником князей Вишневецких), несказанные богатства, образование в заграничных университетах (он был учеником знаменитого Франсуа Верона, учителя Рене Декарта) — все это давало ему возможность избрать военную или придворную карьеру, но он избрал другое поприще — церковного и культурного деятеля.

В 1622 году Могила впервые приехал на Украину. В это время от ран, полученных в битве под Хотинном, умирал гетман Петро Сагайдачный. Могила со своим отрядом также участвовал в этой битве, и они хорошо узнали друг друга. После этого он еще несколько раз приезжал в Киев на церковные праздники, сблизился с митрополитом Иовом Борецким, который позднее станет его духовником. В 1625 году Могила оставил светскую жизнь и постригся в монахи, в 1627-м — его избирают архимандритом Киево-Печерского монастыря, а в 1632 году — киевским и галицким митрополитом.

Хмельницкий знал о больших усилиях, которые пришлось приложить митрополиту, чтобы добиться у польского короля признания легального положения православной церкви на Украине, о его борьбе против унии, заботе о просвещении (благодаря его стараниям на основе братской школы была создана Киево-Могилянская коллегия), читал его «Евангелие учительное» и «Анфологион».

Правда, не все были им довольны. Одни укоряли его за чрезмерную скупость, другие — за гордость, третьи — за властолюбие и даже жестокость. Немало было и

таких, особенно среди мелкого казачества, которые подозревали его в большой приверженности к магнатам, как польским, так и украинским. Понимая противоречивость личности Могилы, Хмельницкий видел, что он всего себя отдает святому делу просвещения, защите православия, и тянулся к нему.

Митрополит вышел в светлом легком подряснике до пят, который подчеркивал его худобу, благословил Хмельницкого и пригласил в зал. Ходить ему было уже тяжело, видно, хвори не на шутку одолели. Высушенная рука, восковое лицо, болезненный блеск глаз... Хмельницкого до боли потряс вид митрополита, еще недавно такого деятельного. Придя в себя, он рассказал обо всем, что волновало его, что требовало совета, и тот после глубокого раздумья ответил:

— Недолго, видно, осталось мне вершить дела на этом свете. Знаю, не встретимся более, но сказать хочу, что дело, задуманное тобою, праведно. И мысли, Богдане, ибо великое дело требует и мудрых мыслей. Отбрось все суетное и единовременное, зри едино великое и вечное. Благословляю тебя на великое начинание, и да будут прокляты те, кто, будучи в состоянии помогать тебе и товарищам твоим рассудком или оружием, не сделают этого.

Митрополит опустил отяжелевшую голову. Видно, сказанное утомило его. Хмельницкий поднялся.

— Благодарю, владыка, — проговорил тихо. Низко поклонился и вышел.

Из летописи Самоила Величко^[31]: «1647 год, генваря 1, православный архиепископ, митрополит киевский Петр Могила, камень православной веры, великий защитник и оберегатель церквей благочестивых, на ляхов и униатов бич тяжкий, во вечную жизнь переселился и погребен в Лавре в монастыре

Печерском, по нем поставлен православным митрополитом Сильвестр Коссов».

Через несколько дней подъезжали к Субботову. Очевидно, кто-то предупредил домашних. До селения оставалось еще несколько километров, а им навстречу уже неслись на конях его сыновья, а за ними — челядь. Первым, как всегда, с радостным гиком скакал Тимош. Хмельницкий невольно залюбовался и ладной фигурой сына, и его посадкой. За ним в сопровождении старого казака приближался Юрась.

— Вот так казарлюги! — не удержался Хмельницкий. — Хоть на низ с ними!

Сыновья с двух сторон подъехали к отцу и, осадив своих коней, вцепились в широко расставленные руки Хмельницкого. Спустя минуту к ним присоединились и все остальные. Не было только Анны. Богдан тревожно посмотрел на старого казака, охранника дома, служившего еще при его отце. Тот без слов понял Хмельницкого и, выйдя вперед, хмуро проговорил: «Лежит наша горлица, хозяйка наша, Хмелю. Ходить ей тяжело, ногами мается. Ждет тебя в хате».

Волна радости, что захлестнула Хмельницкого, сменилась тревогой. Он ехал теперь к дому посуровевший, внутренне собравшийся, в напряженном ожидании.

Вот уже и милый его сердцу Тясмин с пологими берегами, на которых раскинулся Субботов, а вон из-за пригорка показались синий купол церкви с золотым крестом и верхушка звонницы, вот уже и запруда с мостком. А дальше и его усадьба, единственное родное пристанище в этом тревожном мире.

Усадьба разместилась на отлогом пригорке. На самом его краю небольшой дом с высокой крышей, крытой гонтом, с террасами и мезонином. Радуют белые стены и фигурные трубы, ярко-зеленые наличники и ставни. Перед домом широкий двор, в середине

которого — колодец с затейливо выложенным из липовых досок срубом. Двор обступают разные хозяйственные пристройки, а на них милые его сердцу стаи голубей всех пород и окрасок. Двор обнесен крепким дубовым частоколом, красуются окованные железом ворота. Это на случай нежданных гостей из Дикого поля.

Хмельницкий любил свой Субботов и даже гордился им, хотя был у него дом и в Чигирине, где он подолгу жил по своим служебным делам.

Подъехав ко двору, Хмельницкий сошел с лошади и, бросив поводья джуре, перекрестился, а потом пешком вошел в открытые ворота. «Сподобил господь снова вернуться в родной дом», — мысленно произнес он. На широком крыльце толпилась дворовая челядь, радостно приветствовавшая хозяина. К нему бросились дочери Катерина, Степанида, Елена. Расцеловав их, он поспешил в дом к больной жене.

— Ну вот, Богданочку, захворала без тебя тут. Уже и бабы-знахарки старались, и дед наш. Не помогает. Иногда отпустит, а потом снова как огнем печет.

Хмельницкий молча опустил голову и, нагнувшись, поцеловал жену в горячий лоб. А та нежно провела рукой по его седеющим волосам.

«Тяжелые времена пришли на Украину, и не уйти тебе от них, теперь уже пришел и твой черед», — одними глазами говорила Анна.

Он молча соглашался с женой.

Хмельницкий решил хоть немного пожить в Субботове с семьей, но события распорядились по-иному.

Уже на второй день, проведав о его прибытии, из Чигирина приехал кум Кричевский, который теперь стал Чигиринским полковником вместо снятого за великие зверства Закревского. Он и привез весть, что король послал с секретной миссией на Украину одного из своих

приближенных — Иеронима Радзейовского, который прибыл сюда под предлогом осмотра своих владений. Какова его цель на самом деле — пока неизвестно. Сейчас он в Черкассах у своего давнего знакомого войскового есаула Ивана Барабаша.

Хмельницкий знал этого королевского воспитанника, похождения которого были известны всей Польше. Но знал он его и как искушенного дипломата, которому король доверял свои наиболее тайные дела. И сейчас неспроста Радзейовский появился на Украине, неспроста встречается с казацкими старшинами.

— Думаю, королю до каких-то тайных дел понадобилась казацкая реестровая старшина, — проговорил Кричевский. — Подождем — увидим. Ничего, этот посол сам к нему придет. Старые приятели как-никак.

Вскоре стало известно, что Радзейовский встречался еще и с войсковым есаулом Ильяшем Караимовичем и полковыми есаулами Романом Пештой и Яцком Клишем. Правда, о чем они беседовали — осталось тайной. А затем Радзейовский явился к нему и рассказал о цели своего приезда и своих встречах с казацкими есаулами.

Оказывается, король начал осуществлять свой план организации казацкого войска, которое должно было начать большой поход на Черное море.

— Король, как известно пану сотнику, давно желал войны с Турцией, — говорил Радзейовский, поправляя свои шелковисто-пепельные волосы, и его выразительные глаза на мужественном лице с красиво очерченным носом изучали Хмельницкого. — Святейший папа благословил желание короля поднять меч против неверных. Его величество надеется на поддержку казаков и поэтому хочет в личной беседе изложить панам старшинам свои заветные планы и выслушать их.

Стройный и гибкий стан поляка изобличал его силу, слова были произнесены с прямою и искренностью, и им нельзя было не верить.

— Против планов королевской милости выступают наши магнаты, — продолжал Радзейовский, — поэтому все должно держаться в тайне.

Хмельницкий согласно опустил голову.

— Задуманное королем близко казацкому сердцу. И пусть мне вырвет чуприну самая последняя ведьма, если хоть один казак откажется от этого святого дела. Я готов ехать в Варшаву хоть сегодня.

Из исторического исследования польского историка Л. Кубеля «Процесс Радзейовского»: «Его (Радзейовского. — В.З.) король Владислав выслал с секретнейшей и важнейшей миссией на Украину, чтобы успокоил казаков и уговорил их на войну с Турцией... Радзейовский исполнил обстоятельно поручение, привез послов казацких в Варшаву и обратил внимание короля на Богдана Хмельницкого».

Войсковые есаулы Барабаш, Караимович, полковые есаулы Нестеренко, Пешта, Ядко и Чигиринский сотник Хмельницкий прибыли в Варшаву в двадцатых числах апреля 1646 года. Король принял их сразу же. На встрече был лишь канцлер Оссолинский и семь особо доверенных сенаторов, а также венецианский посол Джованни Баттиста Тьеполо, который при поддержке папского нунция в Польше должен был добиться венецианско-польского союза, направленного против Турции. Весной 1645 года вспыхнула венецианско-турецкая война. И Венеция была крайне заинтересована в союзниках.

Разговор начался с вопроса об организации военного похода казаков на Крым и Турцию. Король сам вел разговор, что немало удивило казаков. Владислав IV предложил казацкой старшине нанять для похода на Крым пятьдесят тысяч казаков. Хмельницкий тут же

подумал, что это противоречит «Ординации» 1638 года, установившей шеститысячный реестр, по смолчал. Он здесь был младшим по чину среди казаков, и ему надлежало молчать и слушать. Барабаш, выставив толстый живот, подобострастно проговорил, что на зов наияснейшего короля станут и сто тысяч казаков. Король удовлетворенно улыбнулся.

Но когда дело дошло до того, сколько нужно лодок для похода и каково должно быть их оснащение, все задумались. Тогда Хмельницкий сказал, что необходимо будет до ста ладей. А строительство каждой из них обойдется в сто талеров. Порешили на шестидесяти ладьях, на что старшине выделялось шесть тысяч талеров.

За участие казаков в походе на Крым король посулил восстановить давние вольности реестровцев, увеличить реестр до двадцати тысяч человек, ограничить размещение польских войск на Украине.

Воспользовавшись паузой, Хмельницкий заметил, что было бы лучше не допускать размещения польских войск дальше Белой Церкви. Переглянувшись с сенаторами, король молча согласился и снова предупредил, что вербовка казаков должна проходить тайно, поскольку это были подданные магнатов и шляхты, и неминуемой была бы буря негодования среди панов.

Встреча подходила к концу. Канцлер Оссолинский, который лучше других знал казацких старшин, особенно Хмельницкого, и на него возлагал основные надежды в задуманном предприятии, поднялся со своего места и поднес королю заготовленные заранее письма. Тот взял их и, посмотрев на ближе всех стоящего старейшего среди казаков Барабаша, передал их ему.

— Это вам мои привилеи. В них записаны все обещанные здесь мною казакам свободы. Прошу,

однако, до времени не оглашать их и держать в тайне.

Старшине на постройку чаек тут же были переданы деньги, и она была отпущена домой.

Встреча с королем вызвала новый прилив сил у Хмельницкого. Сбывается его мечта — организовать казацкую армию, которую можно будет использовать для освобождения своего народа от ненавистного ига польской шляхты.

Он делился своей радостью со старшиной, но ответной реакции не получал. Хмельницкий сначала не придавал этому значения. Реестровая старшина всегда относилась к нему настороженно. Но когда подоспело время обратиться к Барабашу с тем, чтобы начать набор казаков и строить на Запорожье чайки, и тот сказал ему, что это еще не к спеху, он задумался. Решил немного выждать.

И в это время шляхта начинает действовать против Хмельницкого. Она не могла смириться с его независимым положением, с тем, что он не заискивает перед ней.

Началось с того, что комиссар Яцек Шемберг, славившийся беспощадными грабежами казаков, самовольно отобрал у Хмельницкого мельницу. Свою власть решил показать и чигиринский староста Александр Конецпольский, сын великого коронного гетмана. Подстрекаемый чигиринским подстаростой Чаплинским, который мечтал заполучить себе Субботов, за что обещал увеличить доходы магната, молодой Конецпольский заявил, что Субботов находится на купленных его отцом еще в 1633 году у Кристины Зубриковой-Коржевской землях и потому принадлежит ему, Александру Конецпольскому, а Хмельницкий на хутор никаких прав теперь не имеет. Действительно, земли Субботова и сам Субботов Богдан Хмельницкий получил по наследству. Официальных же бумаг на это у него не было — ни акта о наследовании, ни

королевского подтверждения. Уходя в 1620 году на войну, отец Хмельницкого не думал о смерти и не оформил заблаговременно документы о наследовании для сына. Этим и решили воспользоваться Конецпольский и Чаплинский.

Хмельницкий защищал свои права, обращался к юристам, в суд, но везде получал ответ, что дело его не может быть выиграно. Тогда Хмельницкий пишет королю. Заинтересованный и казаках Владислав IV отнесся к жалобе Хмельницкого благосклонно и своим привилеем от 22 июня 1646 года закрепил за ним Субботов. Но не помог и королевский документ.

Дело в том, что его военные приготовления, конечно, не могли оставаться тайной для магнатов, и они решили воспрепятствовать им. Для этого они использовали сейм, заседавший в ноябре — декабре 1646 года. Под нажимом польских магнатов с Украины, которые более других боялись казаков, сейм потребовал от короля немедленно распустить набранное уже войско и навсегда отказаться от затеи использовать для войны казаков. Делегаты сейма настаивали, чтобы коронный гетман Оссолинский был предан суду, так как именно его считали инициатором всех королевских планов.

Узнав об этом, Барабаш и Ильяш решили порвать с королем и скрыть его привилеи для набора казацкого войска. Это было предательство по отношению не только к королю, но и к своим побратимам. Хмельницкий старался уговорить Барабаша не делать этого, не вносить раскол в казацкое братство, но тот ничего не желал слушать. Тогда Хмельницкий потребовал дать королевский документ ему, но получил отказ.

Народ создал немало версий, как Хмельницкому удалось забрать у Барабаша королевские привилегии,

чтобы использовать их на пользу народа. Одну из них излагает Величко.

*Из летописи Самоила Величко: ...*Между тем жена Хмельницкого родила дитя, тогда-то Хмельницкий просил того Барабаша приехать на крестины. На тех крестинах Хмельницкий у Барабаша, немного подвыпившего, выведал, где привилегии и приватное письмо королевское лежат сокровенны; потом его, Барабаша, нарочно так упоил, что он в доме Хмельницкого, безпамятен ночью спать положась, крепко уснул. Хмельницкий у спящего шапку, пояс и перстень взяв, оные с верным своим нарочным к жене его в Черкассы ночью отправил с тем, чтоб требовал у нее, показавши оной шапку, пояс и перстень Барабашевы, отдачи оних привилегий и партикулярного письма и с тем всем, той же ночи, у него Хмельницкого явился б. Жена Барабаша сего обмана не ведая, тому посланному все отдала, а тот нарочный все Хмельницкому той же ночью привез».

С тех пор и распространилось по Украине известие о королевском привилее, о том, что король разрешил формировать казацкое войско. Новость вызвала у казаков надежду на изменении их положения, зато немало потревожила шляхту и казацкую старшину. Они знали, что за всем этим стоит Хмельницкий.

— Досадить ему нужно так, чтобы забыл свои фантазии и помнил свое место хлопа, — приговорила чигиринская шляхта.

Как-то, когда Хмельницкого не было в Субботове, в его усадьбе появился чигиринский урядник Дольгерт со своими помощниками. Презрительно отмахнувшись от приглашения войти в дом, он медленно проследовал к конюшне, в которой стояли лошади, в частности, любимый жеребец Хмельницкого сивой масти, подаренный тещей. Видно, конь сразу бросился Дольгерту в глаза. Он приказал вывести его из

конюшни и забрать в уплату за поволовщину^[32]. Об этом сообщили хозяйке, и та, поддерживаемая слугами, вышла во двор. Все ее просьбы вернуть коня остались без внимания. Тогда она предложила откупить его. Взяв двенадцать с половиной злотых наличными, Дольгерт вернул коня.

Видя, что Хмельницкий лишен всякой поддержки, Чаплинский совсем распоясался. Он попросил у Конецпольского разрешить ему напасть на усадьбу Хмельницкого и разорить ее. С таким предложением Чаплинский раньше обращался и к старшему Конецпольскому и получил его согласие. Но тогда еще не пришло время. А сейчас он почувствовал свою безнаказанность.

— Окажите мне единственную милость, — говорил Чаплинский молодому Конецпольскому, — дайте мне самому расправиться с Хмельницким. Я нападую на него, выгоню из дома и овладею хутором. Если же он придет к вам с жалобой, то вы скажете, что ничего не знаете, что я сделал это без вашего позволения, а если он хочет удовлетворения, то пусть идет в суд. Суд мне не страшен, потому что я польский шляхтич, а он хлоп.

Конецпольский согласился, Чаплинский со своими головорезами в тот же день напал на Субботов. Был учинен настоящий разбой. Все было разрушено и разграблено. Остались одни руины.

Из письма Богдана Хмельницкого великому коронному гетману Николаю Потоцкому 3 марта 1648 г.:
«Пан Чаплинский, которому приглянулся мой собственный, унаследованный от отца хутор под Чигирином в Субботове, не имея другого способа захватить его, выпросил разрешение у покойного святой памяти пана Краковского осадить слободу на вышеупомянутом хуторе, где у меня было четыре рыбные пруда и мельницы, нивы, сеножати, на которые

я имею привилей его королевской милости. Придя в эту слободу, голодный люд снопами разнес собранный за несколько лет хлеб, которого было на гумне 400 коп. Высеянное на поле зерно все пропало, ибо посевы вытоптаны скотиной, лошадьми, овцами. Так меня насильно выгнали отовсюду и только разрешили взять 150 флоринов у чигиринского арендатора, словно старцу, тогда как мне эта земля стоит 1000 флоринов...

Этот же пап Чаплинский оскорбил меня, приказав своей челяди поймать на рынке моего сына, еще малого хлопца, а татарину своему побить его, так что хлопец еле живой остался...»

Беда одна не ходит. После нападения на хутор жена совсем слегла и уже не встала. Хмельницкий тяжело пережил ее смерть. В это трудное для него время он окончательно решает — откладывать выступление против шляхты нельзя. Необходимо немедленно действовать. Тем более к этому подталкивали события в Варшаве. Послы сейма, собравшегося в мае 1647 года, стремясь «навсегда покончить с мыслью короля о войне», приняли соответствующее решение, чем окончательно связали королю руки. Теперь было очень важно знать, не отказался ли Владислав IV от своих намерений. После того как Барабаш и Ильяш перешли на сторону магнатской оппозиции, необходимо было все связи с королем и его сторонниками взять в свои руки и получить деньги для набора казаков и их вооружения не кому-нибудь, а ему, Хмельницкому. А тут еще и личные дела. Его старания восстановить справедливость и наказать виновных ни к чему не привели. Все шло к тому, что нужно ехать к королю. И в начале июня, еще до окончания сейма, Хмельницкий в сопровождении десяти казаков появился в Варшаве.

Встреча состоялась тайно, ночью. Владислав IV принял казаков в своих покоях и с первых же минут начал жаловаться на свою судьбу, на магнатов, на то,

что его унижают как короля. У него был нездоровый вид, лицо его обрюзгло. Казалось, ему не хватало воздуха и он вот-вот задохнется.

Хмельницкий подумал, что король не жилец на этом свете. Успеть бы осуществить задуманное! Он рассказал королю об измене Барабаша и Ильяша и заверил его, что он и его товарищи готовы поддержать намеченные его королевской милостью планы набора «охочего» казацкого войска. Владислав IV ответил, что он увеличивает число казацкого войска, и дает Хмельницкому право набирать его, и вручит письмо о том, что «ему итить на море, сколько челнов на море оберется».

Из записки государева гонца Григория Кунакова о казацкой войне с Польшею. 1649, март: «А Владислав де король в те поры гнев держал на сенаторов и на всю Речь Посполитую за то, что ему не дали воли на турецкого царя войны весть и собранное для тое войны немецкое войско приговорили на сейме распустить... И призвал Владислав король Богдана Хмельницкого и черкас челобитчиков в покоевые хоромы»...

Конечно, не мог Хмельницкий не рассказать королю и о личных обидах, наносимых ему и его побратимам своевольной шляхтой. Существует много легенд об ответе короля Хмельницкому. В летописи Григория Грабянки приведены такие слова короля: «Еще есте казаки воины храбрые, меч и силу имеете и что вам за себя постоять возбраняет?»

Жалоба Хмельницкого королю еще более озлобила против него местную шляхту, да и встревожили ее слухи о готовившемся восстании, подготовка которого, как заверяли Барабаш и Ильяш, идет под руководством Хмельницкого. Барабаш даже уведомил об этом сенат, предупреждая об «опасности всеобщего восстания».

Тогда чигиринская старостинская администрация, которая была, по существу, органом магнатов, а не королевской власти, решила покончить с Хмельницким.

Из записки государева гонца дьяка Григория Кунакова о казацкой войне с Польшею. 1649, март: «И после того (переговоров Владислава IV с Хмельницким. — В.З.) вскоре проведав про то, хорунжий коронный Александр Станиславов сын Конецпольского замыслил... Богдана Хмельницкого убить».

Хмельницкий готовился ехать в низовья Днепра, чтобы набирать «охочих» казаков строить чайки для замышляемого похода на турок. А в это время в окрестностях Чигирина объявились татарские разъезды. Как всегда, налетят на селения, разграбят, заберут невольников — и в степь. А там ищи ветра в поле.

Было решено сформировать отряд и выслать его на татар. К отряду предложили присоединиться и Хмельницкому. Когда выехали за Чигирин и увидели татар, Хмельницкий первым устремился на них. Но тут сзади подскочил к нему, как и было ранее сговорено, чигиринский шляхтич Дашевский и нанес саблей удар по шее. Хмельницкий потом писал, что «только потому голова моя не слетела, что я был в мисюрке^[33], которую он разрубил на ширину ладони, так что только два кольца задержали саблю».

Видя, что удар не удался, Дашевский подскочи; к Хмельницкому и начал оправдываться:

— Ах, прости меня, я думал, что это татарин.

Бывшие при этом молодой Конецпольский и чигиринский подстароста Чаплинский лишь ухмыльнулись. Хмельницкий молча обвел присутствующих хмурым взглядом и тихо с угрозой проговорил: «Имею саблю в руке: еще казацкая мать не умерла!»

После этого случая Хмельницкий уже нисколько не сомневался, что шляхта сделает все, чтобы сжить его со света. Но это его не испугало, а побудило к действию. Он пишет и рассылает по всей Украине призывные письма, шлет деньги для закупки военного снаряжения, берет на себя все дело набора казацкого войска, организации восстания.

На Запорожье

В августе 1647 года под предлогом осмотра пограничных крепостей на Украину прибыл ближайший помощник короля коронный канцлер Оссолинский. Трудно сейчас сказать, была ли согласована с Хмельницким эта поездка. Однако ясно, что в создавшейся тогда обстановке король по-прежнему придавал большое значение связям с казаками.

Прибыв на Украину, Оссолинский убедился, что Барабаш и Ильяш перешли на сторону магнатов. Хмельницкий оставался единственным человеком, который мог содействовать в осуществлении планов короля.

Поэтому встреча Оссолинского с Хмельницким проходила втайне. Присутствовали лишь ближайшие сторонники Хмельницкого — Федор Вешняк, Кондрат Бурляй и еще несколько казаков Чигиринского полка.

Невеселой была эта встреча. Хмельницкий, который потерял все, и казалось уже, не было никаких надежд на будущее, выглядел хотя и мрачным, но бодрым. Оссолинский, будучи канцлером, обладая огромной властью, наоборот, выглядел усталым. Его старая, согнутая годами фигура в дорогом одеянии выражала печаль от всего виденного и услышанного. Он вертел в руках золотую табакерку, и бледные его губы слегка подрагивали.

Медленно покачивая головой с выпуклым восковым лбом, Оссолинский, не спеша подбирая слова, говорил, что единственное желание наияснейшего короля — обезопасить южные и западные границы, сломить силу татарского разбойничьего гнезда и даже покорить его. Без этого Польша будет вечно в тисках. Он осторожно развивал план будущей войны, спрашивал о возможных

путях продвижения татар, советовал, как лучше проводить набор казаков, чтобы в первое время не всполошить шляхту. Старшины молча слушали канцлера, и в голове у каждого из них рождались свои планы, свой подход к делу. Когда канцлер кончил, Хмельницкий поднялся и проникновенным голосом проговорил:

— Приносим бесконечную благодарность его величеству за оказанное нам доверие, но не скроем, что поручение его осуществить трудно: казаки стеснены коронным гетманом, не готовы еще к такому предприятию. Необходимо время, чтобы склонить к этому запорожцев. Строгий режим, введенный польскими властями на Украине, тоже усложнит и замедлит набор казаков. Несмотря на это, будет сделано все, чтобы угодить его величеству.

Оссолинский удовлетворенно кивнул.

— Его королевское величество подтверждает ваше право, панове, на набор казацкого войска и поручил мне передать вам на его снаряжение эти деньги. — Оссолинский протянул Хмельницкому пакет. — И жалуется тебе, Богдане, гетманом Запорожским, с чем и передает знаки гетманского достоинства. Правда, показывать их до поры не следует.

Хмельницкий и его товарищи переглянулись. На лицах их была и радость, и озабоченность. С одной стороны, это было лестно. С другой, прими Хмельницкий сейчас королевское знамя и гетманскую булаву — против него поднимется вся старшина. Нет, если суждено ему быть гетманом, то только после избрания народом и всем войском на Запорожье. Королевская милость уже запоздала. Но и прямо отказываться тоже нельзя. Этим и короля можно оскорбить, да и Оссолинский насторожится.

Хмельницкий встал и, приложив руки к груди, торжественно поклонился.

— Я приношу сердечную благодарность светлейшему пану канцлеру и наияснейшему королю. Королевское знамя — это святыня, оно тронуло нас до слез и окрылило наши надежды. Принимаем его как хоругвь казацкого войска. О булаве же и думать не смею. Боюсь, не связала бы меня эта великая власть, мне же нужно быть свободным, чтобы как можно лучше послужить своему королю и отечеству.

Оссолинский прикоснулся к плечу Хмельницкого, и на его грустном лице мелькнула улыбка.

— Это новое доказательство бескорыстной верности и скромности пана Хмельницкого.

Из записки государева гонца дьяка Григория Кунакова о казацкой войне с Польшею. 1649, март: «Владислав король... пожаловал Богдана Хмельницкого гетманством Запорожским и послал ему свое жалование, а впредь обещал ему король прислати на жалованье черкасам и на челновое дело^[34]... 170 000 злотых польских».

Разговор с канцлером показал казакам бессилие короля и еще более утвердил их в мысли, что освобождения от шляхетского своеволия они могут достичь только путем восстания. В связи с этим решили собраться на новое совещание. В историю оно вошло как «совещание в роще».

В конце сентября 1647 года недалеко от Чигирина в одном из заросших густым черным лесом оврагов собиралось казачество. По зову Хмельницкого съезжались со всей Украины. Это были его соратники, единомышленники, которые откликнулись на его призыв. «Пусть будет вам известно, — говорил Хмельницкий, — я решился мстить панам-ляхам войною, не за свою только обиду, но за попрание веры русской и за поругание народа русского! Я один бессилен, но вы, братья, мне помогите...» И ему отвечали: «Станем с

тобою: поднимется земля русская, как никогда еще не поднималась».

Были здесь и те, кто по-иному представлял себе свободу Украины и даже считал, что все это химеры оскорбленной старшины. Но они хотели более подробно узнать, что задумал Хмельницкий.

Хмельницкий стоял перед собравшимися с королевскими привилегиями в руках. Подле него были те, кто присутствовал при передаче их Хмельницкому и мог ото засвидетельствовать.

Выступление Хмельницкого перед собравшейся старшиной — единственное дошедшее до нас свидетельство, раскрывающее содержание его политической деятельности накануне освободительной войны. Оно известно из книги Самуила Грондского «Казацко-польская война», опубликованной в 1789 году, автор которой записал ее со слов Ивана Выговского. Грондский и сам встречался с Богданом Хмельницким, выполняя дипломатические поручения к нему от польского короля Яна Казимира, шведского Карла X Густава, князя Трансильвании Держья II Ракоци, у которых он служил.

В начале своего выступления Хмельницкий рассказал, что на его просьбу рассмотреть и решить дело с Субботовом его в Варшаве осмеяли.

Так они относятся не только ко мне, так ляхи относятся ко всему народу украинскому, который считают быдлом и схизматиками...

Хмельницкий на минуту умолк, вытер разгоряченное лицо рукавом малинового кунтуша и страстно воскликнул:

— Ужели будем терпеть? Ужели оставим в бедствии братьев наших русских, православных?

Лицо Хмельницкого было суровым и жестким, глаза испытующе и требовательно смотрели на присутствующих.

— Проезжая по Руси^[35], везде я видел страшные притеснения, тиранство. Несчастный народ вопиет о помощи: все готовы взять оружие, все обещают стать с нами заодно... Чего мы только не терпели! Вольности наши уничтожены, земли отняты, большая часть свободных рыцарей обращена в холопов: они отработывают барщину, ходят за лошадьми, топят печи панам, смотрят за собаками, как рабы, бегают с письмами. Чтобы извести казачество, число реестровых уменьшено до шести тысяч, да у тех жизнь не лучше рабской. Полковники, сотники — все начальство у нас не выбрано нами, а из шляхты. Они пользуются казаками, как слугами, для своих домашних работ. Жалованье, положенное издавна от короля и Речи Посполитой, по тридцать золотых на каждого казака, они берут себе и дают только тем, кто заодно с ними. Если в походе казак захватит татарского коня — тотчас отнимут, языка ли поймает казак — полковник пошлет его к коронному гетману с жолнером и скажет, будто отличился жолнер, а казацкую отвагу нарочно скрывают. Нередко бедный казак должен идти с рарогом или раструбом^[36] через дикие поля, неся подарок какому-нибудь пану, подвергаясь опасности быть пойманным татарами, и на это не смотрят: пропал казак — и был таков! А сколько раз предавали казаков жестоким казням! За малейшую вину убивают даже детей! А сколько раз чинили ругательства над женами и дочерьми нашими!.. А как страдают крестьяне под гнетом своих старост и надсмотрщиков! Но всего ужаснее — преследуют веру нашу, принуждают нас к униии, разоряют наши церкви, продают утварь церковную, ругаются над святынею и священниками, изгоняют пастырей...

Молча слушали присутствующие Хмельницкого. Одни готовы были немедленно выступить вместе с ним

против ляхов, другие, особенно те, кто позажиточнее, колебались. Они сумели сжиться с магнатами, и людское горе их меньше касалось: «С чем выступать? Как выступать? — говорили они. — Пушек нет, ружей нет, их забрали комиссары. Да и ляхи сейчас наловчились в военном деле, голыми руками их не возьмешь. Хмельницкий говорит — позвать на помощь татар. Но сколько раз мы били их. Теперь они нас ненавидят!»

Хмельницкий отвечал на это:

— Правда ваша, враги сильны, и мы против их сами ничего не сделаем, особенно когда во всех замках сидят польские комиссары и следят за нами, а к тому же жолнерство зимует в нашем краю. Сразу заметят наше движение и подавят его, поэтому нельзя нам обойтись без помощи. Я думаю, ни у кого нам нельзя ее просить, кроме России и татар, все другие соседи слабы, они скорее вступятся за поляков, чем за нас... Не вижу, — вскричал Хмельницкий, — другого выхода, кроме Москвы! Москва одной с нами веры и не оставит нас в беде. Московия сама была опустошена в прежние годы поляками и едва ли сможет сразу вступить за нас. С татарами труднее сойтись, мы их извечные противники: то нападали на них, то отнимали добычу, которую они захватывали в польских землях. Но сейчас татары нам нужны, они нам помощники.

— Ты, пане Хмельницкий, — отвечали на то присутствующие на совещании казаки, — покажи только средство, как поладить с татарами, а там и рассудим.

— Если так вы говорите, — отвечал Хмельницкий, — то я не стану скрывать от вас, братья мои, что король наш, желая воевать с турками, собрал наемное войско, но так как панство не захотело, то он его снова распустил, а теперь нас подговаривает сделать поход на турецкую землю, чтоб, когда в ответ пошлют турки

на Польшу войско, поляки рады — не рады, а взялись бы за сабли. А чтоб вы этому поверили, то вот вам королевская привилегия на постройку чаек для войны. Нам дали и знамя и булаву и хотели меня поставить гетманом при свидетелях, которые здесь и могут поручиться, что я правду говорю. Я, однако, не принял гетманства... По-моему, братья, пока эти письма у нас в руках, нужно выбрать послов к татарам и объявить, что замышляет король, да и посоветовать им: пусть нам пособляют, коли хотят покоя, а не согласятся, так мы им войну объявим, так им и скажем.

Соединимся, братья, — сказал далее Хмельницкий, — восстанем за веру православную, восстановим свободу народа нашего и будем единомышленны. На это святое дело нас благословил почивший в бозе митрополит Петро Могила. Вечная ему память!

Все дружно повторили последние слова.

На этом совещании Хмельницкий впервые открыто изложил план выступления против шляхетских войск. Он связывал его с походом молодого Александра Конецпольского против татар на понизовье Днепра в октябре 1647 года. Перейдя Днепр на Бургунской переправе (ниже современной Каховки), Конецпольский думал пограбить здесь в степи татарские улусы. Его войско численностью в 2500 человек состояло из личных хоругвей^[37] разных панов. В это же время реестровые под начальством комиссара Шемберга совместно с польскими жолнерами укрылись в лесу под Лебедином, чтобы защитить кордон от нападения татар. Польские силы были разделены, и Хмельницкий решил использовать это для начала восстания. Реестровые казаки из-под Лебедина должны были по данному знаку двинуться на польские части, которые находились рядом с ними, и, разгромив их, захватить

пушки и знамена Запорожского Войска и создать ядро восстания. Дальше они должны были пойти навстречу Конецпольскому и разгромить его.

Хмельницкого охотно поддержали и, приняв его план, избрали своим предводителем. Присутствующие обратились к Хмельницкому с просьбой взять на себя переговоры с татарами, уверяя, что «им не найти никого более способного для этого дела».

Не всем из присутствующих на «совещании в роще» принятое решение пришлось по душе. Еще не успели разъехаться его участники, а один из присутствующих — есаул Чигиринского реестрового полка Роман Пешта — уже был у магната Александра Конецпольского и рассказал ему обо всем, что задумали казаки, уверив его, что именно «Хмельницкий бунтует казаков». Об этом же было сообщено ставленнику магнатов казацкому комиссару Шембергу, который сразу же послал гонца к коронному гетману. Получив донесение Шемберга, Потоцкий потребовал немедленно схватить Хмельницкого и посадить под надежную охрану, а вслед за этим шло новое указание — предать его смерти.

После «совещания в роще» Хмельницкий срочно отправил во Львов своих людей с деньгами. Их спрятали в телегах с пшеном, которое якобы везли сюда для продажи. На эти деньги люди Хмельницкого должны были закупить ружья, сабли, свинец.

Тогда же он посылает на Запорожье гонца к своему другу и соратнику бывшему реестровому сотнику Федору Лютаю, который еще раньше ушел за пороги и был здесь избран кошевым атаманом. Он сообщал о назревающих событиях и просил быть готовым выступить ему на помощь. Туда же он тайно отправляет и несколько пушек.

Все это становится известным польским властям. И они принимают меры. Во Львове были задержаны

телеги, которые уже возвращались назад с закупленным оружием. Не удалось переправить на Запорожье пушки.

Через некоторое время после «совещания в роще» Хмельницкий был схвачен в селе Бужине шляхтичами и брошен в тюрьму. Однако что делать с ним дальше, не знали. Александр Конецпольский, который прибыл в Крылов, где был заключен Хмельницкий, созывает совещание. Решили, что убивать его здесь небезопасно: может взбунтоваться казацкая «чернь». Лучше сделать это где-нибудь в другом месте, когда он будет на свободе. А пока пусть кто-нибудь возьмет его на поруки, чтобы не убежал. Неизвестный очевидец позже писал, что поручился за Хмельницкого «его милость пан Кричевский, полковник Войска Запорожского и приятель Хмельницкого». 7 декабря 1647 года он же сообщил Хмельницкому, что его хотят тайно «смерти предати» и ему нужно немедленно скрыться. В этот же день Хмельницкий ушел из дому.

Из летописи Самоила Величко: «Будучи тем зело озлоблен, а не могучи больше при вышепомянутой своей отваге и столь значительных заслугах сдержать того озлобления, начал тайные переговоры с другими своими товарищами, искал у них совета и способа, как себе и всему отечеству при таких притеснениях помочь.

О чем, узнав от кого-то, предупрежденный гетман коронный Потоцкий послал указ к Кречовскому, полковнику Чигиринскому, чтобы его, Хмельницкого, прибрал к рукам и до дальнейших распоряжений под арестом задержал. Однако Кречовский не только того не учинил, но еще в предостережение тот самый указ гетманский, ему письменно присланный, к нему (Хмельницкому. — В.З.) отослал. И тот тут же, не прислушиваясь долго к чужим советам, а по тому предостережению Кречовского, сколько мог, собрал

себе товарищей и поскакал с ними на лучших конях на Запорожье...».

Вместе с Хмельницким 7 декабря 1647 года на Запорожье выехало 300, по другим данным — 500 реестровых казаков. Он взял с собой также сына Тимоша. Они направились туда, где, как писал сам Хмельницкий, «много таких обездоленных и покалеченных казаков-небожат, которые также не по своей воле покинули жен, детей и добро свое, от тайного преследования скитаются». Они ехали навстречу борьбе, войнам, навстречу новой жизни.

Глава вторая
Во главе восставшего народа

Начало восстания. Гетман запорожского войска

Запорожье, Запорожье, сколько людей притягивало оно к себе, сколько их находило здесь свой последний приют, скольким приносило оно славу, а скольким бесславие. Но всегда оставалось оно в сознании людей заветным местом, где царили какая-никакая свобода и уважение к человеку. И шли, и шли сюда люди, одни за славой, другие от панского своеволия.

В середине декабря 1647 года Богдан Хмельницкий со своими товарищами и сыном Тимошем прискакал в Сечь. Впоследствии он вспоминал: «Пошел в Запороги, и всего нас в сборе войска было полтретьяста человек». На острове Томаковка Хмельницкого уже поджидал с отрядом запорожцев его близкий соратник, реестровый сотник Федор Лютый. Он бежал на Запорожье еще раньше и был тут избран кошевым атаманом.

Запорожская Сечь размещалась тогда на острове Базавлук (Чсртомлык), здесь была и войсковая скарбница^[38]. А в районе острова Хортица стоял правительственный гарнизон — Черкасский реестровый полк и отряд польских драгун под началом полковника Гурского. Значительные силы находились в крепости Кодак. Это должно было «удержать казацкое своеволие» и закрыть дорогу в Запорожскую Сечь для крестьян, настигнутых бедой, мещан и казаков. Поэтому все бежавшие туда собирались на острове Буцком, немного ниже Сечи. Здесь, как отмечал в письме Н. Потоцкому (март 1648 г.) Хмельницкий, много «таких казаков обиженных и покалеченных несчастных блуждает, поневоле бросивших своих жен и детей и скот от таких напастей».

Сюда, на остров Буцкий, и прибыл Богдан Хмельницкий. Его встретили «с радостью с приветствием». Здесь вскоре сосредоточились основные силы восставших, здесь формировалось основное ядро народно-освободительной армии.

...Он стоял перед собравшимися в простом суконном кафтане и поношенных юфтевых сапогах, уже немолодой, но исполненный сил. На высокий лоб спадала непокорная прядь густых черных волос. Смуглое лицо со свисающими казацкими усами хотя и выглядело усталым, но говорило об огромной воле и решительности. Большие суровые глаза горели отвагой. Рядом стояли сын и верные друзья-сотники Вешняк, Бурляй, Токайчук, которые решили разделить его судьбу.

— Я пришел сюда, братья, со своими товарищами, — говорил он густым звучным басом, — как вы все, не с намерением чинить своеволие, а из-за большой беды и кривды, которые терпели от панов, украинских урядников, поставленных над нами, и потому, что нашим жизням угрожали бедствия, потому что многих из наших товарищей обобрали, ограбили, из собственных помести)! повыгоняли, а других убили и изувечили. Не могли мы спокойно оставаться по своим домам и вынуждены были, покинув жен, детей и имущество, уходить на Запорожье, Даже король польский осуждает это и выдал привилей на защиту нашу от своеволия, но здрайцы ^[39] хотели скрыть его от нас.

Хмельницкий высоко поднял над головой королевские бумаги, наклеенные на гладкую доску, чтобы всем было видно. Большая печать спешивалась на шнурке и раскачивалась на ветру.

— Поругана вера святая, — говорил Хмельницкий, и слова его были слышны, казалось, во всех концах

острова, — над священниками издеваются, униаты стоят с ножом у горла, иезуиты бесчестят веру наших отцов. Над просьбами нашими сейм глумится, с презрением относится к нам как к схизматикам. Нет ничего, что не решился бы с нами сделать шляхтич. А войско? Под предлогом укрощения непокорных ходит по селам и часто целые местечки истребляет дотла, как будто замыслили истребить всех нас... Смотрите на меня, писаря войска Запорожского, старого казака. Я уже ожидал отставки и покоя, а меня гонят, преследуют; сына у меня зверски убили, жену осрамили, состояние отняли, лишили даже походного коня и напоследок осудили на смерть. Примите мою душу и тело, укройте меня, старого товарища, защищайте самих себя, ибо и вам то же угрожает!

— Принимаем тебя, пане Хмельницкий, хлебом-солью и щирым сердцем!^[40] — кричали казаки, бросая вверх шапки.

Глаза Хмельницкого потеплели. Он разгладил усы и, подняв руку, продолжал:

— Таких издевательств, каких не видели мы и в турецкой земле, терпеть не будем. Сколько им ни издеваться над нами, надежды нашей им не убить. Пока она будет жить в нас, до тех пор мы не смиримся с неволей.

— Верно, Хмелю, правильные слова говоришь, — слышалось вокруг, и над толпой поднимался нетерпеливый гул.

— Тысячи угнетенных взывают к нам, ждут нашей помощи. Или освободим народ украинский от угнетения, или погибнем, братья. Время настало! Созывайте всех, зовите с полей, из степей, и начнем наше святое дело.

— Начнем, пане Хмельницкий, — загудело вокруг, — людей у нас хватит, а ты будь у нас за гетмана.

— Спасибо, братья, но принять вашего предложения еще не могу, это решать должен весь круг запорожский, а я и так согласен быть у вас за главного, делать все, что нужно для спасения народа и отечества нашего. Поднимемся на супостатов, но для этого нужно нам готовиться отменно: сила у поляков большая.

Из «Истории русов»: «В Сечи Запорожской Хмельницкий нашел готовых и способных под ружье казаков только с небольшим триста человек, а прочие рассеяны были по их промыслам и ловитвам^[41] рыбным и звериным. К ним воззвал и собрал Хмельницкий реестровых казаков, оставшихся от командования гетмана Гулака и в зимовниках запорожских проживавших три тысячи сто пятнадцать человек, коих склонял поднять оружие против поляков, общих супостатов. Казаки сии, не дождавшись почти окончания речи Хмельницкого, единогласно возгласили готовность свою на все его предприятия в пользу отечества и тогда же прикрыли Хмельницкого шапками своими в знак выбора его в гетманы, но он, отклонив выбор до общего войскового всех чинов согласия, вызвался предводительствовать ими в прежнем своем чине...»

Хорошо зная обстановку в стране и в Сечи, Хмельницкий, не откладывая, энергично взялся за укрепление острова Буцкого и одновременно вел подготовку восстания. По всей Украине разошлись его люди с письмами («зазывными листами»), Хмельницкий пишет универсалы, обращаясь в них к украинскому народу с призывом к борьбе против угнетателей — шляхты и магнатов. Посланные с Запорожья в волости казаки и крестьяне устанавливали связи с восставшими по всей Украине. Во все реестровые полки были направлены реестровцы, перешедшие на сторону

восставших. Они разносили письма Хмельницкого, вели агитацию.

Кобзари пели в это время на Украине:

Котрий козак шаблі булатної
Пищалі семипядної
Не маэ,
Тот кия^[42] на плечі кидаєм.
В войско до Хмельницького поспішаєм.

Козаки обнесли свой лагерь рвами и частоколом. Так что если бы правительственный гарнизон напал на остров, взять его при наличии у повстанцев в достаточной мере продуктов и пороха было бы трудно.

Работы по укреплению Сечи проводил кошевой атаман Федор Лютый. И вскоре Сечь стала неприступным укрепленным центром. Один из очевидцев этого впоследствии свидетельствовал в Москве: «Город-де Сеча, земляной вал, стоит в устьях у Чертомлыка и Прочною над рекою Скарбною, в вышину тот вал 6 сажень; с поля — от Сумской стороны и от Базавлука на валу строены пали и бойницы; а с другой стороны — от устья Чертомлыка и от реки Скарбной — на валу сделаны коши деревянные и насыпаны землею. А в том городе башня, с поля мерою кругом 20 сажень, да в той башне построены бойницы, а перед тою башнею за рвом сделан земляной городок, кругом его мерою 100 сажень, а в ней окна для пушечной стрельбы. Да для ходу по воду сделано на Чертомлыке и на Скарбною восемь форток (пролазов) и над теми фортками бойницы; а шириною-де те фортки только одному человеку пройти с водою. А мерою тот город Сеча, с поля от речки Прочною до речки Чертомлыка, сто ж сажень; а около того города обрезан ров в вышину 5 сажень; да с правой стороны речка Прочною, а с левой

речка Чертомлык, и впали те речки в реку Скарбную, которая течет позади города подле самой ров. А мерою же весь Сеча город будет кругом около 900 сажен...»

На остров и соседние с ним островки, на берега Днепра начали собираться «пластуны», «луговики», «лесовики», разного рода запорожские промысловцы, которые вливались в первый отряд Хмельницкого. Вскоре он разросся настолько, что, посоветовавшись со своими соратниками, Хмельницкий решил разгромить гарнизон, стоявший в Сечи и вокруг нее, освободить от польской стражи святыню запорожцев и всего украинского народа.

Во второй половине января 1648 года повстанцы неожиданно напали на правительственное войско у острова Хортица. Победа досталась почти без боя. Большая часть реестровцев сразу же перешла на сторону Хмельницкого. Польские же драгуны, потеряв в короткой стычке более тридцати человек, бежали. Вместе с ними в Крылов к Конецпольскому прибыл и их начальник полковник Гурский.

21 января 1648 года сдались без боя и все остальные казаки Черкасского полка. Они передали Хмельницкому Сечь со всеми запасами и лодками.

Восстание казаков на Запорожье было событием огромного исторического значения. Оно знаменовало собой начало освободительной войны против шляхетской Польши. Именно тогда отсюда разнеслись пламенные слова первого универсала к украинскому народу его великого сына: «Не подчиняйтесь больше своим урядникам, как невольники, вы, чьи отцы не признавали никаких панских законов и не подчинялись никаким королям... Против всех тех кривд, которые учинены вам, нет другого способа, как только силой и страхом смерти сломить поляков... Идите на Запорожье в неприступные места Днепровского низа, и ударим на поляков... Было бы очень хорошо, если б на поляков

ударили без всякого отлагательства казаки и крестьяне сразу и совместно».

Хмельницкий понимал, что главной силой в борьбе против шляхетской Польши являются крестьяне и казачество, и стремился прежде всего поднять их на восстание. Он предупреждал, что борьба будет жестокой и кровавой и никому не будет в ней пощады. «Что же касается меня, — писал он, — то я не буду жалеть ни жизни, ни силы, готов на всякую опасность, все отдам для общей свободы и блага. Душа моя не успокоится до тех пор, пока я не достигну того, что я определил высшей целью жизни».

Слова универсала всколыхнули весь народ — и казаков, и крестьян, и мещан, всех, кто стремился вырваться из шляхетской неволи, кто хотел свободы своему народу. Запорожская Сечь становится центром подготовки всенародного восстания. Народные массы из поколения в поколение знали запорожцев как героических борцов против иностранного гнета за единство с русским пародом, верили им, поддерживали их. За исключительно короткое время — на протяжении двух-трех месяцев — в Сечи были созданы первые отряды повстанческой армии. Ядром ее стала закаленная уже в предыдущих битвах масса рядового запорожского казачества и крестьянских повстанцев.

Весть о событиях на Запорожье не на шутку встревожила магнатов. Принимаются срочные меры, чтобы задушить начавшееся движение, чтобы не пропускать никого в охваченные волнением низовья Днепра. Повсюду на Украине шляхетская власть и отдельные магнаты усилили карательные экспедиции против восставших сел, выставляли заслоны и засады против беглецов, которые всякими путями пробирались на Запорожье, отбирали у населения оружие, чинили без разбора кровавый суд и расправу, стремясь запугать население. А старый знакомый Хмельницкого

украинский магнат Адам Кисель, с «великим усердием» служивший польской шляхте, даже предложил «не выпускать за Днепр известия о дальнейших мятежах казаков».

Особенно тревожило польскую шляхту то, что казаки могли выйти из Запорожской Сечи в «волость» и объединиться с мятежниками в Поднепровье, и тогда восстали бы крестьяне, казаки и мещане как Левобережья, так и Правобережья Украины.

Боясь народного гнева, усиливает свои войска шляхта на Украине. Они пополняются большим количеством наемников. Кроме того, каждый магнат собирал собственные отряды, которые во многих случаях, как, например, у князя Иеремии Вишневецкого, были довольно значительными.

Руководство всеми правительственными войсками на Украине в борьбе против восставшего народа было сосредоточено в руках коронного гетмана Николая Потоцкого и его помощника — польского гетмана Мартина Калиновского.

20 февраля 1648 года Потоцкий обращается с ультиматумом к восставшим: «Предостерегаю всех тех, кто пребывает у Хмельницкого, и напоминаю, чтобы вы ушли из этого своевольного сборища и, схватив самого Хмельницкого, отдали его в мои руки. Знайте, что если вы не исполните моей воли, я прикажу отобрать все ваше имущество в волостях, а ваших жен и детей вырезать». В ультиматуме Потоцкий стращал восставших выступлением против них татарских и русских войск, что было явной провокацией. Когда же запугивание не помогло, он приказывает полковнику Каневского реестрового полка выступить на Запорожье и подавить восстание казаков, а Хмельницкого убить. В помощь ему он придает войсковые силы реестровых Чигиринского и Переяславского полков.

Потоцкий издает универсал о сборе всех коронных войск, находящихся на Украине, в Баре. Стянувшись там, они двинулись в Черкассы, где к ним должны были присоединиться магнатские хоругви. Чтобы выиграть время, Потоцкий отправляет к Хмельницкому своих посланников с предложением сдаться, а взамен обещает вернуть хутор Субботов и гарантирует безопасность.

Хмельницкий хорошо знал цену этим заверениям. Он принимал гетманских послов и тут же отправлял их с требованиями отвода польско-шляхетских войск с Украины, ликвидации «Ординации» 1638 года, устранения из Запорожского реестрового войска всех польских шляхтичей. Он знал: гетман ни за что не согласится на это, но Богдану нужно было также выиграть время.

С той поры, когда Хмельницкий решился на открытое выступление против шляхты, он словно сбросил с себя какую-то страшную тяжесть, которая всю жизнь давила и не давала расправить грудь и вздохнуть в полную силу. Теперь он знал, как будут поступать люди, жизнь и будущее которых ныне связаны с ним, зависят от его решений. Знал он также, как будет действовать его старый знакомый коронный гетман Потоцкий. Все, что сейчас делает Потоцкий, подчинено одному: выиграть время, чтобы собрать войско и ударить по Запорожью. С этой целью он и прислал к нему своего любимца, знавшего, как выражался о нем Потоцкий, все «казацкие гуморы», ротмистра Ивана Хмелецкого и полковника Кричевского, надеясь, что, будучи старыми знакомыми Хмельницкого и «многих его казаков, они сумеют удержать их от выступления».

С этими послами, как и с их предшественниками, разговор шел все о том же. Выпив добрую кварту

горилки и закусив чем бог послал, Хмелецкий начал убеждать Хмельницкого:

— Даю честное слово, что волос не упадет с твоей головы.

Хмельницкий, усмехаясь, доливал Хмелецкому горилки и уже в сотый раз отвечал гетманскому посланцу:

— Я не мятежник и замыслов враждебных не имею, а бью челом его милости краковскому пану: во-первых, чтоб он выступил с войском с Украины, во-вторых, чтоб он сменил с начальства над казаками ляхов, которые теперь находятся на командных должностях, ибо ляху не следует старшинствовать над казаками, а в-третьих, чтоб уничтожил постановления, обидные для казаков, чтоб они могли свободно пользоваться всеми правами, дарованными королем и его предшественниками. А без того я тоже на волос не отступлюсь.

Хмелецкий уговаривал Богдана, люто ругался для убедительности, но тот стоял на своем. Кричевский отмалчивался и лишь налегал на горилку. Он не верил Потоцкому и не хотел подводить своего друга, лишь передал вести о семье да призывал к разуму, чтобы не лилась понапрасну кровь.

Хмелецкий, видя, что их разговор с Хмельницким ни к чему не приводит, попросил созвать казацкую раду и этим окончательно завел переговоры в тупик. На раде послов Потоцкого встретили неприветливо. Послы, как писал неизвестный мемуарист, «наслушались суровых голосов и криков». Когда Хмелецкий предложил восставшей старшине отойти от «мятежа» и таким образом предать восстание, обещая, что с их головы и волос не упадет, присутствующие ответили на его слова взрывом негодования.

Пришлось послам уезжать, ничего не добившись. Проводив их, Хмельницкий снова возвратился к неотложным делам, которые захватывали его целиком

и требовали немедленного решения. Запорожье готовилось к войне. Кроме острова Буцкого, по всем правилам военного искусства укреплялись другие острова и пункты, прикрывались подступы к Сечи с севера.

Зная, что Потоцкий пытается опорочить его перед русским царем и другими возможными союзниками, Хмельницкий старался установить контакты с Москвой. Желая укрепить давнюю дружбу и договориться о дальнейшем сотрудничестве, связался с донскими казаками, послал представителей с дружескими заверениями и просьбой о помощи к крымскому хану.

Магнаты вынуждены были считаться с позицией, которую займет русское правительство по отношению к восстанию, с тем широко известным фактом, что украинский народ все свои надежды на освобождение от шляхетского угнетения всегда самым тесным образом связывал с помощью русского народа. И первое, что они сделали, — это попытались оговорить восставших перед русскими людьми и русским правительством. Посыльные от шляхетских чиновников на Украине понесли российской пограничной администрации десятки писем, в которых события на Запорожье освещались в самом невыгодном свете. В них говорилось, например, что казаки хотят вместе с татарами напасть на Россию. При этом преследовалась цель — разжечь конфликт между русскими войсками и казацко-крестьянскими силами, таким образом спровоцировать выступление против них и татар, и российских войск. Магнаты и шляхта надеялись, что продвижение российских войск на территорию Украины, с одной стороны, поможет справиться с мятежниками, с другой — породит недоверие к России среди населения Украины.

Особенно усердствовал в клевете Адам Кисель. 18 марта 1648 года в письме к путивльскому воеводе

князю Юрию Долгорукому он писал: «Некоторая часть, тысяча или немного больше своевольников казаков-черкасцов бежали на Запорожье; а старшим у них тут хлоп, нарецається Хмельницкий, и думают донских казаков подбита на море...» Кисель напоминал, что совместный поход казаков запорожских и донских на Черное море нарушил бы мир с турецким султаном. И потому, дескать, если бы Хмельницкий удрал на Дон, то его следует поймать и выдать Польше.

Хмельницкий действительно желал связи с донским казачеством, и на его просьбу донские казаки прислали целый отряд своих храбрецов, но не для похода на Черное море против турок, а для поддержки побратимов, поднявшихся против угнетателей.

Большой радостью для Хмельницкого и его товарищей было прибытие Ивана Богуна, который с группой запорожцев помогал донским казакам отбивать нападения татар и турок, стремившихся уничтожить главный город Войска Донского Черкасск и укрепиться в устье Дона. Слава Богуна как отчаянного смельчака и искусного воина гремела не только на Украине, но и на Дону.

Теплой, поистине братской была их встреча. Хмельницкий радостно обнял широкоплечего, тонкого в талии Богуна. Он откровенно любовался им. Небольшой чуб, крутой подбородок и ровный нос с широкими ноздрями, резко спущенные книзу усы. Широкими, смелыми дугами разбегались от переносицы тонкие брови. Там, где они сходились, был заметен давний шрам, придававший лицу суровость. Карие веселые глаза замечали, кажется, все вокруг. Это был человек львиной смелости и лисьей хитрости. Говорили, что его и пуля не берет, и черт со страхом обходит.

Тут же стоял и молча крутил длинный ус казак со свирепым выражением лица, с длинным искривленным

носом, высокий и жилистый — давний побратим Богдана еще по турецкой неволе Максим Кривонос.

Сейчас им нужно было решить, что делать дальше. Много неотложных проблем стояло перед Хмельницким. Его осведомители доносили, что Потоцкий, которому не удалось выманить повстанцев с Запорожья, спешно собирает войска. И теперь уверения Хмельницкого, что он поднял войну не против короля и магнатов, а только для восстановления своих прав и наказания Чаплинского и ему подобных, теряли всякий смысл. Отсидеться в Сечи не удастся, да и народ не позволит. Нужно было идти в густонаселенные районы, к большим городам. Там его поддержат крестьяне, казаки, мещане. Необходимо склонить на свою сторону реестровые полки. И лишь тогда можно будет решиться на битву с коронным войском. А главное, их замыслы и дела должен поддержать весь народ. Это было так же важно, как и союз с Россией. Об этом говорит все их прошлое, когда именно идея союза Украины с Россией прибавляла силы украинскому народу в борьбе с угнетателями Украины, этого союза как никогда раньше требует и настоящее, когда в нем и в их борьбе видится спасенье народа. Идея воссоединения жила в народе, который глубоко верил в поддержку братского русского народа.

Размышляя о делах повстанцев, Хмельницкий видел насущную потребность договориться о союзе с крымским ханом, хотя и знал его коварство. Нельзя было допустить коалиции татар с Речью Посполитой. Было отправлено два посольства в Крым. Одно из них возглавил Клыша, которого хорошо знали татары, а другое — Кондрат Бурляй, не менее известный по войнам и походам. Однако переговоры пока не дали результатов. Посредником при переговорах стал приближенный к хану Ислам-Гирею III мурза Тугай-бей,

которому возвратили сына, взятого ранее в плен казаками. Но и это не помогло.

Положение крымского хана Ислам-Гирея III у самого было непрочным. Стремясь укрепить свою власть и ослабить зависимость от Турции, он сместил визиря Сефер-Гази-агу, ставленника крупных феодалов, и заменил своим человеком Махметом-агой. Недовольные феодалы подняли мятеж, началась кровавая война за трон. Хану нужна была сила, на которую он мог бы опереться. На Речь Посполитую надежды было мало. Когда он направил королю Владиславу IV посла с требованием дани, не плаченной уже несколько лет, то ему решительно отказали в этом. А когда посол попросил допустить его к целованию королевской руки, то ему и в этом отказали, разрешив только коснуться края королевского плаща. Это было уже явным оскорблением. Выйдя из тронного зала, где давалась аудиенция, посол Ислам-Гирея сказал, что считает это объявлением войны. Так что хану пришлось обратить взоры в другую сторону. Правда, со временем, когда в междоусобной борьбе было пролито немало крови, Сефер-Гази поклялся Ислам-Гирею в своей верности, был прощен и даже наделен визирством, в Крымском ханстве как будто наступило затишье. Но оно было призрачным. Хан по-прежнему искал союзника, который в случае опасности, если бы и не поддержал прямо, то хотя бы заслонил, не дал врагам ударить в спину.

Хмельницкий и запорожская старшина знали об этом. Решено было, что к хану поедет сам Богдан. Поездку эту постановили держать в тайне. Среди казаков распространили слух, что Хмельницкий вместе с сыном Тимошем и частью старшины возвратился на остров Буцкий, где они обдумают дальнейшие планы восстания.

Прибытие в Бахчисарай казацкой старшины во главе с Хмельницким, имя которого было хорошо известно

татарам, насторожило Ислам-Гирея. Хан боялся, что ляхи специально направили Хмельницкого в Крым, чтобы обманом там его погубить. В то же время открывалась возможность заключить союз с казаками и укрепить свое положение и независимость по отношению к Порте.

В знак особого расположения Ислам-Гирей принял Хмельницкого в личном кабинете. Присутствовали лишь самые доверенные мурзы. Был отослан и толмач^[43]. Ислам-Гирей неплохо знал украинский и польский языки. Около семи лет он пробыл в плену у поляков, был и на Украине. Отпущенный королем Владиславом домой, он, обвиненный своим братом Магоммед-Гиреем, в заговоре против турецкого правителя Кафы, был сослан на остров Родос. Времена изменились, и по велению того же кафского паши он был поставлен царствовать над Крымом. Не раз сталкивался с Хмельницким как военачальником в битках и уважал его за военное искусство и ум. Когда Хмельницкий вошел к хану, тот учтиво приветствовал его и поблагодарил за привезенные подарки. В знак уважения к Ислам-Гирею Хмельницкий отвечал ему по-турецки и по-татарски.

— До сих пор, — говорил Хмельницкий, — мы были врагами вашими, но единственно от того, что были под ярмом ляхов. Знай же, светлейший хан, что казаки воевали с тобою поневоле, а всегда были и будут друзьями подвластного тебе народа. Мы теперь решились низвергнуть постыдное шляхетское иго и предложить вам дружбу и вечный союз... Наши враги ляхи — и ваши враги; они презирают силу твою, светлейший хан, отказываются платить тебе должную дань и еще понуждают нас нападать на мусульман. Но чтобы ты знал, что мы поступаем искренне, мы извещаем тебя об их замыслах и предлагаем тебе

вместе выступить против изменников и клятвопреступников.

Хмельницкий прервал свою речь и вручил хану королевские письма. Прочитав их, Ислам-Гирей передал одному из мурз.

Хан расспросил Хмельницкого о его нуждах, и на том их первая встреча была окончена. Хмельницкий понимал, что Ислам-Гирею необходимо посоветоваться со своими мурзами, которые в тот же день были призваны к нему.

— Казаки просят содействовать им в борьбе против поляков, — говорил Ислам-Гирей. — Не подослан ли Хмельницкий от короля к нам, чтобы обмануть нас, выманить орду в поле и навести на готовое шляхетское войско, которое могло бы погубить татар? Испытайте Хмельницкого.

Задобренные подарками мурзы передали слова хана Хмельницкому. Однако те мурзы, которые не раз были биты казаками, выступили против союза с ними. Когда же Хмельницкий обратился к ним за содействием в переговорах, они с гневом отвечали:

— Вот как! Недавно вы не давали нам покоя, а теперь просите помощи! Вы наши враги, и мы же должны проливать за вас кровь!

Все это очень беспокоило Хмельницкого. Нужно было каким-то образом убедить хана в том, что приехали они в Бахчисарай с искренними намерениями и «камня за душой не имеют». Но для этого необходимы были очень веские доказательства. Хмельницкий предложил присягнуть, что просит помощи без хитрости и обмана. И хан повелел присягнуть ему на своей сабле, что Хмельницкий и совершил в присутствии всех ханских мурз. После этого хан согласился на союз.

В помощь казакам Ислам-Гирей послал орду под командованием Тугай-бея, одного из влиятельнейших

мурз оппозиционной феодальной группировки. Этим хан обезопасил себя от недовольства Стамбула за самовольный поход на Польшу: все можно было свалить на непокорных вассалов. Он пытался также до поры не рвать отношений с Польшей. И как только Хмельницкий выехал из Бахчисарая, тут же отправил гонца к коронному гетману Николаю Потоцкому и князю Иеремии Вишневецкому, с которым был хорошо знаком, с уверениями в дружбе.

Уладив дела с ханом и его мурзами, Хмельницкий попросил разрешения вернуться на Украину. Хан дал свое «благосклонное согласие», по повелел оставить в Бахчисарае сына Тимофея. Ислам-Гирей был верен себе: доверять, но обеспечивать себя залогом. Хмельницкий сначала возмутился, но делать было нечего. Он в руках хана, остается только подчиниться. Решиться на это непросто. И не только из-за сына, но и потому, что приходится, по сути, открывать татарам свободный проход на Украину, которой они принесли уже немало горя и слез.

Тяжелый, вынужденный шаг. Но другого пути не было. Поймет ли его шестнадцатилетний Тимофей? Когда Хмельницкий заговорил об этом с сыном, тот молча согласился, хотя и было видно, что давал согласие в некотором смятении.

Хмельницкий посоветовал Тимошу не терять даром ни одного дня, внимательно приглядываться к восточным обычаям, заводить знакомства среди мурз, научиться языкам. Двум казакам, которые оставались с сыном, наказал беречь его, а также следить за ханским двором, изучать его порядки и наладить тайную передачу сведений на Запорожье. Накануне отъезда Хмельницкий привел сына к хану. Тот повелел Тимошу и казакам, которые оставались с ним, жить на той же квартире у армянина Аветика-оглы, где размещалось казацкое посольство, являться каждый день к ханскому

двору, откуда они будут получать необходимое довольствие. А армянину было приказано «абы не без дишкреции^[44] обходился со своим гостем, сыном Хмельницкого».

Хмельницкому был подарен черкесский панцирь, колчан, лук и стрелы, розовый кафтан из златоглава, кунтуш темно-зеленого французского сукна, позолоченная сабля. Подарки получили сопровождавшие его старшины.

Заклучив соглашение с крымским ханом, Хмельницкий показал себя мудрым политическим стратегом. Польской дипломатии был нанесен решительный удар, позволивший в очень ответственное для восстания время разъединить соучастников по насилию над украинским пародом. Союз с крымским ханом сыграл важную роль в предупреждении вступления в войну Турции на стороне Речи Посполитой. И хотя, как показало время, участие татарских отрядов в битвах украинского народа против шляхетских войск имело только вспомогательное значение, уже одно то, что они были на стороне восставших, сыграло определенную роль.

Правда, не все на Запорожье принимали этот союз. Еще до соглашения некоторые говорили: «Вольно вам волю гетманскую и свою вершить, по не знаю, будет ли оно хорошо, чтобы нам поганцев за опекунов себе брать. Даст бог, наше войско и само сможет от ляхов оборониться». Но таких было немного. Большинство же понимало, как важно было ослабить лагерь противника.

В конце февраля 1648 года Хмельницкий выехал наконец из Бахчисарая. Вместе с ним на Украину шла четырехтысячная татарская орда во главе с Тугай-беем. Двигались быстро. Хмельницкий знал дорог каждый день, каждый час. Шляхта не сидит сложа руки и усиленно готовится к выступлению.

18 апреля уже приблизились к Сечи. Оставив Тугай-бея с ордой в устье реки Базавлук, Хмельницкий с товарищами и четырьмя татарами, приближенными Тугай-бея, с замиранием сердца направился в кош.

Солнце уже клонилось к закату, когда он ступил на родную казацкую землю. Навстречу ему вышли кошевой атаман Федор Лютай, атаманы, старшины, демонстрируя этим полное согласие с его планами и действиями. А когда узнали о том, что хан им поможет, что он уже и войско прислал, кош наполнился радостными криками.

Приветствуя побратимов, делясь с ними радостью, Богдан замечал, что вокруг множество вооруженных людей. Лица их были исполнены решимости. Значит, дело не утихло, шла подготовка к выступлению.

И действительно, как только Хмельницкий отъехал к хану, Федор Лютай «затягнул с лугов, веток и речек все войско низовое Запорожское, конное и пешое, предложивши им, иж певная^[45] есть потреба того их в Сечи Запорожской прибытия и совокупления». О цели сбора запорожцев кошевой не объявил никому до самого возвращения Хмельницкого.

19 апреля 1648 года кошевая старшина решила созвать в Сечи раду. Накануне вечером по старому казацкому обычаю степь и днепровскую гладь всколыхнули громовыми выстрелами три самые большие сечевые пушки, оповещая всех, что на следующий день соберется казацкий круг. Утром следующего дня залп был дан снова. Это уже был сигнал к сбору. И со всех концов стали стекаться в Сечь конные и пешие казаки, беглые крестьяне, мещане, скрывавшиеся по ближним к Сечи хуторам, байракам^[46]. Не зная, зачем их созвали, они с нетерпением ожидали, что им объявит кошевой. «Егда же розевинуло^[47], — говорит летописец, — и солнце

огнезрачии и ясно-блистательными свои по всей поднебесной размяло лучи», все были в сборе. Со времени основания Сечи майдан^[48] не знал такого скопища людей. Были заполнены также валы и стены вокруг. Но еще — многие казаки остались в степи. И тогда кошевой с Хмельницким и со всем войском вышли из крепости на просторное поле около Сечи.

Ударили в литавры, возвещая о начале рады. Первым выступил кошевой атаман Федор Лютый. Давний товарищ Хмельницкого, он полностью разделял его помыслы и теперь говорил о тех притеснениях, которые терпит украинский народ от ляхов, о том, что пришла пора освободиться от них, что Хмельницкий решил на «военное против поляков дело за обиды и тяжести козацкие и всея Малыя России от поляков» и что казачество и весь народ поддерживает его и этом. Потом кошевой объявил, что Хмельницкий ездил в Крым и хан прислал помощь казакам, что орда мурзы Тугайбея стоит уже наготове близ Сечи. И чтобы скрепить этот союз, Хмельницкий оставил хану своего старшего сына Тимоша.

После этих слов кошевого днепровский простор огласился возгласами собравшихся:

— Слава и честь Хмельницкому! Пусть Хмельницкий будет нашим головою, а мы все готовы идти против панов и помогать Хмельницкому до последнего дыхания!

Кошевой словно ожидал этого, сразу же послал сечевого писаря вместе с куренными атаманами и другими уважаемыми казаками в войсковую скарбницу, чтобы принес немедля клейноды^[49]: королевскую хоругвь, бунчук^[50] с позолоченным шаром, позолоченную булаву с камнями и серебряную войсковую печать. После этого кошевой атаман призвал избрать гетмана, который поведет народ украинский на

священную войну. И снова все стали выкрикивать имя Хмельницкого. Тогда Хмельницкий вышел на середину круга, и кошевая старшина поднесла ему знаки гетманской власти. По давнему обычаю, сняв шапку, Хмельницкий поклонился и дважды отказался от такой высокой чести. Только после третьей просьбы присутствующих на раде он взял булаву. За его спину зашел казак и высоко поднял бунчук.

Хмельницкий надел шапку, глубоко вздохнул и, широко расправив плечи, обвел зорким, все запоминающим взглядом, майдан. И в его взгляде, в твердо сжавшей булаву руке и во всей его богатырской фигуре чувствовались непреклонная воля и сила. Ему с надеждой и решимостью народ вручил ныне свою судьбу, судьбу Родины.

Желтые воды. Первая победа

Для магнатов и правительства Речи Посполитой события на Украине, особенно в Запорожской Сечи, стали заботой первостепенной важности. И великий коронный гетман Николай Потоцкий, исчерпав все дипломатические возможности, решил подавить восстание военной силой. 21 марта 1648 года он писал королю: «Не без размышления и основательного рассуждения двинулся я на Украину с войском вашей королевской милости, пана и благодетеля моего. Привели меня к этому весьма важные побуждения: сохранение неприкосновенности и достоинства как вашей королевской милости, так и самого отечества и его свободы».

Знал Потоцкий, чем угрожает Речи Посполитой разгоравшееся восстание, знал, на что способен казак при поддержке крестьян и мещан, и поэтому писал: «Казалось бы, легкое дело уничтожить 500 человек бунтовщиков, но если рассудить, с каким упованием и с какою надеждою возмутились они, то каждый должен признать, что не ничтожная причина заставила меня двинуться против 500 человек, потому что эти 500 подняли бунт в заговоре со всеми казацкими полками и со всей Украиною».

Не пятьсот, а уже несколько тысяч человек встали в ряды войска Хмельницкого, но даже пятьсот казались коронному гетману страшной силой. «Этот безрассудный человек, Хмельницкий, — писал Потоцкий, — не преклонится перед милостью. Не раз я уже посылал к нему, чтоб он оставил Запорожье, обещал ему помилование, отпущение преступлений. Ничто на него не действует. Послов моих задержал. Наконец, послал я и пана Хмелецкого, ротмистра вашей

королевской милости, человека расторопного и хорошо знающего казацкие нравы, с увещанием, ручаясь моим словом, что волос не упадет с его головы. Но, не тронутый и этой благосклонностью, отправил ко мне моих послов с требованием, чтобы коронное войско вышло из Украины; чтобы паны полковники со всею их ассистенцией^[51] были из полков удалены; чтобы правительственная ординация относительно казаков была уничтожена».

Потоцкий сообщал королю, что Хмельницкий позвал на помощь татар, и они уже пришли к нему, что у Хмельницкого теперь значительные войска. «Упаси боже, — восклицал Потоцкий, чтобы он вышел с ним на Украину».

Под знаменем самого Потоцкого находилась большая по тем временам армия, которая насчитывала около 24 тысяч отборных жолнеров с артиллерией. Главные силы остановились между Черкассами и Корсунем. Потоцкий расположился в Черкассах, а в Корсуне устроил свою резиденцию польный гетман Мартин Калиновский, который командовал войском вместе с коронным гетманом. В польском военном стане были также шляхтич Адам Синявский, обозный коронный Казановский, польский казацкий комиссар Яцек Шемберг со своими хоругвями. При старом Потоцком состоял и его сын Стефан Потоцкий, мечтавший разгромом восставших добыть себе славу полководца. Каждый из них считал себя знатоком военного дела и старался убедить остальных в преимуществах своего плана разгрома мятежников, И на бесконечных попойках они только и говорили об этом. За банкетам и спорами пришла пасха, разлился половодьем седой Славутич — Днепр, а разговоры продолжались...

В один из таких апрельских дней к польским войскам пробился перебежчик и сообщил, что Хмельницкий уже вышел из Запорожья. Обрюзгший от вина и еды Потоцкий созвал военный совет. Споры разгорелись с новой силой. Калиновский настаивал на немедленном выступлении всем войском против восставших. Однако приверженцы Потоцкого считали для себя позором посылать такое огромное войско против «презренной шайки отверженных подлых хлопов».

— Чем меньше будет отряд, который истребит эту сволочь, тем больше будет славы, — изрек полупьяный Потоцкий.

Сформировали такой отряд под командованием сына Потоцкого Стефана, придав ему опытного ротмистра Яцка Шемберга. Отряд состоял из двух частей; одна, численностью около шести тысяч человек, продвигалась сушей, другая, включавшая две тысячи иностранных наемников и четыре тысячи реестровых казаков, должна была плыть по Днепру вниз на байдаках^[52]. Казаки шли под командованием генеральных есаулов Ивана Барабаша и Иляша Караимовича. Был здесь и добрый товарищ Хмельницкого, его кум полковник Кричевский, но у старого полковника, родившегося на Украине в семье греческого вероисповедания, не лежала душа к польским магнатам. Те платили ему тем же.

Тревожась за сына, перед отплытием казаков Потоцкий, несмотря на свой гордый характер, призвал к себе их руководителей и, забыв о гоноре, просил поддержать молодого Потоцкого. Он напомнил реестровой старшине, что паны и высокие сановники не только не теснили казаков-реестровцев, но нуждались в добром с ними согласии для защиты от домашней черни и татар.

Барабаш заверил Потоцкого в неизменной преданности и поклялся изловить Хмельницкого, как некогда Сулиму.

Отряды должны были соединиться около Кодака и общими силами ударить по низовикам.

Провожая сына в поход, гетман напыщенно напутствовал его:

— Иди, и пусть твоя слава войдет в историю!

Потом самонадеянно обратился к шляхте, которая, отправляясь в поход, мечтала, как говорили тогда, украсить свое чело марсовым венцом:

— Пройдите степи и леса, разорите Сечь, уничтожьте дотла презренное скопище и приведите зачинщиков на справедливую казнь.

В ответ ему неслось победное «виват!».

Войско двинулось на Черный шлях. Туда же в начале апреля выступил из Запорожья Хмельницкий, продвигаясь вдоль реки Базавлук, заветной «запорожской дорогой».

Из летописи Самоила Величко: «Хмельницкий, гетман новый, в неделю третью по пасхе святых мироносиц, апреля 22, из Сечи с войском запорожским рушивши^[53], и с Тугай-беем-мурзою в полю выше Базавлука совокупившись, и намерен был прямо на Чигирин с войском простувати^[54]..., рушил в путь свой под Воды Жолтые, многими ума своего очами, яко ловец хитрый, на все стороны поглядаючи и караулы в милю и далее от обоза имеючи».

Хмельницкий хорошо знал, что делается во вражеском стане. И как только ему сообщили о планах Потоцкого и об отправленном отряде, он сразу же собрал около трех тысяч казаков и посполитых с артиллерией и пошел навстречу врагу. По пути Хмельницкий принял решение — не дать отрядам Стефана Потоцкого соединиться у крепости Кодак,

разбить их по частям, а затем нанести решительный удар основными силами коронного гетмана.

Продвигаясь быстрым маршем на север, Хмельницкий ехал впереди войска на белом аргамаке, окруженный товарищами, еще и еще раз продумывая план действий. И убеждался, что принял правильное решение. Вот только волновал его перекопский мурза Тугай-бей. Сейчас все решает быстрота марша, а татары двигались медленно, нерешительно. Когда Хмельницкий попросил поторопить орду, Тугай-бей ответил, что беспокоиться не стоит, он успеет. Но верные товарищи сообщили, что Тугай-бей сказал своим приближенным:

— Не будем спешить. Присоединимся тогда, когда казаки втянутся в бой и хотя бы наполовину сделают дело.

Наконец прибыли к Желтым Водам, куда стремился и Стефан Потоцкий. Расположились у левого берега реки, в верховьях, где она разливалась двумя рукавами, образуя лесистый полуостров. В одну ночь возвели укрепление в форме четырехугольника, который прикрывался лесом.

Вскоре пришли и татары. Они стали отдельным лагерем, готовые наброситься на все, чем можно поживиться. Один из польских жолнеров, попавший в плен к татарам и впоследствии написавший о пребывании у них, дал такую характеристику отряду Тугай-бея: «Орда никчемная, несмелая, в кожухах и сермягах, без сабель, без луков, чаще всего с маслаками, это — кость, насаженная на гибкое дерево, что хуже, чем сабля. Татар было много, но когда одна хоругвь с ними встретилась, они разбежались».

Это было не совсем так. Татарская орда хотя действительно была плохо одета и постоянно готова к разбою, но как воинская сила представляла собой

немалую угрозу, нагоняя страх на своих противников. Да и вооружена была неплохо.

Восемь дней двигался шляхетский отряд к Желтым Водам. Спешить было некуда. Под лучами весеннего солнца среди бескрайнего моря зеленой травы отряд выступал величаво, уверенный в своей силе и непобедимости. На резвом коне ехал Стефан Потоцкий. Жарко сверкал золоченый панцирь. Вместо плаща накинута роскошная леопардовая шкура. Ветер играл в золоте длинного шарфа. Грозно блистал на солнце золотой шлем. За предводителем на откормленных лошадях выступала облаченная в искусно сработанные доспехи кавалерия, дальше шли уланы и драгуны, за драгунами — артиллерия, а еще дальше — пеший казачий полк и немецкая пехота. Шли веселые, уверенные в быстрой победе.

Однако чем ближе подходили к Желтым Водам, настроение в отряде менялось. Постепенно стихли громкие бахвалы и разговоры и смех. Подойдя к реке Желтые Воды и переправившись на левый берег, увидели уже укрепленный лагерь казаков и вовсе приуныли. Посоветовавшись, решили спешно вернуться назад за реку.

У самого берега под руководством Шемберга заложили три шанца в форме треугольника, намереваясь дождаться здесь второго отряда, спускавшегося вниз по Днепру.

Но и Хмельницкого этот отряд очень интересовал, поэтому вдоль берега на его пути он выставил дозорцев во главе с уманским полковником Иваном Ганжой.

Как только лодки приблизились к берегу, дозорные стали призывать сидевших в них реестровцев покинуть панов и перейти на сторону восставших.

В первом байдаке плыли реестровые казаки во главе с полковником Кричевским. Он узнал Ганжу, стоявшего на возвышении, и велел причалить к берегу.

Кричевский с радостью узнал, что Хмельницкий с войском уже в Желтых Водах и надеется, что он со своими реестровцами присоединится к нему. Кричевский не задумываясь согласился. За ним пошли и другие казаки.

Ганжа тут же послал к Хмельницкому казака с вестью.

В лагере Хмельницкого было не очень радостно. На рассвете 19 апреля 1648 года его казаки ударили по неприятелю, но попытка оказалась неудачной. На следующий день, окружив лагерь, казаки ночью подвели шанцы к самым укреплениям, поставили орудия и гаковницы^[55]. Но жолнеры выбили повстанцев с занятых позиций. После этого начались мелкие стычки, которые не обещали победы ни одной, ни другой стороне.

Хмельницкий собирал своих старшин, советовался с ними. Если к шляхетскому лагерю подойдет помощь, поражение почти неминуемо. Стороны напряженно выжидали и готовились к дальнейшим схваткам.

Настал день 24 апреля 1648 года. Хмельницкий ходил по шатру, слушал советы Кривоноса и других сподвижников, а сам обдумывал тот единственный верный ход, который дал бы возможность быстрее покончить с отрядом Стефана Потоцкого и Шемберга. Гадали: помогут татары или снова отсилятся за болотом? Нужно было немедленно решать, что делать дальше.

И вдруг около шатра послышался топот быстро приближающейся лошади, потом громкий разговор с джурой, и внутрь вбежал казак, один из тех, кого он направил в дозор.

— Батьку! — обратился он к гетману. — В Каменном Затоне пристал к берегу байдак с реестровцами. А с ними Кричевский. Согласны присоединиться к нам!

Лицо Хмельницкого просветлело. Не дослушав, он обнял гонца и трижды расцеловал.

— Спасибо, брат, утешил. Скачи назад и передай Кричевскому, что хочу его видеть у себя. А Ганже скажи — пусть и дальше действует так же.

Реестровцы, подплывая к Каменному Затону, видя причаленный к берегу байдак Кричевского, также причалили к берегу. Скоро уже все байдаки были у берега. Из них выскакивали казаки, разминали затекшие ноги и собирались к установленной на возвышении хоругви, под которой стояли Ганжа и Кричевский. Одними из первых подошли Филон Джеджелий и Богдан Топыга, узнавшие своего побратима Ганжу. На них-то Ганжа и возложил ответственную миссию. Когда большинство казаков вышли на берег, они прокричали:

— Черная рада!

— Собирайтесь на раду!

Их поддержали те, с кем уже успели поговорить Ганжа и Кричевский.

— Хватит, наслужились шляхте! Черная рада!

И вот сошлись в круг казаки. Первым к ним обратился Ганжа.

— Братья, товарищи мои! Я по велению гетмана нашего Богдана Хмельницкого выступаю здесь перед вами. Поднялись мы за веру и казачество и за весь народ русский, — кричал Ганжа, держа в руках знамя. — Неужели вы будете проливать кровь своих братьев? Разве не одна Украина породила нас? Короне ли польской пособлять станете, которая заплатит вам неволею, или матери своей Украине? Становитесь с нами, братья, против шляхты!

Ганжу поддержал Кричевский.

Собрание было шумным. Сбросили есаулов Барабаша и Ильяша Караимовича, а вместо них выбрали старшим Джеджелия. Когда Барабаш и Караимович

попытались сопротивляться, их тут же схватили и казнили как изменников. Перебили и немецких наемников. После этого Джеджелий распределил всех по полкам и двинул на помощь восставшим.

Из донесения коменданта крепости Кодак Гродзицкого К. Потоцкому (май 1648 года): «Сообщаю Вашей милости, моему любезному пану, печальную весть: 24 апреля около Каменного Затона все запорожское войско, которое шло водой, взбунтовалось и побило полковников и всю старшину. Эго несомненная и верная новость. Верьте мне, милостивый пан, ибо сегодня в первом часу ночи прибежали ко мне два моих раненых мушкетера, которых я послал было туда с мортирой и гранатами... Они избрали себе есаулом Дзяция Кривуню (Филона Джеджелия. — В.З.). Те же мушкетеры рассказали мне также, что у них был совет о том, чтобы переправить через Днепр орду и хана и, выступив вместе, разгромить пана комиссара и потом овладеть Кодаком».

Хмельницкий встретил восставших реестровых казаков перед лагерем. Он был на белом аргамеке. За ним выступала старшина. На свежем ветру реяло белое знамя, на котором большими буквами было выведено: «Мир христианству!»

Полки реестровых остановились. Наперед выехал Джеджелий. Его кряжистая коренастая фигура, лицо с маленькими татарскими узкими раскосыми глазами выражали решительность и волю. Сняв шапку, он чуть склонил голову перед Хмельницким.

— Кланяемся и клянемся тебе, гетман, и приходим служить верой и правдой народу своему, святой церкви и матери нашей Украине!

Хмельницкий расправил плечи, оглядел потеплевшим и в то же время острым взглядом примолкшие полки и громовым голосом проговорил:

— Добре и во славу отчизны нашей учинили, братья!

Над полками разнеслись радостные восклицания, поднялись руки с оружием, полетели вверх шапки. Но Хмельницкий поднял булаву, и все сразу стихло. Среди тишины звучал только сильный голос гетмана:

— Братья, рыцари, молодцы! Пусть будет вам ведомо, что взялись мы за сабли не ради славы и добычи, а ради обороны жизни, жен и детей наших. Ляхи отняли у нас честь, вольность, веру — все это в благодарность за то, что мы проливали кровь, обороняя и расширяя Польское королевство! Так что же, нам оставаться невольниками на собственной земле своей?

Гневные голоса возмущения разнеслись по полю.

— Не будет этого! Одна мать — Украина — родила нас! Постоим за нее и за весь наш народ!

Снова вскинулась вверх гетманская булава, и все постепенно стихло. И снова Хмельницкий обратился к ним как к братьям, как к рыцарям отчизны, ее защитникам и спасителям.

— Помыслите, братья и други, помыслите и рассудите, против кого вы вооружились и за кого хотите брань с нами иметь, и кровь свою и нашу втуне проливать? Я и окружающие меня товарищи единокровная и единовенная ваша братия; интересы и пользы наши одни суть с пользами и нуждами вашими. Мы подняли оружие не для корысти какой или пустого тщеславия, а единственно на оборону отечества нашего, жизни нашей и жизни чад наших, а равно и ваших! Все народы, живущие во вселенной, всегда защищали и будут защищать вечно бытие свое, свободу и собственность, и самые даже пресмыкающиеся по земле животные, каковы суть звери, скоты и птицы, защищают становища свои, гнезда свои и детища свои до изнеможения; и природа по намерению творца всех и господа снабдила разными к тому орудиями каждого из них.

Почто же нам, братие, быть нечувствительными и влачить тяжкие оковы рабства в дремоте и постыдном невольничестве в собственной еще своей земле? Поляки, вас вооружившие против нас, суть общие и непримиримые враги наши. Они уже все отняли у нас: честь, права, собственность и самую свободу разговора и вероисповедания нашего; остается при нас одна жизнь, но и та ненадежна и несносна самим нам; да и что за жизнь такая, когда она преисполнена горестей, страхов и всегдашнего отчаяния? Предки наши, известные свету славяне или русы, соединясь с литовцами и поляками добровольно и ради обоюдной защиты от иноплеменников, пришли к ним с собственной своею природною землею, с своими городами и селениями и своими даже законами и со всем, в жизни нужным. Поляки ничего им и нам не давали ни за грош, и заслуги наши и предков наших в обороне и расширении королевства их известны всей Европе и Азии; да и сами поляки хрониками своими очевидно то доказывают. Но пролитая за них кровь наша и избиение на ратных полях тысячи и тьмы воев наших награждаются от поляков одним презрением, насилием и всех родов тиранствами. И когда вы, о братья наши и други, когда не видите унижения своего от поляков и не слышите презрительных титулов хлопа и схизматика, то вспомните, По крайней мере, недавние жертвы предков ваших и братии вашей, преданных коварством и изменою и замученных поляками самым неслыханным варварством.

Вспомните, говорю, сожженных живыми в медном баке гетмана Наливайко, полковника Лободу и других; вспомните ободранные и отрубленные головы гетмана Павлюги, обозного Гремыча и иных; вспомните, наконец, гетмана Остряницу, обозного Сурмило, полковников Недригайло, Борона и Рындича, коих колесовали и живыми из них жилы тянули, а премногих

с ними чиновников ваших живых же на спицы воткнули и другими лютейшими муками жизни лишили. Не забывайте, братья, и о тех неповинных младенцах ваших, коих поляки на решетках жарили и в котлах варили. Все оные страстотерпцы замучены за отечество свое, за свободу и за веру отцов своих, презираемую и ругаемую поляками в глазах ваших. И сии мученики, неповинно пострадавшие, вопиют к вам из гробов своих, требуя за кровь их отмщения, и зовут вас на оборону самих себя и отечества своего.

Едва кончил Хмельницкий речь свою, раздались дружные возгласы: «Готовы умереть за отечество и веру православную! Повелевай нами, Хмельницкий, повелевай и веди нас, куда честь и польза наша требует. Отомстим за страдальцев наших и за поругание веры нашей или умрем со славою...»

И снова вверх взметнулись шапки. С торжественными возгласами проходили казаки мимо своего гетмана в лагерь запорожцев, которые радостно приветствовали своих братьев.

Это было страшным ударом для поляков. Часть казаков, которые были в лагере Шемберга, тоже перешла к повстанцам, а за ними и драгуны, украинцы по происхождению. Пришло к восставшим и новое подкрепление — донские казаки вместе с запорожцами, которые были на Дону.

— Мы не одни теперь, — говорили восставшие, — с нами наши исконные братья.

При сложившихся обстоятельствах молодому Потоцкому и Шембергу ничего не оставалось, как идти на переговоры. Это устраивало и Хмельницкого. Он говорил: «Не губите себя понапрасну, панове, победа в моих руках, но я не хочу братней крови».

Поляки выделили для переговоров Чарнецкого, а Хмельницкий послал в польский лагерь как заложников Максима Кривоноса и сотника Крысу. Странные это

были переговоры. Пока Хмельницкий угощал Чарнецкого и слушал его речи, Кривонос и Крыса в польском лагере уговаривали реестровых казаков, которые еще оставались там, перейти к повстанцам. Вскоре все реестровцы покинули поляков.

Шемберг, старший по возрасту и уже не раз бывавший в битвах, видел безвыходность положения польского лагеря. Оставалось одно: согласиться на капитуляцию, выдать артиллерию с условием, что казаки позволят им выйти к Крылову. «Ни только для нас, но и для всего отечества будет полезнее, — говорил он на собравшемся совете, — если мы от несомненной гибели откупимся какими-нибудь маловажными орудиями; зато мы выиграем время, присоединимся к войску и дадим ему возможность, узнав вовремя о мятеже, не дать ему разгореться». Стефан Потоцкий согласился с доводами старшего товарища.

Но Хмельницкий не хуже своих врагов ведал об их намерениях. Однако к соглашению не пришли, и борьба продолжалась.

На рассвете 5 мая казацко-крестьянские полки выстроились, ожидая сигнала к новому штурму. Вперед выехал Хмельницкий.

Гремел его голос над полками.

— Братья и молодцы славного Войска Запорожского! Настал час, поднимите оружие и щит веры! Не бойтесь и не устрашайтесь лядской силы гордой и не бойтесь никакого их свирепства, ни их страшилищ, из кож леопардовых и перьев страусовых устроенных. Вспомните прежде бывших украинских воинов, которые мужеством своим многие страны воевали и устрашали. А вы, того ж берега дети, храбрых отцов сыны, явите свою природную храбрость против наступающих на вас неприятелей. Вам у бога прочтется вечная слава!

Пехоту поддерживала артиллерия. Закипела битва, которая длилась весь день. Казакам удалось прорваться к укреплениям и захватить их. Засев в шанцах, поляки продолжали ожесточенно отбиваться, однако надежд на спасение не оставалось. Наступила ночь.

В польском лагере собрались на совещание. Решено было отступить под прикрытием ночи. Устроили небольшой заслон в 40 телег и двинулись в сторону Чигорина.

Об этом Хмельницкий тотчас узнал через перебежчика-гайдука, и казаки немедленно двинулись вслед за отступающими. Татары до этого, как позже писал посол Богдана Хмельницкого в Москве Силуян Мужилковский, «сбоку глядели, которому нога посклизнется». Увидев, что побеждают казаки, они также кинулись в битву.

Двигаясь быстрым шагом, поляки дошли на рассвете до балки Княжие Байраки. Здесь утром 6 мая их настиг конный авангард Хмельницкого и татары.

Вскоре все было кончено. Отряд Стефана Потоцкого был уничтожен. Много полегло в этот день жолнеров, а те, кто остался в живых, были ранены, в их числе и комиссар реестровых казаков Шемберг, а также сам неудавшийся полководец Стефан Потоцкий. Шемберга и Потоцкого Хмельницкий отправил в Запорожье, приказав беречь их пуще глаза, но Потоцкий по дороге скончался от ран. «Бедный, бедный пане Степане, — говорили казаки, — не попал, небоже, на Запорожье, не нашел горзд шляху». Повстанцы захватили восемь пушек с боеприпасами, немало огнестрельного оружия, десяток хоругвей, бунчуки, литавры.

Это первая победа восставшего украинского народа под Желтыми Водами еще не имела решающего военно-стратегического значения, потому что была разбита лишь авангардная часть вражеских войск, но она показала силу восставших, высокое военное мастерство

их руководителей. Знаменательным было и то, что уже в этой первой битве народно-освободительной войны была получена поддержка от русского народа, оказанная донским казачеством.

Корсунь

Ничего не зная о поражении своего авангарда, коронное войско продвигалось на юг, чтобы закрепить предполагаемую победу Стефана Потоцкого.

Продвижение это было неспешным. Да и как такому войску идти на врага, когда сдвинуться с места и то стоило усилий. Казалось, выехали не на войну, а на панские гуляния. Каждый магнат приезжал в лагерь не только со своими хоругвями, но и с многочисленными возами. Чего здесь только не было! И посуда для пиров, и одежда, и постель, и ковры, и обильная снедь. Ехала и челядь для ухода за панами. Казалось, о войне никто и не помышлял. Панство ежедневно устраивало банкеты, кичась друг перед другом роскошью. Да и что там за война? С кем? С голодранцами, гультайством, у которых и оружия-то настоящего нет. А они сила, они ум, они гордость Речи Посполитой. Армия Речи Посполитой была одной из лучших в Европе. Недавно умерший гетман Станислав Конецпольский приложил к этому немало усилий. Он настойчиво укреплял и армию, и пограничные городки, и замки, чтобы в случае народных восстаний было на что опереться. На это и уповали Потоцкий и Калиновский, двигаясь к Запорожью, пируя и гуляя день и ночь.

К 3 мая неспешно прошли Чигирин и остановились. До Желтых Вод оставалось более ста верст, а никаких вестей от посланного отряда так и не было. Что делать дальше? Коронный и польный гетманы, как всегда, спорили между собой. Наконец решили разослать отряды, чтобы узнать, что делается вокруг, и рыть шанцы для артиллерии. И тогда в лагерь пришло страшное известие о разгроме передового отряда. Его

принес солдат, которому удалось бежать с поля битвы под Желтыми Водами.

Не хотели, не могли верить рассказанному. Решили: это хитрость Хмельницкого. Он послал солдата, чтобы напугать, ввести в заблуждение. Пытать его! А когда уяснили, что беженец рассказал правду, леденящее чувство страха охватило лагерь. Растерянность усиливалась гневом Потоцкого-старшего. Он ломал и крушил все, что попадало под руку. А потом, обессиленный, напивался до бесчувствия.

Оттягивать наступление было невозможно. Даже король выразил свое недовольство пассивностью войска и командующих. Владислав IV писал, что сам намерен ехать на Украину привести Хмельницкого к покорности. Он строго повелевал гетманам немедленно выступить против восставших.

Собрали военный совет. Потоцкий сидел хмурый и злой. После известия о смерти сына и пьяного буйства он еще не пришел в себя. Жизнь потеряла смысл, осталась только ярость и ненависть к этой земле, к ее людям, ко всему живому на ней. Едва проснувшись сегодня и снова осознав все, он тут же отдал приказ: жечь, казнить, уничтожать. Не оставлять ничего. Окрестные села пылали. Оставалась только черная и обугленная земля. Холодные оловянные глаза Потоцкого презрительно смотрели на панов. Он видел, что разодетый напыжившийся Калиновский готов был уже возразить каждому его слову. Остальные сидели растерянные и настороженные. И их роскошные одежды словно подчеркивали неуместность пребывания здесь и неспособность на какие-нибудь серьезные военные решения.

— Вельможные паны знают о моем горе, — начал Потоцкий. — Табун быдла, воспользовавшись предательством, погубил наше славное воинство. Душа моя скорбит, но не успокоюсь, пока не накажу

презренных хлопков, не утешу себя местию за их вероломство, не искуплю обильным пролитием их крови смерть моего сына. Не потерплю, чтобы они тешились и надеялись избегнуть кары за то, что осмелились подняться на господ своих. Пусть любая сила казацкая идет на меня: войско у меня хорошее, а мне воевать с казаками не в первый раз.

Многие из присутствующих считали, что разумнее отступить, занять лучшую позицию близ городов, обеспечить себя всем необходимым. Однако промолчали. Выступил только Калиновский, он доказывал, что следует идти дальше и разбить дерзкого врага.

По приказу Потоцкого войско снялось с лагеря и двинулось на Корсунь и Белую Церковь. 10 мая прибыли под Корсунь и заняли относительно выгодные позиции.

После разгрома польского отряда под Желтыми Водами Богдан Хмельницкий созвал к себе соратников. Момент был напряженным. Одержана первая победа в задуманном ими большом деле. Но это лишь начало, основные битвы впереди. На раде были единодушны. И Кривонос, и Богун, и Нечай, и Кричевский, и Вешняк, и другие соратники Хмельницкого в один голос поддержали предложение Хмельницкого немедленно выступить против армии Потоцкого. И когда утром об этом решении сообщили войску, оно поддержало его радостными возгласами: «Слава гетману! Слава Хмелю! Веди нас, батько, на клятых ляхов, и мы все как один пойдем за тобой!»

— Спасибо, товарищи-братья, славные запорожцы! С вами добыл я эту победу, весть о которой разнесется теперь по всей Украине и согреет сердце нашего замученного народа. С вами и милосердным богом побьем наших гонителей и дальше и навеки освободим от них нашу истерзанную родину!

И снова восторженный крик понесся после слов Хмельницкого над нестройными рядами казаков.

Потом Хмельницкий возвратился в белый шатер, где ждали его неотложные дела. Нужно было распределить добровольцев, которые шли и шли к нему со всей Украины, создать новые полки, назначить командиров, заготовить все необходимое к походу. Ведь придется воевать с испытанным врагом, хорошо вооруженным и слаженным в битвах. Необходимо решить много других дел, связанных с предстоящим походом и от решения которых сегодня зависит — удастся ли им сломить главные силы врага или нет.

...За столом уже сидели писари, готовые записывать все его распоряжения. Среди них выделялся один, с тонкими усами, торчащими в стороны, и хитрыми глазами. Это был захваченный татарами в последнем бою и выкупленный Хмельницким за кобылу польский жолнер Иван Выговский. Он был давним знакомым Хмельницкого.

Получив хорошее образование, которое дал ему отец, состоявший на службе у Петра Могилы, Иван Выговский в конце тридцатых годов был уже управляющим делами Луцкого земского суда. Затем ему удалось получить видную должность писаря при польском комиссаре, управляющем Украиной вместо гетмана. В это время они и познакомились. Выговский был представлен Хмельницкому, когда тот как войсковой писарь составлял инструкцию для запорожских послов, ехавших к королю просить восстановления вольностей, отнятых у казаков «Ординацией». Тогда Выговский словно мимоходом подсказал, как вписать в инструкцию и письмо некоторые требования казаков.

Хмельницкий подошел к ожидающему Выговскому и, посмотрев на бумагу и каламарь ^[56] проговорил:

— Будем писать, Иване, мое слово к войску...

Пока они составляли обращение, в шатер собрались вызванные старшины.

— Ну что же, братья мои, — обратился к пим Хмельницкий. — Для лучшего устройства нашего войска счел я нужным учинить следующее. Всю добытую нами артиллерию разделить на три батареи и назначить гарматными атаманами, — Хмельницкий обвел присутствующих суровыми, не допускающими никаких возражений глазами и, обнаружив среди присутствующих тех, кого искал, продолжил: — Сыча, Ганжу и Вернигору. Подчиняю ее всю, равно как и обоз, генеральному обозному Сулиме. Наше Запорожское войско уже имеет более пяти тысяч. Ставлю над ним кошевым Небабу. А всех перешедших к нам реестровцев и всех других из «кварцянских» войск, считаю должным разбить на шесть полков — Чигиринский, Черкасский, Корсунский, Каневский, Белоцерковский и Переяславский. Полковниками к ним назначаю Кривоноса, Богуна, Чарноту, Нечая, Мозыря и Вешняка.

Далее новым генеральным есаулом был назначен Тетеря, между полками «распределен обоз, боевые припасы и харчи».

Покончив с делами, Хмельницкий пригласил сподвижников за стол. И все, дружно и радостно переговариваясь, уже в качестве полковников, атаманов, есаулов поспешили «отдаться братскому пиру». Однако каждый помнил о предстоящем выступлении, за чаркой крепкого меда шли разговоры о будущей битве, обсуждались сведения, полученные от многих осведомителей из войска Потоцкого.

Хмельницкий сидел за столом сосредоточенный и спокойный и внимательно слушал разговоры своих побратимов. Они снова и снова возвращали его к выбору, который он должен был сделать: ждать здесь новых подкреплений или выступить немедленно, не дав

врагу опомниться. Одни из его соратников советовали подождать, другие были за выступление. От его решения зависело многое. Он выбрал наступление. В этом сказались натура самого гетмана, стремительная и страстная, и его полководческое дарование. Учитывал он и надломленный моральный дух поляков, и месть казаков.

Из летописи, Самоила Величко: «По прошествии тогда дней трех, то есть мая 11 в пятый день шестой недели по пасхе, устроившись со всем как надлежало, Хмельницкий двинулся спешно от Воды Желтой со всем войском, к самым гетманам коронным; того же дня из Чигирина, Крылова и других городов и сел две тысячи прибыло воинских охотников к Хмельницкому».

15 мая под Корсунем появились передовые силы повстанцев. Они расположились к югу от поляков на берегу реки Рось, охватив стан противника, расположившегося на правом берегу и занявшего позицию фронтом на юг.

Польские войска стояли на хорошо укрепленной позиции и имели многочисленную артиллерию. Осведомители доносили, что, несмотря на разногласия между Потоцким и Калиновским, поляки решили обороняться. Их войско насчитывало около 25 тысяч человек при сорока пушках. В казацком войске, которое непрерывно пополнялось, было уже 15 тысяч. С ним был и четырехтысячный отряд Тугай-бея.

Беспокоясь за исход боя, Хмельницкий сам решил осмотреть вражескую позицию. Польский лагерь стоял на небольшой возвышенности. С трех сторон его окружали высокие земляные валы, которые по настоянию Калиновского успели насыпать жолнеры, а также глубокие шанцы. С четвертой стороны лагерь защищала река Рось. Хмельницкий знал от лазутчиков, что на валах были поставлены пушки, а подступы к

лагерю охранялись хорошо вооруженной пехотой и драгунами.

— Да, выбить поляков из этого лагеря — дело нелегкое, — обратился Хмельницкий к стоящему рядом Кривоносу, который тоже осматривал польские укрепления. — Здесь нужно что-то придумать. И такое, чтобы ляхов застать врасплох. Иначе много казацкой крови прольется.

Татарский чамбук переправился через реку и подошел к шанцам польского лагеря. Слаженный огонь польской артиллерии словно смел его с лица земли. Остальные отступили и уже не осмеливались подъезжать к лагерю. Необходимо было во что бы то ни стало перехитрить врага и вынудить его покинуть выгодную позицию.

Из летописи Григория Грабянки: «И вот во вторник подоспел татаре и казаки с поля до ляхов и крикнувши великим воплем, битися начаша, а поскольку ляхи стояху в окопе, не могли татаре и казаки ляхов одолети (понеже не было казаков и татар больше над тысяч пятнадесят), а став на горе, на единоборство ляхов вызывали. В то время некоего казака ляхове взяли и приведше пред гетманов спросили о силе татарской и казацкой. Пленник оный, хитер будучи и премудр (вероятно, Хмельницким научен), — сказал, — пятьдесят тысяч татар с Тугай-беем и хан вскоре со всею силою будет, а казаков без счета. Это услышав, ляхи поверили, и страх на них тяжкий напал, так что все впали в уныние, и руки их ослабели, и разум отступил от них, ибо боялись не только силы казацкой, но и голода и осады, и решили отступить напролом обозом».

Уловка Хмельницкого и Кривоноса с засылкой в польский лагерь казака, который передал противнику преувеличенные сведения о казацко-крестьянском войске, удалась.

Напуганный рассказом об огромных силах противника, Потоцкий решил не принимать боя, а отойти и соединиться с хоругвями Иеремии Вишневецкого, от которого прибыл гонец. Он сообщил, что шеститысячный отряд Вишневецкого, состоящий из шляхты, идет навстречу Потоцкому.

В ночь на 16 мая разведка донесла Хмельницкому о подготовке ляхов к отступлению. Богдан лишь усмехнулся в усы и про себя проговорил услышанную недавно от казаков поговорку: «Скачи, ляше, як Хмель скаже». Пока не подошел Вишневецкий, армия Потоцкого должна быть разбита.

Той же ночью Хмельницкий получил от своего казака Самойла Зарудного, служившего при Потоцком, сведения о том, что поляки решили, бросив тяжелые возы, всем войском, построенным походным табором, идти через Богуслав и Белую Церковь на Паволочь. Зарудный сообщил, что вызвался провести коронное войско кратчайшим путем к Богуславу. На пути шляхетского войска за десять верст от города Корсуня будет узкая лесная долина — балка Гороховая Дубрава. Дорога здесь спускалась в узкий болотистый овраг и проходила между двумя кручами, склоны которых поросли густым высоким дубняком. Пересеченная лесистая местность лишала поляков возможности использовать преимущества своей кавалерии. Учитывая это, Хмельницкий решил дать бой Потоцкому именно здесь.

Расположив свои силы у Корсуня на противоположном берегу Роси, Хмельницкий отправил в обход польского войска шесть тысяч пеших казаков с артиллерией по главе с Максимом Кривоносом. В урочище Гороховая Дубрава, или, как ее еще называли, Крутая Балка, они устроили засаду — прокопали через дорогу несколько рвов, заложили засеки, по обочинам ее устроили завалы из срубленных деревьев, в густом

кустарнике спрятали пушки, засели при выходе дороги из леса в густом дубняке и специально вырытых шанцах.

На рассвете 16 мая громоздкая колонна шляхетского войска начала отход из своих укреплений. В авангарде и арьергарде ее находилась кавалерия, в центре — обоз, груженный боеприпасами и разным имуществом, и артиллерия в восемь рядов, а по бокам располагалась пехота.

Стояла предрассветная тишина. Казалось, никто не замечал, как поднялось и начало свое движение войско. В казацком и татарском таборах словно все заснуло глубоким сном. И ничто не предвещало беды. Скорым маршем с величайшими предосторожностями дошли до Гороховой Дубравы и стали спускаться по крутому откосу к болотистому леску. Здесь шляхетскому войску, ничего не ведавшему о засаде, пришлось менять свой походный порядок. И внезапно по ним из кустарника ударили казацкие пушки. Узкая дорога и густой лес, в который втянулось польское войско, мешали ему обороняться. Этим воспользовались казаки и начали с двух сторон громить жолнеров и шляхту. И пока те пробивались через лес, казаки расстреливали их из пушек, мушкетов, самопалов. Авангард врага бросился пробиваться вперед, остальные повернули назад, ища выхода из яра, но всюду натыкались на глубокие шанцы и завалы из деревьев. Пушки увязли в трясине и ничем не помогли полякам.

Из реляции королю из-под Корсуня 16 мая 1648 года: «...Далее мы отошли с табором за полчаса до полудня мили за полторы в несчастную дубраву под Гороховом. При входе в болотистую рощу много возов погрузло и перевернулось; к ним подбежали татары и казаки. Наши отстреливались из заряженных дробью пушек и мушкетов; они враги, с двух сторон на нас обрушили тяжелый удар. Табор вошел в эту дубраву

(Гороховую Дубраву. — В.З.), как в мешок, дальше продвигаться он не мог, потому что дороги были перекопаны и перегорожены. Сзади на табор жали всей тяжестью татары, спереди и с боков казаки наносили большой урон, пользуясь устроенными шанцами. Наши мужественно сражались... но, попав в западню, не могли побороть превосходящие вражеские силы».

Когда в бой вступили основные силы казацко-крестьянского войска во главе с Хмельницким, а также татары Тугай-бея, старый Потоцкий, видя, что его армия гибнет, делает последнее усилие. Он приказывает конным хоругвям спешиться и взяться за мушкеты. Но не приученные к пешему бою польские кавалеристы не успели даже построиться в боевой порядок. Казаки ударили по ним, смели и образовавшейся «улицей» прошли через весь табор. Татары ворвались в лагерь с другой стороны. Началось смятение. Этим воспользовалась челядь, пахолки^[57], которым спешившиеся паны отдали своих лошадей. Вскочив на лошадей, они бросились вскачь. Некоторое время, упорно обороняясь, держался только центр. Но вскоре рухнул и он. После этого началась всеобщая паника. Жолнеры разбегались, «кто как мог, и татары их топтали конями, других живьем взяли». Лишь князь Корецкий сумел пробиться сквозь ряды окружения, оставив на поле боя половину своего двухтысячного отряда.

Казакам и татарам досталась богатая добыча. В плен попали оба польских гетмана и несколько десятков других магнатов. Все они тотчас были отправлены в Крым.

Молча наблюдал Богдан, как вязали татары пленников, и вспомнилось ему, сколько народной крови пролили они на Украине, сколько горл и страданий принесли ей. Вспомнилось, как по приказу Потоцкого

четвертовали, сажали на кол тех, кто сражался в 1637 году под Кумейками под руководством его друга Павлюка, как в январе 1638 года в Киеве на его глазах сажали на кол его товарища повстанческого вожака Кизима и его сына Кизименка, как отсекали голову повстанцу Кушу, как издевались над женами и детьми восставших, и не было к ним ни малейшей жалости.

И когда, стараясь унижить Хмельницкого, его победу, Потоцкий злобно спросил: «Хлоп! Чем заплатил славному рыцарству татарскому? Оно победило меня, а не ты со своей разбойничьей сволочью!»

Богдан ответил: «Тобою, тобою, который называет меня хлопом, и тебе подобными». И с грустью подумал, что ничему не научился коронный и что еще немало крови прольется, и украинской, и польской, пока настанет на этой земле покой и мир.

Потоцкий все еще ожидал помощи от Вишневецкого и других магнатов, но те, узнав о разгроме коронных войск под Корсунем, решили не испытывать судьбу, отступили в свои имения и, забрав семьи, отходили дальше к границам коронной Польши.

Разгром шляхетского войска под Корсунем не означал прекращения борьбы, окончательной победы. Хмельницкий верил, что народ пойдет за ним и дальше.

Для успеха дела сейчас, как и прежде, необходимо было выиграть время. Шляхта и магнаты вскоре соберутся и выйдут против него всей своей силой. Ему это было известно и от осведомителей, и из переписки, захваченной в гетманской канцелярии. Чтобы этой силе противостоять, необходима сильная армия, которую нужно организовать. Нельзя себя противопоставлять королю Владиславу. Пусть думает, что он за него, но против магнатов, с которыми и сам король не ладит. Королю следует написать и все представить в нужном свете. Немало горя принесут своевольные татары. Уже сейчас без его согласия они двинулись по Украине и

грабят население. Как их остановить? Кто союзники? Все больше и больше Хмельницкий приходит к мысли, что будущее Украины может решить только союз с Россией.

Обо всем этом он говорил утром 18 мая на казацкой раде, которая вошла в историю как Корсунская. Собрались еще не остывшие от битвы — старшина, одетая в жупаны и кунтуши, казаки в серых свитках, так что поле вокруг стало серым. Пожалуй, только один Кривонос остался в своей старой синей свитке, с давней любимой саблей, которую, как говорили, сам и выковал по своей руке и силе. Хмурое и настороженное выражение лица подчеркивало какую-то отрешенность от остальных. Он был недоволен тем, что Хмельницкий воспротивился его предложению — продолжать преследование польских войск, которым удалось вырваться из корсунского побоища.

Хмельницкий окинул взглядом присутствующих. Вот его любимец и ближайший советник Федор Вешняк, непримиримый враг магнатов Филон Джеджелий, Иван Чарнота, Данило Нечай, Мартын Небаба, Иван Богун, Матвей Гладкий, Мартын Пушкарь, Иваи Золотаренко, Михайло Кричевский и другие. Что скажут они?

Он говорил долго и убежденно. Все, о чем думал раньше и передумал за эти дни. И когда кончил и опустил сивую голову, несколько минут стояла тишина. Потом возбужденно закричали все сразу. Требовали и дальше бить магнатов и шляхту. А вот чем, какими силами? Об этом не думал никто. Единодушно выступили против всякого мира с шляхтой. А главное, «поддержали его мысль объединиться с Россией».

Весть об этом важном решении рады разными путями дошла до русского правительства. Наиболее полно о ней сообщил курский дворянин Никита Гридин, который провел около полутора лет на Украине, главным образом в Сечи. Он пользовался у восставшего

казачества полным доверием. Вернувшись в начале июля 1648 года в Россию, он рассказал хотмыжскому воеводе Волховскому о том, что узнал за это время. Рассказал он и о казацкой раде, состоявшейся сразу же после корсунской победы. Гридин сообщил, что на раде казаки постановили, что, если «они ляхов не собьют», то просить у русского царя, чтобы он дал «ратных людей на помощь на ляхов».

Воевода Волховский в своей отписке в Разрядный приказ для царя писал (со слов Гридина), что на той же раде с участием Богдана Хмельницкого принято категорическое решение восставшего народа о воссоединении с Россией.

Это свидетельствовало и о том, что уже с самого начала освободительной войны украинский народ поддерживал гетмана, а Хмельницкий, в свою очередь, понял важнейшее стремление народа — продолжить борьбу против польских панов, за воссоединение с Россией — и посвятил этому все свои помыслы и силы.

На раде постановили утром выступить к Белой Церкви. Но Хмельницкий выехал раньше и ждал всех на Масловом Ставу. Именно здесь, на месте учиненного польскими магнатами казацкого позора, хотел он собрать свое войско и оглядеть его своим пытливым полководческим взором.

Был солнечный майский день, когда казаки выстроились на Масловом Ставу, как тогда, в 1638 году, при оглашении сеймовой «Ординации» о ликвидации казацких привилегий. Но сейчас не Потоцкий с магнатской сворой, а он, Хмельницкий, с собратьями стоял перед войском. Когда выходили из Сечи, в войске было около пяти тысяч человек, а сейчас — более пятнадцати. И будет еще больше. Казаки стояли с развернутыми хоругвями. С гордостью смотрел народный предводитель на свое войско. С ним он

выиграл важные битвы и верил, что выиграет еще не одну во имя свободы своего народа, его будущего.

22 мая 1648 года Белая Церковь торжественно встречала Богдана Хмельницкого и его воинов, победителей под Желтыми Водами и Корсунем, своих освободителей от шляхетского гнета. Весь белоцерковский люд высыпал на улицы. Каждый хотел как-то выразить свою любовь и благодарность.

Корсунская победа казацко-крестьянского войска над шляхтой оказала огромное влияние на ход всей народно-освободительной войны, послужила сигналом к всеобщему восстанию на Украине. Были уничтожены главные силы панской армии на украинских землях. Весть о победе подняла на восстание широкие массы крестьян, беднейшего казачества и мещан даже в таких удаленных от центра восстания районах, как Галиция.

Корсунская победа внесла полную растерянность в стан врага. Узнав о ней, Адам Кисель с горечью и растерянностью писал в своем письме примасу^[58] в Варшаву в мае 1648 года: «Страшное превращение наступило в нашем отечестве! Непобедимое для турецкого императора и стольких монархов, оно побеждено одним изменником-казаком... Теперь уже рабы господствуют над нами... Все украинские провинции, откуда мы черпали всяческую силу отечества, взяли они у нас, как свои, саблю... Так внезапно, так тяжело этот неприятель растоптал польскую славу и драгоценное отечество наше».

Белоцерковское перемирие

После побед Хмельницкого под Желтыми Водами и Корсунем в его армию в Белую Церковь потянулись целые отряды восставших. Перед этим они расправлялись на местах со своими угнетателями.

Из отписки путивльского воеводы Н. Плещеева царю Алексею Михайловичу 9 июня 1648 г.: «А стоит-де, государь, ныне гетман Хмельницкий с самовольными и запорожскими казаками за Днепром в городе Белой Церкви, а с ним, гетманом, казаков тысяч с двенадцать. А татарове, государь, стоят за Днепром же в урочище на Телячьем броду тысяч с двадцать. А казаки-де, государь, собираются во всех литовских городах по сю сторону Днепра и идут беспрестанно к гетману Хмельницкому».

Вскоре повстанческая армия насчитывала уже более пятидесяти тысяч. А люди все приходили. Это были и выписчики из казаков, и крестьяне, и мещане группами со своими выборными атаманами. Их нужно было разместить, вооружить и организовать в армию, способную вести войну с регулярным шляхетско-магнатским войском. И Хмельницкий полностью отдается этому делу. В первую очередь были доукомплектованы и реорганизованы шесть старых реестровых полков — Чигиринский, Черкасский, Корсупский, Каневский, Белоцерковский и Переяславский, во главе которых еще раньше были поставлены новые полковники из числа виднейших руководителей восстания. По образцу реестровых были сформированы новые территориальные полки с центрами в городах: на Левобережье — Прилуцкий, Миргородский, Нежинский, Борценский, Ичнянский; на Правобережье — Киевский, Уманский, Винницкий.

Образование таких полков с развитием восстания продолжалось и в дальнейшем.

Отсюда, из-под Белой Церкви Хмельницкий рассылает по всей Украине свои универсалы, призывая украинский народ на борьбу за освобождение от иноземных поработителей, которые и теперь «многие свои на нас стягают и совокупают войска... абы со всеми силами своими, пришедши на Украину нашу Малороссийскую, латво^[59] нас огнем и мечом завоевати, жилища наши разорити, в прах и пепел обернути, нас самих выбити, других в немилосердную неволю забрати».

Смятение в правящих кругах Польши, вызванное разгромом шляхетского войска восставшими казаками и крестьянами, еще больше усилилось, когда на борьбу против господ поднялись крестьяне и мещане в самой Польше.

10 мая на границе Литвы в местечке Меричи смерть настигла 52-летнего короля Владислава IV. Магнатская группировка решила воспользоваться этим, чтобы сместить Оссолинского и посадить на его место своего ставленника. Это заставило канцлера предложить Хмельницкому мир. Посредником вновь выступил Адам Кисель, обратившийся с письмом к гетману.

Кисель, как всегда, демагогически писал:

«Прошедшее предадим забвению. Война и исчадья ее — голод, язва — суть наказания, посылаемые свыше, и Речь Посполитая восчувствовала их ныне в полной мере. Желать продолжения оных на гибель отечества есть дело незаконное. Мщение божеское следует отклонять молитвами, свои укрощать раскаянием и печься о заживлении, а не о растравлении ран. В межусобной брани славнее для победителя влагать в ножны меч свой, нежели обнажать его на новое поражение. Хмельницкий! Не оскорбляй величия божия,

не нарушай спокойствия общего, отошли татар в их улусы, распусти казаков, отправь посланников своих в Варшаву с изъяснением истинных причин возмущения вашего и обид, нанесенных войску и тебе самому, удостоверь Речь Посполитую в верности, впредь никогда не изменяемой...»

Когда Хмельницкий прочел это письмо старшине, собравшихся охватил гнев и возмущение:

— Прекратить восстание?! Ишь чего захотел, шляхетский лизоблюд! Не бывать этому!

И каково же было удивление старшины, когда Хмельницкий, выслушав всех, высказал мысль, что к письму Киселя следует прислушаться и согласиться на перемирие:

— Не о том речь моя, чтобы прекратили мы дело наше, а о том, чтобы хватило нам времени организовать войско, чтобы заручиться поддержкой со стороны царя русского. А для будущей войны с поляками и защиты народа нашего от их зверств ехать полковникам по всей Украине и поднимать далее народ на войну.

Не все поддержали Хмельницкого, потребовалось созвать большую раду. И вновь ударили сигнальные орудия, забили барабаны.

Всю ночь Хмельницкий не смыкал глаз. Снова и снова призывал к себе старшин, просил убедить казаков, народ, что для них сегодня перемирие нужнее, чем даже ляхам.

Когда на следующий день, 1 июня, поднялось солнце, большой белоцерковский майдан был забит людьми. Только казаков пришло более 20 тысяч, а всего на раду стеклось до 70 тысяч человек. Такого еще не видывали.

Когда на помост вышел со старшиной Хмельницкий и поднял над толпой свою гетманскую булаву, все замерли. Молча слушали, когда Хмельницкий говорил о письме Киселя и необходимости перемирия, и когда

громовым, слегка дрожащим от волнения голосом читал свое письмо народу. И лишь когда закончил, майдан взорвался, словно вулкан, гневно и решительно. Казалось, разъяренная толпа сомнет помост. Но гиен ее лишь доходил до него и откатывался назад, укрощенный словами Богдана. И народ отступил.

Шестьдесят верных и надежных казаков были разосланы по всей Украине с универсалом Хмельницкого народу, составленным и подписанным 28 мая 1648 года. Именуя себя гетманом «славного войска Запорожского и всея по обеим сторонам Днепра сущей Украины Малороссийской», Хмельницкий обратился к народу с призывом «восстать соединенными силами против врагов веры благочестивой и свободы».

В это же время решили направить в Варшаву для переговоров об условиях мира посольство из казацких старшин, уже не раз бывавших там, — полковников Федора Вешняка и Лукьяна Мозырю, сотника Григория Бута, писаря Ивана Пе грушенко.

Задумали направить письмо королю — якобы не знали о его смерти. Такое письмо обязательно будет прочитано на сейме.

Утро 2 июня 1648 года. Зал роскошного Белоцерковского дворца, где была устроена канцелярия, наполнился июньским солнцем, и все его убранство, украшения и позолота постепенно преображались. Утренняя свежесть бодрила, работалось легко. Сидевший за столом Выговский еле успевал записывать за гетманом:

«...Наияснейший милостивый пан король, пан наш милостивый и благодетель! Смиренно повергаем к стопам Вашего величества нашу верность и казацкую пашу службу. Хоть мы уже и наскучили Вашей королевской милости своими беспрестанными жалобами о нестерпимых обидах, какие нам чинят господа старосты и помещики украинские, но негде нам

искать обороны: только на господа бога да на милосердие Вашего величества полагаем надежду...»

Перечислив все обиды, которые причинило украинскому населению местное шляхетство, как польское, так и украинское, гетман велел писарю особенно подчеркнуть то обстоятельство, что поднятое оружие «и пролитая христианская кровь есть дело рук некоторых магнатов польских..., следующих тиранским своим склонностям и вымыслам на пагубу народа русского». Сделав предположение, что Потоцкий действовал против воли короля, Хмельницкий объяснил, что они вынуждены были поднять оружие в свою защиту, и просил короля проявить к казакам отеческое милосердие и заступничество, оставив их при прежних правах и вольностях.

Хмельницкого неотступно преследовала мысль о будущем. Тысячи восставших крестьян и казаков, составляющие его войско, не помышляют о возможности какого-либо мира. У них лишь одно желание — навсегда избавиться от папского гнета. Каждый из них мечтал о земле и воле, которые гетман обещал в своих универсалах. Но Польша огромная и еще очень сильная страна, для которой плодородные земли Украины с даровыми рабами — бездонный источник богатств; ни магнаты, ни шляхта от них добровольно не откажутся. Может, решение придет потом, с новыми победами, в которых он теперь не сомневался, а пока необходимо выиграть время и заручиться расположением нового короля. Нужно хорошенько продумать инструкции послам. Требования к королю и сейму должны быть умеренными, чтобы не озлобить их. Диктуя Выговскому инструкцию, он, как и в письме королю, сначала говорил о притеснениях, которые терпят казаки со стороны польско-шляхетской администрации, выдвигая это как основную причину выступления, а потом уже перечислил требования,

которые должны предъявить послы — увеличить реестр казаков с 6 до 12 тысяч; выдать жалованье, которого уже пять лет не получали реестровцы; восстановить права православной религии и возвратить православные церкви, захваченные униатами.

Нельзя сказать, чтобы условия, на которых должно было основываться перемирие, отвечали желаниям всего казаческого сословия и тем более крестьян. Под защиту и в основном брались зажиточные группы казачества. Ведь они владели мельницами, прудами, лугами, хуторами, а бедные казаки жили промыслом и рыбачеством, да и то значительную часть отдавали шляхтичам-полковникам.

В составленных документах проявилась ограниченность позиции Хмельницкого. С одной стороны, он выражал чаяния народа, стремящегося к лучшей жизни, к освобождению страны от шляхетско-магнатской тирании, и в то же время соблюдая интересы старшины, богатых казаков, выходцем из которых был сам. Такая двойственность политики Хмельницкого приводила к противоречиям в повстанческом лагере...

В тот же день, 2 июня, были написаны еще два письма великому коронному маршалу Адаму Казановскому и князю Владиславу-Доминику Заславскому с просьбой хлопотать перед королем о сохранении давних прав Запорожского войска. В письме Заславскому Хмельницкий не удержался и вместе с заверениями, что виновники восстания — не они, казаки, а магнатская шляхта, все же предупредил: «Если, упаси господи, еще кто на нас нападет, богом клянемся, что ему еще больше достанется, чего мы никому не желаем!»

Еще не зашло солнце, как казацкие послы с врученными им письмами, инструкцией и устными наставлениями Хмельницкого отправились в Варшаву.

Утром 3 июня к Хмельницкому явился посланец Киселя монах Хустского монастыря Петроний Ласка с официальным предложением о перемирии. В тот же день монах отправился в обратную дорогу с ответом, что гетман готов встретиться с Киселем для переговоров.

Хмельницкий не верил, что посольство принесет желаемые результаты, и хотя для видимости повелел войску приостановить военные действия и отпустил татар, был постоянно наготове к новым выступлениям. Давно зная Киселя, его лицемерие, он ожидал от него какой-то пакости и не ошибся. Отправляя к Хмельницкому монаха Петрония Ласку, Кисель тут же пишет письмо архиепископу гнезненскому М. Лубенскому, в котором называет Хмельницкого «изменником». Он писал: «Изменник этот рассылает свои письма везде по городам, где только находятся русские, из которых одни по безумию, а другие из ожесточения принимают свою погибель за верх счастья». И он просил направить войско, чтобы разгромить «казака-изменника» и «спасти спокойствие, счастье и славу Речи Посполитой».

Сейм открылся 9 июня 1648 года и сразу же примас королевства, архиепископ гнезненский Матвей Лубенский, к которому взывал Кисель, потребовал объявить «посполитое рушение»^[60], набрать немедленно и отправить на Украину против восставших не менее 36 тысяч войска, причем «не хлопов, а единственно людей благородного происхождения и чужеземцев».

Поскольку гетманы, которые могли возглавить это войско, находились в татарском плену, сейм предложил поручить командование огромной по тем временам армией трем региментариям^[61], магнатам: Доминику Заславскому, Николаю Остророгу и Александру

Конецпольскому. О них говорили тогда: «Князь Доминик — перина, подचाший^[62] — латына, хорунжий — дытына^[63]». Так оно и было. Первый — князь Доминик Заславский, сандомирский воевода из дома Острожских, владелец огромных поместий, предпочитал в своей жизни одни лишь забавы и роскошь. Изнеженный и малоспособный, далекий от военного дела, он предпочитал пуховую перину твердому седлу. Второй военачальник, коронный подचाший Николай Остророг, известен был в Польше как человек ученый, славный своим дипломатическим искусством, но ни в коей мере не военный. Третий — молодой коронный хорунжий Александр Конецпольский, пылкий и гонористый, особенно ненавидящий Хмельницкого. Для него война была скорее очередным приключением, чем серьезным делом.

К региментариям сейм приставил 32 советника с титулами «военных комиссаров» и неопределенными полномочиями. Те из шляхты, кто серьезно относился к делу, с горькой иронией говорили, что этих 35 командующих было достаточно, чтобы проиграть не одну, а 35 битв.

Однако какими бы ни были командующие, как бы ни иронизировали над ними сами поляки, решение о «посполитом рушении» было принято, руководители его утверждены, и миссия казацких послов, таким образом, оказалась заранее обреченной. Их поселили в отведенном для них подворье, отобрали письма и приказали ждать и никуда не выходить.

Лишь 10 июля на сейме было наконец зачитано письмо Хмельницкого к королю и инструкции казацким послам. Они вызвали бурную реакцию. Одни сенаторы решительно заявили: «Прощения не давать, а начать решительную войну против взбунтовавшихся казаков».

Другие выступали за переговоры. После долгих споров пришли к решению: сбор ополчения проводить, а к казакам послать комиссаров во главе с Киселем для переговоров.

Затем в посольскую избу призвали казацких послов. Когда те вошли в залу, наступило настороженное молчание. Присутствующие сенаторы, одни с интересом, другие с ненавистью смотрели на послов Хмельницкого. Особенный гнев проявляли восточнoукраинские магнаты, богатства которых захватил восставший народ. И все из-за попустительства этого либерала — коронного канцлера Оссолинского! Хватит! Его нужно убрать и канцлером поставить своего человека, который бы твердой рукой усмирил схизматиков^[64] и вернул им отобранные земли. Чтобы скомпрометировать в глазах шляхты Оссолинского, они настояли на публичном допросе казацких послов о связях покойного короля и Оссолинского с Хмельницким. Казаки еще не успели освоиться с обстановкой, как тишину нарушил резкий голос маршалка посольской избы:

— Объясните нам, давал ли король Владислав IV Хмельницкому привилей на право набора казаков? Из каких средств были отпущены деньги на их содержание я для построения чаек?

Вопрос застал врасплох не только послов, но и Оссолинского. В посольской избе, как и в сейме, хорошо понимали его смысл и с настороженностью ожидали, что ответят послы. От этого зависело многое. Казацкие посланцы молча переглянулись, и один из них, выйдя чуть вперед, проговорил в сторону задавшего вопрос.

— Если какой-либо привилей и был когда-либо выдан королем, то о нем нужно спросить самого Хмельницкого и старшину. Хмельницкий же нам ничего

не говорил о сношении с Оссолинским и не давал об этом никаких приказаний, отправляя нас на сейм.

Лаконичный и твердый ответ свидетельствовал, что от послов большего не добьешься. 12 июля казацких депутатов вызвали в сенат и зачитали ответ, в котором были изложены требования: немедленно освободить всех пленных польских дворян, вернуть взятое в сражениях оружие, разорвать союз с татарами, отослать в Варшаву виновников бунта.

Молча выслушали послы этот приговор сейма и уже хотели возвратиться на свои квартиры, но тут поднялся архиепископ Лубенский и сообщил им, что сейм принял нижайшую просьбу Хмельницкого и в основном удовлетворил ее. Многие скрывались за этим решением. И то, что великопольская шляхта, видя, что казацкие требования не ущемляют ее интересов, не поддержала восточно-украинских магнатов, и то, что восточнoукраинские магнаты не смогли использовать сейм, чтобы сбросить коронного канцлера Оссолинского и посадить на его место своего человека, и то, что удовлетворение требований Хмельницкого, по мнению того же Оссолинского, давало возможность отколоть казаков от крестьян, привлечь на свою сторону и таким путем покончить с восстанием на Украине. Но все-таки «посполитое рушение» объявили и руководителей его назначили. Новый поход шляхты на Украину был не за горами.

Ответ сейма должен был передать Хмельницкому польский дворянин Вольский. Он и отбыл в середине июля с казацкими послами в Белую Церковь. А вслед за ними туда же отправились и назначенные сеймом для переговоров комиссары Кисель, Сальский, Дубравский, Обухович.

В начале августа 1648 года комиссары прибыли на Волынь, которая также пылала восстанием. Кисель, испугавшись, решил не идти дальше, а послать к

Хмельницкому своих представителей. Вместе с казацкими послами и Вольским они направились в Чигирин.

Письмо царю Алексею Михайловичу

Ожидая возвращения послов, Хмельницкий укреплял войско и принимал меры к распространению восстания. Однако он никогда не забывал, что не добьется окончательного успеха без братского русского народа. На этот путь становились все предшественники Хмельницкого, руководители крестьянско-казацких восстаний в 1625, 1630 и 1637–1638 годах, которые всячески стремились связаться с российским правительством. Хмельницкий видел дальше своих единомышленников и первый понял, что война против ига папской Польши — это и война за воссоединение Украины с Россией. Это диктовалось не перипетиями военных действий, а общностью истории, потребностями судеб народа в будущем.

Для русского царя непросто взять сейчас Украину под свою руку. Это значит вовлечь страну в войну с Речью Посполитой, к которой Русское государство не готово. Как доносили Хмельницкому, там сейчас неспокойно. Простолюдины в Москве и других городах высказывают недовольство властью. Поговаривают даже о восстании. Как бы не обвинили его в том, что подает дурной пример. И все же русское правительство не может остаться нейтральным.

Русский народ всегда с глубоким сочувствием относился к борющейся Украине. Когда под Киевом задержали русского посланца к Адаму Киселю, гетман приказал немедля препроводить его в Мошны, недалеко от Белой Церкви, где он располагался тогда с семьей.

Был жаркий июнь. Высокое бледно-голубое небо с раннего утра до позднего вечера было чистым, без единого облачка. Хмельницкий был с детьми в саду, наслаждаясь прохладой и семейными радостями.

Нечасто выпадала гетману в последнее время такая минута. А тут еще хан отпустил домой Тимоша. Это было добрым знаком усиления доверия к нему Ислам-Гирея.

Правда, по рассказам сына, да и казаков, оставшихся с ним, жилось там ему не с медом. В первое время, не доверяя Хмельницкому и боясь, что казаки могут выкрасть сына, хан даже пытался запрятать его далеко в горах, подальше от любопытных глаз.

История донесла до нас свидетельства об этом. Дело в том, что жившие в Крыму караимы в конце своих молитвенных книг отмечали события особой важности, происшедшие в том или ином году. В одной из таких молитвенных книг, хранившихся в караимской национальной библиотеке «Карай Битикличи» в Евпатории и принадлежащей некоему Каракашу из Бахчисарая, была выявлена запись на татарском языке о сыне Богдана Хмельницкого Тимоше.

«После того, — говорится в ней, — как живший около базара в доме Аветик-оглы глава казаков гетман Богдан Ихмелиски (Хмельницкий. — В.З.) вернулся к Днепру, его величество Ислам-Гирей хан послал к нам через Сююп-агу приказ, чтобы мы содержали в нашей крепости сына его Темоша в качестве аманпта (заложника). Когда мы, ударив челом, сказали, что не можем принять Тимоша, Сююп-ага, рассердившись, сказал: «Вы, не боясь, приказ высокосановского хана бросаете на землю и противитесь ему, — так знайте же, что к Балта-Таймезу^[65] дотронется топор!» — так сказавши, он разгневался и отъехал.

На сердце общины пало великое уныние. Потом старый Эрби, вместе с Ходжашем и Тохтамышем^[66], сев на коней, догнали у Салачнка^[67] Сююп-агу и сказали: «Сююп-ага, ты ведь знаешь, что мы всегда послушны приказу хапа-отца, но мы ведь с этими казаками канлы

(кровная месть. — В.З.), и мы боимся, чтобы наша молодежь, сцепившись с этим сыном гяура^[68], не произвела кровопролития». После того как они это пояснили, у Сююп-аги отлегло на сердце, и гнев его прошел. Он сказал: «Доложу отцу-хапу, ждите!»

Три дня и три ночи мы ждали, и с Качи-Сарая его величество через диван-чауша^[69] послал нам радостную весть: «Если жители крепости питают кровную месть, то пусть казак Темиш остается в армянском квартале». Община паша весьма обрадовалась. Старый Эрби прочел молитвы всевышнему: хвала богу, с головы нашей спала великая скорбь и жестокое горе. Вражеский же сын — проклятый Темиш остался в доме Аветика. Писано в 5408 г. (1648 год н. э.)».

Когда Тимофей рассказал Хмельницкому, как его возили в крепость Кырк-Ер, но старейшины караимской общины крепости отказались его принять, гетман сразу понял причину этого. К нему уже не раз доходили угрозы этой общины о кровной мести. Дело в том, что на него была возложена общиной ответственность за смерть старшины Ильяша Караимовича, убитого казаками при переходе пльвших по Днепру на помощь Стефану Потоцкому реестровых казаков на сторону восставших перед битвой под Желтыми Водами.

Сторонник польской шляхты старшина реестровых казаков Ильяш Караимович был выходцем из Крыма из рода Узунов, который и проживал в крепости Кырк-Ер. Он не порывал связи со своими сородичами и соплеменниками. И когда к ним дошла весть о смерти своего сородича, они поклялись совершить кровную месть и сообщили об этом Хмельницкому. Однако караимские старейшины крепости хорошо понимали, что значит для Ислам-Гирея анамат Тимофей, и постарались оградить себя от беды. Тем более что

Сююн-ага пригрозил самой страшной угрозой, что к Балта-Таймезу дотронется топор.

Дело в том, что это старинное кладбище, расположенное близ крепости в долине, носящей название Иосафатовой, сплошь заросло вековыми дубами, рубить которые у караимов, унаследовавших от своих предков хазар верование древопочитанья, считалось за великий грех. В переводе с татарского «балта-таймез» и означало «топор не коснется».

Все это было известно Хмельницкому, и он был рад, что сын вернулся из Крыма, избежав несчастья.

Прибежал казачок и доложил, что прибыли казаки с задержанным русским, просят принять их.

Когда он вошел в горницу, там уже были казаки от полковника Алексея Тимушкина, посланного им в Киев, и среди них мужчина с открытым лицом, статность которого подчеркивала ладно сидевшая на нем легкая одежда. Все поднялись. Он поздоровался и разрешил сесть. Потом обратился к русскому:

— Расскажи, какой ты человек и куда послан?

Видя, что перед ним сам Хмельницкий, человек подтянулся и слегка глуховатым от волнения голосом отвечал:

— Я есть стародубец Григорий Климов. Посылали меня мая в 26 день из Севска воеводы, стольник Замятня Леонтьев да Иван Кобыльский, с грамотами к Адаму Киселю. И как отъехал я от Киева версту, тут меня взяли запорожские казаки. Я им сказывал, что я московский человек, а послан из Севска к Адаму Киселю от воевод с письмами.

— А что это за письма? — Хмельницкий внимательно посмотрел на Климова. С минуту поколебавшись, тот добыл из-под кафтана свертки и протянул их Хмельницкому.

Хмельницкий взял протянутые письма, распечатал и стал молча читать. По его суровому сосредоточенному

лицу трудно было понять, как он относится к прочитанному.

До нас не дошло содержание этих писем, но, зная содержание других, которые пограничные воеводы по указанию русского правительства послали в конце мая — начале июня 1648 года к Адаму Киселю и Иеремии Вишневецкому, в частности сохранившегося письма хотмыжского воеводы Семена Волховского Адаму Киселю, легко предположить, что русское правительство выражало в них беспокойство по поводу появления на Украине татар и предлагало совместно выступить против них. Русское правительство тогда еще не было осведомлено о полной растерянности польских властей в связи с восстанием на Украине. Да и о Хмельницком в России знали лишь из писем царю польских властей и того же Киселя, в которых он именовался не иначе как «разбойник», «простой холоп», «мятежник». Правда, в «отписках» (сообщениях) в Разрядный приказ воеводы Т. Бутурлин, З. Леонтьев, И. Кобыльский, Н. Плещеев сообщали о фактах, в частности о начале восстания, о разгроме польских войск запорожскими казаками во главе с гетманом Богданом Хмельницким, о сложившейся в связи с этим обстановке на Украине. Но хотя все эти отписки читали царю Алексею Михайловичу, он своего отношения к ним не высказывал, о чем свидетельствуют некоторые сохранившиеся на отписных листках пометы. На отписке от 30 мая 1648 года путивльского воеводы Н. Плещеева г. Разрядный приказ о разгроме польского войска под Желтыми Водами и Корсунем и об изгнании шляхты из Левобережной Украины лаконичная помета: «Июня и 7 день государю и боярам чтена, и те вести ведомы». Лишь на отписке от 7 июня 1648 года в Посольский приказ севских воевод З. Леонтьева и И. Кобыльского о борьбе украинского народа против польской шляхты и о его желании объединиться с

русским народом помета более пространная: «Июня в 13 день с Иваном Ивановым сыном Кобыльским... Государь слушал и бояре. Указал государь послать свою государеву грамоту в Севск к воеводам, велеть за рубеж послать нарочного, кого пригоже, и велеть проведать подлинно о всяких вестях против сей отписки; а проведывать велел тайным делом». Очевидно, русское правительство еще не считало возможным проявлять открыто свое отношение к происходящему, но желало знать из первых рук о событиях на Украине. Указание «проведать подлинные вести» получил и Григорий Климов. Сейчас он сидел в горнице и ждал решения казацкого гетмана. А тот, окончив читать письма, посмотрел дружелюбно на Климова и, усмехаясь в свой слегка поседевший ус, проговорил:

— Пошто тебе к Адаму ехать, я тебе дам к царскому величеству от себя грамоту.

Встав из-за стола, он подошел к окну и, всматриваясь в широко раскинувшееся перед домом поле, продолжал говорить:

— Мне пишут князь Ерема Вишневецкий да Адам Кисель. Просят, чтобы татар не пускал воевать к ним, и предлагают мне мир. И я по их просьбе велел крымскому царевичу с войском отступить к Желтым Водам. А сам я с небольшими ратными силами в город Мошны отошел, а завтра буду держать путь к Черкассам. Собирайся, пойдем вместе. Там и уладим все.

Через два дня они встретились уже в Черкассах. Хмельницкий еще дружелюбнее беседовал с Климовым и передал ему два письма — царю Алексею Михайловичу и воеводе Леонтьеву.

— Да скажи на словах воеводам в Севске, — говорил в конце встречи Хмельницкий, — а воеводы бы к царскому величеству отписали, что мы очистили

польские и литовские города по Днепр. А короля у нас не стало. И будет государя милость и жалование нам будет, так будем великому государю служить. Да скажи, что нынче ему, государю, на Польшу и на Литву наступать пора: подошло бы государево войско к Смоленску, а мы государю будем с другой стороны помогать.

Хмельницкий подошел к Климову, обнял его и, провожая к выходу, сказал:

— Хоть казак из тебя неплохой был бы, и за себя постоять сможешь, если что, но чтобы не было заминки какой, проводить тебя до путивльского рубежа даю двадцать казаков да проезжий лист. По листу этому тебе везде дадут еду и подводы без задержки. А теперь иди.

Воевода севский Замятия Федорович Леонтьев, расспросив вернувшегося Климова, удивился такому повороту дела. Хмельницкий писал ему:

«Вельможный пане Замятия Федорович, стольник и воевода севский, наместник кашинский!

Доброго здоровья вашей вельможности, поклон свой нижайший отдаем.

Никак иначе не понимаем, только по воле провидения божьего это должно было произойти, что послов Вашей вельможности, хоть и не к нам посланных, с благодарностью приняв, с честью отпускаем. А просим бога и тебя, чтобы был добрым другом войску Запорожскому, нам, слугам твоим, и царю, его милости, Алексею Михайловичу, светилу русскому, милостиво причиною послужил, чтобы о нас, слугах своих, ведал, а мы, как издавна предки наши из войска Запорожского царю, его милости, всяческую доброжелательность чинили, и теперь на том стоим. Грамоты Вашей вельможности к пану Киселю послов Ваших сами ему отошлем. И на дальнейшее просим,

чтобы Ваша вельможность к нам, слугам твоим, войску Запорожскому доброжелателен быть изволил.

Дано в Черкассах дня 8 июня 1648.

Вельможности Вашей всякого добра желающий и служить радый.

Богдан Хмельницкий, гетман Войска его королевской милости Запорожского собственноручно».

Воевода задумался, потом еще раз пробежал глазами письмо и тут же послал за вторым воеводой Кобыльским. Вскоре тот приехал, и они вместе прочли письмо Хмельницкого царю, после чего решение их было скорым: стародубцу Григорию Климову немедленно скакать в Москву к царю с письмом и их отпиской.

Москва в это лето была беспокойной, впрочем, как и все предыдущие годы царствования Алексея Михайловича, начавшегося после смерти его отца Михаила Федоровича в 1645 году. Как и отец, Алексей Михайлович вступил на престол в шестнадцать лет. И его, как и отца, длинным рядом обсели временщики, сильные люди, помогавшие царям-недорослям править страной. При Михаиле это были Салтыковы, князь Репнин, при его сыне Алексее руководящее положение заняла боярская группировка, к которой принадлежали родственники царя — Милославские и бывший воспитатель царя Б. И. Морозов. Они-то и давали направление всему царствованию.

Для восстановления государственного единства русских земель и обеспечения их обороны нужны были войска и средства, а казна была опустошена, источники ее пополнения вконец подорваны. Дворянство требовало укрепления и расширения своих прав на землю, обеспечения поместий рабочей силой и ограничения произвола боярства и правительственных учреждений. Еще в 1637 году правительство Михаила Федоровича издало указ об увеличении срока урочных

лет до 9 лет, а в 1641 году увеличило его до 10 для беглых крестьян и до 15 для вывезенных другими феодалами.

Новое правительство пошло по пути усиления налогового гнета. Пуще нечистой силы боялся люд сборщика податей, появлявшегося в сопровождении стрельцов. Скрываясь от них, крестьяне иногда целыми деревнями уходили в леса. Чтобы окончательно не разорить население, правительство увеличило косвенные налоги, значительно повысило цену на соль, продажа которой была государственной монополией. От этого страдали малоимущие, но казна по-прежнему пустовала. Тогда правительство лишило жалованья служилых людей, в том числе казенных кузнецов и плотников, стрельцов, подьячих и других. Крестьяне и горожане выражали протест против угнетения феодалов, обедневший посадский люд выступал против посадской верхушки. 1 июня 1648 года народное недовольство вылилось в мощное восстание.

В этот день Алексей Михайлович возвращался в Москву с богомолья из Троицко-Сергиевой лавры. У заставы его встречали бояре и толпы народа. Царю поднесли хлеб да соль и обратились с челобитной, в которой обличались «простого народа мучители и кровопийцы и наши губители».

Царь челобитную не принял. Не по чину делалось. Когда челобитчики стали молить государя принять грамоту в собственные руки, их разогнали плетьюми, а некоторых арестовали.

В пятницу второго июня, когда царь с боярами вышел на Красное крыльцо, чтобы идти в Успенский собор, толпа, стоявшая у крыльца, снова потребовала наказать управляющего Москвой Л. С. Плещеева и освободить заключенных. Видя взволнованную толпу, царь вынужден был согласиться.

Но восстание усиливалось. На стороне восставших оказались стрельцы, сами испытывавшие всяческие притеснения.

На следующий день народ вместе со стрельцами ворвался в царские палаты, требуя выдать Морозова и Плещеева. Чтобы отвлечь народ от Кремля, Морозов приказал своим слугам поджечь Москву. Начался пожар. Но восставшие не поддались панике. Царь вынужден был выдать Плещеева, которого разгневанная толпа тут же разорвала. Под сильным конвоем стрельцов Морозова отправили в ссылку. В главных московских приказах были сменены судьи, недоимщиков выпустили из тюрем.

Правительству удалось привлечь на свою сторону стрельцов, выдав им повышенное жалованье. С их помощью и было подавлено восстание. Но волнение перекинулось на другие города — Козлов, Владимир, Воронеж, Елец, Болхое, Чугуев. От природы тихий и нерешительный, царь Алексей Михайлович растерялся.

19 июня 1648 года в Москву с отпиской севских воевод Замятии Федоровича Леонтьева и Ивана Семеновича Кобыльского, с письмами Богдана Хмельницкого прибыл стародубец Григорий Климов.

По Москве уже стучали топоры, восстанавливались сгоревшие дома. На Красной площади еще виднелась засохшая кровь, и люди обходили эти места стороной, но в их поведении, в их разговорах еще чувствовалось возбуждение.

В Посольском приказе Климова встретил думный дьяк Алмаз Иванов. Взяв отписку и письма, выслушав устный рассказ, Иванов приказал ждать, а сам отправился к князю Якову Куденетовичу Черкасскому, который теперь стоял во главе приказов, подчинявшихся раньше Морозову.

На следующий день поутру в думе царь Алексей Михайлович слушал письмо гетмана Хмельницкого.

Читали без толмача.

«Наияснейший, вельможный и преславный царю московский, а нам вельце милостивый пане и добродею!»

Это было первое официальное обращение Богдана Хмельницкого к русскому правительству, в котором гетман не только излагал события, свершившиеся в последнее время, свои просьбы к русскому царю, но и раскрывал свою политическую программу — установление и укрепление политических связей Украины и России во время освободительной войны и в конечном итоге их воссоединение. В письме прямо ставился вопрос о том, что Украина хочет быть под властью русского царя, что в тех конкретных условиях и означало воссоединение с Россией.

«Желали мы себе самодержца государя такого в своей земле, яко ваша царская вельможность православный христианский царь... В чем заверяем ваше царское величество, если бы была на то воля божья и твоя царская, сейчас, немедля, на панство то наступать, а мы со всем войском Запорожским услужить вашей царской вельможности готовы, которому с нижайшими услугами своими полностью отдаемся...».

Хмельницкий хорошо понимал, что принятие Украины в состав России должно было повлечь за собой войну между Речью Посполитой и Российским государством, поэтому предлагал русскому правительству начать наступление против общего врага — Речи Посполитой, нанести одновременный согласованный удар по врагу с двух сторон, предупредив выступление панов против Украины.

Крепко задумались бояре, выслушав письмо Хмельницкого. Оно было необычным и по форме, и по содержанию. Каждый из воевод следил, чтобы в обращениях к царю не было пропущено ни одного титула. Если же, упаси боже, это правило нарушалось,

то принимались соответствующие меры, даже по отношению к другим государствам. А письмо гетмана начиналось совсем необычно. Такое письмо следовало бы отослать назад, не читая, да потребовать ответа за обиду, нанесенную самодержцу. Но содержание письма и то, что написано было автором необычным, заставляло не обращать внимания на форму. Царь ждал совета. Заседаниями думы руководил царский родственник Никита Иванович Романов. Но он смотрел на Якова Куденетовича Черкасского, который теперь стал как бы премьером нового правительства. Но и тот молчал, отводя глаза на сидевших тут же бояр Бориса Петровича Шереметева, поставленного у раздачи денег, Василия Борисовича Шереметева, поставленного во главе Владимирского приказа, М. М. Темкина-Ростовского — во главе Разбойного приказа, М. Н. Пронского — главу Пушкарского и других. А те также молчали.

Давая совет царю, что ответить на письмо гетмана, приходилось учитывать многое. Дело в том, что в апреле сначала от белгородского воеводы Тимофея Федоровича Бутурлина, а потом и от других воевод прибыли в Москву гонцы с вестью, что казачий полковник Богдан Хмельницкий договорился с крымским ханом пойти вместе войною то ли на ляхов, то ли на Московское государство. «И крымский-де царь послал к ним, черкасам, на помощь Тугай-мурзу Ширина, а с ним пошло... татар 6000». Татар и раньше бивали. Но Хмель увлек с собой чернь. Как бы и своя не подняла головы и не затеяла смуты. Поэтому на рубеж с бурлившей Украиной послали полки, чтобы, пока весть о Хмеле до народа не дошла, «от литовского рубежа по всем дорогам и по малым стежкам и по приметным по всем местам учинить... заставы и сторожи крепкие и велеть беречь накрепко, чтоб... никто не проехал и пеш не прошел и не прокрался никаким обычаи».

Порубежные русские воеводы писали правительству, что боятся украинских повстанцев, которые пользуются сочувствием русских крестьян и горожан, и принимают меры для укрепления пограничных городов. «И по тем, государь, вестям, — писал путивльский воевода Никифор Юрьевич Плещеев, — опасаяся я, холоп твой, от тех самовольников всякого дурна, живу в Путивле с великим береженьем, неоплошно, чтоб от тех воров, от литовских людей, от самовольников, городу Путивлю какое дурно не учинилось».

Приходилось думать и о том, что Россия еще не залечила ран, нанесенных польско-шведской интервенцией в начале XVII века и Смоленской войной 1632-1634 годов. Кроме того, Польшу поддержат Франция и другие государства. А как быть с русско-польским договором, заключенным в мае 1634 года об оказании взаимной помощи в случае нападения Крымского ханства? На основании этого договора польское правительство требует выступления России против Украины, считая, что участие татар в Желтоводской и Корсунской битвах не что иное, как их нападение на территорию Речи Посполитой.

Для русского правительства создается затруднительное положение. Конечно, не в его интересах помогать Речи Посполитой в войне против братского украинского народа. Но обстоятельства требовали осторожности.

Хорошо поразмыслив, пришли к заключению, что прежде чем дать ответ на письмо, следует хорошо изучить обстановку на Украине и вокруг нее. Уже 22 июня 1648 года по указанию государя порубежным воеводам были направлены грамоты: «...тотчас послать в литовскую сторону, кого пригоже, знающих людей... в разные места... и велети разведать подлинно тайным делом, коими мерами польского Владислава короля не

стало, и в котором городе, и кого на его место на королевство чают, брата ль его Казимира королевича, или кого ил иного государства берут, и коль скоро. И что у них ныне в Польше и в Литве делается, и в которых местах у них черкасы и татары, сложась, воют, и много ль их в собранье, и кто к черкасам пристаёт, и за что у них та ссора с поляками учинилась, и чем ту ссору чают унять. И кто ныне в Польше и в Литве коронные гетманы учинены, и белорусцы к черкасцам не пристають ли... и в которых городах, и есть ли против тех черкас и татар в Польше и в Литве собранья, и в которых местах; да и про всякие вести, что у них делается... разведать всякими мерами подлинно».

И пошли по Украине, Польше, Белоруссии, аж до самого Крыма, «знающие тайные люди», чтобы выведать про все доподлинно и донести своему государю.

Борьба продолжается

«Мы очень жалеем, что хотя и не по нашей вине так много крестьян своей крови пролило и в бусурманскую неволю пошло, — писал Хмельницкий 27 июня 1648 года Киселю. — Дай господи боже, чтобы это больше не повторилось. Но к нам доходят вести, что некоторые паны сенаторы под Луцком войско собирают, чтобы снова против нас воевать, и мы помимо воли вынуждены думать о том, как сохранить свою жизнь. Мы не желаем, чтобы до больших потерь дошло, а потому разослали по всей Украине универсалы о том, что каждый как из нашего Войска Запорожского, так и из других шляхетских подданных под страхом сурового наказания эти бунты и волнения должен прекратить...»

Хмельницкий прекрасно знал, что никакие универсалы не помогут. Не было такой силы, чтобы унять накопившийся в народе гнев против шляхты, чтобы остановить народную месть.

Огонь священного гнева против поработителей разгорался. Народные массы возглавили соратники Богдана. И первым из них был Максим Кривонос. Это он поднял восстания на Брацлавщине и Киевщине, в Подолии и Волыни. А потом перешел на Побужье, освободил Винницу, Брацлав, Райгород, Немиров, другие города. «Этот бесчестный Кривонос поднял на войну неорганизованную толпу и до этого времени по Украине не перестает нарушать наш мир и везде проводит вражеские наступления», — говорится в одном из польских донесений. Испытав жестокости шляхты, он мстил им со страшной ненавистью. И они трепетали при одном имени Максима Кривоноса.

Поляки через Киселя требовали от Хмельницкого, чтобы он унял Кривоноса, а тот делал вид, что ничего о

Кривоносе и восстании не знает, что не поддерживает с ним никаких отношений, поскольку строго придерживается условий перемирия.

То же было и с Иваном Ганжой, который поднял восстание в Умани, и с другими соратниками Хмельницкого, возглавившими борьбу в других местах Украины.

Вконец рассерженный на сейм, который не доверие ему командование польским войском, Иеремия Вишневецкий самолично собрал армию и двинулся на Украину. 18 июня 1648 года он был уже в Погребищах и здесь начал жестоко карать всех, кого хотя бы подозревал в участии в восстании.

Из летописи Самоила Величко: «Зрозумевши зась, же на Киев за Днепр, для повставших военных вихоров, не безпечно уже ему простовати, вдался ку Любечу; где Днепр переправивши и Брагиня досягнувшись, княгиню до Вишневца своего съ тяжарами домашними отправил, а самъ вдался налево, в промысль военный против казаков ку Погребищамъ; где подзорных будто людей, кновь русских до бунтов, а больше невинных на паль тиранско позбивавши, и тим мордерством своим приязнь людскую и власных подданих своих стративши, а на гнев ку себе сердца их запаливши, рушил оттоль к Немирову, своей маетности, такогожь гостинца мордерского, як и Погребищане, сдержали боявшойся».

С одной стороны, выступление Вишневецкого носило провокационный характер и было направлено на срыв переговоров о мире, начатых польским правительством и Хмельницким. С другой стороны, он хотел показать, что сам в состоянии расправиться с «непокорным хлопом Хмелем и его восставшей чернью».

Исполненный этой уверенности и возбужденный учиненными им невиданными зверствами, Вишневецкий, залив кровью Погребища, пошел на

Прилуки и Немиров. И везде, где он проходил, оставались виселицы и посаженные на колья люди. Известие — «Ярема идет!» — наводило леденящий ужас. Он стремительно появлялся со своими жолнерами и драгунами, громяхая артиллерией и сопровождаемый лишь подвижным легким обозом. На быстрой поджарой лошади, невысокий и худой, он окидывал согнанных людей безжалостным взглядом и решительным голосом приказывал казнить, сажать на кол, жечь. И потом с мстительной и презрительной улыбкой смотрел, как расправлялись его подручные с жертвами. И не было виновных и невиновных, детей и взрослых — на всех падала лютая злоба князя.

Около 15 июня 1648 года Вишневецкий подошел к Немирову. Жители закрыли ворота и отказались пустить его в город. Незадолго перед этим город был освобожден от жолнеров отрядом Максима Кривоноса. Чтобы овладеть им, Кривонос применил военную хитрость. Один из казацких отрядов под военными знаками и хоругвями Речи Посполитой подошел к стенам города. Затрубили трубы, ударили в литавры, как это делалось и в шляхетском войске. Но польский гарнизон и его командир не решались открывать ворота. Вот тогда-то приверженцы Кривоноса и подняли шум: почему, мол, не пускают жолнеров. Ворота открыли. Это послужило сигналом к восстанию. Казаки при помощи местных жителей освободили город от шляхты.

Сейчас немировцы закрыли ворота и были готовы защищаться до последнего. Вишневецкий приказал брать город приступом.

— Презренные рабы! Я покажу вам, как не исполнять приказания князя! — кричал он в лютой злобе.

Поляки бросились на приступ. В Немирове ударили в колокола, жители, благословляемые православными

священниками, обороняли город. Но деревянные стены не выдержали напора. Отчаянно и стойко защищались немировцы, но натиск превосходящих сил противника оказался неудержимым. Многие погибли в этом бою, а остальных Вишневецкий приказал согнать на площадь. Вскоре там запылали костры, кучей лежали мастерски обтесанные толстые колья, железные прутья. И закипела адова работа, от которой леденела кровь.

Начали со священников. Им буравили и выкалывали глаза, ломали кости, сдирали кожу и бросали в костры. Других распинали живыми на крестах, сажали на колья. На шею обреченным надевали «ожерелье» из отрубленных детских голов и замученных родственников. Из восставших делали так называемые казацкие свечи — привязывали их к столбам, обматывали соломой, обмазывали смолой и поджигали. А Вишневецкому все было мало. Он, как неистовый, гарцевал на своем взбесившемся коне и кричал:

— Мучайте, мучайте их сильнее! Чтобы чувствовали, что умирают!

Расправившись с непокорными в Немирове, Вишневецкий оставил здесь двести драгун и пошел дальше по своим владениям. В пути он встретился с киевским воеводой Тышкевичем, и они вдвоем двинулись к владению Тышкевича Махновке, где, по слухам, были казаки Кривоноса.

Кривонос же сам искал встречи с палачами народа, считая своей святой обязанностью настичь и уничтожить остервенелого князя.

Они встретились под Махновкой. Первым на ляхов бросился с передовым полком Кривоносенко — сын Кривоноса, а за ним и сам Кривонос с конным полком.

Только к вечеру бой утих. А наутро Хмельницкий прислал на подмогу Кривоносу Белоцерковский полк под командованием Гири. Когда ляхи пошли на восставших, те ответили таким ударом, что

Вишневецкий счел за лучшее удрать с поля боя под Бердичев.

В погоне за Вишневецким Кривонос разгромил его отряд под селом Пятки, затем, освободив ряд городов и крепостей, в июле подошел к крепости Полонное, где были большие запасы пороха и 80 орудий. В 1640 году князя Любомирские отстроили крепость заново. Ее обнесли рвом с водой, земляным валом и высокими стенами. Мосты напротив трех ворот, которые вели к крепости, на ночь поднимались. Надвратные башни с бойницами соединялись между собой подземными ходами. Шляхта считала Полонное своим опорным пунктом, а Любомирский похвалялся, что войска здесь могут выдержать даже трехлетнюю осаду. Но выдержала она всего три дня и 12 июля была взята приступом.

Позже народ сложил думу:

Отсе, панове-молодці, над Полошшм не чорна
хмара встала;

Не одна пані-ляшка удовою зосталась.

Озоветься одна пані-ляшка:

«Нема мого папа Яна!

Десь його зв'язали козаки, як би барана,

Та повели до свово гетьмана».

Озоветься друга пані-ляшка:

«Нема мого пана Кардаша!

Десь його Хмельницького козаки повели до
свого коша».

Озоветься третя пані-ляшка:

«Нема мого пана Якуба!

Хмельницького козаки та, либонь, повісили його
десь на дубі».

Стремясь оторваться от преследования, Вишневецкий повернул на Староконстантинов, где соединился с войсками князя Заславского. Но это не испугало Кривоноса. 15 июля он уже был в миле от стен города. Город и замок считались неприступными. Из бойниц крепостных стен на повстанческие войска грозно смотрели жерла пушек и пищалей, готовые смести наступающих сплэй своего огня.

Имея за спиной такую крепость с сильным гарнизоном, возглавляемым опытным воином полковником Корецким, Вишневецкий и Заславский решили у ее стен дать бой Кривоносу. Но не успели они хоть каким-то образом построиться, как передовой отряд казаков во главе с Кривоносенко с ходу ударил по войску князя. Подошедший полк Гири Кривонос направил на королевскую гвардию и войска воеводы сандомирского. Когда бой разгорелся в полную силу, в атаку ринулся сам Кривонос с основным полком. Бой длился до ночи. С наступлением темноты войска отошли на прежние позиции. Ночью на подмогу подошел Уманский полк Ганжи, и, когда настало утро 17 июля, казаки и вооруженные крестьяне уже были готовы к новому бою.

Кривонос выехал со своими побратимами впереди войска и хмуро осмотрел будущее поле новой битвы. Много здесь полегло и своих и врагов. Не хотелось проливать новую кровь. Он постоял еще немного, потом обернулся к Гире и Ганже:

— Вишневецкий обвиняет меня в нерыцарстве. Где, мол, хлопну до таких папских дел. А я надумал, братья, вызвать пана князя на поединок. Пусть сабля рассудит. У меня с ним свои счета, войско пусть подождет.

Однако вечером перебежчик от поляков сообщил, что все войска Вишневецкого и он сам спешно снялись и отошли за Горынь.

И Кривонос снова бросился в погоню за Вишневецким. 20 июля он по приказу Хмельницкого приступом взял Межибож, а затем обложил самую укрепленную в этих краях крепость — Бар. Город с трех сторон опоясывала речка Ров. Внутри возвышалась крепость с мощными оборонительными сооружениями.

Оценив обстановку и взвесив свои силы, Кривонос начал подготовку к штурму. Город решили брать одновременно с воды и суши. Для переправы через речку сделали плоты из разобранных домов предместий. На плотам для защиты от пуль построили ограды. Получилось что-то наподобие плавающих крепостей. Для штурма с суши использовали «московские гуляй-города», которые представляли собой огромные деревянные щиты, поставленные на колеса. В город и крепость Кривонос заслал своих людей, которые должны были разъяснить жителям, что, если они сдадутся добровольно, милость им будет полная.

Утром 25 июля 1648 года Кривонос повел свои войска на штурм. Во главе атакующих шли полковники Кишка, Габач, Браславец, Степка и поп-расстрига. Когда подошли к крепости, со стен ударила артиллерия. На деревянные щиты посыпался град пуль. Но наступающие укрылись за ними и продолжали медленно продвигаться к городу. Когда они подступили к самым стенам, мещане открыли ворота.

Овладев городом, повстанцы начали осаду замка, в котором засел гарнизонный отряд во главе с Павлом Потоцким. Гарнизон упорно защищался, но и здесь вмешались сочувствующие восстанию мещане, которые открыли ворота замка и спустили мосты.

В Баре были взяты богатые трофеи — орудия, военное снаряжение, боеприпасы. Все это Кривонос приказал грузить на возы и отправлять в Чигирин. А через несколько дней двинулся к новой крепости — к

городу Каменец-Подольскому. Крепость и город расположились на полуострове, созданном крутым поворотом речки Смотрич, которая протекает в глубоком скальном каньоне. Сама крепость возвышалась на отвесных скалах и была почти неприступной. Это Кривоноса не остановило, и он начал тщательную подготовку к ее штурму.

Однако через несколько дней осаду Каменец-Подольского пришлось прекратить. Гонец от Хмельницкого привез приказ гетмана немедленно возвращаться к главной армии.

Победа под Пилявцами

В середине июня 1648 года Богдан Хмельницкий возвратился в Чигирин.

Он давно стремился в этот город, с которым столько связано в его жизни. Еще не так давно он вырвался из него оскорбленный и униженный, спасаясь от преследований коварных недругов. А теперь возвращался победителем.

Не забыть ему того времени, когда, казалось, не уйти от лютой злобы Конецпольского и Чаплинского. Помогли ему тогда добрые товарищи скрыться. И немало способствовала этому жена Чаплинского — Елена. Забывать добро не в его натуре. А затем родилось и другое чувство. И наполнило оно казака, и не отпускало ни на минуту. Не так стар он еще, чтобы не поддаться ему.

Была у него Анна, родная, близкая. Она подарила ему пятерых детей. Когда ее не стало, словно оторвалась у него частица сердца. И казалось, зачерствело оно навеки. Осталась в нем только боль за семью. Но, видно, мало ему было этого. Призывные глаза Елены, ее ласковые руки хотя и не притушили в нем боль, по поселили радость, желание жизни, ощущение в себе той внутренней силы и уверенности, которые влекут человека к действию, к борьбе.

И не мог он, возвратившись в Чигирин, не встретиться с ней. Ему казалось, что и она хотела этой встречи. Может, потому и не бежала с мужем, не побоялась остаться в самом центре восставшей Украины.

После встречи с Еленой он забрал ее к себе, несмотря на осуждающее молчание семьи и товарищей, а их согласие сейчас очень нужно было Хмельницкому.

Но его порой не было. Многих испугало нарастающее движение масс, направленное не только против польских панов, но и против своих богатеев, которые часто в жестокости не уступали шляхте. Некоторые из казацких старшин, окружавших Хмельницкого, готовы были прекратить борьбу и договориться с польским правительством об уступках. Не раз об этом заговаривал генеральный писарь Выговский. Недавно казаки перехватили киевского митрополита Косова, пытавшегося отправиться на тайное совещание с представителями польского правительства.

Пришлось твердой рукой осадить легковерных. Да и кто мог сейчас остановить народ, поднявшийся в праведном гневе во весь свой гигантский рост?

Беспокоило гетмана отсутствие вестей от послов из Варшавы и то, что на западных окраинах начала сосредоточиваться польская армия, неясность отношений с русским царем. Вот-вот должна разгореться новая война с поляками. А его люди приводят одного за другим московских посланцев с письмами не к нему, а к тому же Адаму Киселю, через которого шли все сношения польского двора с Московским Кремлем. Что затевают за его спиной?

Вот, например, письмо Адаму Киселю от хотмышского воеводы князя Волховского, которое перехватили казаки. В нем говорится, что порубежные московские воеводы готовы оказать помощь полякам против неприятелей Речи Посполитой. Каких неприятелей? Татар? Царь заверил его через воевод, что он может быть спокоен в отношении России. Как тогда понимать это письмо?

Он призвал к себе московского посланца Тимофея Милкова, который вез это письмо, и бывших с ним товарищей, беседовал с ними и узнал многое. Тогда, подумав немного, он решил отписать Волховскому письмо от себя. Получилось оно горьким:

«Вельможный князь Семион Микитович, воевода Волховский... Не надеялся я от его царского величества великого царя и князя Алексея Михайловича и от вас самих, православных христиан, чтобы наступали на веру пашу христианскую, одинаковую с вашей, а против нас ляхами помогали... Если бы другим разом захотели с нами воевать, хотите ль нам быть приятелями, тогда нам на помощь прибывайте, а мы с вами также, когда в чем случится тоже, должны будемо тем же способом на услугу вашу с каждым часом заделовать и отслуживать. При этом отдаемся в ласку и приязнь вашу. Дан из Чигирина, дня 20 июня 1648 г.».

Вручив письмо Милкову, Хмельницкий приказал немедля доставить его воеводе и передать, что казаки такого от единоверцев не ожидали. Через три дня 23 июня Тимофей Милков уже докладывал воеводе о подозрениях гетмана в отношении совместных действий против него поляков и московских ратных людей. Воевода спешно отослал Милкова с письмом Хмельницкого в Москву.

События на Украине серьезно заинтересовали царя. Заботясь о том, чтобы воеводы на местах не сделали какой-нибудь промашки, он велел немедленно отсылать все гетманские письма в Москву в Посольский приказ и лишь затем в Разрядный. Без его, царя, указа гетману отвечать не разрешалось. А спустя некоторое время царь повелел воеводам прекратить переписку с Адамом Киселем.

Все это были приметы перемен к лучшему в отношении русского царя к восстанию на Украине. А вскоре к Хмельницкому стали приходиться утешительные вести. В ответ на обращение гетмана о принятии Украины в подданство и оказании военной помощи против Речи Посполитой русское правительство решило отказаться от выполнения военного договора с Польшей. Это был смелый шаг, неминуемо влекущий за

собой обострение русско-польских отношений и сближение Речи Посполитой с Крымом. Но Россия пошла на это. Несмотря на настоятельные требования польского правительства послать войска на Украину, ему в этом было отказано. Русское правительство посоветовало польскому, чтобы оно с «войском Запорожским войны не держало и крови христианской не проливало», и предлагало удовлетворить требования Украины.

Помощь русского народа восставшим оказывалась и в других формах. Так, с начала освободительной войны, особенно после подавления восстаний в Москве и других городах, из России на Украину пришло много беглых людей, которые приняли самое активное участие в освободительной борьбе украинского народа. Вяземские воеводы М. Прозоровский и И. Загряжский в июне 1648 года доносили государю в Москву, что в восстании на Украине участвуют и «твои государевы русские люди».

В этом же 1648 году Украину постиг неурожай. Саранча уничтожила хлеб, а то, что осталось, убирать было некому — все ушли на войну. На помощь борющейся Украине пришел русский народ. Украинцам разрешено было приезжать в Россию и покупать здесь без всяких пошлин хлеб, соль и всякие товары. Вольновский воевода сообщал в связи с этим в Москву в марте 1649 года, что ежедневно через город Вольный проезжали с Украины на Курск, Белгород, Оскол и другие города два-три больших обоза. Русские люди везли на Украину возы с хлебом, солью, медом и прочими продуктами. Такая поддержка помогала восставшим не только выжить, но и успешно вести войну со шляхетскими угнетателями.

Поляки стянули свои войска и пошли на Волынь в «посполитом рушении», как саранча, опустошая

украинскую землю. Проклятия и стоны неслись им вослед. Медлить дальше было нельзя.

27 июня в Чигирин снова прибыл от Киселя ксендз Петроний Ласка. Лебезил, вынюхивал, убеждал не выступать с войском. Но Хмельницкий был хмур и насторожен. Выслушав заверения Ласки, Хмельницкий показал перехваченное письмо Киселя к московскому двору, в котором говорилось, что казаки ведут войну «из страсти к грабежам и беспорядкам», что «этот мятеж будет опасен и для Московского государства» и ему следует объединиться с Речью Посполитой и «не допустить буйному народу усилиться для бедствия обеих держав».

— Вижу, — проговорил с укором Хмельницкий, — что паны нас хотят обмануть, чтоб мы, попавшись в их сети, испытали судьбу Павлюка.

Ксендз попытался оправдать действия своего патрона, но Хмельницкий не стал его слушать.

29 июня, в день святого Петра и Павла, открылась рада. Вопросов, требовавших решения, было много, главные из них — об отношениях с Москвой и Речью Посполитой. Как только Богдан открыл раду, к нему сразу же бросился Петроний Ласка. Выспренне поприветствовав гетмана, он торжественно вручил письмо и подарки Запорожскому войску от Адама Киселя.

Хмельницкий от имени всех поблагодарил за подарки и добавил, пряча в седеющий ус язвительную усмешку: «Мы всегда с благодарностью слушаем его милость папа воеводу, но как бы за всем этим не было предательства, так как имеем мы точные сведения, что стягиваются уже войска, а его милость пан воевода все обещает нам умиротворение и прощение проступков наших Речью Посполитой. Приняв заверения воеводы, мы, как пану известно, сами вернулись и орду, которая

хотела идти в глубь Речи Посполитой, удержали, но от воеводы, кроме заверений, ничего не имеем».

В тот же день на раду прибыли послы из Запорожской Сечи. Запорожцы обещали прислать семь тысяч войска. И Хмельницкий, и вся рада с радостью приняли эту весть.

Насторожила Ласку весть, что на раде были и представители из Москвы. К их разговору с Хмельницким он особо прислушивался и услышал, как Хмельницкий говорил одному из них: «Мы не вороги царству Московскому, нас не нужно бояться». Настораживало Ласку и то, что, хотя Хмельницкий и заверял его, что порвал с татарами, они с ним имеют постоянную связь и подстрекают, чтобы он не соглашался ни на какое перемирие, обещая ему прибыть в последних днях августа. Даже их представитель молодой Султан-мурза проживает тут при Хмельницком с сотней конных татар и как полноправный член присутствует на раде.

Когда встал вопрос о Польше, рада единодушно решила: «Казакам с ляхами миру не будет». По вопросу об отношении к Москве рада недвусмысленно постановила: «Иного короля не обирать, а всею Литовскою землею христианские веры податься великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси самодержцу, чтобы государь над нами, христианами, был и ведал христианский один великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси самодержец... Коли надобно, просить у русского царя ратных людей на помощь».

После рады подготовка к выступлению усилилась. На зов Хмельницкого к нему двинулись восставшие со всей Украины. Скоро к Масловому Ставу, где был по традиции назначен центр сбора, собрались значительные силы — около 80 тысяч казаков, крестьян и мещан. Из них было сформировано 35 полков. Кроме

того, было несколько отдельных крестьянских отрядов. Возглавили полки ближайшие соратники Хмельницкого, любимцы народа Иван Богун, Данило Нечай, Мартын Небаба и другие. Однако, чтобы одержать победу над шляхетским воинством, собранного войска было недостаточно. И Хмельницкий посылает Тимофея за подкреплением к крымскому хану.

Вскоре войско под водительством Хмельницкого выступило в поход. 8 июля 1648 года оно остановилось в местечке Паволочи. Здесь решили дожидаться пополнения — Кривоноса, Гирю и других полковников.

Жители Паволоч встретили гетмана хлебом-солью. На следующий день, как только он разместился в замке, пришла к нему делегация с просьбой сформировать из местных жителей Паволочский полк. Растроганный Хмельницкий тут же отдал распоряжение создать такой полк.

Вскоре прибыл и Максим Кривонос. Хмельницкий встретил его с большим почетом, как первого своего соратника. Один в пышном гетманском одеянии, спокойный и рассудительный, другой и здесь, в кругу своих друзей, напряженный и острый, готовый к быстрому действию. Слегка улыбаясь, подошли друг к другу и обнялись, как братья.

— Приветствую тебя, Максиме, и рад за тебя очень. Добряче пощипал ляхов, большое тебе спасибо.

Хмельницкий скосил чуть в сторону глазом, и тут же из-за его спины выскочил джура Мартынец. В руках у него была сабля, окованная червонным золотом, с белой роговой рукоятью, с которой свисали кисти из золотых нитей. Она приковала взоры всех присутствующих, которые знали толк в оружии.

Взяв саблю двумя руками, Хмельницкий любовно окинул ее взглядом и торжественно протянул Кривоносу:

— Возьми, брате, за службу твою народу, от всего запорожского рыцарства. И пусть не дрогнет с ней твоя рука, как не дрожала до сих пор.

— Спасибо, гетмане, и вам, панове товариство.

Кривонос поклонился Хмельницкому, казацкой старшине, что стояла за ним, разодетая в пышные ярко-красные, оранжевые и синие жупаны с оружием на ремнях, на которых блистало золото, и принял от гетмана саблю в свои твердые, жилистые руки. Вынув из ножен лезвие, молча поцеловал холодную сталь и, бросив лезвие снова в ножны, повесил саблю через плечо. И хотя ему радостно было от того уважения, которое оказывали ему сейчас его побратимы и сам Хмельницкий, он чувствовал себя в своем простом казацком жупане не совсем уютно среди этого золота и серебра, богатых панских одеяний. И уже подумывал, как бы тихо уйти отсюда к своему войску и там попить на славу, как подошел улыбающийся Хмельницкий, обнял его за плечи обеими руками и поцеловал трижды, потом еще трижды. А за ним начали подходить и полковники.

Тут гетман повел своими широкими плечами и на всю залу разнесся его зычный голос:

— А теперь, братья, пошли обедать. Заждалась нас добрая чарка.

...На следующий день новая радость. Со своим поднестривским войском пришел к Паволочи Ганжа. Пришли Нечай, Морозенко, Тыша. Собирались побратимы на новую войну.

Но не все радовало гетмана в эти дни сбора и устройства войска. Да и как тут быть спокойным, когда вот уже третьего посла, теперь уже путивльского воеводы Ивана Трифонова, к полякам приводят к нему его казаки. Больно и непонятно. Братья же, одному богу молимся. Зачем же к врагам обращаться?

Уже было немного успокоился он, когда на свое письмо к воеводе Семену Волховскому получил от него ответ, что если кто говорит, «будто на вас хотим стоять, и то некто вместил вам неприятель христианской веры, хотя тем в православной христианской вере ссору учинить. И вы б и вперед от нас того не мыслили и опасения никакова не имели; и от вас никакова дурна не чаем и опасенья не имеем потому, что вы с нами одной православной христианской веры». А тут новое письмо. Что тут предпринять? И он пишет путивльскому воеводе Никифору Плещееву письмо, снова полное разочарования и горечи:

«Вельможному пану Никифору Юрьевичу Плещееву, воеводе путивльскому. Доброго здоровья и всякого добра от господа бога иметь желаем. Не ожидали мы того от вас, чтобы есте ляхам, недоверкам, на нас, православных христиан, на братия свою, помощи войсками своими давали, и как теперь получили есмо надежные сведения, что с ляхами на нас хочете воевати, ибо посланца вашего, едущего от князя Вишневецкого с грамотами, по имени Иоан Трифонов, поймали есмо, из которых грамот хорошо поняли, хотя писали есте в будто против татар крымских помощь дадите...» Далее он предлагал, обращаясь к царю Алексею Михайловичу, идти на ляхов. И окончив письмо, подписал: «Богдан Хмельницкий гетман Войска Запорожского».

Так он теперь стал подписываться, упуская слова «его королевского величества», после того как узнал о новом походе поляков против него.

Это письмо Хмельницкого, как и другие его письма подобного содержания, сразу же было переслано царю Алексею Михайловичу. И тот, посоветовавшись с боярами, указал воеводе Никифору Плещееву отписать Богдану Хмельницкому о том, чтобы он не опасался выступления России на стороне Польши. «А вперед бы к

Вишневецкому и к Адаму Киселю и к иным ни к кому без нашего указу ни о каких делах листов от себя не писал и с ними не ссылался».

После этого царского указа, разосланного во все пограничные с Украиной воеводства, сношения их с польскими магнатами прекратились.

Готовясь к битве, Хмельницкий ожидал татар, которых агитировал в Крыму сын Тимош, вел дипломатическую игру с польскими магнатами. Через своих осведомителей он знал о разладах и спорах в польском лагере.

Вишневецкий, оскорбленный, что не ему поручили возглавлять войско, не хотел признавать первенства Доминика Заславского и других региментариев, назначенных сеймом. Забрав свои двенадцать тысяч воинов, он стал отдельным лагерем, наблюдая за событиями. Само же войско, состоявшее из шляхты всех рангов, больше пьянствовало и разглагольствовало, чем готовилось к битве. Хмельницкий отправил князю Заславскому письмо, предлагая прекратить войну, которая якобы началась из-за зверств и самовольства князя Вишневецкого.

Письмо вызвало волнение в польском лагере. Многие шляхтичи, которые рвались домой в Польшу, полагали, что следует кончить дело миром. Другие вообще считали ниже своего достоинства воевать с казаками.

— На такое быдло, как казаки, — заявляли они, — не стоит даже тратить пуль: мы их плетьюми разгоним по полю, как только прикажет наш предводитель.

Неспокойно было и в лагере Хмельницкого. Он чувствовал, как с каждым днем нарастало вокруг него недовольство и все явственнее становился ропот. Его ругали за медлительность, за то, что затягивает выступление. Но еще не собралось войско, медлят татары, да и не возвратились послы из Варшавы.

В это время гонец принес ему письмо, которое дало новый прилив сил и утвердило уверенность в своей правоте. Писал иерусалимский патриарх Паисий, который, направляясь в Россию, пребывал сейчас в Успенском монастыре в Молдавии. Он обращался к Хмельницкому, как к «законному правителю Украины», с просьбой разрешить проезд.

Непосредственное обращение патриарха к нему, Хмельницкому, повышало его авторитет, и он шлет Паисию почтительный ответ. Письмо в Молдавию доставил один из самых образованных полковников, близкий единомышленник и советник Силуян Андреевич Мужилковский. Это было первое дипломатическое поручение Мужилковского, в будущем самого доверенного и деятельного посла Хмельницкого. В помощь Мужилковскому и для его охраны был послан киевский полковник Михайло Крыса — разбитной и смысленый, он как никто лучше подходил для выполнения этой ответственной миссии.

Тем временем Хмельницкий отправился под Староконстантинов, где была назначена встреча с комиссарами сейма для заключения мира. И хотя он стремился к миру, но понимал, что это невозможно. Об этом свидетельствует письмо хотмышскому воеводе Семену Волховскому от 29 июля 1648 года: «Поглядим, какую комиссию захотят с нами иметь: оттуда, из Польши, пишут нам, просят о мире и о согласии, а тут по ближним городам, где наша Русь, где православные христиане живут, хватают, рубят и разным мукам предают и попои духовных наших на колья сажают... И не надеемся, чтобы при таких их делах мог быть мир между нами...»

Комиссия так и не приехала, но вернулись послы. Привезенные ими условия мира, уже всем известные, были неприемлемы и лишь подлили масла в огонь.

В начале сентября, нарушив перемирие, польско-шляхетское войско начало свое наступление из-под Глинян на Збараж, а оттуда на Староконстантинов. Торжественно, одетая и вооруженная с невиданным богатством, непрерывной лавиной двигалась шляхта в серебряных шлемах и панцирях. На гусарах поверх панцирей были наброшены леопардовые, медвежьи, рысьи шкуры, у многих к спинам прикреплены крылья орлов и ястребов, над сверкающими шлемами реяли разноцветные перья. Грозно выступали огромные, словно отлитые из меди, с расшитыми драгоценными камнями попоны, лошади.

Из свидетельства очевидца Самойла Твардовского: «Золотом блистали их щиты, султаны, бунчуки, палаши и мечи; от серебра ломились шатры, шкафы и столы. Даже наиболее охочему к этому врагу и половины было бы достаточно. Не знали они, что все это богатство, как на ярмарке, обменяют на простое железо, на самопалы, ремни, конопляные подпруги, попоны, рядна, бурки и бедные свитки».

Узнав о выступлении шляхетского войска, Хмельницкий поднял армию. Вместе со старшиной он объезжал ряды на своем белом аргамаче и над полем разносился его сильный голос, призывающий казаков на бой за веру и отчизну. В замке ударили орудия, зазвенели колокола во всех церквах, добыши^[70] ударили в литавры, армия двинулась в поход. Глухо загудела земля. Застонали, заскрипели возы. В лучах утреннего солнца засверкали пики и сабли. Заколыхалось и сдвинулось разноцветное море жупанов, казацких шапок. А над всем этим — знамена, словно птицы с красными, малиновыми, голубыми крыльями.

8 сентября армии сошлись. Их разделяла небольшая речушка Пилявка с болотистыми берегами, впадающая

в приток Южного Буга. Здесь, в полутора милях к юго-востоку от Староконстантинова, на правом берегу Иквы в некотором отдалении от берега и расположил свои войска Хмельницкий, а сам разместился вместе со старшиной в небольшом Пилявецком замке. Сразу же приступили к укреплению лагеря. Обвели его большими земляными валами, окружили шестью рядами возов, сделав удобным и для обороны, и для наступления.

Вражеская армия стояла на левом берегу. Оба берега Иквы, которые связывала плотина, захваченная казаками, были в эту осеннюю пору заболочены. Чтобы сблизиться с войсками Хмельницкого, полякам необходимо было одолеть болотистые берега Пилявки и Иквы. Особенно неудобны для военных действий были берега Пилявки, извилистые и изрезанные ручьями. Все это затрудняло передвижение польских войск, главной силой которых была кавалерия, лишало возможности создать земляные укрепления. Два дня потратили они на то, чтобы кое-как устроить лагерь.

Бой начался 11 сентября. Он шел целый день. Три раза польская пехота захватывала плотину, но не могла закрепиться. Лишь к концу дня в бой вступила кавалерия, которая в обход через болота вышла во фланг и, ударив по плотине, вытеснила с нее казаков.

На следующий день поляки укрепляли шанцами плотину и проводили совещания, как быть дальше. Шляхтичи боялись, что к Хмельницкому придут татары, и тогда его сила возрастет. И они действительно пришли, но это был небольшой 4-тысячный отряд из Буджакской орды во главе с мурзой Карач-беем. Невелика подмога, если учитывать, что они были почти безоружными. Большой радостью для Хмельницкого было то, что вместе с татарами хан отпустил и его сына Тимоша. Вырос, возмужал хлопец. Казак хоть сейчас в бой. Высказывает дельные мысли, на пользу пошло ему пребывание в Крыму. Всю ханскую подноготную

разузнал, был неплохо осведомлен и о турецких делах. Слушал Богдан сына и удовлетворенно покручивал спадающий ус. Одно только настораживало, что не убавилось, видно, у Тимоша удали и своеволия. Видно, хан нарочно это в нем еще больше распалил. Вон каким шальным огнем светятся большие глаза, а сам так и рвется командовать.

13 сентября еще до рассвета казацкие войска двинулись на вражеский лагерь. Их вели Хмельницкий и Кривонос. Польские войска, чтобы не быть скованными оврагами и рвами, вышли на равнину, ожидая здесь казаков. Еще не успели собраться все войска, как несколько нетерпеливых и самоуверенных польских конных хоругвей ввязались в бой. Среди болот и кустарника поляки даже не успели развернуться, как были окружены и уничтожены казаками.

Из свидетельства очевидца Самойла Твардовского: «Когда гусары большим отрядом пришли сюда, они не могли в этой тесноте... рассредоточиться для встречи с врагом... А в это время шанцы были взяты за греблей^[71], пехота полностью с орудиями уничтожена, и на конных хоругвей, которые переправились на ту сторону, ни одна не вернулась целой...»

Разгромив вражескую конницу, Хмельницкий и Кривонос с двух сторон атаковали пехоту, засевшую в шанцах. Вскоре она была истреблена казаками и татарами и расстреляна казацкими пушками. За первым редутом пал второй, захвачена артиллерия, вытеснены кавалерийские и пехотные части. Дезорганизация польского войска достигла предела. Приказы командующих не выполнялись, начальники хоругвей отказывались идти в бой.

Настал вечер. Польские региментарии и комиссары собрались на военный совет. Совещались, не сходя с лошадей, и решили отступить, чтобы не дать

Хмельницкому, который продолжал наступление, окружить лагерь.

Когда наступила ночь, первыми тайком от войска бежали главнокомандующие, за ними — комиссары и начальники хоругвей. Весть об этом пронеслась по лагерю, и началось повальное бегство.

Из свидетельства очевидца Самойла Твардовского:
«О, кто бы мог описать эту ночь и перенесенную беду! Признаться, рука моя не хочет двигаться дальше, описывать невиданный позор и срам моего всегда рыцарского народа. Наброшу покров на глаза свои. Не остановить движение скалы, которая оторвалась от горы, и не поднять Трои, когда она ввергнута в прах! Какой шум, какой хаос господствовал там, когда множество людей, не ведая даже, в чем дело, выскакивали из своих пристанищ, бросали оружие... на землю, другие, только ото сна вскочив, хватались за что попало — кто за коня, кто за саблю, за узду, за седло. Раненых, больных — все бросали и вверяли жизнь своим ногам. Все добро и богатство, которое имели тут поляки, все отдали во владение своим хлопам...»

Страх гнал беглецов до самой Вислы, многие скрывались за крепостными стенами Львова.

Это была одна из блестящих побед Богдана Хмельницкого и его войска, которая дала толчок к новому подъему освободительной войны украинского народа. Была ликвидирована польско-шляхетская власть на Волыни и Подолии. Особой силы достигли восстания в Галиции. Одним из наиболее талантливых руководителей бедноты стал Семен Высочан. Продолжало нарастать освободительное движение в Белоруссии. Здесь действовали отряды Кривошапки, Махненко, Гаркуши и других народных вожаков. Многие из повстанческих отрядов насчитывали по несколько тысяч человек. Ими были освобождены такие крупные города, как Пинск, Гомель, Мозырь и другие. Борьба

украинских и белорусских крестьян облегчала возможность выступить против своих угнетателей городской бедноте. Активное участие в войне на Украине принял молдавский народ. Вскоре после победы под Пилявицами в казацкое войско влился полк молдаван.

Антифеодальная борьба крестьянства охватила и саму Польшу. Отряды восставших крестьян действовали даже под Варшавой. Так, папский нунций де Торрес доносил из Варшавы в Рим: «Не очень далеко отсюда бродят три тысячи разбойников и восставших крестьян». Волновались городские низы в Варшаве.

А шляхтичей на Украине после этой битвы еще долго насмешливо называли «пилявчики».

Осада Львова и Замостья

Два дня праздновало казацкое войско Пилявецкую победу. Большой обоз с трофеями отослали в Чигирин для будущих нужд, но и для войска осталось достаточно.

На третий день с раннего утра снова заиграли трубы, ударили литавры. Войско двинулось выбивать шляхту, засевшую в Староконстантинове. А 16 сентября 1648 года после взятия Староконстантинова собралась казацкая рада. Предстояло решить, что делать дальше: продолжать наступление и идти по пятам разгромленного шляхетского войска или остановиться на достигнутом и укрепиться на реке Случ? От решения этого вопроса зависело многое, возможно, даже дальнейшая судьба всего дела.

Обладая недюжинным талантом и волей полководца, решительный и неудержимый в бою, Хмельницкий, однако, предпочитал решению дел силой оружия мирные средства: письма, трактаты, универсалы. Здесь он был умерен, осторожен, хитер и предусмотрителен. Своими решениями он иногда ставил в тупик не только врагов, но и своих побратимов. Сейчас, после Пилявецкой битвы, он видел, что восстание принесло его родине не только освобождение, но и голод и разруху. А войско нужно чем-то кормить и снаряжать. Что же выходит, он вместе с теми старшинами, которые за время боев с поляками набрали достаточно всякого добра, и дальше воевать за народное дело им незачем? Они теперь норовят под всякими предлогами вернуться домой и зажить себе панами. Нет, он не с ними. Но не может он не сдерживать и буйного безрассудства тех же Кривоноса и Богуна, Чарноты и Нечая, Небабы и Гладкого. Что же,

он знает, что делать. Но решение предстояло принять раде.

Его появление на раде было встречено возгласами:

— Слава, слава! Слава гетману, отцу нашему!

Хмельницкий немного постоял молча, словно вслушивался в эти возгласы, потом повелительно вскинул вверх правую руку с гетманской булавой. Это движение, словно волшебство, остановило крики. Воцарилась тишина, и в ней особенно четко слышался голос гетмана:

— Братья мои! С победой! Со славой! Со счастьем родного народа!

Снова раскололи тишину ликующие крики, и снова взметнувшаяся ввысь булава оборвала их своей магической силой.

— Други мои, славные рыцари! Господь снова оказал нам помощь, и мы победили наших врагов. Цвет польского войска побежден вами. Только ваша беззаветная любовь к родине, братство, сплоченность могли сокрушить эту твердыню. И нет на свете такого отважного и славного войска, как наше казацкое, такого преданного народу!

Все снова одобрительно загудели, не сводя с Хмельницкого глаз. Понимали, что это лишь вступление. Гетман немного помолчал, обвел своим острым взглядом присутствующих, задержав его на Кривоносе, Богуне, Нечае, и продолжил:

— А теперь, честная рада, нужно решить нам, пойдём ли в глубь Польши кончать наших врагов или воротимся с гостинцами к своим домашним и отдохнем от трудов. А если отважатся наши враги снова ворваться к нам с грабежом и разбоем, так мы им крикнем: «Мовчи, ляше, по Случ наше!».

Выражение понравилось, и в ответ слышались одобрительный смех и утверждающие возгласы. Но заметил Богдан, что их было не так много. Генеральный

писарь Выговский да еще несколько человек. Остальные настороженно молчали.

Наконец не выдержал горячий Чарнота.

— Ясновельможный батьку! Если станем сейчас и не пойдем добивать ляха, народ и рыцарство казацкое не поймут нас. Посмотри вокруг. Все готовы идти дальше за тобой, и их теперь не остановишь ничем. Не пойдем мы, они пойдут сами, избрав себе новых атаманов. Пойдем, батьку, на погибель врагам, за волю нашей отчизны!

Одобрительные возгласы покрыли слова Чарноты.

— Пойдем, батьку, на ляха! Слава гетману! Слава Хмелю! Веди нас на Варшаву! На погибель ляхам!

И Богдан увидел, что не найдется сейчас силы, чтобы остановить стремление народа покончить с ляхами. И тогда он расправил свои широкие плечи, обвел всех огненным взглядом и торжественно объявил:

— Что говорить! Войско готово. Веду вас на ляхов!

И в тот же день огромные массы казаков, крестьян, городской голытьбы, татар, возглавляемые своими старшинами, двинулись в поход. Их путь был на Збараж, Зборов, Глиняны, ко Львову.

Бедный городской люд, крестьяне радостно встречали повстанцев. Многие вливались в их ряды, создавали свои повстанческие отряды и выступали против угнетателей.

Когда передовые отряды крестьянско-казацкого войска во главе с Максимом Кривоносом подошли к Збаражу, казаки и мещане, перебив рейтаров, открыли ворота. Овладев замком, войско Кривоноса захватило много трофеев. С помощью горожан был захвачен также монастырь бернардинцев, куда спряталась шляхта.

К городу Зборову подошел казацкий отряд под предводительством Тимофея Хмельницкого. Жители вышли навстречу и поднесли сыну гетмана богатые

дары. Еще до прихода сюда повстанцев горожане организовали свой отряд, который вел борьбу со шляхтой, отнимал у нее деньги, драгоценности, лошадей и переправлял все это к Богдану Хмельницкому.

26 сентября 1648 года под стены Львова пришел Кривонос, а через два дня прибыли и основные силы во главе с Хмельницким.

Город, который основал выдающийся полководец и государственный деятель галицко-волынский князь Данила Галицкий в 50-х годах XIII столетия, сразу же стал притягательным центром для ремесленников, купцов, разной вельможной знати, чему способствовало его положение на скрещении важных торговых путей. С востока проходили два пути из Киева — через Луцк и Тереховлю. С юга — пути из Молдавии через Коломыю и Галич, от соляных варниц Прикарпатья. Западный путь, который проходил через Перемышль и Ярослав, связывал город с Польшей и Германией. С севера пролегали пути из прибалтийских стран через Владимир и Белз. В городе поселилось много купцов; кроме украинцев и русских, здесь жили армяне, татары, немцы, греки, евреи, итальянцы и т. д.

Хозяевами города были богатые патриции, в основном католики. Они и настроили здесь монастыри и костелы.

В этом городе была известна Хмельницкому каждая улица, знаком каждый дом. Город, где прошли годы молодости, был близок и дорог. Многие львовские мещане помогали ему порохом, вооружением. И поплатились жизнью за это. Как же он мог разрушить Львов, принести беду его жителям?

И еще подходя к городу, он уже послал львовским властям письмо с предложением дружбы. «Прихожу к вам, — писал он, — как освободитель русского народа;

прихожу к столичному городу земли червонорусской избавить вас от ляхской неволи».

Но письмо Хмельницкого не было принято правителями города. Он готовился к обороне. Здесь укрылись тысячи «пилявчиков» вместе со своими главнокомандующими. Заславский, правда, сразу же удрал в имение, где писал письмо в Варшаву, оправдывая свое поражение. Остророг еще некоторое время оставался в городе и даже хотел возглавить его оборону. Но гарнизон отказался признать его власть, призвав в руководители Вишневецкого. Тот долго не соглашался, но наконец внял мольбам обывателей Львова. Первым его шагом в новой роли было наложение на жителей контрибуции: каждый львовянин ради защиты города и отечества должен был сдать все драгоценности и деньги, которые у него имелись. Были собраны огромные средства.

Этим вклад Вишневецкого в оборону города и ограничился. Взяв собранные богатства, он оставил начальником гарнизона старого вояку Христофора Артышевского и вместе со своим войском ушел из Львова, якобы для защиты Варшавы. Вслед за Вишневецким покинули город и другие паны и военачальники. Оставшиеся горожане жаловались:

— Паны обобрали нас как липку и малодушно покинули на разграбление неприятеля.

Но Хмельницкий не хотел ни грабежа, ни крови. И лишь получив на свое письмо отрицательный ответ, дал распоряжение войскам штурмовать город.

Пространство, занимаемое городом, было относительно невелико. Это был почти правильный квадрат, окруженный стеной, с внешней стороны которой был выкопан во всю длину стены ров и насыпан вал. А затем шла еще и внешняя стена с семнадцатью башнями. В город вело двое ворот (Краковские и Галицкие) и две калитки. Одна находилась недалеко от

иезуитского костела и называлась иезуитской, другая близ волоской церкви и называлась волоской. Как неусыпный страж, на холме над городом возвышался Высокий Замок. Против него и направил свои войска Кривонос. Другие отряды казацкого войска под водительство Хмельницкого затеяли стычки на валах у Гончарной улицы, близ монастыря кармелитов босых, у Галицких ворот, у бернардинского монастыря. Сам же Хмельницкий разъезжал вдоль городских стен на своем белом аргамеке, время от времени приказывая палить по городу из пушек, но не сильно, чтобы не разрушить строений.

Во время штурма городских укреплений к казацким войскам присоединились многие мещане-украинцы. Они и рассказали, где проходит водопровод, который сразу же был перекрыт казаками, показали слабые места в обороне. И вскоре Кривонос взял Высокий Замок.

Хмельницкий строго запретил жечь предместья, грабить мещан, стремясь склонить магистрат^[72] к добровольной сдаче. Ему нужен был только выкуп, чтобы заплатить Тугай-бею за то, что тот не войдет в город. И он снова отправил в город посла, предлагая свои условия. Но обедневшие после контрибуции Вишневецкого горожане начали торговаться.

11 октября 1648 года старейшины города направили к Хмельницкому его старого учителя ксендза Генцеля Андрея Мокрского. С того времени, когда этот профессор-иезуит стремился сделать из Богдана преданного католика, прошло больше тридцати лет. Стерлись в памяти все обиды и наказания, осталось то хорошее, что познал в годы учебы Богдан, поэтому и встретил он доктора теологии с доброжелательством и теплотой.

Не зная, чего ожидать от Хмельницкого, Мокрский вошел настороженный и суровый. На его удлиннном

умном лице нельзя было прочесть никаких чувств. И лишь в уголках глубоких серых глаз просматривался почти незаметный для постороннего интерес к бывшему ученику. Когда он увидел, что Хмельницкий поднялся навстречу и, улыбаясь, идет к нему, легкая улыбка разгладила изрезанное морщинами желтое исхудалое лицо ксендза.

— Приветствую вас, учитель, — проговорил Хмельницкий на латыни, проявляя таким образом свое расположение к Мокрскому. Он словно не замечал других участников посольства и обращался только к нему. Ксендз склонил слегка голову и глухо ответил:

— Приветствуем гетмана от всех убитых горем жителей Львова и просим помилования твоего, спасения от разорения и гибели.

Мокрский подошел к Хмельницкому и протянул ему исписанный листок:

— Город Львов не отвергает твоей дружбы, гетман. Он не нанес тебе никакого оскорбления и надеется на твое доброе расположение.

Хмельницкий взял письмо и, развернув, прочел в наступившей тишине. Окончив, он поднял на Мокрского глаза, которые теперь стали суровыми и острыми.

— Знаю, что обобрал вас Вишневецкий основательно, но именно потому, что хочу добра городу, хочу уберечь его от разбоя и поругания, требую выкупа, который нужен не мне, а единственно чтобы расплатиться с татарами, нашими союзниками, которые тогда согласны не входить во Львов. Это мое последнее слово магистрату. Если завтра не будет выкупа, город будет разорен.

С этим он и отпустил посольство, оставив лишь Мокрского. По его глазам, по всему поведению Хмельницкий видел, что ксендз пришел к нему не только от львовского магистрата.

Так и было на самом деле. После того как Хмельницкий закончил коллегия, Мокрский недолго оставался здесь. Он перебирается в Литву, преподает «святое письмо» и полемику в Виленской иезуитской академии, становится проповедником костела святого Иоанна. Затем по каким-то причинам он покидает иезуитов, становится каноником, исповедником Владислава IV, а после его смерти — доверенным лицом королевича Яна-Казимира. Именно по указанию будущего короля он и прибыл во Львов, чтобы любым способом связаться с Хмельницким.

В это время борьба за королевский престол в Польше была в самом разгаре. Главными претендентами были братья покойного короля Ян-Казимир и Карл-Фердинанд.

Младшего из братьев Яна-Казимира поддерживала так называемая «мирная» партия во главе с коронным канцлером Оссолинским. Эта группировка по ряду мотивов стремилась установить мир с Богданом Хмельницким. Ее поддерживала и великопольская шляхта, которая не зависела от магнатов с Украины. Старшего брата короля Карла-Фердинанда поддерживали магнаты во главе с Вишневецким, который настаивал на немедленном продолжении борьбы с украинским народом.

6 октября 1648 года в Варшаве открылся элекционный сейм для избрания короля. Сюда съехались толпы вооруженной шляхты со всей Польши, готовой, если потребуется, силой оружия отстаивать избранного ею кандидата.

Прошло всего три недели после битвы под Пилявцами. И в Варшаву прибыли многие из ее участников, сея панику и страх перед восставшими. Настроение, царившее в то время в Варшаве, точно охарактеризовал в своей летописи Грабянка: «Много ляхов в Варшаве собралось, и у всех заячьи уши, такой

страх на них нагнал Хмельницкий, что едва сухого дерева треск услышав, то без души к Гданьску бежали и во сне не один кричал: «Вот Хмельницкий!» Страх, царивший в Варшаве, использовала группировка Карла, протазившая на пост командующего польским войском, действующим против восставших, Иеремию Вишневецкого, считавшего, что для сохранения господства над Украиной необходимо безжалостно задушить восстание военной силой. В этом магнатскую группировку поддерживали силы католической реакции Европы — римская курия и Габсбургский дом.

Группировка Яна-Казимира, возглавляемая канцлером Оссолинским, тоже была за подавление восстания, но через некоторое время, поскольку сейчас для этого у Речи Посполитой нет сил. Для необходимой подготовки следует заключить с восставшими хотя бы перемирие.

При этом преследовалась и другая цель, не менее важная, чем ликвидация восстания. Над польской шляхтой, понимающей события более глубоко, чем Вишневецкий, постоянно витал страх перед политическим и военным союзом гетмана с русским правительством. От этого, как писал царю русский дипломат Григорий Кунаков, «во всех польских и литовских людях боязнь была большая паче черкасские войны». Заключение мира с Хмельницким и преследовало целью предотвратить такой союз.

В этих условиях в борьбе за престол Яну-Казимиру нужен был мир. С предложением заключить его и прибыл к Богдану Хмельницкому Мокрский.

Долго говорили в этот вечер гетман и посланец королевича. Решили, что завтра Мокрский привезет решение сената о выкупе, и казацкое войско отойдет от Львова. Что же касается дальнейшей войны, то все зависит от пана королевича. Пока же никаких обещаний Хмельницкий дать не может. Для себя он уже давно

решил поддержать Казимира, внести разлад в ряды польской шляхты, ослабить врага.

Мир нужен был Украине. И Хмельницкий решил воспользоваться предложением королевича. В это время к Хмельницкому прибыл еще один доверенный человек, Юрий Ермолич, который также привез письмо, в котором Ян-Казимир не скупился на обещания и казакам, и старшинам, и Хмельницкому, обещая, что, став королем, «вольности их черкасские подкрепит паче прежнего».

Хмельницкий знал цену этим обещаниям, знал и то, что, выдвигая кандидатуру Яна-Казимира, магнаты и шляхта видели в нем человека, который возглавит борьбу против народно-освободительного движения на Украине.

12 октября 1648 года Мокрский снова явился к Хмельницкому с послами города. Опять начался торг вокруг суммы выкупа. Депутаты старались разжалобить Хмельницкого. Гетман слушал их страстные речи и лишь разводил руками.

— Я не могу скрыть от вас, что меня очень огорчают эти несчастные обстоятельства. Дай бог, чтоб и ухо человеческое о подобных не слышало! Всему причина Вишневецкий и Конецпольский, о чем я уже писал вам.

Хмельницкий встал, прошелся по палате. Было видно, его взволновала просьба львовян и он соглашался с ними, но сделать ничего не мог.

— Я требую этих денег не для своей корысти, а только для того, чтобы удовлетворить союзника моего пана Тугай-бея.

Депутаты вынуждены были согласиться. В город вместе с делегацией за деньгами отправили от гетмана Петра Головацкого, а от Тугай-бея — татарина Пинь-агу. Несколько дней возили выкуп. Получив около 100 тысяч злотых^[73] и тканей на 500 тысяч, отошли к Замостью,

где, как сообщили Хмельницкому, должен был собирать войска Вишневецкий.

Из летописи Самоила Величко: «После этого, не добываячи больше города, пошел от них найскоре под Замостье, чем достигнуть хотел того, чтобы бежавшие ляхи не так быстро снова соединились и занялись своей обороной...»

Еще когда повстанческие войска находились под Пилявцами, к Хмельницкому от галицких крестьян и мещан был направлен посланец с письмом, в котором говорилось, чтобы он, «не откладывая, оказал помощь против польского тиранства». Правда, посланца тогда шляхта перехватила, письмо изъяла, а «посланца набито на кол».

Когда же освободительная армия подошла ко Львову, к гетману пришли посланцы и из сел Крехова, Гологоры, и из Тернополя, и из Замостья с одной просьбой: чтобы он «пришел чем скорее и освободил их от тиранства шляхты». Их просьбы для Хмельницкого и его побратимов были зовом парода о помощи. И они не могли не помочь ему.

Поэтому, отправляясь в новый поход, Хмельницкий оставил во Львове своего двоюродного брата Захария Хмельницкого с казаками «для спокойствия граждан»; направлены были отряды повстанческих войск и в другие города Галиции.

Наступая на Замостье, Хмельницкий приглашал с собой и Мокрского, но тот, сославшись на болезнь, которая действительно донимала его в последние дни, возвратился во Львов, заверив гетмана, что нагонит его и поедет от него послом к королю.

Но дело не терпело отлагательств, и по дороге в Замостье гетман пишет львовскому магистрату, чтобы почтенного отца Генцеля как можно скорее к нему отправили и что он очень сожалеет, что тот до сих пор во Львове и не поехал вместе с ним, «хотя должен был

ехать к королю в качестве посла от него, как обещал». И Мокрский, несмотря на болезнь, сразу же выезжает к Хмельницкому.

Нагнал он его уже у Замостья.

Более сильной и удобной для обороны крепости, чем Замостье, не было во всей Польше. К тому же, в отличие от других, она была заблаговременно подготовлена к длительной обороне самим Вишневецким. Были завезены пушки и ружья, запасено вдоволь пороха. Крепость не боялась голода. Каждый житель обязан был сделать в доме запас продовольствия на полгода. Те, кто не годился в солдаты, были отправлены за Вислу.

Когда Хмельницкому донесли об этом, он задумался. В походе он осмотрел свое войско. Готовое хоть сейчас в бой против панов, оно, однако, было плохо подготовлено к осенней поре, не говоря уже о зиме. Да и бодрости в нем не было уже такой, как под Пилявцами, чувствовалась усталость. Лошадям нужен был корм, которого из-под снега не достанешь. А тут еще начались болезни.

Нужен отдых, ох как нужен!

Хмельницкий смотрел на своих соратников и думал, что им этого не скажешь. Они рвутся в бой на ляхов. А ему хватило бы выкупа, как во Львове. Идти дальше в Польшу — погубить все дело. И когда 27 октября 1648 года войска подходили к Замостью, он пишет два письма — полковнику Людвигу Вейгеру, коменданту города и начальнику немецких войск, составляющих ядро гарнизона, с приглашением присоединиться к запорожским войскам, и к шляхте и мещанам Замостья с предложением начать переговоры. И как во всех своих письмах и универсалах, он указывает, что эта война ведется не по воле казаков, а единственно по вине «князя Вишневецкого и пана коронного хорунжего Конецпольского, потому что именно они силой втянули

нас в войну, и теперь мы вынуждены стоять за себя, пока у нас хватит сил... Мы больше склоняемся к миру, нежели к пролитию крови». И Хмельницкий предлагает «не воевать с нами, а добровольно заключить мир, как это сделали львовяне, а мы обещаем... немедленно отступить от города со всем Запорожским войском и ордами...».

Письма отослали с немцем, который воевал в рядах восставших, и так и прозывался Петр Немец.

Однако, спрятавшись за крепкие стены и чувствуя себя в безопасности, осажденные не приняли предложений Хмельницкого. Началась переписка. Хмельницкий сделал своей резиденцией село Лабуны, неподалеку от Замостья. Здесь он вел переписку, принимал послов из Молдавии и других государств. Отсюда он отправил в Варшаву посольство во главе с Вешняком, которое должно было просить, чтобы к Хмельницкому прислали для примирения комиссаров. Посланцы должны были везде и всюду заявлять, что казаки желают королем Яна-Казимира. Это был важный шаг. Посольство должно было предъявить правительству Речи Посполитой очень скромные требования, чтобы дезориентировать правительство относительно истинных целей казачества.

Осада Замостья продолжалась. Дважды туда отправлялся и ксендз Мокрский, но все оставалось по-прежнему. Среди старшины и в войсках назревало недовольство.

Начал все горячий и нетерпеливый обозный Чарнота. Он ходил злой по лагерю и запальчиво кричал, что гетманом овладел страх и он теперь не думает о войне.

— Как, — кричал он, размахивая в неистовстве кулаками и бросая на землю свою шапку, — мы брали в неволю гетманов, разбили все польское войско, взяли выкуп со Львова и не можем осилить такой крепости,

как Замостье. Да она и минуту не выдержит нашего натиска. Но гетман не хочет, он начал ублажать поляков, ведет с ними тайные сношения и обманывает войско!

Его слушали, многие с ним соглашались. К тому же начались холода, сказывался и неурожай этого года. Войско начало испытывать недостаток в продовольствии. И Хмельницкому ничего не оставалось, как дать приказ о подготовке к штурму.

Забили в литавры, заиграли трубачи, лагерь в одно мгновение поднялся на ноги. Начали готовить гуляй-города, таскать хворост для забрасывания рва, вязать пучки соломы.

В крепости насторожились. Тревожно зазвенели колокола. Ободряемые священниками осажденные готовились к бою.

Штурм начался во второй половине дня, ближе к вечеру, с северной и восточной стороны. Закидали рвы хворостом, зажгли факелы, медленно и грозно двигались к стенам крепости гуляй-города, за которыми гарцевали на лошадях казаки, готовые не только принять бой, но и подгонять посполитых, идущих за гуляй-городами, если они струсят и подадутся назад.

Но когда восставшие с шумом, гиканьем уже приближались к крепостным стенам, их внезапно встретил такой плотный и слаженный огонь из орудий и мушкетов, какого они еще не испытывали. Он не утихал до тех пор, пока не раздробились в щепки гуляй-города и в страхе не отступили оставшиеся в живых посполитые и казаки.

Чарнота со своими штурмовал крепость с северной стороны. Здесь стена была ниже и не защищалась башнями. Сначала казакам сопутствовал успех. Они даже успели поднести и приставить к стенам штурмовые лестницы. Но поляки вовремя скопили здесь

силы и отбили наступающих. Был ранен и сброшен с лестницы сам Чарнота.

Все новые приступы были также отбиты, и бой пришлось остановить. Дело довершили вооруженные отряды осажденных, которые вырвались из крепости на вылазку и неожиданно напали на отходивших казаков. Им удалось захватить триста вьючных лошадей, амуницию и даже сотника Метлу.

После этого казаки больше не предпринимали боя против осажденных, тем более что начались холодные дожди, слякоть, в войсках вспыхнула чума. Много унесла она казацких жизней, в том числе полковника Кривоноса, «первого полковника Хмельницкого», который «лядскую славу загнал под лаву». Войско тяжело переживало смерть любимого командира.

5 ноября 1648 года, чтобы подтвердить свое мнение относительно короля, Хмельницкий посылает в Варшаву Андрея Мокрского и своего двоюродного брата Захария Хмельницкого. Они везли Яну-Казимиру письмо, в котором высказывалось желание видеть польским королем именно его.

Хмельницкий, как всегда, был дипломатичен и обосновал в письме действия восставших и даже их приход на западноукраинские земли единственно желанием поддержать королевича в его стремлении занять престол. «А важнее всего, — писал он, — о чем мы узнали от пленных из разгромленного кварцяного войска, что Речь Посполитая не хочет, чтобы ваша королевская милость, наш милостивый пан и защитник, был королем. Видя, что желают другого короля, мы преднамеренно выступили со всем войском Запорожским, верными слугами вашей королевской милости, желая, чтобы по воле вашей королевской милости, нашего милостивого пана, уже больше не было этих некоронованных короликов (т. е. магнатов. — В.З.). Просим господа бога, чтобы ваша королевская

милость, наш милостивый пан, изволил быть самодержцем, как и другие короли, а не как святой памяти их величества, которые сами были в неволе, и чтобы наша греческая вера оставалась нетронутой, как и раньше, без унии и униатов, и чтобы нигде никакой унии не было».

С письмом были второй раз переданы сейму требования казаков. Они состояли из восьми пунктов и мало чем отличались от тех, с которыми казацкие посланцы были отправлены на варшавский сейм летом 1648 года. Они затрагивали почти исключительно интересы восточнукраинских магнатов и должны были поддержать у великопольской шляхты впечатление возможности заключения мира путем небольших уступок казачеству.

Гетман требовал:

«1. Чтобы всегда было казаков 12 тысяч и чтобы действительным был тот привилей, который получили от святой памяти короля за подписью четырех сенаторов.

2. Чтобы кварцяного войска не было, а они сами будут охранять Речь Посполитую.

3. Чтобы Хмельницкому было дано на Украине староство, которое он себе захочет, а к этому староству 20 миль земли.

4. Чтобы паны не наказывали своих подданных и все простили этим мятежникам.

5. Чтобы можно было выходить в море, когда захотят и каким хотят числом.

6. Чтобы судились казаки правом литовских татар, а литовские татары судятся таким правом, как шляхта.

7. Чтобы то, что случилось, было забыто.

8. Чтобы не были под властью панов коронных гетманов, а только под властью самого короля его величества и имели своего гетмана, избранного из казаков».

Такие условия мира были выгодны и будущему королю: будучи направлены против восточных магнатов, они давали возможность укрепить королевскую власть над ними с помощью казаков.

Хмельницкий написал также письмо к польским сенаторам, в котором разъяснял причины войны и требовал амнистировать восставших.

Мокрский и Захарий Хмельницкий прибыли в Варшаву через девять дней, когда король уже был избран. Значительную роль в этом сыграл приход на сейм казацкого посольства, что было воспринято как неожиданный и радостный конец войне.

Ксендз Мокрский совсем расхворался и уже не мог идти к королю. Но собравшись с силами, отправил ему письмо, в котором подробно изложил военные события на Украине и казацкие условия перемирия. Говоря о намерениях Хмельницкого, он просит короля быстрее дать ответ на письмо гетмана: «Если бы, однако, ваша королевская милость мог на его письмо поскорее ответить и как-нибудь задобрить его, чтобы он с этой территории поскорее ушел, было бы очень хорошо, так как он очень возмущался, что нет надежды на положительное решение вопроса. Прежде чем войска за Вислу переправятся, он так разорит эти края, что солдату нашему нечего будет и в рот взять, для лошадей зерна не найдется».

Он не знал, что король уже послал к Хмельницкому своего секретаря, украинского шляхтича православной веры Якова Смяровского, что, однако, не мешало ему верой и правдой служить Речи Посполитой. За ним к гетману прибыл и королевский посол Олдаковский, которым официально сообщил об избрании Яна-Казимира королем польским и о том, что сейм принял решение заключить перемирие с казаками на основании предъявленных ими условий, что за Богданом Хмельницким признается титул гетмана. Сейм решил

также в ближайшее время направить к Хмельницкому комиссаров для вручения ему знаков гетманской власти и ведения переговоров о мире.

В это время Хмельницкий получил письмо от осажденных в Замостье. Они соглашались «заплатить пану Хмельницкому 20 000 польских злотых, если казацкий предводитель... по получении суммы воротится на Украину».

14 ноября 1648 года была собрана рада, которая решила, получив предложенную сумму, снять осаду Замостья. Через Сокаль, Острог и Житомир войско двинулось на Поднепровье к Киеву.

Киев встречает победителей

Конец ноября и почти весь декабрь 1648 года заняло возвращение казацкого войска в Киев. Золотые ворота, построенные еще Ярославом Мудрым в 1037 году, встречали многих победителей. Сейчас через эти ворота въезжал Богдан Хмельницкий. Он мог гордиться свершенным. Земля его родины была очищена от иноземных захватчиков. Наступал новый период истории Украины.

Однако он прекрасно понимал — это не конец борьбы. Никто, начиная от короля и кончая последним шляхтичем, имевшим на Украине свой хутор, не смирится с этим. В пути ему доносили, что отдельные отряды польских войск уже нападают на оставленные им гарнизоны казаков, снова издеваются над населением. 2 декабря 1648 года в Остроге, куда к нему прибыл королевский посол Чижовский с письмом, содержащим просьбу прекратить войну, он вынужден был издать специальный универсал к польской шляхте, чтобы не угнетали крестьян и не душили православную веру. «Желаем, — писал он, — чтобы вы не имели никакой злобы ни к своим подданным, ни к русской религии, а наоборот, сохранили к нам свое благоволение и оставили нас в покое, чтобы уже больше не тешился враг. Не приведи господи, чтобы до нас дошла весть о том, что некто упрямый и злой снова начал проливать крестьянскую кровь и убивать бедных людей, чем нарушил бы покой и мир, установленный его королевским величеством и, очевидно, привел бы к еще большему разорению Речи Посполитой».

Да, войне нет конца, как нет конца вероломству шляхты. И снова мысль его обращалась к союзникам, на которых можно было бы опереться в этой войне.

Он знал, что не все ему рады и в Киеве. И первым, кто не желал этой встречи, был преемник доброй памяти митрополита Петра Могилы нынешний митрополит киевский Сильвестр Косов. Ведь, казалось бы, должен он поддерживать Хмельницкого, ибо борьба против польского магнатства — это и борьба против унии за веру православную. Но, видно, митрополиту личное благо ближе и дороже народного дела. А это благо в привилеях, данных митрополиту королем и делающих его независимым.

Вот только что посланец от полковника Нечая рассказал ему, что когда в июле из Киева ушел отряд казаков, польская и часть украинской шляхты, воспользовавшись этим, с помощью митрополита восстановила в городе власть польского государства. А когда неделю тому назад Нечай поднял в Киеве восстание мещан и казаков против шляхты и повстанцами были захвачены киевский замок с пушками и боевыми припасами, а также городская ратуша, Косов отнесся к этому враждебно.

В Киеве находился иерусалимский патриарх Паисий, который неоднократно высказывал через Мужиловского свое доброе отношение к Хмельницкому и освободительному движению. Было бы хорошо с его помощью договориться с Косовым, слово которого имело большой вес.

Перед въездом в Киев остановились в Житомире. Тут распределили, каким полкам где стоять, кому надлежит войти в Киев вместе с гетманом, приняли киевских гонцов, которые сообщили о готовящейся торжественной встрече. Войско привело себя в порядок и двинулось дальше.

Было 17 декабря 1648 года. С утра из-за лесов, застывших в немом ожидании дня, среди чистого неба взошло алое солнце, и день обещал быть таким же светлым и ясным. Хмельницкий увидел в этом хорошее

предзнаменование, и настроение стало еще более радостным. Волнение от предстоящего въезда в город и встречи с ним еще больше усилилось, когда за верхушками сосен показались золоченые с крестами башни Софийского храма и других церквей, и потом, когда еще за городом за речкой Лыбедь надвинулась огромная толпа киевлян с радостными возгласами:

— Слава Хмелю, слава гетману! Слава нашему спасителю и освободителю!

В чистый, морозный воздух полетели шапки. Его серебристо-белый чистокровный конь, убранный в дорогую украшенную каменьями сбрую, шарахнулся в сторону, по, зажатый с обеих сторон толпами людей, попятился назад и, почувствовав сильную руку седока, раздвинул толпу грудью и пошел вперед. За ним — остальные. А толпа все увеличивалась, и гул ее нарастал с каждой минутой.

Статная фигура гетмана, облаченная в расшитый золотом малиновый венецианского бархата кунтуш, из-под которого был виден дорогой жупан и широкий турецкий шелковый пояс с заткнутой за него булавой, гордо возвышалась над толпой.

Рядом с гетманом на поджаром жеребце ехал юный розовощекий удалец — сын Тимош. Он был в роскошном казацком наряде. Слева свисала сверкающая золотым убором турецкая сабля, подарок отца.

За ними ехали генеральные хорунжие, каждый из которых держал распущенное кармазино-белое знамя. Рядом с ними — бунчужные с серебряными гривами бунчуков. А далее — генеральный писарь Выговский, старшина и есаулы. За ними стройные массы полков.

Хмельницкий, улыбаясь, смотрел на толпу, и законная гордость переполняла его. Сквозь сплошной гул и возгласы ему что-то радостно прокричал Тимош, он хотел обернуться, но в это время из-за руин Золотых ворот, где толпилась самая густая масса людей,

выехали широкие сани, за которыми спешили вооруженные всадники. Когда сани подъехали ближе, он увидел в них Сильвестра Косова. Суровые глаза его были устремлены на Хмельницкого, а губы зло произносили какие-то слова, стараясь, чтобы они доходили до ушей сидевшего рядом старика, среднего роста, широкого в плечах, с длинной черной без проседи бородой, бодро улыбающегося.

«Это же патриарх Паисий! — пронеслась радостная мысль, и Хмельницкий пришпорил лошадь. — Какая великая честь! Это много значит для нашего дела. Об этом еще долго будет говорить вся Украина!»

Хмельницкий подъехал к саням и, спешившись, приложился к протянутой патриархом крепкой жилистой руке. Потом поцеловал протянутую руку Косова, который указал ему на место в санях по правую от себя руку. Когда он сел в патриаршие сани, в Киеве зазвенели все колокола, и радостный звон их разнесся далеко в окрестностях. Громче всех звучал большой колокол Софийской звонницы. За колоколами загремели пушки.

Развернувшись, сани медленно двигались к руинам Золотых ворот, густо облепленным людьми, а со всех сторон неслись, перекрывая все другие выкрики, возгласы:

— Слава Хмелю!

— Слава гетману Богдану Хмельницкому!

Около Золотых ворот их встретили войт — глава городского магистрата, райцы^[74] и речники^[75] киевских цехов с хлебом-солью. Бурмистр под бессвязную речь, в которой только и можно было разобрать «вождь из вождей» да «благовестник свободы», на драгоценном блюде поднес гетману ключи от города. Хмельницкий принял их и передал обозному. Потом горячо обнял и расцеловал городских представителей.

И снова отовсюду несло нескончаемое: «Слава! Слава!»

Под эти возгласы, гром пушек и звон колоколов сани с патриархом, митрополитом и гетманом, сопровождаемые старшиной и казаками, проехали Золотые ворота и приблизились к храму Софии.

Когда вышли из саней и направились к храму, их приветствовало все киевское духовенство, желая гетману и его войску многие лета.

Хмельницкий еле сдерживал волнение. Сквозь возгласы парода до него доносился густой бас патриарха, что-то не переставая говорившего ему, но он не слышал ни слова. Однако знал, всем сердцем чувствовал, что тот говорит что-то доброе, во славу его и всего дела, и согласно кивал головой. А вокруг несло: «Батько наш! Вызволиитель!»

Вперед вышли воспитанники Киевской академии в черных долгополых свитках. Ректор взмахнул рукой, и они хором начали декламировать латинский вирш, сложенный в честь Хмельницкого. Вирш был витиеватый и длинный. В нем он сравнивался с Македонским и назывался храбрейшим в мире. Хмельницкий молча почтительно выслушал его и сдавленным от волнения голосом искренне поблагодарил студиев и их наставников, Торжественно отслужили молебен в стенах древней Софии, на котором патриарх благословил Хмельницкого на брань с неверными, на защиту греческой церкви от папизма.

Звонили в честь гетмана-освободителя колокола, и хор пел: «В сей день, его же сотвори господь, возрадуемся и возвеселимся!»

Из дневника львовского подкомория В. Мясковского:
«Сам патриарх с тысячью всадников выезжал к нему навстречу из города, и местный митрополит дал ему около себя место в санях с правой стороны. Весь народ, выйдя из города, вся чернь приветствовала его.

Академия приветствовала его речами и выкриками, как Моисея, спасителя и освободителя народа от польского рабства, видя в имени Богдан добрый знак и называя его: богом данный. Патриарх дал ему титул светлейшего князя. Изю всех пушек и другого оружия в замке и в городе гремела стрельба...»

После встречи, обеден, пиров Хмельницкий уединился с патриархом в его покоях. Ровно горели свечи, освещая тусклым светом большой зал. Патриарх Паисий сидел в резном кресле в просторном облачении, слегка наклонившись к собеседнику. Видно было, что в молодости это был статный широкоплечий мужчина с красивым волевым лицом, наделенный глубоким умом и рассудительностью. Но годы сделали свое: ссутулили стройную когда-то фигуру и широкие плечи, высушили и покрыли глубокими морщинами лицо. Но этим и кончилась власть лет. В каждом движении патриарха чувствовалась сила и воля, в голосе — уверенность. Он не сводил пристального взгляда с Хмельницкого, оценивая кивком головы все сказанное им, словно утверждая этим его, Богдана, правоту.

— Отче мой, говорю так, ибо чувствую, что разделяешь и одобряешь содеянное мною во имя веры и народа нашего православного. Знаю, скажешь, что много христианской крови пролито, но в том не мы виноваты. Ляхи и сегодня умышляют новые злодеяния против нас, и мы вынуждены будем бороться.

— Знаю, сын мой, — патриарх зябко поежился всем телом, словно в зале стоял холод, и продолжил: — Но христианской крови не было бы так много пролито, если бы ты не соединился с бусурманами, а обратился к царскому величеству.

Хмельницкий на это горько усмехнулся:

— Не раз государю о помощи писал, чтобы он помощь против поляков велел учинить и войною на них пошел, и свои города, которые от Московского

государства к полякам отошли, у них отнял. А я со своей стороны с войском на поляков пошел бы и ему, государю, везде помогать стал бы. Если бы государь на то изволил, я бы все города со Смоленском под государеву руку отдал. Но он, великий государь, помощи нам учинить и городов у ляхов взять не изволил.

Говорили на латыни, без переводчика, откровенно и свободно. Как писал очевидец, «на протяжении нескольких дней патриарх вел с Хмельницким тайные переговоры». Больше о самом главном, о том, что не вечной быть этой борьбе, устанет народ, утратит силу и тогда станет вечным рабом завоевателя. И Хмельницкий просил Паисия, путь которого пролегал в Москву, к русскому царю, использовать весь свой авторитет, все свое влияние, чтобы добиться от царя, чтобы принял народ украинский под свою высокую руку. Жить им тогда довеку «вольно и едино». Если разорвет он, русский царь, договор с Польней, тогда не страшны им ни хан, ни король, ни султан турецкий. Нужно, чтобы царь сделал все, дабы «поляки не наступали на казаков и в православной христианской вере им насилования не чинили», так как «ему, государю, за единоверных не вступиться нельзя». Паисий уверил Хмельницкого, что сделает все, что в его силах.

Восточные православные патриархи, в том числе и иерусалимский патриарх Паисий, всегда с сочувствием относились к борьбе украинского народа против шляхетской Польши. Эта борьба ослабляла позиции Ватикана, католицизма, орудием которого выступала Польша. Паисий надеялся, кроме того, что его помощь в воссоединении Украины с Россией укрепит силы братских народов, ускорит освобождение православных от тяжкого владычества Оттоманской империи и укрепит его, Паисия, авторитет, что немаловажно для его борьбы с врагами христианства. Поэтому он

старался приблизить к себе Хмельницкого, уверить в добром к нему отношении. Поэтому патриарх пошел на отдельные отступления от церковных порядков, отпустив прилюдно все совершенные и будущие грехи Хмельницкого без исповеди и обвенчав его с женой Чаплинского Еленой, хотя она в это время проживала в Чигирине.

В Киеве Хмельницкий жил в замке, помещавшемся за оградой над Подольским обрывом. Здесь и принимал он всех, кто приезжал к нему с посольством. Сюда прибывали посланцы и от польского короля, и от Великого княжества Литовского, и из других государств, которые стремились заключить с Хмельницким союз. Во всех этих делах лучшим советчиком ему был Паисий. Вдвоем они и решили, что вместе с патриархом в Москву должен поехать человек Хмельницкого, который бы доложил царю все просьбы, а его святейшество патриарх Паисий всемерно поддержит их перед царем. Хмельницкий сказал, что хотел бы послать своего сына Тимофея, но, к сожалению, он еще мал. Тогда решили, что первое казацкое посольство к русскому царю для переговоров о помощи и воссоединении Украины с Россией возглавит полковник Силуян Мужилковский.

Патриарх поддержал это предложение. Он уже хорошо узнал этого умного, рассудительного и грамотного человека, искренне преданного освободительному делу. Они с ним о многом переговорили, когда ехали из Молдавии в Киев, и сейчас Паисию лучшего спутника по дороге в Москву нечего было и желать. К тому же был уверен, что именно Мужилковский отлично справится с возложенной на него миссией.

2 января 1649 года патриарх Паисий с большой свитой и посольство Силуяна Мужилковского выехали из Киева в Москву и 5 января уже были в Путивле.

Из отписки путивльского воеводы Никифора Плещеева царю Алексею Михайловичу не ранее 14 декабря 1649 года: «И генваря, государь, в 5 день приехал в Путивль иерусалимский патриарх Паисий, а с ним, патриархом, архимандрит его Филимон, да келарь старец Афанасий, да черный поп казначей Иоасаф, архидьякон Парфений, да черный поп головщик Даниил, да уставщик старец Арсений, да два дьякона черных Максим да Парфений, да два старца келейники Мелентий, Иоаким, да его патриарший племянник белец Харитон Иванов, да прежнего иерусалимского патриарха Феофана племянник же белец Павел Иванов, да ево патриарших детей боярских и слуг 25 человек... Да с ним же, государь, патриархом, приехал вместе запорожских черкас гетмана Богдана Хмельницкого полковник Силуян Андреев сын Мужилловский, а с ним 5 человек казаков, да людей его 5 же человек...

А как-де, государь, он, полковник, поехал из Киева в Путивль с патриархом, и их-де, государь, гетман Хмельницкий провожал до реки Днепра. И как они переехали Днепр-реку, и к гетману Хмельницкому пришли от короля и от разных панов посланцы, а с каким делом пришли, тово он, полковник, не ведает. А, проводя патриарха, гетман Хмельницкий пошел в город Чигирин...»

Глава третья
**«Чтоб есми во веки вси единого
были...»**

Миссия полковника Мужилковского

Полковник Силуян Андреевич Мужилковский сидел в жарко натопленной избе, куда его поселил путивльский стрелецкий голова Сергей Яцын, и ждал решения воеводы о том, дозволено ли ему будет ехать по велению гетмана Богдана Хмельницкого дальше с патриархом Паисием в Москву, или же возвращаться назад на Украину.

Еще 6 ноября 1648 года в Путивль прибыл из Царьгорода грек Феодосий Протопопов, который с товарищами следовал «па Русию». Он и сообщил впервые воеводе, что «в Литовской земле в Киеве объехали они иерусалимского патриарха Паисею, а едет он к великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси к Москве челом ударити его царскому величеству. И в Путивле-де будет он вскоре...».

Воевода Никифор Плещеев отписал об этом в Москву, прося указаний, как ему поступать, когда патриарх прибудет в Путивль, «и как его принять...» и из Путивля его к Москве отпускать ли, и сколько подвод в дорогу, корму давать». Когда посланец Плещеева прискакал в Москву, там уже знали о том, что к русскому царю едет патриарх Паисий. Об этом в Посольском приказе поведали греческие старцы, монахи Зугравского Георгиевского монастыря Петроний и Палладий, которые прибыли в Москву.

Известие о том, что в Москву направляется иерусалимский патриарх, вызвало живой интерес у Алексея Михайловича. Приезд такого гостя льстил молодому царю, и он распорядился принять его надлежащим образом. В Путивль была послана государева грамота, в которой Никифору Плещееву предписывалось достойно встретить патриарха,

«поставить на добром дворе», обеспечить «кормом и подводы дать». Гонец с соответствующими указаниями был послан и в Калугу, через которую пролегал путь Паисия. А чтобы не заморозить старца, царь велел срочным образом пошить патриарху две шубы, «в чем ему, патриарху, ехать до Москвы, — одну соболью под камкою, а другую песцовую под тафтою...».

Когда с патриархом «приехал вместе запорожских черкас гетмана Богдана Хмельницкого полковник Силуян Андреев сын Мужилловский, а с ним 5 человек казаков, да людей его 5 же человек», Плещеев сообщил об этом царю. И тогда срочнейшим образом полетело повеление расспросить, «для чего с ним, Паисием, едет к государю от запорожского гетмана Хмельницкого полковник его Силуян».

Получив царское предписание, воевода Плещеев обратился за разъяснением к самому Паисию, и после разговора с ним посылает царю отписку: «А сказал государь про него, полковника, иеросалимский патриарх Паисей, что-де он, полковник, по Хмельницкому велению взял его, патриарха, в Валашской^[76] земле у Ясех, у молдавского владетеля и воеводы Василия и проводил-де, государь, его, патриарха, он, полковник, до Киева, а из Киева послал его, полковника, гетман Хмельницкий с ним, патриархом, вместе к тебе, государю царю к великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси, к Москве о твоём государеве великом деле заодно».

После этого царь велел отправить в Москву полковника Мужилловского вместе с патриархом. 21 января 1649 года они выехали в Калугу, куда по царскому указу с Федором Михайловичем Мякининым с государевой конюшни были отсланы «сани... с полстью суконною, да 4 санника с стряпчими конюхи с Иваном Филиповым, да Дорофеем Блиновским, да с Михайлом

Толмачевым», и две шубы «патриарху Паисию, в чем ему ехать до Москвы», «да с дворца посланы разные меды и рыба вялая».

Мякинину была выдана строжайшая инструкция, как вести себя с патриархом, о чем с ним говорить, что выведать и, в частности, выяснить, «для чего едет к государю от запорожского гетмана от Хмельницкого полковник его Селуян...»

О многом Федору Мякинину удалось узнать, но почему едет к царю Мужилковский, так и осталось для него тайной. На все его вопросы тот учтиво, но твердо отвечал, что это дело государево и ему велено сказать о нем лишь государю.

Наконец 28 января 1649 года патриарх со своей свитой прибыл в Москву. Царь приказал его «почитать, как и российского государя его первосвятейшего патриарха московского...», а также оказать честь Мужилковскому. В соответствии с этим их встретили и разместили в Москве, определили государево жалованье и кушанье с царского стола.

На другой день 29 января Алексей Михайлович повелел думному дьяку Волошенинову проведать Паисия и спросить его о здоровье и благополучно ли доехал. Патриарх просил передать царю благодарность за заботу и изложить его просьбу: «Приехал-де он к великому государю для того, что во Иеросалиме гроб господен в великом долгу, а оплатитца нечем, и он-де для искупления гроба господня для милостыни приехал бить челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси».

Паисий рассказал также Волошенинову о событиях на Украине, о том тяжелом положении, в котором находится народ под властью шляхетской Польши.

— А ныне, — говорил он своим зычным, хорошо поставленным голосом, морща крутой лоб и пристально изучая Волошенинова, — они, гетман и все войско

Запорожское, велели ему, патриарху, бить челом царскому величеству, чтоб он, великий государь, изволил войско Запорожское взять под свою государеву руку, и они, черкасы, ему, государю, будут как есть каменная стена.

Патриарх остановился, разгладил пышную черную бороду, потом, чуть помедлив, продолжил:

— Гетман говорил, что он весь в государевой воле. Как государь велит, так он и делать рад. И я их все мысли видел, что они под государевою рукою быть желают.

Лицо Волошенинова не выражало ничего, кроме глубокого внимания. Одобряет ли он сказанное патриархом или нет, было неизвестно. Но когда патриарх снова на минуту замолчал, он промолвил:

— Нынешний полковник, который с вами, владыка, приехал, рассказывает, что прислан к царскому величеству от гетмана, от Богдана Хмельницкого и от всего Войска Запорожского с большим делом, и есть-де с ним тайный приказ. Ведомо ль вам, какой с ним, полковником, тайный приказ?

Патриарх ответил, что о тайном приказе ему неизвестно, и разговор пошел о крымских, валашских и других делах.

В этот же день по государеву слову в Посольском приказе был принят Силуян Мужилковский. Статный, с широким открытым лицом и умным честным взглядом полковник сразу же расположил к себе беседовавших с ним дьяков Михаила Волошенинова и Алмаза Иванова.

Из дела о пребывании в Москве иерусалимского патриарха Паисия и переговорах, которые он вел 1 декабря 1648 г. — 28 июля 1649 г.: «И полковник Селуян Мужилковский говорил: послал-де его с еросалимским патриархом Паисием гетман Запорожского войска Богдан Хмельницкий для сопровождения, потому что у

них сейчас с поляками война, то чтобы они чего-нибудь плохого не учинили патриарху».

А поведать дьякам, с каким долом к великому государю прислан, полковник вежливо, но твердо отказался, сославшись на то, что таков приказ Хмельницкого.

Интересовались дьяки в разговоре с полковником также тем, как обстоят дела с поляками.

И полковник говорил: «...Взяли-де они, черкасы, у поляков воеводства Киевское, Брацлавское, Подольское. Черниговское со всеми уездами и поляков в тех местах всех побили, а смирил-де их бог за их гордость. А побито их столько, что не успели трупы их и звери поедать. А к Литве гетман Богдан Хмельницкий посылал от себя нарочно, чтобы они с ними, черкасами, были в миру и ни в чем с ними не задирались, а они-де, черкасы, их, Литву, ничем теснить не станут».

4 февраля 1649 года, через шесть дней после приезда в Москву, в сыропостную неделю патриарх Паисий и с ним полковник Силуян Мужилковский со всей их свитой были приняты царем. Прием состоялся в Золотой палате и был обставлен с большой торжественностью. То, что царь не оттягивал встречу на долгое время, как часто бывало в других случаях, и то, что происходила она в праздничной обстановке, говорило о большом значении, которое ей придавалось. Еще утром из царского дворца были присланы за Паисием и Мужиловским сани, крытые вишневого цвета сукном для Паисия и черным — для Мужиловского. Усевшись со всей своей свитой в первые сани, Паисий дал знак трогать. За ним следовал государев пристав князь Ефим Мышецкий, которому было поручено опекать патриарха, «а архимандриты и келарьи казначей, и архидьякон, и черные попы, и дьякон, и простые старцы, и патриарши племянники и служебники, которые с ним были, шли за патриархом

пеши, а запорожских черкас полковник ехал за патриархом в санях...». Чести подъезжать к царскому дворцу удаивались лишь государевы гости, иноземные послы и знатные иностранцы.

Ехали морозной Москвой, в приподнятом настроении, возбужденные. И по всей дороге их радостно приветствовало, казалось, все население Москвы. У царского дворца патриарх, чтя обычай, сошел с саней и направился к крыльцу пешком. Как только он взошел на крыльцо, его встретили появившиеся из проходной палаты окольный князь Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский и дьяк Миня Грязев, которые обратились к Паисию со словами приветствия и после его благословения пригласили в Золотую палату, где на царском месте восседал Алексей Михайлович. По такому торжественному случаю он был облачен в царское платье, с диадемой, скипетром и в царском венце. В праздничном одеянии были и бояре, окольный, думные люди и дворяне, находящиеся при царе.

Когда Паисий, шедший за ним Мужилковский и вся их многочисленная свита переступили порог Золотой палаты, патриарх, окинув своим пронизательным взглядом присутствующих, приблизился к царю и низко склонил перед ним голову. К царю обратился окольный князь Федор Федорович Волконский.

— Великий государь, благочестивый царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, самодержец и многих государств государь и обладатель! Святейший Паисий, патриарх святого града Иерусалима и всеа Палестины вам, великому государю, челом ударил...

Из дела о пребывании в Москве иерусалимского патриарха Паисия и переговорах, которые он вел 1 декабря 1648 г. — 28 июля 1649 г.: «И государь, встав, патриарха встретил от места с полсажени. И патриарх государя благословил, благославя государя, целовал

руку, а государь патриарха целовал в правое плечо, а принимав государь благословение от патриарха, сняв с себя свой царский венец...

И патриарх подносил государю святыню — образы и мощи — и государя благословлял.

А после того кате дары явлены, сел государь в своем царском месте, и патриарха пожаловал, велел ему сесть и другоряд. А как патриарх сел, и государь пожаловал велел думному дьяку Михайлу Волошенинову позвать к руке архимандрита, и келаря, и казначея, и архидьякона, и черных попов, и дьяконов, и старцов, и патриарших племянников, и служебников.

А после того явил государю челом ударить запорожского полковника Силуяна Мужилковского и запорожских казаков думной дьяк Михайло Волошенинов... и молвил: великий государь благочестивый царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Руси самодержец и многих государств государь и обладатель, Запорожского войска полковник Силуян Мужилковский и запорожские казаки вам, великому государю, челом ударили.

И государь пожаловал полковника и казаков к руке. И полковник, быв у государя у руки, от гетмана от Богдана Хмельницкого и ото всего войска Запорожского поздравлял великого государя на его великих и преславных государствах, и государь велел думному дьяку Михайлу Волошенинову спросить о здоровье гетмана Богдана Хмельницкого.

И полковник говорил, что «...гетман Богдан Хмельницкий и все войско Запорожское, дал бог, здоровы».

После торжественной церемонии представления Паисий и Мужилковский поведали царю о том, что привело их в Москву. Потом возвратились в отведенные квартиры ожидать царского ответа на поставленные ими вопросы.

Сразу же после окончания приема у государя Мужилловскому была высказана просьба — составить записку с изложением событий, связанных с восстанием на Украине против польской шляхты с указанием причин восстания и приезда в Москву. Эта записка — первый исторический документ, в котором глазами очевидца излагаются события начавшейся освободительной войны.

Составляя записку, Мужилловский снова видел перед глазами все пережитое за последнее время, гетмана, своих побратимов. Раньше, сам участвуя в борьбе, он не думал о том, почему и в связи с чем началось восстание, не думал о его конечной цели. Сейчас эти вопросы встали перед ним и требовали ответа. Он хотел сказать обо всем этом как можно подробнее, но время торопило. Записка завтра же должна быть передана царю. Он понимал, что она нужна для принятия царем какого-то решения, и старался скорее закончить работу.

Мужилловский обмакнул в чернила гусиное перо, и бумагу начали заполнять ровные четкие строки: «Та война между казаками войска Запорожского и ляхами оттого учинилась, что казаки войска Запорожского от ляхов бед и притеснений вражеских не могли терпеть. И на Запорожье его милость пан Богдан Хмельницкий с некоторым своим товариществом ушел потому, что и ему и товариществу его ляхи разные пакости чинили: в домах их имущество все забрали, жен и детей мучили, и наконец, веру христианскую православную мечом искореняли...»

Он писал о первых битвах с шляхетским войском, состоявшихся под Желтыми Водами и Корсунем, разъяснял, почему Хмельницкому пришлось обратиться за помощью к татарам, отметив незначительную роль, которую они играли, подчеркнул, что и Хмельницкий, и его соратники с самого начала заключения с ними союза

хорошо знали настоящую цену военной помощи крымского хана.

Мужилковский понимал, что союз Запорожского войска с Крымским ханством особенно интересовал русское правительство, для которого уже сам факт участия татарской орды в военных действиях восставших крестьян и казаков вызывал настороженность.

Снова и снова возвращаясь к тому, что творили Потоцкий, Вишневецкий и их подручные на украинской земле, он писал, что Потоцкий после битвы под Желтыми Водами приказал своим войскам «самые тяжелые жестокости народу украинскому причинять: жены и дети казацкие уничтожались, имущество их под разбой отдано. Напоследок украинский город Корсунь с церквями сожгли, церковную утварь, серебро забрали... священников поубивали, говоря при этом, что от вашей Руси предательство осуществляется, что это Русь якобы Хмельницкого на восстание подстрекла».

Мужилковский старался дать сжатую характеристику борьбы украинского народа против шляхты и магнатов до похода народно-освободительной армии под Замостье и временного перемирия с поляками.

В записке он сообщал, какую территорию уже освободила казацко-крестьянская армия — Киевское, Черниговское, Брацлавское, Подольское, Волынское воеводства и Мозырьский уезд Белоруссии, что на Украине восстало все «посольство» и что казацкого войска «до 300 тысячей есть».

Заканчивая записку, Мужилковский от имени Богдана Хмельницкого обращался к русскому царю с просьбой, чтобы Россия оказала украинскому народу помощь в его вооруженной борьбе против польской шляхты. А за такую помощь войско Запорожское торжественно обещало вечное «верное услужение». Он, Мужилковский,

по велению Хмельницкого и должен был «о том деле челом бити».

Записка была сразу же доставлена Алексею Михайловичу. Однако, выслушав ее, царь не дал ответа. Он хотел иметь более точные данные о событиях в Польше и других странах, об их намерениях. Русскому правительству приходилось учитывать и покровительство Франции Польше, и то, что разногласиями между Россией и Польшей могла воспользоваться Швеция, давний враг Польши и России.

Сложным оставалось и положение в Москве, да и во всем государстве. Не прекращалась борьба между различными группировками бояр. Так, на второй день после прибытия Паисия и Мужилковского в Москву здесь состоялась казнь Савинка Коренина доверенного боярина Николая Романова. По наущению своего боярина, отстраненного от власти группой вернувшегося из ссылки любимца царя Б. И. Морозова, вновь ставшего фактическим главой правительства и ближайшим помощником царя, Савинок Корепин говорил в Москве публично «речи», компрометирующие правителей и раздувающие недовольство в пароде. «Государь-де молодой, глуп, в рот заглядывает боярам Морозову и Милославскому, они всем владеют, и сам он, государь, это видит, да молчит; черт-де у него ум отнял». Незадолго до того много народу подверглось жестоким пыткам за участие в событии, происшедшем, когда государь шел в сопровождении Морозова на московскую иордань. Стрельцы хотели убить Морозова, и толпа выразила готовность участвовать в этом.

Начиная с июня 1648 года силы восставшего парода стали слабеть. По распоряжению царя стрельцам было выдано все удержанное у них жалованье, их угощали в Кремле вином и медом. Стрельцы перешли на сторону правительства. В то же время восставшие москвичи, расправившись с ненавистными им людьми и не имея

ясной цели, не знали, что делать дальше. Постепенно их единодушие в выступлениях стало уменьшаться. К тому же многие наиболее активные из них были казнены.

В дни восстания проявилась воля дворянства с его ополчением, состоявшим в Москве. Стремясь использовать народное восстание в своих целях, оно вновь обратилось к царю, требуя наведения порядка в судах и приказах, защиты от бояр, которые нередко отнимали у них землю и вывозили крестьян. Дворяне уже много лет добивались полного закрепощения крестьян.

Напуганное правительство стремилось к сплочению сил господствующего класса и 1 сентября 1648 года новое Уложение полностью закрепощало крестьян. Были изменены суд и управление. Стремясь еще более укрепить свое положение, правительство в январе 1649 года приняло новый свод законов «Соборное уложение», которое было от начала до конца проникнуто крепостническим духом.

Это вызвало еще большее недовольство и без того нещадно эксплуатируемых народных масс. Крестьянские волнения в стране не прекращались ни на один день.

В сложившейся обстановке царское правительство было склонно примирить Польшу с Украиной, видя в этом для себя наибольшую выгоду. Еще в конце декабря 1648 года оно предложило Речи Посполитой прекратить военное наступление на Украину и установить мир с украинскими казаками. Грамоты повез в Варшаву царский гонец дипломат Григорий Кунаков. Письмо с предложением установить мир с польской королевской властью, «чтобы больше кровь христианская не разливалась», было направлено и гетману Богдану Хмельницкому.

В Москву дошли также вести, что к Хмельницкому едет польское полномочное посольство во главе с Адамом Киселем. Что решит Хмельницкий? И в Переяслав был срочно отправлен гонец подьячий приказа Большого дворца Василий Михайлов. Без точных сведений о том, что делается на Украине, русское правительство не могло принять какое-либо решение. Но главное, Михайлов должен был получить подтверждение сообщений патриарха Паисия и Силуяна Мужилковского о желании украинского народа воссоединиться с русскими братьями.

Пока Михайлов выполнял поручение государя, Мужилковский оставался в Москве. Он ходил по городу, встречался с простым людом, бывал у бояр, думных и приказных дьяков, и все они говорили о своем добром отношении к украинскому народу, сочувствовали его борьбе с шляхтой. Но в то же время из разговоров с государственными людьми ему становилось все более ясно, что русское правительство сейчас не готово идти на военные действия против Речи Посполитой, и это заставляло его искать новые решения, приемлемые для русского правительства, в осуществление предложенного Богданом Хмельницким плана.

Шляхетские комиссары

Проводив за Днепр патриарха и Мужилковского, Хмельницкий направился в Чигирин, желая отдохнуть в кругу семьи. Не доезжая до Чигирина, его встретил со своей сотней Тимош, теперь чигиринский сотник. Богдан прижал сына к груди, расцеловал, но заметив, как тот отвел глаза, насторожился.

— Все в порядке, сыну, дома? Здоровы все?

Сын бросил в ответ холодноватый взгляд и глухо ответил:

— Все добре, батьку. Тебя ждут там. Приготовились.

И Хмельницкий сразу понял, кого имел в виду сын и почему недоволен.

Елена, став гетманшей, показала, кем была на самом деле. Не помогли ей ни красота, ни то, что хотела задобрить, приблизить к себе отдельных военачальников из окружения гетмана. Все это было неискренне, и все это видели. Видели скрываемое его презрение к казакам, жестокость и надменность в обращении не только с прислугой, но и со своими соотечественниками. Надолго запомнилось ее жесткое поведение с поляками из гарнизона крепости Кодак, сдавшимися в плен на милость победителя. Полковник Максим Нестеренко, которому было поручено летом 1648 года овладеть крепостью Кодак, по велению Хмельницкого обязался сохранить всем жизнь, если гарнизон сдастся добровольно. В ордонансе, направленном в крепость губернатору Криштофу Гродзицкому и коменданту майору Юзефу Лончинскому, Нестеренко дал слово их и всех остальных «поручиков, хорунжих, офицеров и всех солдат до последнего человека довести в безопасности на место в полном здоровье со всем их имуществом».

И он старательно выполнял обещание, пока не привел пленников в Чигирин. Тут их встретила гетмана. Пьяная, еще не пришедшая в себя после ночного кутежа с местным попом, она осыпала соотечественников отборной бранью и насмешками.

— Ну что, довоевались, — кричала она на Лончинского и Чарнецкого. — Раньше вы презирали меня, бедную шляхтянку, а теперь я что хочу с вами сделаю! Потому что я гетманша, а вы ничто теперь!

Когда Лончинский презрительно ответил ей, что кем была она, тем и осталась, хоть и надела на себя королевские одежды и изумруды, та дико взвизгнула и закричала окружающим чигиринцам:

— Бейте их, бейте, пусть знают свое место!

Из сообщения А. Бужинского и А. Вышинского: «... Там же сама пани гетманша, напившись с попом, подарила ему капеллана казацкого монастыря, чтобы тот выменял на него своего сына в орде. Возы с постельной утварью, возы панов капитанов и других офицеров, а также губернаторские возы, развязав, передали гетманше. Туда же и одного ксендза, раздев, взяли».

До Хмельницкого доходили слухи о Елене, но это были слухи, а он сам хотел уяснить правду. Когда же при въезде в Чигирин она бросилась к нему в объятия разодетая, радостная, сияющая красотой и стала при всех целовать его страстно, «размякло», видно, казацкое сердце...

Отдохнув несколько дней, Хмельницкий засел в канцелярии, устраивая дела, принимая посольства, готовя письма и универсалы.

Но главное, нужно было использовать перемирие, чтобы установить новый административный порядок на Украине. В первую очередь здесь была создана центральная власть — гетманское управление, которое возглавил гетман Богдан Хмельницкий. Восточную

Украину разделили на 16 полков, разных как по числу жителей, так и по величине территории. Во главе полка были поставлены полковник, полковой судья, обозный, писарь, есаулы, являющиеся членами полковой канцелярии.

Из летописи Григория Грабянки: «Тем временем Хмельницкий полковников по всей Украине поставил: Чигиринскому сам Хмельницкий полковником стал, в Черкасском — Воронченко, Переяславском — Лобода, Каневском — Кутак, Брасловском — Нечай, Белоцерковском — Гира, Уманском — Степка, Корсунском — Мороз, Калницком — Остап, Гадяцком — Бурлай; также и в прочих городах».

Полк делился на несколько сотен, каждая из которых охватывала несколько местечек. Сотни возглавляли сотники и соответствующая сотенная администрация. В то тяжелое время неоконченной войны Хмельницкий только таким и видел управление на Украине — с полками и сотнями, которые представляли собой одновременно как административно-территориальную, так и военную единицу, готовую в случае необходимости сразу же подняться на войну. Правда, в городах и местечках еще продолжали действовать старые органы управления — магистраты и т. д., но они были полностью подчинены казацкой администрации.

Военно-административный аппарат управления, который складывался на Украине в ходе освободительной войны и был началом украинской государственности, сыграл огромную роль в организации сил украинского народа на борьбу против шляхетских оккупантов, в ускорении воссоединения Украины с Россией. Вместе с тем в классовом отношении он представлял собой орудие господства казацкой старшины и украинского шляхетства, захвативших руководство освободительным движением

и использовавших его в своих классовых целях и интересах. Они стремились расширить привилегии и владения, превратить крестьян и казаков в своих подданных, распространить и укрепить крепостнические отношения на Украине.

Но руководство освободительной войной не могло не считаться и с настроениями народных масс, стремившихся полностью уничтожить крепостническое ярмо, и всячески заигрывало с ним, вплоть до того, что даже иногда «бедным людям... и наделок давали». Хмельницкий всегда помнил, что именно крестьянство составляло основную часть восставшего войска и снабжало армию продовольствием, и старался во многом держать его сторону.

Большое внимание уделял Хмельницкий и укреплению армии. Было налажено производство пушек, огнестрельного и холодного оружия, селитры, пороха.

В Чигирине учредили войсковое казначейство, или скарб, ведавшее поступлением в казну установленных налогов, завели даже монетный двор, чеканивший собственную украинскую монету. Григорий Кунаков сообщал по этому поводу весной 1649 года русскому правительству: «А в Чигирине-де чинил Богдан Хмельницкий мызну и деньги делают; а на тех новых деньгах на одной стороне меч, а на другой стороне его, Богданово, имя».

Здесь, в Чигирине, была главная резиденция Хмельницкого, здесь он принимал послов, сюда шла и вся корреспонденция. И все время рядом с ним был теперь его сын Тимош. Хмельницкий старался ввести его в курс сложных отношений между Украиной и другими государствами, делился замыслами, которые хотел осуществить.

Вот и сейчас они сидели в канцелярии, из окон которой были видны далекие разливы лугов, заросшие

кустарниками овраги, и Хмельницкий говорил сыну, как он хочет устроить правление на Украине, какой виделась она ему в будущем: вольной и равноправной со всеми державами, свободной от всякого гнета.

Тимофей молча слушал отца, он уже сумел разобраться в обстоятельствах, в которых жил и делал свое великое дело отец. Видел, как нелегко ему. Далеко не все, даже соратники, понимают его, разделяют его планы. А многие выступали и против них. Может, потому он сейчас все меньше и меньше советуется с ними, а все больше с Виговским да другими несколькими своими старшинами. Не нравилось Тимофею, что так приблизил к себе отец Виговского. А войско не любит этого писаря да и не верит ему. Слишком заметны его симпатии к шляхте. А шляхта все больше голову поднимает. Несмотря на то, что король обещал мир и даже послал к нему послов, собирают магнаты войско на новую войну.

...Тихо приоткрылась дверь канцелярии, и в проеме показалась стройная, облаченная в роскошное французское платье, вся в золоте и бриллиантах Елена. Теперь это была кроткая, предупредительная к своему мужу хозяйка дома. На свежем, нарумяненном красивом лице и следа не осталось от попоек. Все, кто напоминал ей об этом, были изгнаны со двора. Выдавал ее злую и лицемерную душу лишь змеиный взгляд, которого она так и не сумела спрятать.

Елена хотела обратиться с чем-то к гетману, но, увидев Тимоша, промолчала.

За ней в комнату вошел генеральный писарь Иван Виговский. Острые, торчащие в разные стороны усики, настороженные, все сразу охватывающие и моментально оценивающие глаза, готовность выслушать и в то же время затаенная жестокость, выдаваемая тонкими полосками губ, кривой усмешкой.

Увидев Елену и Виговского, Хмельницкий остановился на полуслове и вопросительно посмотрел на писаря.

— Что, Иване? Срочное что-то?

— Срочное, пане гетмане, — и тоже, как Елена, посмотрел на Тимоша, словно не хотел при нем говорить.

Хмельницкий перехватил этот взгляд писаря и недовольно нахмурился.

— Говори, от Тимофея у меня тайн нет.

Тот слегка смутился и, согласно кивнув головой, проговорил:

— Прибыли представители польских комиссаров, которые едут к нам на переговоры. Новогрудский хорунжий и старый знакомый пан Смяровскпй. Жалуются слезно на лишения и издевательства, которые терпят от посполитых в пути. Пан Кисель просит позволить им прибыть в Киев и чтобы его милость гетман туда прибыл.

Хмельницкий недобро нахмурился. И тогда вмешалась Елена.

— Надо бы уважить их просьбу, Богдане, негоже королевским посланцам терпеть издевательства.

— Негоже, говоришь? А то, что шляхта целые города вырезала, что снова Бар захватили, что готовят, прикрываясь миром, новое войско, гоже?

Хмельницкий напрягся весь, жилы вздулись, и лицо от гнева налилось кровью. Такому ему перечить нельзя. Нужно ждать, пока сам остынет.

— Негоже! А то что к воеводе Киселю в Белгородку уже два раза для тайных переговоров против меня приезжали из Киева митрополит с архимандритом — гоже?

Он обернулся к Тимофею.

— Скачи сейчас же, сыну, к полковнику Донцу и сотнику Тише, которые со своими казаками

сопровождают посольство, и пусть, не мешкая, проводят комиссаров в Переяслав, там будут переговоры.

Когда Тимош вышел, Хмельницкий, охладев немного, подошел к молчавшей Елене и, обняв ее, проговорил:

— Иди, собирайся, поедешь с нами в Переяслав.

Переяслав, как и Чигирин, Белая Церковь, Киев, были во времена освободительной войны ее важнейшими центрами и опорными пунктами. А Переяславский полк по праву считался одним из самых больших на Украине. Здесь располагался и главный центр артиллерии. Действовали крупные мастерские, в которых пушкари делали и ремонтировали пушки и другое оружие. В пригороде производили селитру, нужную для изготовления пороха. Хмельницкий любил Переяслав, который многим связывал его с прошлым, и, как и своей резиденцией Чигирином, дорожил им. Дом брата его умершей жены Анны Якима Сомка был и его домом. Здесь он и намерен был принимать посольство. Сюда же съехались его старшины, с которыми Хмельницкий должен был держать совет по ходу переговоров.

Когда все вместе собрались под оборонным валом детинца в доме Сомка, сразу стало ясно, что переговоры будут безрезультатными: поляки просто хотели прикрыть ими свою подготовку к новой войне.

В начале февраля 1649 года приехал царский посланец подьячий Василий Михайлов. Он привез письмо царя и подарки — «40 соболей в двести рублей и два сорока по 150 рублей, всего на 500 рублей». Подарки приняли с благодарностью и почтением, а письмо прочли на старшинской раде. Не принесло оно большой радости Хмельницкому и его сподвижникам. Царь хотел мира с поляками, а решение главного вопроса — о воссоединении — снова откладывалось.

Ответ писали сообща «во всей думе полной». Напоминали царю, что уже дважды просили его быть над ними государем, но ответа так и не получили. «Аж ныне отдана нам грамота твоего царского величества через гонца Василья Михайлова, в которой желаешь, чтоб есмы к покое жили с ляхами и с княжеством Литовским, и чтоб больше кровь христианская не разливалась. Мы со всем Войском Запорожским желали того, чтоб есмы в покое пребывали, по ляхи, те хитрые и несправедливые в слове, до нас с миром ныне присылают, а там войско собирают на нас, несколько городов христиан высекли, попов и чернцов рубят и разные муки, яко Ирод, чинят... А мы, как прежде, также и ныне желаем того, чтоб ваше царское величество нам, наинижайшим слугам и подданным своим, государем и царем, а когда войну с нами зачнут, на них от Смоленска войском своим благословил наступити... А когда не будет милости твоего царского величества и не восхощешь нам выручки и помощи давать и против неприятелей наших и своих наступать, тогда мы, взявши бога на помочь, потуду с ними станем биться, докуду нас станет, православных...»

Одарив подьячего Василя Михайлова и его сопровождающих и передав подарок царю, решили на следующий день отпустить его, но утром прискакал гонец и сообщил, что польские комиссары уже подъезжают к Переяславу. Тогда, собравшись на раду, порешили, что присутствие царского посла придаст весу гетманской стороне на переговорах, и просили его остаться на несколько дней. А польскому посольству договорились выразить необходимое почтение, но никаких уступок не делать.

Направляя комиссаров на переговоры с Хмельницким, польский король и его канцлер думали, что известными посулами удастся отвернуть гетмана и его старшину от народа и использовать для

восстановления «покоя» на Украине, для борьбы с восточнoукраинскими магнатами. Королю нужна была сила, чтобы укрепить свою власть как в Польше, так и на Украине. Об этом знали и говорили в Варшаве. Бывший там царский гонец дьяк Григорий Кунаков сообщал: «Сказывали в разговорах многие люди, что Казимира короля хотение есть и того желает, чтоб Богдан Хмельницкий панов-рад (магнатов) сломи; и ему послушных учинил».

Такая политика короля была неновой: он продолжал линию своего предшественника. Но тогда, в начале борьбы, Хмельницкий мог соглашаться с ней, потому что это было необходимо для восстания, а сейчас поддержка короля, к тому же готового в подходящий момент всадить нож в спину, только во вред задуманному. Да и кто бы его ни толкал против своего народа, на это Богдан никогда не пойдет. Только с народом, только опираясь на его готовность продолжать борьбу до полного освобождения от польско-шляхетского гнета, он сможет довести до конца начатое святое дело.

Перед самым приездом послов сошлись еще раз на совет. Старшины явились почти все хмурые, с тяжелыми головами после ночной попойки по случаю предстоящей встречи.

— Не злись, батьку! Братья душу отвели. Все думали-гадали, какие ты решения примешь по посольскому делу. Не обманули бы ляхи да тот Кисель-ублюдок, — усмехаясь, проговорил еле стоящий на ногах Чарнота.

Хмельницкий бросил на него пронизывающий взгляд, увидел его нескладную сжатую фигуру и весело рассмеялся:

— А мое решение будет такое: с чем приехали, с тем и уедут. Не пожалеем только послам казацкой горилки! Королевское посольство — его принять пышно следует.

Переправившись через Днепр около Триполья, польское посольство 19 февраля 1649 года подходило к Переяславу. Стоял жестокий трескучий мороз, какого давно не было в это время на Украине. Хмельницкий с полковниками, есаулами, сотниками, военной музыкой, с бунчуком и красной хоругвью выехал навстречу посольству в поле. Встретились вблизи Переяслава. Прибыли брацлавский воевода Адам Кисель, киевский каштелян Максимилиан Бржозовский, новгородсеверский хорунжий Николай Кисель, брат Адама Киселя, львовский подкоморий Войцех Мясковский, брацлавский подचाший Якуб Зелинский, два королевских секретаря — Яков Смяровский и князь Захар Четвертинский и др. Поздоровавшись со всеми учтиво, Хмельницкий спрыгнул с коня и сел в сани воеводы Киселя. При въезде в город их приветствовали орудийными залпами из двадцати пушек.

Хмельницкий пригласил всех к себе на обед. Здесь уже были послы других правительств и среди них Василий Михайлов, которого гетман представил с особой учтивостью. Это сразу насторожило польских комиссаров. Но еще больше смутило их то, что Хмельницкий тут же за обедом начал зло подшучивать над коронным хорунжим Александром Конецпольским, князем Вишневецким, высмеивая их «и всех ляхов». И хотя гетманша Елена, которая радушно угощала своих соотечественников, как могла, старалась увести разговор, но ей это не удавалось.

После обеда растерянных таким приемом комиссаров распределили по квартирам в разных домах, чтобы они не могли без ведома гетмана сходиться и устраивать совещания. Это еще больше насторожило Киселя и все посольство.

На второй день комиссарский совет, чтобы задобрить Хмельницкого и его старшин, а также показать себя выше их, еще до начала переговоров

решил вручить гетману булаву и знамя — знаки королевской милости. Когда спросили Хмельницкого, где будет происходить церемония, тот улыбнулся и сказал, что это можно сделать перед его домом на Шевской улице.

Поляки обиделись такому к себе неуважению, но старый Адам Кисель уговорил их не обращать на это внимания, «чтобы всего дела нам не испортить».

На площадь вышли около двенадцати часов утра. Впереди всех торжественно выступал с булавою, осыпанной сапфирами, ловчий Кшетовский, за ним Кульчинский с королевским знаменем — красным с белым орлом и надписью латынью «Иоганнес Казимирус Рекс», потом Кисель с королевской грамотой и другие члены посольства.

Хмельницкий ожидал их в кругу своих полковников, стоя под бунчуком. Вся площадь была полна пароду. Были тут и послы других государств.

Когда Кисель подошел к Хмельницкому и начал проникновенно произносить приготовленную речь, его тут же перебил полковник Джеджелий, стоявший около Хмельницкого.

— Король как король, но вы, кролевята, князья, пакостите много. И ты, Кисель, кость от кости нашей, откололся, связываешься с ляхами!

Он хотел продолжать, однако Хмельницкий и другие начали его унимать, и Джеджелий, страшно недовольный, что ему не дали выговориться, махнул с досадой рукой и отошел за спины старшин.

Кисель после минутного замешательства, вызванного выходкой Джеджелия, вручил Хмельницкому королевскую грамоту, а другие — булаву и хоругвь, но гетман вместо благодарности резко произнес: «Зачем вы, ляхи, принесли эти цацки? Чтобы хитростью опять нас в неволю втянуть?»

Из дневника львовского подкомория Войцеха Мясковского с описанием поездки комиссаров польского правительства к Богдану Хмельницкому для переговоров: «Приняв то и другое (королевские знаки уважения. — В.З.) довольно небрежно, Хмельницкий пригласил нас к себе в дом. Перед обедом е. м. произнес в приятных и отборных выражениях речь, изображая гетману, сколь велики дары, которых он желал и которые сегодня получил от короля: прежде всего — прощение всех его прежних дел и поступков, затем — свобода древней греческой религии, увеличение реестрового войска, восстановление прежних прав и свобод запорожских, наконец — командование войском. Будет справедливо, чтобы он, как верноподданный и слуга е. к. м., проявил благодарность за такие королевские милости, постарался предотвратить дальнейшие смуты и кровопролития, не принимал бы простых крестьян под свое покровительство, а внушал им послушание господам; а сам приступил бы к заключению с комиссарами договора. На эту речь е. м. воеводы Хмельницкий дал следующий ответ: «За столь великую милость, которой я удостоился через вас от его милости короля, за власть над всем войском и за прощение моих прежних проступков покорнейше благодарю. Что же касается комиссии, то она в настоящее время начаться и производить дел не может: войска не собраны в одно место, полковники и старшины далеко, а без них я ничего не могу решить и не смею...»

С этого времени дела королевской комиссии шли все хуже. Уже за обеденным столом, когда польские комиссары попытались представить события в Мозыре и Турове как ничего не значащие, Хмельницкий с гневом перебил их:

— Как ничего не значат? Разве ничего не значит, что льется кровь христианская, что войско литовское

вырезало Мозырь и Туров, что Януш Радзивилл сажает русских на кол. А когда я послал туда несколько полков, он заявил, что за убитых христиан я будто бы угрожал уничтожить польских пленников, которых у меня много.

В разговор вмешался ксендз Лентовский, сказав, что все это быть может просто слухи. Федор Вишняк, полковник Чигиринский, крикнул в бешенстве:

— Молчи, ксендз! Все вы одним миром мазаны, и ваши ксендзы и наши попы. Думаешь, как вы всю жизнь народ дурите, так и другие неправду говорят? Выходика во двор, я тебя научу уважать запорожских полковников!

Вишняка еле успокоили.

На следующий день, 11 февраля, было первое воскресенье великого поста, и все пошли в соборную церковь. Праздновали, и было не до переговоров.

12 февраля Кисель послал к Хмельницкому своего родного брата хорунжего Николая и ксендза Четвертинского, чтобы выяснить, когда будут переговоры.

— Завтра, завтра будет справа^[77] и расправа, — нетерпеливо отмахнулся от них гетман. — Видите, с венгерским послом кончаю беседу. Но скажу вот что: из вашей комиссии ничего не выйдет, через три-четыре недели быть войне. Одолею вас, ляхов. И не страшайте меня шведами — хоть бы их было пятьсот, шестьсот тысяч, не осият они русской и запорожской силы. С этим и идите.

После такого унижения комиссары поняли, что ни о каком заключении мира и думать нечего. Теперь бы только возвратиться назад в целости. Но что их ожидает в Варшаве после провала миссии? И 13 февраля с утра опять отправляются Кисель с комиссарами к Хмельницкому.

В этот день воевода пустил в ход все свое красноречие, чтобы уговорить гетмана принять предложения короля. Он заверял Хмельницкого, что если ему нанесена обида, то польская сторона готова дать удовлетворение. Если Войско Запорожское обижено в своем числе и землях, то король обещает увеличить то и другое. Кисель убеждал Хмельницкого «оставить чернь, чтобы крестьяне пахали, а козаки воевали, чтобы реестрового войска было 12 тысяч или хоть 15, чтобы гетман лучше уничтожил неверных, чем христиан, а для этого пошел бы за границу».

По окончании речи Киселя гетман встал, расправил широкие плечи и так глянул на низенького, щуплого воеводу с реденькой рыжей бородкой, что тот, казалось, стал еще меньше.

— Пустые разговоры, проговорил резко. — Было время обсуждать эти вопросы со мной, когда меня Потоцкие искали, гоняли за Днепром; после желтоводской и корсунской игры, когда был под Константиновом, под Замостьем и когда от Замостья шел шесть недель до Киева. Теперь уже времени нет. Вызволю из лядской неволи весь народ русский до Люблина и Кракова. Да поможет мне чернь вся, от которой я не отступлюсь, потому что рукой нашей движет правда.

Комиссары слушали гетмана растерянные и все больше падали духом, а голос Хмельницкого все крепчал и крепчал.

— А за границу на войну не пойду, сабли на турок и татар не подниму. Хватит нам своих дел на Украине. Подолии и Волыни по Львов, Холм и Галич. А, став на Висле, скажу: сидите, молчите, ляхи, а если будете за Вислой брыкаться, найду и там!

Находившиеся здесь же старшины дружно поддержали своего гетмана:

— Прошли те времена, когда нас седлали ляхи нашими же людьми христианами-реестровцами, когда мы боялись их драгун. Теперь их не боимся. Узнали мы под Пилявицами, что это не те ляхи, которые прежде били турок, немцев, татар... Как только увидели нас, умерли со страху, разбежались.

Хмельницкий подождал, пока выговорятся полковники, и уже более спокойно, обращаясь к одному Киселю, продолжал:

— Святой патриарх в Киеве благословил меня на эту войну. Как же мне не повиноваться великому владыке, главе нашей церкви и любезному гостю. Поэтому я послал во все полки приказ, чтобы кормили лошадей и были готовы к походу — без возов, без волов, без пушек; все это я найду у ляхов. Я сам, кроме сумки, ничего с собой не возьму.

Польские комиссары угнетенно молчали, бледные, сосредоточенные. Какой-то хлоп, отступник, смеет им, шляхтичам, выговаривать такое, а они вынуждены терпеть! Но решили вынести все хлопские издевки, лишь бы довести до конца дело, выиграть время и собрать достаточно войска. А там будет видно, чья возьмет.

Хмельницкий хитро подмигнул старшинам и как ни в чем не бывало окончил свою речь:

— Относительно же числа реестровых казаков — двенадцати или пятнадцати тысячам быть, то не вам эту цифру устанавливать, их может быть и сто тысяч. Столько будет, сколько захочу!

Гетман поднялся, и все поднялись вместе с ним. Каждый из комиссаров понимал, что это могло означать только конец переговоров. Больше делать здесь им было нечего. Единственное, что осталось, — это убраться отсюда подобру-поздорову.

14 февраля 1649 года Хмельницкий отправлял в Москву царского посланника Василия Михайлова, и ему

было не до поляков. А на следующий день гетман вручил им свои условия перемирия из одиннадцати пунктов и письмо королю с требованиями восставших — ликвидировать унию, предоставить православному митрополиту место в сенате, изгнать с Украины иезуитов, определить границы казацкой территории и др.

С такими результатами и уехали 16 февраля 1649 года польские комиссары из Переяслава. Глава же комиссии воевода Адам Кисель, в связи с провалом миссии, не решился ехать в Варшаву, а остался в своем имении Гоще под Киевом и отсюда послал отчет королю.

По-разному встретили в Варшаве весть о провале переговоров в Переяславе. Магнатская группировка в польском правительстве хотела воспользоваться этим, чтобы немедленно возобновить военные действия против казацких войск. Король же, канцлер Ю. Оссолинский и их приверженцы считали, что время для выступления еще не настало. Они решили согласиться для вида со всеми требованиями, выдвинутыми Хмельницким, и усилить подготовку к войне.

К Хмельницкому для новых переговоров тут же направили уже известного ему шляхтича Смяровского, которому было наказано сойтись со старшиной и уговорить ее распустить повстанческое войско под тем предлогом, что Польша будто бы тоже ликвидировала свое. Если же чернь на это не пойдет, то король поможет старшине, двинув свои полки в Паволочь под Киев, или же в какое-либо другое место.

В том случае, если не удастся найти общий язык с Хмельницким, Смяровскому поручалось организовать заговор и убить гетмана, поставить на его место такого, который был бы во всем угоден Польше. Смяровского снабдили несколькими привилеями с пропусками для

вписания фамилий. Эти привилегии на имения он должен был раздать тем из старшин, кто согласится принять участие в осуществлении коварного плана.

Хмельницкий через своего осведомителя, находившегося в королевском окружении, был предупрежден о заговоре и об усиленной подготовке поляков к войне. Когда 15 апреля 1649 года Смяровский прибыл, гетман принял его холодно. Пренебрежительно взяв в руки королевское письмо, он, едва взглянув на него, бросил через стол писарю. Но письмо перелетело стол и упало на пол...

За Смяровским был установлен надзор, и вскоре он был уличен в подстрекательстве и раздаче привилегий, которые успел передать четырем старшинам. По указанию Хмельницкого Смяровский был арестован и 11 мая казнен как шпион.

Так закончилась эта миссия королевского посольства, а вернее королевская акция для прикрытия подготовки нового наступления на Украину.

Первые посольства

3 марта 1649 года в Москву возвратился царский посланник к Богдану Хмельницкому Василий Михайлов. Он привез с собой ответное письмо гетмана государю. Михайлов чувствовал, какую ценность оно представляет собой, и старался как можно быстрее доставить его в Москву. И действительно, по своему содержанию и назначению это письмо принадлежит к важнейшим историческим документам, которые свидетельствуют о горячем стремлении украинского народа к воссоединению с Россией, о политическом и государственном величии гетмана, о понимании им помыслов своего народа.

Хмельницкий напоминал царю, что уже два раза обращался с просьбой начать наступление в направлении Смоленска на польскую шляхту, чтобы шляхтичи больше «над нами, христианами, власти не имели и крови нашей, которую от стольких сот лет проливать тиранско, сиречь мучительно, начали, не проливали». Далее он заявлял, что предложение государя, выраженное в царской грамоте, чтобы «в покое жили с ляхами», принимается, ибо всем желательно жить в мире, но сразу же и подчеркивал, что с ляхами этого достичь невозможно.

Отражая желание народа к воссоединению, гетман писал, что «мы как раньше, так и ныне желаем того, чтобы ваше царское величество нам... государем и царем за благословеньем божьим учинился».

Письмо было воспринято со всей серьезностью и пониманием. После посещения Василием Михайловым Хмельницкого и переговоров с ним для русского правительства многое прояснилось и оно стало искать, какими путями можно было бы решить вопрос о

подданстве Украины, не осложняя своих отношений с Польшей.

К весне 1649 года положение внутри Русского государства стало более устойчивым, хоть и не настолько, чтобы оно могло позволить себе пойти на конфликт с Польшей. Было решено оказать всяческую помощь Хмельницкому в его войне за освобождение от шляхетско-магнатского гнета и в то же время предложить ему, чтобы он попробовал добиться избрания русского царя королем Польши. Пусть бы Хмельницкий со старшиной «послали от себя к папам раде... послов нарочно... чтоб они, паны рада, царского величества милости поискали, обрали себе государем на Коруну Польскую и Великое княжество Литовское... и тем межусобную войну и кровь уняли». Однако, мало надеясь на это, искали и других путей.

А главное, решили направить на Украину посольство к Хмельницкому с тем, чтобы теперь открыто засвидетельствовать свое отношение к борьбе украинского народа. Снарядили его по такому же рангу, как и посольства в Данию, Турцию, Голландские штаты и немецкие курфюрства. Возглавить его назначили дворянина Григория Унковского, которому был дан обстоятельный наказ Посольского приказа, как вести себя с гетманом, что говорить, как отвечать на его и его старшины вопросы, что выяснить у него.

Русское правительство явно придавало важное значение этому посольству как призванному положить начало серьезным связям России и Украины, и потому указало, как в дальнейшем при обращении к царю составлять документы, чтобы не нарушать принятой этикетом формы, что приравнялось к государственным преступлениям, имеющим целью оскорбить и унижить царя. До этого Хмельницкий в своих обращениях пользовался свободной формой, что не допускалось в международных отношениях.

Унковский должен был передать зму «образцовое письмо», чтобы впредь им при переписке с царем «государево имянование и титлы так же написаны были сполна и исправно». Все письма к царю должны были начинаться следующими словами: «Божиею милостию великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси (п. т.) Богдан Хмельницкий, гетман войска Запорожского и все войско Запорожское челом бьют». Такое обращение с этого времени и стало нормой при переписке Хмельницкого и украинских дипломатов с царем.

Посольство выехало из Москвы 15 марта 1649 года, а 31 марта было в Путивле. Вместе с Унковским на родину возвращался и Силуян Мужилковский, который 14 марта ходил с прощальным поклоном к царю и был жалован царскими подарками: «атлас гладкой, сукнобагрец, сорок соболей, денег 30 рублей». Подарки получили и сопровождавшие Мужилковского казаки.

Поездка проходила довольно спокойно, без особой спешки, хотя долго нигде и не задерживались. 10 апреля были в Переяславе, а 16-го подъезжали к Чигирину. За десять верст от Чигирина Мужилковский выехал вперед, чтобы предупредить Хмельницкого о прибытии посольства. За полверсты от Чигирина посольство встретил сын Хмельницкого Тимофей с сотниками и атаманами.

Из статейного списка посла русского правительства Г. Унковского, 1649 г.: «И Тимофей Григорию говорил: отец мой Богдан Хмельницкий, гетман войска Запорожского, велел тебя, царского величества дворянина, встретить и спросить о здоровье, как тебя в пути бог миловал, здоров ль путем ехал? И Григорий говорил: божиею милостью и великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси жалованием до сего места доехал дал бог здорово. Да

Григорий же спрашивал у Тимофея о здоровье отца его гетмана.

И Тимофей говорил: по милости божией отец мой Богдан Хмельницкий, гетман войска Запорожского, многолетствует, а тебе, царского величества дворянину, велел бити челом, чтоб тебе ехать в Чигирин».

Хмельницкий в это время был нездоров. Унковский попросил передать ему, что «у гетмана мешкать ему не велено, и гетман бы его, Григория, не задержал, велел ему быть у себя вскоре». Кроме того, он просил, чтобы во время переговоров «у него, гетмана, иных государств послов и посланников и гонцов никого не было».

17 апреля Хмельницкий пригласил Унковского к себе. В знак особого уважения, чтобы тот не шел пеши, он послал ему своего коня. От места постоя Унковского и подьячего Семена Домашнева, несшего государеву грамоту, сопровождала целая свита из писарей, есаулов, войта^[78], атаманов. На гетманском дворе было также множество казаков с сияющими лицами.

Когда Унковский и Домашнев зашли в гетманову светлицу, тот встретил их у дверей. Унковский, выйдя на середину комнаты, сказал приветственную речь и подал царскую грамоту. «И гетман у Григория государеву грамоту принял и к печати приложился и поцеловал и обозному своему Чарняте также велел приложиться и поцеловать».

В светлице, кроме Чарноты, были сыновья Хмельницкого Тимофей и Юрий, а также приближенные к нему военачальники. Следуя наказу, Унковский передал гетману и всем остальным царские подарки.

«И гетман и ближние его люди государево жалование приняли, и говорил гетман, что они на государево жалование челом бьют... Рады ему,

великому государю, служить, как его, великого государя, воля будет».

Унковский сообщил гетману, что его письмо, переданное через посланца Михайлова, «чтобы под его, царского величества, высокою рукою быть, государь милостиво похваляет», и Хмельницкий благодарил за это и пригласил послов на обед.

18 апреля болезнь не позволила Хмельницкому подняться с постели. Встретились с послом 19-го в присутствии старшин. Затем Хмельницкий вместе с Унковским, Домашневым и писарем Виговским уединились в отдельную комнату, где и состоялся основной разговор.

«И гетман Григорию говорил: писано ко мне и ко всему войску Запорожскому от великого государя и его царского величества грамоте, что со мною о царского величества делах говорити учнешь, и мне б тебе в том во всем верить. И я от тебя царского величества дел слушать рад, и своих дел, что у нас есть, от тебя не скрою».

Прежде всего остановились на вопросе об избрании царя на польское королевство. Хмельницкий предложил наступать русским войскам на Литву. «И Литва, боясь великого государя, ратных людей, и нас, Запорожского войска, и крымского царя, сами будут просить и бити челом великому государю, чтоб им был государем».

В отношении же того, что из-за «вечного мира» с Польшей государь не может сейчас принять Украину под свою руку, Хмельницкий попытался убедить Унковского, что из-за этого царю вовсе не придется нарушать мир с Польшей, потому что казаки короля «пе выбирали, и не короновали, и креста ему не целовали», а потому «волею божиею тем от них стали свободны».

Гетман страстно убеждал посла, что сейчас нечего бояться Литвы и Польши, которые в прошлом «Московскому государству многие беды и разоренье

учинили», потому что без Запорожского войска они не имеют силы, с присоединением же Украины к России последняя получила бы «безо всякого накладу такое великое государство и множество ратных людей».

Хмельницкий ссылался на исторические традиции единства русского и украинского народов: «А мы царского величества милости ищем и желаем потому, что от Владимирова святого крещения одна наша благочестивая христианская вера с Московским государством и имели единую власть. А отлучили нас неправдами своими и насилием лукавые ляхи». Снова и снова гетман акцентировал внимание на том, что на чьей стороне сегодня будет Запорожское войско и Белая Русь, «та сторона сильна всем неприятелям будет».

О многом переговорили Унковский и Хмельницкий в этот и последующие дни. Унковский старался ни в чем не отступить от царского наказа, а Хмельницкий поднимал все новые и новые вопросы, показывая в них и свое знание обстановки, и реализм политика, и дальновидность.

Унковский всячески подчеркивал, что русское правительство равнодушно к тому, что делается на Украине.

— Когда ж царскому величеству ведомо учинилось, — говорил он Хмельницкому, — что у вас, в Запорожской земле, хлеб не родился и саранча поела, а соли из-за войны ниоткуда привозу не было и от войны в Запорожской земле многое разоренье учинилось, царское величество тебя, гетмана, и все войско Запорожское пожаловал хлеб и соль и всякие товары в своих государевых городах покупать вам... Да царское же величество тебя, гетмана, и все войско Запорожское жалует: с торговых ваших людей, которые учнут приезжати в его, царского величества, порубежные города для торгового промыслу, с товаров их пошлин в

свою государеву казну взимать не велел. И то великого государя к вам, войску Запорожскому, многая милость и без ратных людей многое поможение.

Хмельницкий молча слушал, кивая головой в знак согласия. Седой его чуб то и дело спадал на лоб, и он, не замечая, машинально отбрасывал его назад. Когда Унковский окончил, гетман поблагодарил за оказанные царские милости, потом поднялся с лавки, подошел к широкому окну и, всматриваясь через него в даль степей, с горькой печалью произнес:

— Но русское правительство отказывает нам в просьбе взять под свою руку Украину, помогать казакам военной силой.

Когда Унковский хотел что-то ответить на это, Хмельницкий остановил его поднятой рукой и продолжил:

— Несмотря ни на что, просьба наша остается, и мы пошлем с ней в Москву новое посольство.

Наступило 22 апреля 1649 года, день отъезда Унковского и его товарища Домашнева в Москву. Утром Хмельницкий вместе с писарем Виговским составил письмо царю, в котором снова просил помощи против польско-литовских войск и благодарил за разрешение украинскому населению свободно покупать различные припасы в пограничных русских городах. И опять, в который уже раз, просил царя, чтобы он «яко правдивый и православный государь христианский, единым государем нам, слугам своим, был».

Перед обедом Виговский пришел к Унковскому и сказал, что его ждет гетман и прислал ему своего коня. Хмельницкий сообщил Унковскому, что посылает с ним «к великому государю послов своих полковника Чигиринского Федора Вишняка с товарищами». «Того ж дня пошли из Чигирина. А провожали из Чигирина с гетманским знаменем и с литаврами и с трубами гетманов сын Тимофей Хмельницкий, и полковники, и

есаулы, и писари, и сотники, и атаманы Запорожского войска до перевозу реки Тясмы».

Это было первое официальное посольство гетмана в Россию, ведь Мужилковский, ехавший в Москву с патриархом Паисием, не имел письменных полномочий на ведение переговоров. Хмельницкий придавал большое значение посольству. О чем говорило хотя бы то, что возглавил его не кто иной, как один из старейших руководителей освободительной войны, Чигиринский полковник Федор Якубович Вишняк. С ним в Москву снарядили казаков, к которым Хмельницкий питал особое доверие: Степана Мостепенко, Ивана Скоробченко, Ждана Якименко.

В новом письме к царю от 3 мая 1649 года Хмельницкий сообщал, что направляет посла своего с тем, «чтоб ваше царское величество не только со своего, но и с шего посланца о всем сразумели», чтоб казацкий посол «с вашим царским величеством изустно разговорил и нею истину исповел...».

В Москву ехали через Киев, Нежин, Батурин, потом на Путивль. Такой кружной путь был избран Унковским. Он давал ему возможность выполнить поручение Москвы — самому разведать, «прямо ль хотят (украинцы) быть царского величества под высокою рукою» или же это лишь желание самого Хмельницкого и старшин. И по тому, как тепло, по-братски встречало местное население русского посла, с какой радостью стремилось оно выразить ему свое дружелюбие, Унковский воочию убедился, что о воссоединении с Россией мечтает весь народ Украины, что это всеобщее желание. Везде люди говорили ему, «что они царского величества под высокою рукою быти рады и о том бога молят... и во всем полагаются на гетмана Богдана Хмельницкого: как его воля на такое дело будет, а они от него отставать не будут».

Посольство Григория Унковского имело очень большое значение для дальнейшего развития отношений между Украиной и Россией. Ведь этим официально признавалось благожелательное отношение России к Украине, подтверждалась готовность оказать ей всяческую экономическую и материальную помощь...

Посла Хмельницкого встречали и принимали в Москве очень торжественно. Сразу же по прибытии ему было выдано государево жалованье и пропитание.

В тот же день 5 июня он был принят царем как особенно уважаемый гость «с большим чином» в Золотой палате. «А государь был в царском платье. А рынды были при государе: князь Иван да князь Офанасей Репнины, князь Ондрей, да князь Лаврентий, княж Михайловы дети Мещерские». Одновременно с Вишняком царь принимал и других важных иноземных послов. Очевидно, это было сделано для того, чтобы показать перед ними свое благожелательное отношение к гетманскому послу. И хотя добрым и уважительным отношением все и ограничилось в этот приезд и 13 июня Федор Вишняк был отпущен с царским письмом из Москвы на Украину, но уже сама торжественная встреча, переговоры с царем объективно сыграли положительную роль в наметившихся отношениях. Переговоры эти приобрели международное звучание. Об укреплении связей Украины с Россией серьезно заговорили в мире.

Такое поведение русского правительства немало насторожило польскую шляхту. И она решила потребовать от России порвать связи с Украиной. Вскоре после отъезда на родину Федора Вишняка Польша отправила в Москву свое посольство в составе Добеслава Чеплинского, Петра Вяжевича и Петра Галинского. Оно имело два важнейших задания — добиться от русского правительства продолжения

выполнения Поляновского мирного договора, заключенного в 1634 году, добыть сведения о содержании переговоров с Богданом Хмельницким.

Но в Москве быстро раскрыли намерения Чеплинского и установили за ним и его спутниками строгий надзор. О всех их действиях сразу становилось известно царю. А действия эти отмечались наглостью, развязностью, в доме послов не прекращались попойки. Даже среди польской шляхты говорили, что члены посольства, «будучи у великого государя, у его царского величества, вечно докончания не подкрепили дуростью своею, пьянством и табачною и винною торговлею».

Посольству было заявлено, что русское правительство отказывается от выполнения в дальнейшем условий Поляновского договора.

Это был решительный шаг Москвы в отношениях с Речью Посполитой. Он значительно продвигал вперед решения вопроса о воссоединении Украины с Россией.

Зборовский трактат

Было начало мая 1649 года. Природа проявилась во всем своем великолепии. Земля покрылась буйным цветом, свежим зеленым ковром трав. Хмельницкий, как никогда, радовался весне. Он был полон энергии, желания действовать. Начатое им дело росло, набирало силы. Он видел, что народ поддерживает его. А это было главное.

Завтра он снова оставит родной Чигирин. Что принесет на этот раз будущее?

Гетман мерил комнату широкими шагами, думая уже в который раз, все ли он сделал, чтобы обеспечить успех похода. С начала года он был в постоянном напряжении и заботах. И первая из них — укрепить отношения с Москвой и решить вопрос о воссоединении Украины с Россией. Он понимал, что и прием в Москве русским правительством Мужилковского, и прибытие к нему царских гонцов Михайлова и Унковского были очень важным актом. Это было открытое признание его, Хмельницкого, как выразителя чаяний своего народа.

Из Варшавы он получил хорошую весть о том, что шляхетство Польши не на шутку обеспокоено ясно обозначившейся возможностью вмешательства России в войну на стороне Украины. Радостным было и сообщение из Москвы, что русский царь не будет препятствовать участию донских казаков в освободительной войне на Украине. И многие из них уже пришли к нему. Русское правительство сдержало свое обещание и в оказании ему помощи вооружением и боеприпасами. Уже начали прибывать в Чигирин русские пушки, гаковницы^[79], повозки с порохом. Он направлял их под Белую Церковь, место сбора войска для нового похода.

Все это радовало Хмельницкого и утверждало в мысли, что его политика в отношении польских послов была правильной. И когда прибывшие в феврале послы от Семиградского князя Юрия II Ракоци пытались найти у него поддержку в стремлении посадить на польский престол брата Юрия II Сигизмунда Ракоци, Хмельницкий направил свое посольство с доброжелательными заверениями и планом совместного похода против Польши, выражая надежду, что «наияснейшие князья до конца будут гореть желанием и горячо будут желать выполнить этот план». Но князья отказались взять какие-либо конкретные обязательства по отношению к Украине. Хмельницкий иного и не ожидал, и переговоры с Ракоци вел скорее для того, чтобы показать полякам, что в случае войны не исключена возможность его совместных выступлений с Семиградским княжеством.

Выгодный договор удалось заключить с Турцией. В феврале в Переяслав прибыл турецкий посланник Осман-ага. Хмельницкому было хорошо известно о том, что Оттоманская Порта переживает глубокий кризис. Об этом ему сообщил из Стамбула полковник Филон Джеджелий, которого он посылал туда еще в сентябре 1648 года из-под Пилявец. Возвратившись вместе с Осман-агой, полковник подробно рассказал, как в июле 1648 года произошел дворцовый переворот и вместо убитого султана Ибрагима на трон был посажен малолетний Мухамед IV. Борьба за власть и война с Венецией усложнили положение в стране. Турецкие правители боялись, чтобы в это тяжелое время польский король, который был дружен с Венецией, не бросил казаков на Турцию.

Осман-ага привез богатые подарки и вел себя очень предупредительно, а когда увидел, чем закончились переговоры Хмельницкого с польскими послами, и вовсе подобрел. Условия выработали довольно быстро. Турция обязывалась разрешить казакам свободно плавать по

Черному морю и в Архипелаге, предоставляла им право беспошлинной торговли в турецких владениях на протяжении целых ста лет. В Турции в Константинополе должен был находиться постоянный гетманский резидент. По требованию казаков и старшин гетман продиктовал и такие условия: султан не может использовать казацких галер для собственных целей, имущество умерших в Турции казаков должно возвращаться их родственникам, обе стороны могут выкупать невольников.

У Хмельницкого просили лишь одного: чтобы он препятствовал нападениям донских и запорожских казаков на турецкие владения. Соглашение обеспечивало Украине большие выгоды, но главное, оно давало возможность воздействовать на Крымское ханство. И хан это почувствовал. Когда Хмельницкий обратился к нему за помощью, тот сразу же согласился и двинулся на Украину. Соединившись с ордой Ислам-Гирея, он должен был пойти на Речь Посполитую.

Однако Хмельницкий хорошо знал непостоянство хана, который все время колебался между Украиной и Польшей, и потому послал гонцов с письмами в Буджакскую орду к Тимер-бею, к татарскому старшине Антимер-бею, к перекопскому старшине Пери-аги с просьбой прийти на помощь Запорожскому войску. Вынужденно шел он на это, потому что знал: там, где пройдут татары по Украине, все будет разорено и разграблено. Вот почему просил в письмах, чтобы орду свою вели дорогами, которые он указал. Там Украина была меньше заселена и меньше горя принесет орда.

Да и политика Ислам-Гирея ему ясна: делать все, чтобы не было мира между Польшей и Украиной. А когда перебьют друг друга, он тогда останется единственным владельцем этих государств. Но выхода не было.

Армия собралась многочисленная. Такого количества воинов еще не было со времени начала борьбы. Только под началом Хмельницкого было почти 360-тысячное войско.

Из летописи Самовидца^[80]: «Сейчас же весной Хмельницкий отменил приязнь и соглашение с королем польским и притянул самого хана с большими силами татарскими и с неисчислимыми своими войсками казацкими, которых полков было: полк Чигиринский, полк Корсунский, полк Каневский, полк Лисянский, полк Белоцрковский, полк Паволоцкий, полк Уманский, полк Калницкий, полк Могилевский, полк Животовский... В Овруче особый полковник был, к которому все Полесье принадлежало. Снова за Днепром полки, которые к гетману Хмельницкому пришли: полк Переяславский, полк Нежинский, полк Прилуцкий, полк Ичанский; полк Лубенский, полк Ирклиенский, полк Миргородский, полк Полтавский, полк Зинковский. Те все полки были при гетмане Хмельницком, в которых несчислимое войско было, потому что некоторые полки имели казачества тысяч больше двадцати, потому что село, то сотник, а иная сотня имела люду тысячу. Так все, что было живым, поднялось в казачество, так что едва можно было найти в каком селе такого человека, который не должен был сам или сын в войско идти... а иные, сколько их было, все шли со двора, только одного оставляли... даже где в городах были и права магдебургские, присяжные бургомистры и райцы свою службу покидали и бороды брили и в то войско шли...»

Гетман не ошибся в пароде, когда призывал его в своих универсалах к борьбе. На его зов поднялась вся Украина.

Вместе с украинцами защищать Украину на клич Хмельницкого пришли белорусы, молдаване, степные ногайцы, буджакские татары, крымские горцы,

пятигорские черкесы. Турция прислала около шести тысяч румелийцев. Прибыли донские казаки и даже отряды цыган. Многие из восставших не имели оружия и пришли с дубинами и серпами.

Конечно, все они преследовали в этой войне свои цели. Но всех их нужно было объединить под одним знаменем. И Хмельницкий сумел это сделать. Он боялся лишь одного: чтобы раньше времени неприятель не выведал его намерений, и потому строго приказал своим подчиненным держать язык за зубами. Но не всегда это удавалось. Не раз доносили ему, в частности, что видели, как его Елена шепталась с базилианским монахом Лаской, посланцем Киселя. С недавних пор какая-то настороженность по отношению к Елене закралась ему в душу. Жена изменилась в последнее время. Стала неискренней, чужой. А может, не стала, а всегда была? Вообразил ее любящей, верной женой и другом, потому что хотел видеть ее такой?

В последнюю ночь перед отъездом из Чигирина он хотел серьезно поговорить с Еленой обо всем. Но та, как будто нарочно, выпила за ужином лишнего. Хмельницкий не знал, что это хитрый иезуит посоветовал гетманше прибегнуть к такому спасительному способу. Он предчувствовал, что гетман потребует объяснения и та может не выдержать. И тогда откроется их тайная связь. А ему еще нужно было остаться в Чигирине, чтобы выведать, когда выедет к войску сам Хмельницкий, а также получить от гетмана ответ на письмо Киселя.

Потом в донесении Киселю он напишет: «...видел я, как гетман с артиллерией и ордой выехал на дорогу к Ингульцу, после чего я возвратился, словесно оскорбленный гетманским комнатным слугой.

Все послы наши взяты к пушкам. Из челяди, которая была при конях, одних убили, других утопили... Я, видя такое отношение к послам, попросил саму пани о том,

чтобы я мог получить какой-либо ответ... Она меня предостерегла и просила, чтобы я не подвергал себя опасности, и «вообще: если хочешь невредимым быть, уходи, как можешь». Вечером сел я на коня и ночью вынужден был уехать...»

Хмельницкий покинул Чигирин 31 мая 1649 года, сопровождаемый старшиной, казацким и татарским отрядами с артиллерией. В дороге отправил артиллерию к Белой Церкви, а сам поехал к Ислам-Гирею, ожидавшему его с ордой в Черном лесу.

Из статейного списка посла русского правительства Григория Унковского 13 марта — 22 мая 1649 г.: «А гетман Григория из Чигирина отпустил, и после Григория вскоре пришли к гетману крымские люди и сказали, что царь (т. е. крымский хан) с крымскими и с ногайскими людьми и с темрюкскими черкасами идет близко. И гетман со своими ратными людьми и с нарядом из Чигирина пошел в поле на сакму (степную дорогу), которою идет царь, чтоб ему сойтись с царем и идти в войско на польскую границу полем, не заходя в города и села Запорожского войска. А когда гетман про сбор польского войска проведает, то он с крымским царем и с людьми его и с Запорожским войском против них пойдет».

Тогда же, в мае 1649 года, польские войска перешли речку Горынь и укрепились в двух оборонительных лагерях. Первый из них, под командованием белзского каштеляна Адама Фирлея, назначенного королем после долгих споров главнокомандующим, расположился около городка Заслав, второй — в верховьях Южного Буга в селении Купель. Во главе второго лагеря стоял каменецкий каштелян, брацлавский воевода Станислав Лянцкоронский, заместитель Фирлея. Позднее сюда прибыл и большой отряд под командованием коронного подчашего Николая Остророга, которого король тоже

назначил заместителем Фирлея. Произошло это, очевидно, потому, что престарелый Фирлей оказался неспособным выполнять свои функции и забрасывал его слезными письмами, прося о помощи. Верховное руководство войском польский король Ян-Казимир возложил на себя.

Поскольку король не принял решение предыдущего сейма и не сохранил за Вишневецким должность главнокомандующего, тот, обиженный, с тремя гусарскими хоругвями и тысячью «избранного рыцарства», содержавшегося за его счет, ушел в свои владения на Червоной Руси.

Шляхетская армия была преисполнена ненависти и готовности разбить холопское войско, а его предводителя предать ужаснейшим пыткам и смерти.

О всех передвижениях противника Хмельницкий узнавал сразу же от своих многочисленных добровольных осведомителей из народа. Недаром в одном из польских документов отмечалось, что Хмельницкий «все знает, что делается в Польше, всегда имеет сведения».

Он заблаговременно приготовился к встрече с врагом и еще в марте, чтобы укрепить пограничье, послал на линию рек Случ и Мурафи два полка в составе 10 тысяч человек. В Звягиле стояли Лубенский и Черниговский полки под командованием Яцкевича и Небабы. Большой отряд расположился в Черторыи. Крестьянские отряды полковников Донца и Таборенко находились в Любаре. Отряды Кривоносенко, сына Максима Кривоноса, заняли Острополь, Староконстантинов, Красилов. Далее до самого Бара стояли сотни кальницкого полковника Ивана Федоренко. Линию вдоль Мурафи защищали полки полковника Данила Нечая и уманского полковника Степи. Здесь же было много крестьянских отрядов.

Следуя своей тактике — еще до появления перед противником самому с главными силами измотать его в стычках с мелкими отрядами, Хмельницкий приказал этим полковникам, пока он подойдет, не давать врагу покоя. По этому поводу Адам Кисель с тревогой писал канцлеру Оссолинскому 12 июня 1649 года: «Вообще мне кажется, что Хмельницкий хочет на этих мужиках, собранных с волостей, обессилить наше войско, а затем всей силой напасть».

Трудно пришлось казацким полкам Мартина Небабы и Ильи Голоты. Им довелось борьбу вести с войском одного из могущественных литовских магнатов польного гетмана Януша Радзивилла, который по просьбе польского короля пришел на Украину.

Встретившись с ханом, Хмельницкий вместе с ордой и тремя своими полками пошел через Умань, Животов под Бердичев, где соединился с главными формированиями. Отсюда он отправился в Староконстантинов, навстречу польско-шляхетской армии. Этот город уже не раз становился местом боев казаков с поляками, и Хмельницкому хорошо были известны здесь и местность, и расположение неприятеля.

Как и в предыдущих битвах, Хмельницкий не упускал случая перехитрить ляхов и громил их войско по частям. Узнав, что основные силы противника сосредоточены у Староконстантинова, он во время похода посылает полковнику Данилу Нечая приказ ударить по Меджибожу, стоящему на пути к Каменец-Подольскому. Таким образом он хотел создать у поляков представление, что собирается идти на Подолию.

Когда ему донесли, что под Меджибож направился сам Лянцкоронский со значительным войском, гетман удовлетворенно ухмыльнулся.

— Ну, теперь от Нечая многое зависит. Пусть дерется по-казацки, чтобы поляки не сомневались, что

именно через Меджибож лежит наша дорога.

И казаки во главе с Данилом Нечаем встретили королевские войска с таким ожесточением, что Лянцкоронскому едва удалось вывести во время боя из Меджибожского замка польскую заставу.

Тем временем 16 июня 1649 года Хмельницкий спешным порядком двинул свои войска на Староконстантинов. Их появление было настолько неожиданным, что находившееся здесь польское войско начало в панике отступать. Сначала к Чолганскому Камню — местечку и крепости на Подолии, а затем, увидев, что Хмельницкий преследует его, — к Збаражу.

Получив об этом донесение от Фирлея, польский король Ян-Казимир страшно разгневался и тут же отправил старому командующему письмо: «Получили мы в дороге, направляясь сюда, письмо наше, в котором увидели место отправления — «из-под Чолганского Камня». Также из самого письма мы поняли, что ваша милость угнал назад наше войско и передвинул лагерь на это место. Мы очень удивились тому, что ваша милость не остался в соответствии с нашей волей в Староконстантинове, — месте, не только по нашему мнению, по и по мнению прежних великих гетманов очень подходящем для удержания даже самой большой неприятельской силы.

Таким без основательной причины бегством ваша милость прибавил противнику энтузиазма и смелости, а в нашем войске уменьшил возникшее желание воевать...»

Король недоумевал, почему целая армия удирает без боя, но Хмельницкий знал причину. Знал он и то, что если польские магнаты отстаивают в этой борьбе свои владения, то народные массы Украины отстаивают в ней свое право на свободу, на собственное государство. И потому они готовы биться не на жизнь, а на смерть.

Раскинувшийся на берегу Гиезны, притока речки Серет, Збараж представлял собой нелегкий орешек для войск Хмельницкого и татарской орды. В 1636 году, получив Збараж во владение, Иеремия Вишневецкий заново перестроил крепость, и она стала почти неприступной. Сейчас в ней добавочно установили еще 50 пушек, завезли большое количество боеприпасов. Гарнизон был укомплектован рейтарами и другими наемными войсками. Сосредоточившись в Збараже, польская армия, более чем 9000 человек, по приказу Вишневецкого, принявшего над ней командование, укрылась в замке. Основная ее часть начала строить укрепления, которые, по свидетельству очевидца, «по размерам годились для 100 тысяч войска». В этих, как писал он далее, «рвах» и ожидали они «тяжелых испытаний судьбы».

Было раннее утро 29 июня 1649 года. Томимый тревожными чувствами, Вишневецкий почти не спал в эту ночь. Как только забрезжил рассвет, он позвал к себе польного писаря Сераковского и ротмистра Пигловского и послал их во главе разъезда в 60 человек вокруг крепости, чтобы разведать, не подошли ли казацкие отряды.

Не успели они отъехать от крепости, как сразу же натолкнулись на передовые отряды восставших. За ними виднелись лавины войска. Сообщить об этом своему начальнику разъезд уже не смог, однако короткая, но жестокая схватка его с казацким дозором подняла тревогу в лагере. И когда казаки с ордой пошли на приступ Збаража, их встретили яростным огнем. Бон разгорался. Но если казаки рвались на окопы поляков, то татары своими быстрыми передвижениями перед вражескими валами лишь делали вид, что наступают. И казакам пришлось отойти.

Выехав поближе к неприятельским окопам, Хмельницкий со старшиной и ханом внимательно

осмотрели их. Не вызывало никаких сомнений, что они прекрасно укреплены и готовы отразить удар. Хан все качал головой, словно сожалел, что привел сюда свои отряды. Хмельницкий поглядывал на союзника, и в душе его не затухали сомнения. Ему сообщили, что к ханским шатрам уже подбирались польские лазутчики, которые хотели встретиться с мурзами. Его люди сумели на этот раз предупредить такую встречу. А что будет дальше?

— Что скажешь, милостивый пан и добродетель, о дальнейших наших действиях против нашего общего врага? — обратился Хмельницкий к хану.

Окруженный мурзами, тот словно не слышал вопроса, но потом хитро улыбнулся одними глазами и медленно проговорил:

— Брат мой, великий воин, очевидно, уже решил это сам, я приветствую все его решения.

Хмельницкий в знак согласия склонил голову. Действительно, он уже знал, как будет брать крепость. Донесения, которые он получил от своих осведомителей о возможностях крепости, и первый бой говорили, что это сделать будет непросто. Он задумал окружить крепость плотной стеной своих войск и осадой и приступами заставить врагов сдаться.

Казаки и крестьяне заняли все села вокруг Збаража, и польские полки остались без провизии и фуража, без связи с королевской армией. Бои происходили почти каждый день. И каждым из них руководил Хмельницкий. Он внимательно следил за всеми передвижениями в польском лагере, выискивал слабые места и направлял туда удары казаков. Сам руководил организацией подкопов под польские укрепления, строительством гуляй-городов.

И всегда рядом с ним был его Тимош. Казацкий сотник, он наравне со всеми ходил на приступы, сидел в засадах. Его звали на рады старшин. И не раз его

дельные сонеты сослужили добрую службу казацкому войску. Отец не мог нарадоваться сыну, но виду не показывал, в обращении был строг.

Осада, лишившая поляков всякой возможности сношения с внешним миром, и непрекращающиеся штурмы делали свое дело. В крепости наступил голод, боевой дух осажденных падал.

Утром 2 июля на зов Хмельницкого в его шатре собрались полковники. Гетман был озабочен. Окинув присутствующих хмурым взглядом, он медленно проговорил:

— Соратники наши татары затеяли переговоры с поляками, а мы толчемся под крепостью без всякого толку. Сегодня пойдем на приступ снова.

Он остановил свой взгляд на богатырской фигуре гадячского полковника Бурляя, который отличился в свое время на Черном море, брал Синоп, нагнал страху на сам Царьград.

— Тебе, Кондрат, быть сегодня первым. Обойдешь крепость с левой стороны, там укрепления еще не окончены. Пробейся в крепость, а за тобой пойдут остальные. Ты, Морозенко, и ты, Богуне, поддержите Бурляя. Другим также наступать, чтобы не смогли ляхи стянуть против Бурляя свое войско. С богом! Я буду с вами.

Левое крыло крепости защищали отборная венгерская пехота, нанятая недавно королем. Когда казаки Бурляя, крича и гикая, появились перед ней, она тесно сомкнула свои ряды и встретила наступающих сплошным огнем из ружей. Но казаки шли напролом, и венгры дрогнули. В это время венгров поддержал со своим отрядом Вишневецкий. Его удар был настолько стремителен, что казаки не выдержали. Упал раненый Бурляй. Его с трудом унесли с поля боя. На помощь собратьям бросился с конным полком Морозенко. Завязалась яростная сеча. На своем горячем скакуне

Морозенко метался по полю, и его быстрая сабля сверкала как смертоносная молния. Но тут конь его пошатнулся и упал на передние подбитые ноги. И сразу же на Морозенко налетели ляхи. Еле отбили тело своего полковника казаки. Бой окончился неудачей и тяжелой утратой.

С великой скорбью оплакивало войско своего любимца. Не прячась, смахивал слезы Хмельницкий. Горевал о нем весь народ. Он и сложил о герое песню.

Ой, Морозе, Морозенку,
Ой да ти славний козаче!
За тобою, Морозенку,
Вся Окраїна плаче!

А в следующем бою — новая беда. Тяжелую рану получил винницкий полковник Иван Богун — первая сабля Украины. Хмельницкий злился, а крепость все же держалась. И тут хан начал открыто высказывать свое недовольство, даже согласился на переговоры с поляками, и те зачастили к нему.

В стране и армии царил голод. Крестьяне требовали возвращения домой. Нужно было браться за хозяйство. Впереди была зима, а из-за войны ничего не было посеяно и нечего было убирать. Полковник Петр Головацкий открыто говорил крестьянам, которые находились в войске Хмельницкого: «Хватит воевать с панами, пора и гречку сеять».

Но Хмельницкий, несмотря ни на что, сужал кольцо осады вокруг крепости, продвигаясь к ней все ближе и ближе. Польский очевидец отмечал: «Мы были в отчаянии. Неприятель нас так обложил, что даже птица не могла ни прилететь к нам, ни вылететь». Катастрофическое положение поляков показано и в летописи Самовидца, который писал: «должны были

падаль есть, да и того мало было, так как собак и кошек поели».

Из записки русского гонца Г Кунакова, о событиях в Польше, декабрь 1649 г.: «И сидели-де Вишневецкий с товарищами у Збаража от казаков в осаде 7 недель, а к обозу их к коронному было казачьих самых жестоких 16 приступов. А из обозу Вишневецкого войско из осады на вылазки выходило дважды и с казаками билось, и с обеих сторон побиты многие люди. ...В коронном войске говорили все, чтоб им обоз покинуть и бежать всем; да укрепляя их и во всем ратным делом в обозе, в осаде будучи, промышлял князь Еремей Вишневецкий. А нужда им была в осаде большая: ели лошадей, и от тесноты и от нужные воды замытяться померли многие».

Вместо того чтобы спешным порядком идти на выручку осажденным прямой дорогой, король свернул в сторону на Броды и расположился под Белым Камнем. Очевидно, он ждал подкрепления, которое подходило очень медленно, а также вестей от литовского князя Радзивилла. По его расчетам он должен был уже овладеть Киевом. Но на пути Радзивилла встали крестьянско-казацкие войска под командованием полковников Криневского, Небабы, Подбайло, которые в жестоких боях в районе Чечерска, Речпцы, Лоева задержали его.

7 июня 1649 года Радзивиллу под Звягилем удалось разгромить отряды Голоты. И сам Голота погиб в неравном бою. Сдерживать литовские войска становилось все тяжелей. Хмельницкий посылает сюда подкрепление во главе с киевским полковником Михаилом Кричевским, одним из тех польских шляхтичей, которые пришли к нему на службу и которым он верил до конца. Старый воин, он умел сражаться, но и его здесь постигла неудача. 21 июля под Лоевом его полк встретился с войсками Радзивилла. С переменным успехом бой продолжался целый день.

Изрубленного саблями Кричевского казаки отнесли в лес, куда отступали-сами. А утром Кричевского, бывшего без сознания, захватили гетманские жолнеры.

Он пришел в себя лишь на третий день. Стремясь узнать планы Хмельницкого, Радзивилл велел допросить Кричевского, но тот не сказал ни слова.

Когда ему стало совсем плохо, его спросили, не желает ли он, чтобы к нему позвали попа. Тот открыл уже помутневшие глаза и тихо ответил:

— Мало их будет и сорок.

Тогда предложили прислать ксендза.

— Дайте лучше холодной воды, — ответил Кричевский.

Слабыми руками он обхватил свою побелевшую голову и, сожалея о проигранной битве, так и умер, несокрушимый в своей стойкости.

И хотя в этих боях казацкое войско понесло большие потери, но дальше двигаться не мог уже и Радзивилл. К тому же в его тылу восстали белорусские крестьяне и городская беднота.

Но была и еще одна причина, почему король не спешил на выручку осажденной в Збараже шляхте. Уж очень ему хотелось, чтобы Хмельницкий хорошенько помял бока магнатам, глядишь, станут покладистей. Зная норы Вишневецкого, он надеялся, что и казакам достанется, и у Хмельницкого ореол героя померкнет. Ян-Казимир даже своим указом под Белым Камнем оповестил о низложении Хмельницкого и провозгласил гетманом изменника, прибежавшего к полякам еще под Пилявцами, Забуского. Хмельницкий был объявлен вне закона, а за его поимку назначена награда в 10 тысяч злотых. Король призывал украинских крестьян отступить от Хмельницкого, обещая «сем прощение и милости».

Когда же король двинулся на Збараж, Хмельницкий решил помешать ему соединиться с осажденным

войском и дать бой отдельно. Он перегруппировал свои силы и, оставив часть войск под командованием генерального обозного Ивана Чарноты под Збаражем, с остальными полками и вместе с татарами выступает навстречу Яну-Казимиру.

Он подошел к Зборову почти одновременно с королем.

Лето в том году выпало дождливое и холодное. Речка Стрипа разлилась, ее болотистые берега превратились в море грязи. Хмельницкий укрыл войско в зарослях реки, в глубоких оврагах, и стал ожидать переправы королевских полков. Бурно разлившаяся река сорвала все мосты, и Ян-Казимир приказал строить новый, чтобы пятого августа начать переправу и через Озерное держать путь на Тернополь. О том, что Хмельницкий уже развернул свое войско на левом берегу Стрипы, в лагере противника не знали. Более того, с помощью местного населения Хмельницкий сумел переправить часть казаков в тыл полякам.

Привыкший лично руководить боем, Хмельницкий как только засветлело небо, выехал на польскую переправу. Таким было его нетерпение и желание победы, что он все должен был видеть своими глазами. Снова начался проливной дождь. И сразу все потемнело. Почти ничего не стало видно. Подъехав на своем аргамеке к высокому развесистому дубу, Хмельницкий окинул его оценивающим взглядом, потом молниеносно вскочил ногами на седло и, схватившись за крепкую ветвь, легко поднял на нее свое тело. Все только ахнули вокруг.

— От, батько Хмель. От сила!

— А что? — усмехнулся Хмельницкий. — Свой глаз — лучший глаз.

И, устроившись поудобней, стал наблюдать за передвижением поляков.

Дождь лил все сильнее, и переправа затягивалась. Наконец большая часть польского войска, наемные части и обоз оказались на левой стороне, и в это время в местечке ударили колокола. Это подавали весть казакам зборовские мещане.

— С богом, братья! — прозвучал набатом голос Хмельницкого, и войско лавиной ринулось на врага.

Казаки и татары выросли перед польским войском словно из-под земли. Их удар был столь неожиданным, что сразу же поднялась паника. Первыми бросились назад обозные слуги. За ними остальные. Напрасно король пытался остановить бегущих. Он хватался за уздечки коней, за знамена, грозил, умолял.

— Не покидайте меня, панове! Не покидайте отчизны, вспомните про славу предков ваших!

Но его никто не слышал. Паника еще больше усилилась, когда с тыла по королевскому войску ударил переправленный ранее через Стрипу полк Данилы Нечая.

Из записки русского гонца Г. Кунакова о событиях в Польше, декабрь 1649 г.: «И учили-де татары и казаки к королевскому обозу подступать. И первые побежали из королевского обоза поляки 7 поветов. А с начала того вечера учинили смуту Александро Любомирский, конюший коронный, староста сандомирский с братом своим, будто король из обоза побежал; и вместе со всеми людьми из обоза побежали, а с ними побежал Люблинский повет.

И король-де, слыша такую смуту, ездил по обозу всю ночь, а перед собой велел носить свечи, чтоб войско, его видя, от смуты унялося, и людей уговаривал, и к бою обнадеживал, и ласку свою за услугу им всем обещал. И остальные королевского войска — поляки, панские дети и знатная шляхта, и короля виде, и его королевские слова слыша, на бой против казаков и против татар никто не поехал, и хоронились в возы

свои, а иные под возы, в попоны завиваясь. И король-де панят и шляхту из возов и из-под возов гнал на бой палашом».

Видя, что войско больше не повинуется ему, король стал искать выход из создавшегося положения. Ночью с 5 на 6 августа он пишет Хмельницкому письмо, в котором корит гетмана за проявленную неблагодарность и своеволие, приказывает унять «вражескую ярость» и отступить с поля битвы, а затем выслать к нему послов для переговоров, которые бы изложили, «чего от нас и Речи Посполитой желаете». Ян-Казимир писал, что готов пойти навстречу «относительно вольности и свобод Войска Запорожского».

Хмельницкий прочитал письмо и задумался. О каких переговорах можно сейчас вести речь? Польская армия по сути разгромлена. Достигнута наконец цель, к которой стремился и он, и народ. И ни старшина, ни казаки не поймут его, если он согласится на переговоры.

День 5 августа 1649 года должен был окончательно решить судьбу королевского войска. Положение его было плачевным. Королевский секретарь Войцех Мясковский в отчаянии заявил: «Уже несколько столетий Польша не находилась в такой опасности, как 5 августа».

Но в то время, когда Хмельницкий готовил войска к завершающей битве с поляками, канцлер Оссолинский предпринимал все усилия, чтобы связаться с ханом Ислам-Гиреем и любой ценой переманить его на свою сторону. Через посланного ханом к ляхам еще под Золочевом татарского мурзу король спешно передал Ислам-Гирею письмо с предложением о мире и заверением в дружбе. Король обещал хану внести «упоминки», то есть установленную ранее унижительную ежегодную дань, которую Польша уже

давно не платила, и выкуп в размере 200 тысяч талеров за снятие осады польского лагеря. Король предоставлял хану право «города и уезды воевать», когда он будет возвращаться в Крым, и брать в неволю население Украины.

Ислам-Гирей сразу же согласился на предложение Яна-Казимира. Он не был заинтересован в решительной победе какой-либо из сторон в этой войне. Наоборот, наибольшую для себя выгоду он видел в том, чтобы война между Украиной и Польшей продолжалась беспрерывно. Вот почему, получив 30 тысяч талеров в виде задатка и оставив у себя старосту Денгофа в качестве заложника, Ислам-Гирей заключил за спиной Хмельницкого мир с Яном-Казимиром.

6 августа разгорелась новая битва. Казаки громили поляков на всех участках, и Хмельницкий думал, что если король не попросит скоро у него пощады, то к вечеру все будет кончено. И тут прискакал ханский гонец с требованием Ислам-Гирея прекратить бой. В противном случае он угрожал выступить против казаков на стороне короля. Хмельницкому было не внове вероломство хана. Но такого подлого удара в спину он не ожидал. И это в то время, когда победа уже была у него в руках. Развернув коня, Хмельницкий стремительно понесся к ханскому шатру. Разгневанный и разгоряченный боем, он влетел к Ислам-Гирею и тут же был оглушен его криком, полным злости и наигранного возмущения.

— Я укрепился с королем в договорных записях, а ты заведомо хочешь порвать их, выступая против короля. А тебе следует послать своих послов к королю и договориться о статьях, а не войну вести!

Из записки русского гонца Г. Кунакова о событиях в Польше, декабрь 1649 г.: «И Богдан-де Хмельницкий хану говорил, что он, хан, учинил договор с королем,

забыв обещание друг без друга с королем и с панами и со всею Речью Посполитою не мириться.

И хан-де Хмельницкому говорил, что он, Хмельницкий, не знает меры своей, хочет пана своего до конца разорить, а и так панство его пострадало достаточно, надобно-де и милость показать. Он-де, хан, с польским монархом снесся в доброе согласие и его, Хмельницкого, помирить договорился. И он бы, Хмельницкий, с королем договорился как лучше. А только он договариваться и мириться с ним не будет, и он, крымский хан, с королем на него заодно. И Богдан-де Хмельницкий о том узнал и послал к королю послов своих».

Хмельницкий стал писать королю письмо. Его душила злость. Уединившись в шатре, он стонал от бессилия предпринять что-либо и спасти положение, но выхода не находил. Глотая слезы обиды, он выражал в письме покорность королю, стремился оправдать свои действия, просил прощения, а в мозгу все билась и билась мысль: «Все пропало. Сколько сил и людских жизней отдано за святое дело, и все напрасно!»

Ответ короля пришел в тот же день. Ян-Казимир писал, что доброта и благосклонность его столь велика, что он принял письмо Хмельницкого. «При всем том, — продолжал король, — мы, подражая в этом, как помазанник божий, самому господу богу, который людям привык прощать и самые большие преступления, готовы принять тебя к нашей милости и на этой должности тебя оставить, лишь бы только ты правдиво, искренне и честно выявил свою верность и должное подданство, не связываясь больше с чужими государями и не бунтуя других наших подданных, а распустив тех, которых держишь до сих пор при себе, отправил от себя все войска. А мы к милости тебя допустим и сделаем то, о чем за тебя нас будет просить наш брат царь крымский».

Хмельницкий резким движением отодвинул от себя письмо и, вскочив с лавки, начал снова метаться по шатру. Успокоившись, кликнул джуру и велел созвать старшину.

— Не хан будет за нас просить. Тот напросит! Мы сами должны выставить требования. Нужно сохранить Украину и тем самым обеспечить продолжение борьбы. Это не конец. Нет!

И когда собралась старшина, он уже знал, что будет говорить им, какие требования выдвигать королю. Он смотрел на хмурые, суровые лица своих полковников и старшин, которые, как и все войско, были недовольны его действиями и готовы были воевать до последнего, и думал, что нелегко ему будет убедить их идти на мир с королем и магнатами. Но другого выхода не было. Вести одновременно войну против Речи Посполитой и хана было невозможно.

Не все поддержали Хмельницкого, но после горячих споров порешили выдвинуть королю требования Запорожского войска, которые тут же гетманские посланцы повезли в польский лагерь.

Переговоры с казацкими представителями велись два дня, седьмого и восьмого августа. Договор, или «трактат», имел форму статей. Составленный гетманом, он был как бы «пожалован» королем и получил название «Декларация королевской милости Войска Запорожского на пункты суплеки^[81] данная». В основных своих пунктах декларация сводилась к следующему:

1. Запорожское войско оставалось при всех давних вольностях, в связи с чем король «против давних жалованных грамот свою жалованную грамоту тотчас выдает»;

2. Казацкий реестр устанавливался в 40 тысяч человек. Основу его должна была составить гетманская

администрация в Киевском, Брацлавском и Черниговском воеводствах. Все не попавшие в реестр крестьяне должны были вернуться к своим панам;

3. Город Чигирин «так, яко и есть в своем отрубе при булаве войска Запорожского», отдавался Богдану Хмельницкому;

4. Провозглашалась полная амнистия всем участникам восстания;

5. Как православная, так и католическая шляхта, принимавшая участие в восстании, восстанавливалась в своих правах;

6. Во владениях, которые отводились для реестрового казачества, не должно находиться коронное, то есть королевское, войско;

7. На ближайшем сейме должны были быть рассмотрены вопросы о возвращении владений православной церкви и восстановлении всех ее прав. Киевскому православному митрополиту и двум владыкам предоставлялись места в сенате;

8. Должности в Киевском, Брацлавском и Черниговском воеводствах могла занимать православная шляхта;

9. В Киеве и других городах запрещалось проживать иезуитам.

Казацкая старшина требовала, чтобы король с шестью сенаторами и шестью депутатами сейма дал присягу, что выполнит все эти пункты. Ее заинтересованность была понятна. Ведь договор в основном обеспечивал права и привилегии именно казацкой старшины, украинской шляхты и православного духовенства. Народным же массам, и в первую очередь крестьянам, Зборовский трактат не приносил никакого облегчения. Изгнанная народом польская шляхта получала право возвратиться в свои имения, а крестьяне, которые не попадали в реестр, обязаны были вернуться к своим бывшим господам.

Украина по Зборовскому трактату, как и прежде, оставалась в составе Речи Посполитой. Такой договор не мог не вызвать возмущения народа, и это угнетало Хмельницкого. Но он понимал, что Зборовский трактат в сложившейся обстановке был единственной возможностью сохранить Украину. И если посмотреть на пункты трактата с другой стороны, то в нем отразились завоевания народа в борьбе с польскими угнетателями. Ведь уже тот факт, что польские магнаты вынуждены были пойти на подписание договора, говорит о многом. Вот почему в будущем Хмельницкий был тверд в исполнении его пунктов и жесток к тем, кто хотел нарушить их.

Когда Яну-Казимиру сообщили требование казацкой старшины о присяге в сейме, он, в свою очередь, потребовал, чтобы клятву верности и послушания королю от имени всего войска Запорожского дал Богдан Хмельницкий.

9 августа Хмельницкий выехал в поле, где его ждал киевский воевода Адам Кисель и коронный канцлер Оссолинский. Здесь он, не сходя с коня, и произнес слова присяги королю.

На другой день Хмельницкий вместе с сыном Тимофеем в сопровождении сотни знатнейших казаков прибыл в польский лагерь. Здесь и состоялось торжественное подписание договора.

Из записки русского гонца Г. Кунакова о событиях в Польше, декабрь 1649 г.: «И король-де говорил Хмельницкому: хватит тебе быти нам неприятелем, и до ласки нашей тебя отпускаем, все вины твои тебе и всему Войску Запорожскому отдаем, и тебе то годится нам и Речи Посполитой заплатить услугою своею.

И Хмельницкий-де королю молвил: горазд, королю, говоришь! А вежества-де и учтивости никакие против тех его королевских речей словесно и ни в чем не учинил».

И Зборовский трактат, и королевский прием тяжким камнем легли на сердце Хмельницкого. Камнем, который предстояло сбросить.

Сразу же после возвращения от короля, в пятницу 10 августа, во второй половине дня, он вместе с ханом поднял войска и двинулся на восток. Он направился в Чигирин, а хан — в Крым. И там, где проходила орда, от татарского разбоя стонала украинская земля.

Тревожное перемирие

Ни Хмельницкий, ни польский король и его подданные, ни казацкие массы и старшина не верили, что подписанный Зборовский договор положит конец войнам. Понимали, что это лишь временное перемирие. Тревожное перемирие. Это показали уже первые дни после Зборова.

И, наверное, одним из первых это ощутил польский король. Когда опасность полного разгрома войска миновала, к шляхте вернулись ее прежний гонор и самоуверенность. Теперь она уже обвинила короля в трусости и поспешности заключения договора. Вышедшие благодаря договору из збаражской осады магнаты Восточной Украины с негодованием заявили, что мир заключен за их счет, так как основная часть их владений оставалась согласно договору в границах казацкой территории.

Князь Вишневецкий открыто говорил:

— Король нас черкасам и татарам выдал и за нас не стоял, и города и уезды велел выжечь. За то разорение я с королем биться буду.

Магнаты обвиняли короля в пренебрежении интересами Речи Посполитой.

— Такого бесчестья Короне Польской и Великому Княжеству Литовскому, — заявляли они, — никогда не бывало, какое учинил им король Ян-Казимир, что на тех договорных статьях, которые Хмельницкий и товарищи хотели, велел присягнуть и унию повелел сносить и веру свою обругал.

Король не оставался в долгу. На все эти обвинения он с укоризной отвечал:

— При предках наших поляки с давних лет славились добрым сердцем и рыцарством. Описывают

то все хроники, а вы, нынешний злой парод, добрую славу предков исгубили и всей отчизне такое зло причинили, какое стыдно и в хрониках описать: меня, монарха своего, неприятелю чуть в узники не выдали, спасаясь бегством и прячась в возы и под возы. — Уже тогда Ян-Казимир предчувствовал, что нелегко ему будет утвердить Зборовский договор на сейме.

Знал это и Хмельницкий. И потому сразу же после Зборова развернул кипучую деятельность по наведению порядка в войске и устройству управления, по составлению реестра. Что же касается выполнения других пунктов договора, особенно тех, которые разрешали проезд в имения их владельцам и возвращение им бывших подданных, то с этим пока можно подождать.

В Чигирине была созвана рада, на которую согласно универсалу Хмельницкого прибыли депутаты от народа и от каждого полка «по четыре казака и по три старшины». Хмельницкий выступал на ней как победитель, и все воспринимали это как должное. Высоко подняв гетманскую булаву и радостно сверкая глазами, он провозглашал своим громовым голосом:

— Радуйтесь, братья! Под Зборовом сила казацкая была поставлена на весы с шляхетской и перевесила! Теперь весь мир узнает, что значит казаки!

Он и волнении остановился, поправил упавший на лоб чуб, обвел влажными от слез глазами побратимов, молча и с вниманием слушавших своего предводителя, и уже более спокойно продолжил:

— Что говорить, были у нас времена страшные, никто не приходил спасать украинцев, никто не подавал воды омыть кровавые рапы наши, но вот минули те времена, теперь не будет у нас ни ляха, ни пана и не будет на свете земли лучше нашей Украины.

Хмельницкий обращается к Москве с предложением выступить против магнатов, что показало бы «приязнь и

готовность царя к защите народа, единоплеменного и к Москве приверженного».

Возгласы одобрения заглушили гетманскую речь. Когда радостное возбуждение улеглось, гетман заговорил о пунктах Зборовского договора и подчеркнул, что в первую очередь нужно составить казацкий реестр, объявил грамоты государей, предлагавших свое покровительство.

Было отвергнуто покровительство Речи Посполитой и турецкого султана. Предпочли Россию — «единоверную и единоплеменную». Но не все. Многие во главе с Богуном не решились «на Москву». Недовольными были сын Кривоноса, полковники Матвей Гладкий и Данило Нечай. Они были и против статей Зборовского договора, и против возвращения на Украину шляхты, и против реестра. Хмельницкий хорошо знал об этом и думал, что придется еще ому с ними столкнуться, и крепко, видно, столкнуться. Как сообщила ему недавно верная служба из Варшавы, шляхетские конфедераты донесли из Чигирина, что Кривоносенко, Гладкий и Нечай называют, его, Хмельницкого, изменником, ляхским прислужником, что «хотя они едят и пьют с ним, но мысль не одну имеют». Ну что ж, время покажет, чей он прислужник, а сейчас пусть занимаются реестром.

Из статейного списка послов русского правительства Г. Неронова и Г. Богданова на Украину, октябрь — декабрь 1649 г.: «А обозного своего Ивана Чарняту и полковников послал по обе стороны Днепра во все города Войска Запорожского переписывать казаков, сколько в котором городе быть казакам. А велел гетман в казаки писать тех, которые служат старо; а будет-де казаков письменных 40 000, и от королевского величества тем казакам будет ежегодно денежное жалование».

Втиснуть в определенные реестром 40 тысяч всех тех, кто не желал больше быть панским подданным, было невозможно. Решили расширить его до 50 тысяч и, помимо того, составить дополнительный 20-тысячный реестр резервного корпуса казаков под началом Тимофея Хмельницкого.

По давней традиции освобождался от власти панов не только сам казак, внесенный в реестр, но и вся его семья, слуги и наймиты^[82]. Это давало возможность части крестьян освободиться от крепостнической зависимости. Но все не могли быть записаны в реестр. «Да и вообще зачем он нужен на Украине?» — роптали многие.

Отправив полковников, Хмельницкий выехал в Киев. Сюда прибывал согласно Зборовскому договору Адам Кисель как киевский воевода, и Хмельницкий хотел с ним обсудить некоторые дела. Но разговора не получилось. Кисель сразу же начал с нареканий на то, что подданные не хотят принимать польских хозяев, поднимают бунты и даже убивают их, что особенно неукротим брацлавский полковник Данило Нечай, который со своими казаками наводит ужас на шляхтичей Подолии и разоряет шляхетские дворы.

Гетман на это лишь пожал плечами.

— Это охочее^[83] войско, кто им ладу даст.

Однако тут же распорядился отправить к Нечаю посланца, чтобы передал ему наказ не бесчинствовать, а идти за Горынь, на границу с Польшей.

Такое решение не устраивало Киселя. Зная крутой нрав Нечая, он попросил митрополита Косова пойти к Хмельницкому и уговорить его отозвать и наказать полковника. Хмельницкий принял митрополита с подобающим почтением и изъявил готовность его выслушать.

— Я уже стар и дряхл, — начал митрополит, — недолго буду трудиться для пользы твоей милости, пан гетман! Постарайся приобрести имени своему вечную благодарность короля и Речи Посполитой, а от бога благословение над своими детьми. Усмири кровопролитие, осуши слезы изгнанников, иначе они потекут из очей их на твою душу. Вспомни, что они наслаждались изобилием, а теперь лишены куска хлеба. Иные уже умерли с голода, других злодейски замучили хлопы.

Митрополит встал. От волнения и гнева вся его старческая фигура напряглась и задрожала. Он поднял руку и угрожающе воскликнул:

— Помни, бог взирает на это, и месть его не дремлет!

Гетман тоже поднялся. Взгляд его был суров и хмур. Давно уже не сошлись они с митрополитом. Знал он об особой приверженности его к полякам, и эти речи — новое тому доказательство. Но опять ссориться сейчас с ним не хотелось.

— Тебе известно, почтенный отче, — тихо, сдерживая гнев, ответил гетман, — что я употребил все меры, какие только мог. Но что поделаешь с пародом? Пока из маленького деревца вырастет большой дуб, много лет надобно ждать!

Он хотел сказать митрополиту, что незачем ему так беспокоится об угнетателях своего народа, лучше бы больше за этот народ ратовал, но тут в зал тихо вошел писарь Хмельницкого Иван Крычевский. И хотя дальше не пошел, а стал у двери в выжидания, но по его лицу, по осей фигуре было видно, что явился он в связи с чем-то очень важным, не терпящим отлагательства. Понял это и митрополит. Он недовольно сдвинул брови и, заметив нетерпение, отразившееся на лице гетмана, еще раз проговорил:

— Смири свою гордыню во имя собратьев наших, которые проводят дни свои в слезах и поругании.

Хмельницкий снова в нетерпении пожал плечами.

— А что я могу, отче? Сами посудите: сорок тысяч всего казаков, что же я буду делать с остальным народом? Они убьют меня, а на поляной все-таки подымутся.

Когда митрополит, осенив Хмельницкого крестным знаменем, вышел, Крычевский взволнованно проговорил:

— Только что в Киев спешно прискакал гонец из Переяслава от казацкого полковника и атамана с вестью, что 4 ноября туда прибыли от великого государя Алексея Михайловича с грамотою и с его, царского величества, жалованием и милостивым словом к гетману и ко всему Войску Запорожскому послы Григорий Онуфриевич Неронов и подьячий Григорий Богданов. Они знают, что гетман в Киеве, но им в Киев ехать нельзя, потому что тут нынче на воеводстве Адам Кисель и с ним многие королевские люди. Просили отписать, где Григорию с грамотою царского величества быть.

— Хорошая вест. — Хмельницкий радостно хлопнул в ладоши. — Вели немедленно позвать полковника Федора Лободу.

Когда тот явился перед Хмельницким, он приказал ему выехать в Переяслав и передать русскому послу, что будет ждать его в Чигирине.

События, происшедшие на Украине, и все, что было связано с ними, все больше обращали на себя внимание царского правительства. Беспokoили думных бояр и характер Зборовского договора, и то, как поведет себя дальше гетман Богдан Хмельницкий. До Москвы доходили тревожные слухи, будто «Хмельницкий-де с татарами собирается на Москву», к чему подбивают его сами поляки. Настораживало и то, что гетман после

Зборовского договора стал спешно укреплять свои военные силы. Русские купцы и другие люди сообщали в Посольский приказ, что «на Украине устраиваются новые полки, власти для управления», что в городах изготавливается оружие, порох. А тут еще прибыло донесение путивльского воеводы о нарушении людьми с Украины границ и о неверном написании атаманами гетмана царского титула.

Правда, бывшие под Збаражем у Хмельницкого сын боярский Леонтий Григорьев да стрелец Ивашка Котелкин свидетельствовали, что «после Збаража, едучи с гетманом вместе и будучи у него в шатре, слышали от него самого, сказывал нам: «Говорил-де нам крымский царь, чтоб ему, гетману, с ним заодно Московское государство воевать, а я Московское государство воевать не хочу, и крымского царя уговорил, чтоб Московского государства не воевал... Я и сам великому государю... Алексею Михайловичу готов служить со всем войском казацким...»

В боярской думе понимали: наступило время решать, как быть дальше. Тут в думе не отсидишься. Воевать все равно придется. Либо с казаками против Польши, либо против казаков, татар и поляков. Оставаться безучастным к борьбе братского народа, ограничиваясь лишь материальной помощью, теперь уже нельзя. А не оказать настоящего содействия — значит сделать Хмельницкого своим врагом, который, чего доброго, может окончательно помириться с Польшей и выступить против России. Но, с другой стороны, понимали, что войны с Хмельницким ослабили Польшу, однако настолько ли, чтобы можно было рвать с ней отношения за старые смоленские и сиверские счета?

Думали бояре крепко. И когда польский король, который не меньше боялся союза Хмельницкого с Москвой, чем русский царь того же союза с Польшей,

нослал в Москву посольство во главе с каштеляном Добеславом Чеклинским, чтобы добиться подтверждения «вечного мира» 1634 года между Россией и Польшей и разузнать о русско-украинских отношениях, его приняли холодно и отпустили «без дела». Это вызвало немалую тревогу в Польше. А тут еще спешное посольство Григория Неронова, сведения о котором просочились в Варшаву.

Неронову поручалось поздравить Хмельницкого с победой под Зборовом и заверить в полном расположении к нему царя. Он должен был также явным и тайным образом узнать, «на которых статьях заключен мир и кто понес большие потери». Особенно интересовало Москву, «войска польские и литовские и запорожских черкас распущены ли, и крымские татары из Польши все ль вышли, и на каких условиях миру вперед между гетманом и всем Войском Запорожским и крымским царем быти..., и не чаять ли от крымского царя вперед на Московское государство какого умышления и войны, и запорожский гетман Богдан Хмельницкий и все Войско Запорожское к государю расположены ли, и не чаять ли от них каких шатаний, и с крымскими людьми на Московское государство военного соединения».

Хмельницкий встретился с русским послом в Чигирине 22 ноября 1649 года. Он принял его приветливо с надлежащим дипломатическим церемониалом. При гетмане были приближенные к нему люди, сыновья Тимофей и Юрий. Неронов торжественно вручил гетману царскую грамоту, в которой за «службу и радение» русское правительство «похваляло» Хмельницкого и передавало ему «государево жалование». Грамота оканчивалась обращением к Хмельницкому, чтобы он «и все Войско Запорожское и впредь великому государю служили и крымских татар

от всякого дурна отговаривали и великому государю про их умышление ведомо чинили».

Поблагодарив посла, Хмельницкий просил заверить царя, что Войско Запорожское готово служить ему, коли на то «его царского величества воля будет». В дальнейших разговорах и на прощальном приеме 26 ноября гетман говорил послу о своей готовности отвести от России нападение татар и поляков и снова просил, «чтоб великий государь был над ними государем».

Неронов уходил от Хмельницкого успокоенный и уверенный, что Украина никогда не будет врагом России. Неприятный осадок оставил лишь один эпизод, о котором пришлось упомянуть при составлении статейного списка в Посольский приказ о своем пребывании у гетмана.

Когда, попрощавшись с Хмельницким, он вышел на крыльцо, здесь его ожидала гетманша. Лицо ее было гневным, так что от красоты не осталось и следа, глаза горели злым огнем. Она стремительно подошла к Неронову, и ее резкий голос словно ударил посла.

— Почему пан посол столь неучтив к женщине? Не пришлось бы пожалеть! Почему детям гетмановым дано государево жалование по паре соболей, а мне нет? Я жена гетмана, и мне, как и им, положено государево жалование.

Неронов хотел было ответить, что никакой услуги царю она не оказала, наоборот, как раз вчера говорили его люди при гетмановом дворе, что она более преданна шляхте, чем Хмельницкому, но передумал. Не нужно озлоблять против себя эту женщину, может, и пригодится когда, приказал подьячему Богданову дать ей пару соболей. Та не отказалась, взяла их и с видом оскорбленного достоинства, не поблагодарив, пошла в светлицу.

Чтобы получить еще больше сведений о политическом положении Польши, об украинско-польских отношениях, русское правительство послало срочно своего гонца Кунакова в Варшаву, где открывался вольный сейм для утверждения Зборовского договора. Хотя официально миссия Кунакова заключалась в том, чтобы сообщить польскому правительству, что Москва направляет в Польшу великих царских послов — боярина и наместника новгородского Григория Гавриловича Пушкина и его брата окольного и наместника алатырского Степана Гавриловича Пушкина.

Кунаков прибыл в Варшаву 23 ноября 1649 года, на второй день после открытия сейма. Столица бурлила. Все говорили о больших спорах, возникших в первый же день на заседаниях, о том, что сейм отказывается утвердить статьи Зборовского договора.

За несколько дней пребывания в Варшаве Кунаков стал свидетелем многих событий. Польское правительство не хотело, чтобы о них было известно в Москве, и потому поспешило уже в начале декабря отправить его назад.

Перед самым отъездом из Варшавы Кунаков, выискивая нужные ему сведения, зашел на рынок. И здесь у одного купца он увидел несколько польских книг. Просмотрев их, сообразительный русский посланник сразу же заметил, что они содержат оскорбительные, по его разумению, выпады в адрес царя. Кунаков тут же купил книги, подумав, что для русских послов, едущих в Варшаву, это будет хороший повод для обвинения польского правительства в неуважении к государю, а если возникнет необходимость, то и для разрыва отношений с Польшей.

То, что удалось Кунакову разведать и увидеть своими глазами, сказало царю и боярам о многом, и они решительно повели дело на разрыв с Польшей.

Для Хмельницкого такая позиция русского правительства была огромной поддержкой не только в борьбе с Польшей, но и в его действиях на Украине, где все больше росло недовольство парода, который и слышать не хотел о возвращении под власть ненавистных панов. Во многих местностях вспыхивали восстания крестьян и казаков. И не только против польских панов, но и против самого Хмельницкого и казацкой старшиины. Хмельницкий жестоко расправлялся с ними, но возмущение не утихало, а, наоборот, поднималось еще больше.

Из записки русского гонца Г. Кунакова, ноябрь 1649 г.: «А ныне-де у Богдана Хмельницкого с поляками война будет впрямь по такой причине: когда хлопы из Войска Запорожского по пактам (Зборовскому договору. — В.З.) учили было приходиться в панские и шляхетские имения в дома свои, паны и шляхта их мучили и избивали и похвалялись: то-де и вашему Хмельницкому будет, дайте нам справиться. И к Богдану Хмельницкому приходили хлопы, собралось больше 50 000 человек, и хотели его убить: для чего-де без нашего совета с королем помирился?»

Около Хмельницкого постоянно была его гвардия да татарский отряд. Они быстро справились с взбунтовавшимися крестьянами и казаками, не вошедшими в реестр. Разбитые, растерзанные, те разбрелись по Украине, проклиная гетмана и старшину.

Немало волнений принесло Хмельницкому вспыхнувшее против него восстание на Запорожье. Возглавил его казак Худолий, несогласный с действиями Хмельницкого и Зборовским договором. Он провозгласил себя вторым гетманом и собирал казаков, чтобы идти на Чигирин. Пришлось послать туда свою гвардию — Чигиринский полк. Восстание было жестоко подавлено. Худолий обезглавлен.

Много времени отнимало составление реестра. Хмельницкий просматривал списки казаков, вошедших в него, и неприятное чувство то ли злости на себя, то ли обиды на кого-то переполняло его. Конечно, это был наибольший реестр за всю историю, но и он, как показали последние события, не устраивал казачество.

Основную массу реестровцев записали в семь полков — Чигиринский, Черкасский, Каневский, Корсунский, Белоцерковский, Кропивянский, Переяславский, Они находились на юге Киевского воеводства, традиционной казацкой территории, и Хмельницкий придавал им Особое значение. Остальных распределили в девять полков — Уманский, Брацлавский, Кальницкий, Киевский, Миргородский, Полтавский, Прилукский, Нежинский и Черниговский.

Составленные в полках списки посылались в гетманскую резиденцию в Чигирин, где в войсковой канцелярии их сводили в один. Здесь были собраны особо грамотные писари, которым было поручено оформление реестра. На каждом листе бумаги одного формата делалась черная рамка, разделенная линией на две половины. Каждая половина в столбик заполнялась именами и фамилиями казаков. В первую очередь записывали тех, кто «служит старо», «лучших людей», а потом остальных. Поскольку желающих попасть в реестр было много, старшина сама отбирала тех, кого считала нужным, не гнушаясь при этом и взятками: «Кто больше мог дать, того и в реестр писали».

Гетманское правительство стремилось окончить составление реестра в короткое время. Но дело затягивалось. Тогда Хмельницкий решил направить в Варшаву послов, чтобы сообщить сейму, что он проводит «как можно быстро войсковую перепись, которую надеется завершить до окончания сейма». Главной же целью посольства было добиться, чтобы

Зборовский договор был внесен в польскую конституцию со всеми статьями, которые были приняты в Зборове, и прежде всего статьями о ликвидации унии и амнистии участникам народно-освободительной войны.

Во главе посольства был поставлен Максим Нестеренко. С ним ехали три товарища, а также один из лучших писарей Иван Переславец, который должен был «все видеть и слышать и потом доложить гетману».

— С вами вместе к королю из Киева направляются воевода Кисель и митрополит Косов, говорил Нестеренко Хмельницкому. Он взял со стола лист бумаги и, не отрывая глаз от красивой писарской вязи строк, продолжал:

— Ты, Максим, знаешь нашего митрополита. Не всегда он с нами в согласии, особенно когда его Кисель подстрекает, поэтому смотри. Твоя забота — утверждение договора на сейме. А святой отец пусть отстаивает свое право заседать в сейме да добивается отмены унии.

Хмельницкий прошелся по комнате и, взяв в руки другой исписанный лист бумаги, протянул его послу:

— Почитай, это мое письмо Косову и Киселю.

Нестеренко быстро пробежал письмо глазами, а затем второй раз прочитал поразившие его резкие слова: «Ты, отче митрополит, если за нас стоять против ляхов не будешь и еще как-либо по-иному против нашей воли пойдешь, то, конечно, будешь в Днепре. И ты, воевода, если изменишь нам, бесчестно сгинешь, а мы войною биться за свое готовы».

Заметив, над каким местом в письме задумался Нестеренко, Хмельницкий усмехнулся.

— Пусть ведают, что я шутить в этом деле не собираюсь.

Гетман долго говорил с послами, наказывая им во что бы то ни стало встретиться с королем и передать

ему реестр лично. Посольство прибыло в Варшаву 2 января 1650 года в самый разгар сейма. И, как и предполагал Хмельницкий, было встречено шляхтой крайне враждебно.

После долгих споров сейм принял половинчатое решение по вопросу об утверждении Зборовского договора: его в целом утвердили, но внести его пункты в конституцию Речи Посполитой отказались. Не выполнил данного ему поручения и митрополит Косов, который поддался уговорам сенаторов и отказался от места в сейме.

Тогда Хмельницкий посылает и польскую столицу новое посольство во главе с Самуилом Богдановичем-Зарудным. В Варшаве оно встретилось с полномочными русскими послами братьями Григорием и Степаном Пушкиными, прибывшими сюда 16 марта 1650 года в сопровождении большой и блестящей свиты в 120 человек. Царь решил наконец оказать давление на Польшу и добиться возвращения отнятых ею земель.

В соответствии с полученными инструкциями русские послы при первой же встрече с сенаторами заявили, что мир с Польшей висит на волоске, ибо в то время как великий государь соблюдает все взаимные соглашения, польское правительство нарушает их и умышленно наносит оскорбление Русскому государству. Послы были в гневе и не желали слушать никаких оправданий.

Из статейного списка русских послов Григория и Степана Пушкиных, март 1650 г.: «И послы говорили: как вам, панам сенаторам, не стыдно говорить мимо истинной правды и отговариваться наружною и явною неправдою? В грамотах королевского величества и в письмах воевод писано во многие лета именованья и титулы великих государей наших не по уставу, с бесчестьем. И вы, оправдывая их, всегда говорите, что то чинили не из хитрости и не умышленно, но из-за

описок и ошибок, и кары за те их вины в 15 лет и исправления не учинили. А ныне с позволения королевского величества и вас, панов сенаторов, и злее того учинено: напечатано такое злое и лютое бесчестье великому государю нашему, помазаннику божию и монарху великому, чего и простому человеку терпеть не возможно. И произошло это по вашему злому умыслу, и отговариваться вам от такого явного своего дела нечем...»

Послы заявили, что только казнью Вишневецкого, Потоцкого, Калиновского и других сенаторов, искажавших царские титулы, может быть смыто нанесенное царю оскорбление. Они потребовали возвращения России Смоленска и других захваченных земель, а также 500 тысяч злотых «за оскорбление бояр и всех сословий Московского государства».

Поведение русских послов не на шутку встревожило польское правительство и самого короля Яна-Казимира, который теперь не сомневался, что Россия ищет лишь повода для разрыва с Польшей. А тут еще ему сообщили, что с русским посольством встретилось прибывшее посольство от Хмельницкого и что они уже договорились о совместных действиях. Король велит срочно отпустить казацких послов, а Пушкиных предупредить, что «лучше водиться с панами, чем с мужиками».

29 апреля 1650 года на подворье, где стояли русские послы, тайно пробрался человек Зарудного и убеждал Пушкиных не отказываться от своих требований, заверив их в поддержке. Он старался убедить Пушкиных в правоте дела, за которое борется Хмельницкий, и в том, что если Россия выступит в защиту Украины, то на ее стороне будут симпатии не только украинского народа, но и польского, который «живет от сенаторов и от шляхты в больших обидах». Русские послы соглашались с доводами казацкого

посланца и при встречах с польскими сенаторами выдвигали все новые и новые требования.

А между тем внимание царского правительства вынуждено было опять обратиться к осложнившемуся положению внутри страны: в Новгороде и Пскове начались восстания, которые не на шутку напугали Алексея Михайловича и его бояр. Восстание в Пскове оказалось более затяжным и потребовало немалых усилий для его ликвидации. Оно настораживало тем, что в нем широкое участие приняли городские низы. Восставшие под руководством подьячего Томила Васильева и стрельцов Порфирия Козы и Иова Копыто силой взяли у воеводы оружие, боеприпасы и ключи от города. Когда в Псков прибыл из Москвы для подавления мятежа князь Волконский, он был арестован. У богачей отобрали и раздали посадским людям и стрельцам хлеб. Бои под Псковом продолжались до июля, пока руководители не были преданы и схвачены властями. Однако отголоски восстания прокатились по всей России. Многие из его участников сумели уйти на Украину. Они сразу же включились в борьбу украинского народа против угнетателей. Это вызвало беспокойство русских властей, которые обращались к украинской администрации с требованием о выдаче бежавших. Им отвечали, что в Войске Запорожском, как и на Дону, «никаких беглых людей не выдают».

Смятение царского правительства усугубилось сведениями о том, что в Польше, а потом на Украине появился самозванец Тимошка Акундинов, который выдавал себя то за сына, то за внука царя Василия Шуйского. Он грозился поднять людей и идти к Пскову, где его ожидали.

4 июля в Москве был спешно созван Земский собор. Было решено простить всех псковичей. Но это не

принесло результатов. Волнения продолжались всю зиму с 1650 на 1651 год.

Не в силах справиться с собственным народом, русское правительство круто меняет тактику на международной арене. Братьям Пушкиным было велено забрать назад свои требования и возвращаться домой.

Снова рушилась надежда Хмельницкого выступить вместе с Москвой против поляков. Нужно было снова искать союзника. В это время осведомители сообщили ему, что из Венеции в Варшаву прибыл католический священник Альберто Вимини, который едет к Богдану Хмельницкому с целью осуществления старого проекта — вовлечения казаков в войну с Турцией, тянувшуюся еще с 1645 года. Сейчас по этому поводу он вел тайные переговоры с польским королем и канцлером. Хмельницкий понимал, что им легко будет найти общий язык. Венеция хочет руками казаков разбить турок, а король заинтересован в том, чтобы Запорожское Войско хоть на время ушло с Украины. Такая перспектива Хмельницкого не устраивала: ему не было никакого смысла вступать в конфликт с Турцией, которая хотя и мечтала о захвате Украины, но пока, занятая своими внутренними заботами, делала лишь попытки склонить Хмельницкого к добровольному переходу в подданство султана.

Альберто Вимини прибыл в Чигирин 3 июня 1650 года и уже на следующий день был приглашен на прием к гетману. Уж как старался венецианец, доверительно наклоняясь к Хмельницкому, убедить его в выгодности выступления против турок, вкрадчиво давая понять, что Турция, запятая тяжелой многолетней борьбой с Венецией, управляемая малолетним султаном и раздираемая дворцовой борьбой, станет легкой добычей казаков, Хмельницкий лишь задумчиво поглаживал усы, и ни по его лицу, ни

по глазам хитрый посол не смог определить отношения гетмана к своим словам.

Когда посол, нервно подергивая свою бородку, наконец, замолчал в изнеможении, гетман взял со стола врученную ему верительную грамоту, подписанную венецианским послом в Вене Сегредом, и, пробегая ее глазами, сказал, что ему известно и о содержании его разговоров с королем и канцлером, и о сговоре против Украины и что в этих условиях о походе казаков против турок но может быть и речи.

Не гася заигравшей под усами легкой улыбки, он с явной иронией произнес:

— По-моему, было бы уместнее вести переговоры о выступлении против турок не с нами, а с господарями Молдавии и Валахии, которые уже давно изнывают под турецким игом.

Вимини сжал в кулачки свои розовые тонкие пальцы и в замешательстве ответил, что решать это не в его компетенции. В зеленоватых глубоких глазах посла затаилось беспокойство, сменившееся к концу беседы нескрываемым разочарованием. И хотя Хмельницкий вежливо продолжал разговор с Вимини и даже пригласил на обед, тот понял, что его миссия потерпела полную неудачу.

Из донесения посла Венецианской республики Альберто Вимини, середина лета 1650 г.: «Кажется, я уже достаточно сказал о происхождении и обычаях казаков и считаю, что для удовлетворения интереса вашей светлости мне остается еще добавить кое-что о гетмане.

По происхождению своему он сын шляхтича, который был изгнан и лишен дворянского звания. Роста он скорее высокого, нежели среднего, кряжистый и крепкого сложения. Разговор его и способ управления показывают, что он имеет трезвое суждение и проницательный ум. В обхождении он смирный и

простой, чем притягивает к себе любовь воинов, но, с другой стороны, он держит их в дисциплине суровыми наказаниями. Всем, кто входит в его комнату, он жмет руку и всех просит садиться, если они казаки.

В этой комнате нет никакой роскоши, стены безо всяких украшений, кроме мест для сидения. В комнате имеются только грубые деревянные лавы, покрытые кожаными подушками. Дамасская запона протянута перед небольшим ложем гетмана, в головах его висит лук и сабля, единственное оружие, которое он обычно носит. Стол не отличается большой роскошью сервировки, едят без салфеток, и не видно другого серебра, кроме ложек и бокалов. Гетман предусмотрительно украсил так свое жилище, чтобы помнить о своем положении и не впасть в чрезмерную гордость. Может, в этом он подражает Агафоклу, который, будучи сыном гончара и достигнув царской власти, повелел сделать себе стол и поставец с глиняной посудой...

Однако гетманский стол небеден хорошими и вкусными кушаньями и обычными в стране напитками — водкой, пивом, медом. Вино, которого мало запасают и редко пьют, подается к столу только в присутствии видных иностранцев. Как я имел возможность убедиться, за столом и при выпивке нет недостатка в веселье и остроумных шутках...»

Далее Вимини писал, что он встретил в лице Богдана Хмельницкого превосходного дипломата, осведомленность которого в международных делах поразила его. Гетман сразу понял, что план Венеции призван укрепить тайный сговор короля с ханом против него. И не пошел на это.

...Послов приезжало много, и каждый со своей хитростью, прикрывающей истинную, корыстную цель. Выслушав их, Хмельницкий видел, какая сеть интриг плетется вокруг Украины соседними государствами,

стремящимися использовать ее в своих интересах. Тем радостней была каждая весть о добром расположении к нему и Украине, доходящая до него. Одной из них было письмо Оливера Кромвеля:

«Богдан Хмельницкий, божьей милостью генералиссимус греко-восточной церкви, вождь всех казаков запорожских, гроза и искоренитель польского дворянства, покоритель крепостей, истребитель римского священства, гонитель язычников и антихриста...» Хмельницкий перечитывал эти слова и все не мог соотнести их со своей личностью, с содеянным им и его побратимами.

Поход на Молдавию

Над Субботовом раскинулось синее звездное небо. Далеко за полночь. Прохладный ветерок пробегает по листьям деревьев, приятно охлаждает тело. Хмельницкий в одной сорочке вышел из душной светлицы на крыльцо подышать воздухом, да так и остался здесь, присев на ступеньку. Расхотелось возвращаться в хату, и он пошел в сад.

Не раз уже докладывал ему Тимофей о подозрительных связях гетманши с шляхетскими посланцами, о том, что пошла нехорошая молва о ее любовных связях с львовским часовщиком. Хотелось Богдану все высказать Елене, но он воздержался: боялся потерять ее, уж очень любил...

И все же, отбросив все личное, Богдан стал думать о будущих делах. Когда это началось? Конечно, намеки делались и раньше, по откровенно было сказано после Зборова. Тогда они с ханом остались вдвоем в шатре. Перед тем как разъехаться, хотели еще переговорить с глазу на глаз о будущих отношениях и планах. Он тогда был кровно обижен и зол на хана за его предательство под Зборовом, но не подавал виду.

Ислам-Гирей был благодушен, считая, что сделал доброе дело, помилив его с королем да еще на таких достойных условиях. Вот тогда хан и сказал ему, что надобно теперь выступить против Московского государства, что лучшего времени, чем сейчас, не будет.

Долго убеждал он крымского царя, «чтоб Московское государство не воевал». Тот нехотя согласился и, недовольный упорством Хмельницкого, поехал к орде.

Но потом хан в посланиях к гетману постоянно возвращался к этой мысли. Даже предпринял поход против донских казаков. Хмельницкому пришлось отправить на Дон войска во главе с сыном Тимофеем и запорожским атаманом. Посылал он их как бы в помощь татарам, а на самом деле дал наказ попытаться сдержать их военный пыл.

В сентябре 1650 года, будучи в Москве, атаман Войска Донского Андрей Евсевьев говорил в Посольском приказе, что, когда они спросили пришедших запорожских казаков, пойдут ли они по велению крымского царя «на них, донских казаков, ...одноверных православных христиан», те ответили, что не пойдут и «дурна им никакого чинить не будут. А будет-де крымский царь велит им идти войною не токмо что на них, донских казаков, а и на государевы ближние города, и они не пойдут». Когда же у пришедших запорожцев кончились припасы, донские казаки, хотя у них тоже было голодно, послали «к гетманову сыну да к атаману по осьмине проса толченого, да сухарей пшеничных по осьмине ж, да по 2 подставки вина. И гетманов-де сын и атаман то приняли с честью...»

В жаркое лето 1650 года выгорела степь, лишив войска подножного корма, и хан отказался от похода. Прошел год, и Ислам-Гирей прислал из Бахчисарая новое письмо с предложением идти войной на Москву. Он писал, что брата своего калгу Куни Черана уже посылает в поход. И грозил «разорить дружбу», если Запорожское Войско к нему не присоединится.

Хмельницкий догадывался, что такая настойчивость крымского хана была вызвана не только его личным желанием. На войну с Россией его подбивало польское правительство, которое во чтобы то ни стало хотело столкнуть Хмельницкого с Москвой и таким образом ослабить его силы в борьбе с Польшей.

Перед взором Хмельницкого предстали все страшные последствия этого нового заговора против Украины. Угроза усилилась еще и тем, что 30 июля 1650 года умер коронный канцлер Юрий Оссолинский. Известие об этом очень огорчило Хмельницкого: хоть они и были противниками, но это был единственный трезво мыслящий деятель в Польше. После его смерти теперь никто не помешает своре польских магнатов с Украины делать свое черное дело.

Хмельницкий медленно прошел через сад и вышел к обрыву. Снизу, от реки, тянуло прохладой и покоем. Не хотелось думать о том, что требовало немедленного решения с ханом. А тут вчера его тайный осведомитель сообщил, что польские магнаты с их верным союзником молдавским господарем Василе Лупу затевают что-то против Украины. Хмельницкий знал этого хитреца еще по Константинополю. Выходец из Албании, стамбульский торговец, он еще во время господарства в Молдавии Моисея Могилы поселился здесь и с помощью больших денег вскоре достиг чина великого «дворника» (канцлера). Рано умершая его жена-венецианка оставила ему двух дочерей: Елену и Роксанду.

Тогда говорили: «Кто больше даст турку, тот и господарь». И Лупу не пожалел денег на подарки султану и его вельможам. В 1634 году его утвердили в звании молдавского господаря. И хотя приходилось и дальше слать золото в Стамбул, но теперь он его брал у подданных. Богатство Василе Лупу все возрастало. Двор его утопал в роскоши.

Большую дружбу он завел с польской шляхтой. Старшую дочь Елену выдал замуж за князя Радзивилла. Немало было претендентов и на руку Роксанды. Петр Потоцкий, Дмитрий Вишневецкий, брат семиградского князя Ракоци Сигизмунд все они не прочь были породниться с Лупу. Но он не спешил, выжидая своего часа, стремясь угодить и хану, и королю, и даже

московскому государю в надежде заполучить себе союзников против турок, которые мешали ему подчинить себе Валахию. Поскольку Украина не могла быть ему полезной в этом, Лупу готов был выступить вместе с Польшей против Украины.

В это время правительство Речи Посполитой, возглавляемое после смерти канцлера Оссолинского магнатами Вишневецким и Потоцким, добилось объявления сеймом нового «посполитого рушения» против Украины и набора 54-тысячного войска. На стороне Речи Посполитой против восставшей Украины готовились выступить и молдавские феодалы.

Хмельницкому было ясно, что нужно во что бы то ни стало разрубить этот узел. И чем быстрее, тем лучше. А что если привлечь к этому делу татар? Как раз в Чигирине снова сидит посол с очередным требованием хана идти совместно на Москву. В случае отказа Ислам-Гирей угрожал разрывом отношений и даже назначил дату выступления против России — 15 августа 1650 года. Чтобы избежать этого братоубийственного похода, есть только один выход направить воинственные устремления татар на коварного Лупу.

На следующий день Хмельницкий предложил ханскому послу сообщить хану, чтобы готовился в поход против молдавского господаря. Тот сначала был непреклонен, но, подумав, решил, что поход против славившегося своим богатством Лупу куда выгоднее, чем чреватое большой опасностью нападение на Русское государство, и согласился с Хмельницким.

Из статейного списка царского посланника Арсения Суханова от 6 ноября 1650 г.: «И говорил писарь (Иван Выговский. — В.З.) с клятвою, что крымский хан со всею ордою выступил было на Москву и присылал к гетману трижды, чтоб с ним шел на Москву, а если-де не пойдешь со мною на Москву, и я тебя также не послушаю, и гетману то стало за великую скорбь, и

говорил-де гетман: лучше-де мне смерть, нежели на Московское государство идти... и так хана великую силу от Москвы отворотил».

Хану предложение пришлось по душе. Уже в августе он направил свои орды к Днестру. Туда же двинулся со своим войском и Хмельницкий. Полки гетмана насчитывали около 70 тысяч.

Лупу не ожидал нападения. Он едва успел бежать из Ясс в Сучаву. Многие молдавские солдаты переходили на сторону казаков. Не имея возможности сдержать татарские и казацкие войска, Лупу обратился за помощью к Потоцкому. Узнав об этом, Хмельницкий послал к Потоцкому, расположившему свои войска на границе с Украиной, Ивана Кравченко с письмом, в котором предупреждал коронного гетмана, что если он поможет Луну, то будет иметь дело со всем Запорожским Войском и «крымскими воинскими людьми», Потоцкий испугался и отказал Лупу.

Оставшись без поддержки, Лупу пишет письмо Хмельницкому и просит о мире. Гетман согласился на переговоры. Послом назначил полковника Джеджелия. Перед отъездом позвал его к себе. Старые друзья и побратимы понимали друг друга с полуслова. Окинув Джеджелия теплым взглядом, Хмельницкий сказал:

— Ты, Филоне, Лупу говори, что он войну зачал на себя сам, потому что поступает, забыв бога и православную христианскую веру, снюхался с поляками и мыслил на меня, гетмана, и Войско Запорожское всякое дурно.

Хмельницкий передал также через посла свое желание женить своего Тимоша на дочери Лупу Роксанде.

Из «Вестовой» записки послов русского правительства на Украину П. Протасьева и Г. Богданова, 7 ноября 1650 г.: «И валахский-де господарь до гетмана присылал послов своих и ему, гетману, да бил челом и

прислал к нему в дар шубу соболью под золотом, да жеребца со всем конским нарядом, да саблю, оправленную золотом с камнем. Да он же-де, валахский господарь, сговорил дочь свою за гетманского сына и прислал записку за своею рукою и за печатью под присягою, что ему дочь свою за его гетманова сына дать. И быть с ним в вечной дружбе и любви, и против всякого неприятеля стоять с ним, гетманом, заодно, и друг другу помогать, а с ляхами ему, валахскому государю, впредь не складываться, и дурна никакова на Войско Запорожское не мыслить».

Дочь валахского господаря Василия Лупу молдавская княжна Роксанда была, по словам современника, «красива, как весна». Неисчислимы богатства ее отца «придавали вес ее красоте». Роксанда должна была выйти замуж за одного из польских магнатов, чтобы еще больше скрепить союз Молдавии и Польши. Когда весть о сватовстве Тимофея к Роксанде распространилась в Польше, поднялась в гневе вся шляхетская молодежь. «Не отдадим княжны хлопцу! Встанем как один за княжну!» — кричали они, бряцая оружием. Но дальше этого дело не пошло. К тому же Хмельницкий прислал Лупу гневное письмо, в котором угрожал: «Если ты не отдашь своей дочери за моего сына, то я пошлю к тебе 100 тысяч сватов».

Вскоре было улажено и это важное для Хмельницкого дело. Подождав немного, пока татары уйдут с молдавской земли, а тех, которые «зашли в чатех для добычи^[84] в дальние места», поручив выдворить полковнику Данилу Нечаю, Хмельницкий возвратился домой. Этим победоносным походом, как заключает Самовидец, Хмельницкий «и у турецкого царя снискал себе протекцию, и татар от военного на Великороссийское государство похода удержал». А в народе об этом пели:

То пан Хмельницький добре учинив:
Польшу засмутив,
Волхву побідив,
Гетьманщину звесилив!
В той час була честь, слава,
Віськова справа —
Сама себе на сміх не давала
Неприятеля под ноги топтала.

В Чигирине Хмельницького ожидал посол русского правительства Василий Унковский.

Дело было важное. Нужно было договориться с гетманом о выдаче самозванца Анкудинова, который в это время жил в Чигирине, и проведать о дальнейших планах Хмельницького.

Тимошка Анкудинов, сын стрельца, подьячий Приказа Новой чети, бежал в 1643 году через Польшу в Царьград, где и объявил себя царевичем Иваном, внуком Василия Шуйского. В начале 1650 года он появился на Украине и развил здесь свою деятельность.

24 мая 1650 года донской атаман Яков Жуков доставил в Москву обращение Анкудинова к донским казакам, в котором тот, называя себя «имянем царя Василия Ивановича сыном», собирался, прибыв на Дон, «казаков-де приводить к себе к присяге и поднимать полки и итти на Астрахань». В Москву поступали сообщения о связях Анкудинова с восставшими псковичами, которые надеялись, что он придет к ним на помощь во главе донских и запорожских казаков.

К тому же русское правительство учитывало, что появление самозванца на Украине в столь сложное время может быть использовано польско-шляхетским лагерем для разных авантур против России и Украины.

Необходимо было срочно заполучить этого так называемого «внука Шуйского» и обезвредить его. 15

сентября 1650 года Унковский был принят гетманом. Беседа продолжалась несколько дней. Лишь 21 сентября Унковский уехал в Москву, Он вез с собой повое подтверждение, что гетман и все Войско Запорожское готовы и далее служить великому государю, и доказали это своим походом в Валахскую землю.

Гетман просил передать государю и то, что «меж нами и меж поляками миру состояться немочно». Из этого посол сделал вывод, что казакам новой войны не миновать и она не за горами.

Что же касается самозванца Тимошки Анкудинова, то Хмельницкий обещал прислать его со временем царю. Сейчас же этого сделать было нельзя. Это нарушило бы существующую среди казаков традицию — не выдавать беглецов.

— Если только случится, что отдадим, тогда вся чернь и войска восстанут и послов побьют, — отвечал Хмельницкий Унковскому, с чем тот и уехал.

А вскоре Тимошка Анкудинов, почувствовав опасность, выехал с Украины. Весной 1651 года его видели в Семиградье, затем в Швеции, Пруссии и Голштинии. Голштинский герцог Фридрих выдал Анкудинова русскому правительству. В конце 1653 года его привезли в Москву, где он и был казнен.

В октябре 1650 года гетман выдавал замуж свою младшую дочь Елену. Старшая, любимица Катерина, уже была замужем за младшим братом Ивана Выговского Данилой. Жили дружно, хотя и бездетно. Хмельницкий, чтобы сделать Катерине приятное, всячески отличал Данилу и вскоре дал важный пост в войсковой канцелярии. За Данилой и Иваном Выговским в Чигирин потянулась и вся их родня. Генеральный писарь благодаря своей близости к гетману сумел пристроить в Чигирине и своего родича Тетерю, который вскоре сделался переяславским полковником.

Пробиться к гетману через этот заслон Выговских и их родственников было непросто.

Елена выходила замуж за младшего брата брацлавского полковника Данила Нечая Ивана. Выговским это было не по душе. Они боялись влияния Нечая на Хмельницкого. Но Нечай пользовался особым расположением гетмана. Честный и горячий, отстаивающий до конца интересы голытьбы, которая видела в нем своего заступника перед богатой старшиной, он был как бы послом от народа. И Хмельницкий это ценил. Гетман знал, что пока на границе с Речью Посполитой стоит со своим полком Данило Нечай, королевские жолнеры не смогут внезапно напасть на Украину.

Битва под Берестечком. Белоцерковский Трактат

В Чигирин из Варшавы вернулись ни с чем казацкие послы, которые были посланы на открывшийся 5 декабря 1650 года сейм. Их отправили из Варшавы до завершения заседания сейма. Такого еще не бывало.

Хмельницкий смотрел на возвратившихся послов неприязненно, хмуро, как будто они были виноваты в том, что произошло. Полковник Суличич не выдержал этого взгляда и, выйдя вперед, проговорил:

— Не мы в том, батьку, повинны. Вызвали нас к королю и сказали, что король и члены совета для заключения окончательного договора пришлют к тебе, гетману, и ко всему Войску Запорожскому своих послов — великих людей. И учинити съезд, и договор обо всем в Киеве.

Гетман слушал не перебивая, и Суличич продолжил:

— Думаю, батьку Хмелю, что от того нас, послов, до окончания сейма отправили, чтоб нам не ведать, какой у ляхов на том сейме о нашем деле договор принят будет. Па том сейме половина панов говорили, что они с Войском Запорожским хотят быть в покое и действовать по Зборовскому договору. А другая половина панов хотят с нами начать войну и мстить нам. А заводилы тому Потоцкий, Вишневецкий да Конецпольский. Эти и иные сенаторы, учили короля, шляхту и всю Речь Посполитую наговаривать, чтоб пошли нас воевать. А сами Потоцкий и Вишневецкий обещали со своими войсками идти впереди.

Хмельницкий молча покивал головой, потом, поблагодарив послов, отпустил их.

Ему через своих людей было хорошо известно, что после смерти Оссолинского магнаты, имевшие владения

на Украине, вели себя на сейме как хозяева всей Польши. По их настоянию был утвержден налог для набора огромного 54-тысячного войска (28 миллионов флоринов). Королю было дано право созывать, если это потребуется, «посполитое рушение». Вместо Оссолинского коронным канцлером был утвержден епископ Андрей Лещинский, ставленник магнатской группировки.

На сейме сенаторы рассмотрели и другие вопросы, связанные с войной против Украины.

Послы передали переписанную ими королевскую инструкцию на сеймики, которые состоялись перед сеймом. Хмельницкий посмотрел ее, и его взор невольно остановился на том месте, где король называл его «заклятым врагом Речи Посполитой, который поклялся в ее гибели», а сейчас с помощью татар разгромил дружественную Польше Молдавию, связывается с Турцией и Швецией и поднимает крестьянские восстания против шляхты.

Гетман велел позвать Выговского. Гот сию же минуту, словно ожидал за дверью, предстал перед ним, всем своим видом выражая готовность выполнить любое его приказание. Хмельницкий повел рукой в сторону лежавшей на столе инструкции.

— Прочти.

И когда тот прочел, проговорил:

— Нужно отписать королю. Пусть не обманывает нас, а выполняет Зборовский договор. На словах так только о мире и пекутся, а готовят войско и новую войну. Нам нужна ясность. Одно из двух: или нам не угрожать и полностью обеспечить мир, или открыто заявить, что против нас. Мы не хотим чужого, добиваемся только пашей русской собственности...

Глаза Хмельницкого потемнели, на скулах заиграли желваки, в голосе слышалась угроза и решительность.

Отпиши еще, что мы просим панов не доводить нас до крайности, к которой нас боль и угнетение неволит, и не принуждать, чтобы мы искали себе помощи.

Он подошел к поставцу, где лежали трубка и кисет с табаком. Молча набил трубку и, раскурив, сделал несколько глубоких затяжек. Успокоившись немного, прошелся по светлице, потом посмотрел остро на Выговского и, с сожалением покачав головой, обращаясь не то к Выговскому, не то к кому-то другому, с горечью в голосе проговорил:

— Ой, ляхи, ляхи, хитростями и неправдою поступаете со мной. Ну подождите... Хочется вам войны со мной, будете ее иметь.

И Выговскому сразу же подумалось, что гетману стало известно о его тайных сношениях с польскими агентами, которым он передавал секретные сведения, о вербовке на свою сторону казацких старшин. Он осторожно поднял глаза на гетмана, но тот уже отвернулся к окну в глубоком раздумье.

Инструкция короля, решения сейма, сведения о том, что Потоцкий и Калиновский спешно собирают войска, — все это свидетельствовало о том, что подготовка к новой войне против Украины развернулась в Речи Посполитой с новой силой. Пока он был в молдавском походе, польские паны времени даром не теряли. Главное, на что направило свои усилия польское правительство, — это лишить Украину ее самой важной опоры и поддержки — России. Специально для этого и посла Пражмовского направили в Москву. И тот как только мог оговаривал Хмельницкого и «дружески» предостерегал русское правительство о якобы грозящей русским границам опасности от Хмельницкого и крымского хана, которые «ради такого злого умысления» объединились «тайно сообща». Когда же ведущий с Пражмовским переговоры боярин Григорий Гаврилович Пушкин попросил, чтобы

он «те свои речи дал им на письме», поскольку «в посольских обычаях издавна повелось, что послы или посланники, говоря о делах, на свои речи дают письмо», польский посол отказался это сделать, ссылаясь на то, что «ему наказано о том деле говорить словом».

В ответ Пражмовскому дали понять, что ему не верят, а русское правительство осведомлено о другом: именно Польша пытается подбить хана идти на Москву. Польский посол возвратился несолоно хлебавши.

Хмельницкий понимал, что ляхи на этом не успокоятся. Отпуская русского посла Унковского, он снова передал государю просьбу о заступничестве от польского панства, которое собирается развязать новую войну. А сейчас подумал, что нужно послать в Москву Суличича, чтобы тот подтвердил его просьбу. Время не ждет. Необходимо, чтобы Москва наконец более решительно повела себя по отношению и к Украине и к Польше.

После сейма к Хмельницкому прибыл посланец короля Маховский с вестью, что в Чигирин скоро приедут комиссары для переговоров «о мире». Немного погодя Ян-Казимир передал через Киселя письмо с заверениями в своем миролюбии.

Хмельницкий знал цену этим словам. Сразу же после сейма польское правительство начало подготовку к войне. Жестокими, невиданными ранее мерами взымали чрезвычайные налоги с населения. Набирали наемников. Наконец король объявил «посполитое рушение».

В это время к Чернобылю под самый Киев подошли войска литовского подканцлера Леона Сапеги, а в Горностай-Поле появились ратные люди шляхтича Обрамовича. Гетман направил к ним послов узнать, «для чего они пришли близко пограничных казачьих мест с воинскими людьми». Но послы так и не вернулись. Тогда он приказал «всем казакам по всем

местам быть наготове» и полковникам собираться на раду. Съехались не мешкая.

...Хмельницкий обвел глазами Богуна, Нечая, Джеджелия, Небабу, Шумейко и других полковников, старшину и простых казаков, собравшихся здесь, и подумал, что пока они с ним, ему не страшен никакой бой, никакие потоцкие и вишневецкие. И эта мысль прибавила силы.

— Панове, братья, — обратился он к ним своим густым и гулким басом, — нам объявляется война. Давно уже грозят ею поляки, замыслив отнять у нас свободу, доблестно купленную нашей кровью...

На последнем сейме в Варшаве они решили: продают свои сокровища, вывозят дорогую утварь, чтобы уплатить чужеземному войску и собрать его под свои знамена. Послали за пехотой в немецкую землю, набирают жолнеров в Короне^[85] и Литве. Все шляхетство идет в посполитое рушение с оружием и запасами. Как только соберут людей, тотчас нападут на нас. Думают, чем скорее, тем лучше. Хотят начать войну зимой, чтобы мы не могли вести земляные оборонительные работы и чтобы наши союзники — татары из-за недостатка подножного корма не могли поспеть нам на помощь.

Хмельницкий поправил заткнутую за широкий пояс булаву, погладил усы, и проговорил:

— Гроза большая наступает на нас, панове-братья. Надобно что-то решать. Спрашиваю, братья, вашего совета. Ожидать ли нам врагов в нашем отечестве или опередить их и самим на них напасть? Или, может, помириться с ляхами?

Собравшиеся внимательно слушали гетмана. Но как только он произнес последние слова, тишину разорвали гневные возгласы.

— Не будем! Боронь боже мириться! Идем на короля!

Но тут же послышались и другие голоса, идущие от отдельно объединившейся группы старшин.

— Нужно идти на соглашение с королем и решить дело миром!

В ответ на эти слова собрание взорвалось стоголосым гневным криком.

— Прочь с рады! Предатели! Лучше смерть в бою с ляхами, чем неволя!

Вверх полетели шапки. Кто-то вырвал из ножен саблю, и она грозно заблестала над головами. И сразу же над рядами казаков поднялась стена клинков. Вот-вот могла начаться сеча. И в это время над собранием взметнулась вверх и словно поразила всех грозной силой и могуществом горящая золотом булава гетмана.

— Хватит, братья! Не саблями грозиться, а дело решать надобно!

Все постепенно притихли. И тогда наперед вышел полковник Гладкий. Всем было известно, что он против войны. Что же скажет он сейчас?

— Лучше, Хмелю, нам остаться на своей земле, укрепить границы и ждать ляхов. Тут они от холода и голода будут пропадать пуще, чем от оружия. Поляки привыкли спать на печке, жить в довольстве. Не вынесут они зимней стужи и голода и разбегутся сами.

И вдруг наперед выскочил Нечай. Он прискакал на раду прямо с кордона. После возвращения из молдавского похода казакам Брацлавского полка во главе с Данилом Нечаем было поручено охранять часть освобожденной территории на линии Красне — Мурафа — Шаргород — Черновцы от поляков. И ему как никому другому были известны устремления войска.

— Не то говорит Гладкий, — прозвучал его резкий порывистый голос. — Не то, батьку Хмелю! Не пристало нам сидеть спокойно, ожидая неприятеля, и смотреть,

как он без всякого отпора начнет лить кровь наших земляков. Это недоброе дело и принесет нам только вред. Гораздо лучше будет, когда мы сами пойдем в неприятельскую землю и приведем врага в страх и смятение. Одолеем в первом бою ляхов, и уже трудно будет возвратить жолнерам бодрость, а шляхте надежду.

Гул одобрительных возгласов покрыл слова Нечая.

Из отписки путивльских воевод С. Прозоровского и И. Чемоданова, января 28, 1651 года: «И у гетмана-де в Чигирине была с полковником и с черкасы рада, а на раде приговорили, что итить им против поляков и литовского гетмана Радзивилла. И по татар-де он, гетман, к крымскому царю послал...»

Решение рады было принято вовремя. Насколько оно было серьезно и важно — говорит то, что с теми, кто выступал против, обошлись очень сурово. Некоторые лишились даже головы. Иначе, очевидно, было нельзя. В начале января 1651 года польский король Ян-Казимир издал приказ начать наступление. В ночь с 9 на 10 февраля польско-шляхетские части во главе с польным гетманом Мартыном Калиновским и брацлавским воеводой каменецким каштеляном Станиславом Лянцкоронским внезапно вторглись через пограничную линию на Брацлавщину и совершили нападение на городок Красне. Казаки во главе с Нечаем героически отбивались. Первый приступ жолнеров удалось отбить и даже выгнать их за крепостные стены. Тогда поляки со всех сторон зажгли город и, когда огонь сделал свое дело, снова бросились в него. Неравный бой длился недолго. Кучка казаков сражалась отчаянно и мужественно. В этом бою и сложил свою голову друг и верный соратник Хмельницкого Данило Нечай.

Калиновский захватил Шаргород, Ямполь и, окрыленный успехом, послал на Винницу конницу во главе с Лянцкоронским. 28 февраля 1651 года они

подошли к Виннице и начали ее осаду. В городе в это время находился трехтысячный казацкий гарнизон, которым командовал славный сподвижник Хмельницкого Иван Богун. Подошедшая армия поляков насчитывала более двадцати тысяч жолнеров. Но объединенные Богунем казаки, мещане и крестьяне дали героический отпор шляхетским отрядам.

Когда Хмельницкий узнал о героической обороне Винницы, он спешно послал на помощь Богуну полки уманского полковника Осипа Глуха и полтавского — Мартина Пушкаря. Известие об этом вызвало панику в лагере врага. Шляхетские войска начали спешно отходить. Недалеко от Винницы под селом Янушинцами казаки Богуня настигли их и разгромили. Те, кому удалось спастись, бежали к Бару и далее к Каменец-Подольскому.

Хмельницкий издает универсал, в котором объявляет пароду о новой войне и зовет его подняться против ляхов, собирает полки и заготавливает припасы. Он посылает в Польшу своих людей с универсалом, который призывает польских крестьян восстать против шляхты. На польском Прикарпатье крестьянское движение возглавил тесно связанный с Хмельницким Александр Костка Наперский. Он распространяет среди польского населения обращенные к нему универсалы Богдана Хмельницкого, пишет свои воззвания, поднимая крестьян на борьбу. Собрав отряд повстанцев, Костка Наперский 16 июня 1651 года овладевает замком Чорштын под Новым Таргом, откуда намеревается дальше развивать восстание.

Судьба засевших и Чорштынской крепости завершилась трагически. Для разгрома Костки Наперского и его сподвижников король выслал две тысячи жолнеров во главе с Александром Любомирским. Осада крепости длилась несколько дней. 28 июня 1651

года она пала. Костка Наперский и его товарищи были схвачены.

Из записок райцы казимежского Мартина Голинского, июль 1651 года: «Посадили его (Наперского. — В.З.) на открытую телегу и стоя привязали к ней, связав руки. Стоял на телеге так, что каждый мог его видеть, а Чепец (сподвижник Наперского. — В.З.), иначе маршалок, сидел на телеге со связанными за спиной руками. С собой был хлоп толстый, борода округлая, седая, в мегерке и грязной рубахе. А Костка роста небольшого, тонкий, молодой, ус черный, бородка малая, клинообразная, волосы длинные, кудрявые, в черном кафтане сквозь разрезанные рукава было видно рубашку, черные шаровары, платком опоясанный, лицо открытое. Поглядывал вокруг на множество народа, который вышел за город Казимир из Кракова, Кленажа, Казимира, желая увидеть его».

Их казнили 18 июля 1651 года на рассвете. Чепца обезглавили, а Костку Наперского присудили посадить на кол. Палач Симеон волновался крепко или же был неопытен, вбивал в Наперского кол несколько раз, пока тот прошел сквозь тело.

Жестокая казнь руководителей восстания не утратила польских крестьян, и восстание продолжалось. В декабре 1651 года в инструкции сандомирского воеводы послан на сейм говорилось, что в Кракове и его окрестностях «вспыхивают постоянные волнения».

Поднимался на борьбу парод Белоруссии, также стремившийся освободиться от чужеземного угнетения и воссоединиться с Россией. И хотя, как свидетельствовал в Посольском приказе 12 апреля 1651 года игумен полоцкого Воскресенского монастыря Афиноген Крыжановский, «к Киеву их, белорусцов, никого не пропускают для того, чтоб они с Хмельницким

не свиделись и ни о чем с ним не мыслили», но все же «тайным обычаем они, белорусы, с Хмельницким ссылаются и о всяких вещах ведомо чинят».

Хмельницкий уже в который раз посылает за помощью к крымскому хану, но тот медлит. Наконец, отпуская часть войск со своим визирем, наказывает не спешить ввязываться в драку и, если поляки будут побеждать казаков, спешно отступить назад в Крым.

Желая выиграть время для увеличения вооруженных сил и укрепления тыла, Хмельницкий делает все, чтобы оттянуть новую схватку с шляхтой. Однако польское войско все больше усиливало свои действия, и откладывать выступление было уже невозможно.

6 февраля 1651 года он выступил из Чигирина на Белую Церковь, а оттуда дальше навстречу польско-шляхетскому войску, вторгшемуся на Украину. Выезжал на этот раз из Чигирина хмурый и раздраженным. Какой-то неясной тревогой было наполнено сердце, как обручем сдавила голову боль. Или от огромного напряжения последних дней, или от душевного потрясения, которое пришлось только сейчас пережить.

Все началось с перехваченных его людьми писем Чаплинского к Елене. Тот советовал все сокровища, которые она сможет добыть, и деньги зарыть поспешно в землю, а самого Хмельницкого отравить.

Как раз в это время нужно было выдать деньги татарам за обещанную ими помощь в войне, и Хмельницкий решил пойти сам в казнохранилище. Вести им он поставил часовщика со Львова, которого Елена представила как честнейшего и преданнейшего человека. К своему крайнему удивлению, в казнохранилище Хмельницкий не нашел целого бочонка с червонцами.

К хранилищу имел доступ и Тимош, которого он послал к литовской границе. Может, он взял деньги для

своих нужд? Срочно отрядили к нему гонца. Тот вскоре вернулся с письмом, в котором Тимофей сообщал, что даже не знал о существовании бочонка.

Тогда Богдан приказал произвести дознание, сделать это поручил Тимофею, который должен был срочно вернуться в Чигирин, а сам полный сомнений выехал в Белую Церковь. Он еще не знал, что как раз в это время Елена тайно бежала из Чигирина, почувствовав, что придется держать ответ за свою шпионскую деятельность в пользу Польши. Между прочим, польский король был тут же извещен о том, что ей удалось скрыться из Чигирина.

Тимофей и люди из канцелярии Хмельницкого потратили немало сил, чтобы найти и схватить ее.

А тут еще и хан не спешил с помощью. Под Белую Церковь прибыла только часть обещанных войск. Надо снова посылать к хану просительное письмо и обещать деньги.

В это время пришло известие из Москвы. Царь Алексей Михайлович 19 февраля 1651 года издал указ о созыве Земского собора, на котором велел объявить, что запорожский гетман и казаки «бьют челом под государеву высокую руку в подданство...». Однако собор никаких решений на этот раз не принял. Значит, придется снова считаться с ханским своеволием. В двадцатых числах мая Хмельницкий собирает войсковую раду. Он в сомнении: как поступить, идти дальше на врага или заключить мир?

На раду сошлись казаки, крестьяне, городская голытьба, составлявшие основу войска Хмельницкого. И они единодушно заявили: «Пане гетьман! Бог и войско того хотят, чтобы мы шли на ляхов. Даже если бы от нас орда отступила, мы при тебе готовы погибнуть: или мы все погибнем, или всех ляхов истребим».

В июне 1651 года крестьянско-казацкая армия встретилась около местечка Берестечко на Волыни со

стопятидесятитысячной польской армией. Приведя войско под Берестечко, король разделил его на десять полков. Король оставил за собой командование первым полком, и составе которого была польская и иностранная пехота, надворные гусары и артиллерия. Вместе с вооруженной челядью полк насчитывал около 13 тысяч человек. Во главе других полков стояли коронный гетман Николай Потоцкий, польный гетман Мартин Калиновский, воеводы Шимон Щавинский, Иеремия Вишневецкий, Станислав Потоцкий, Станислав Лянцкоронский, коронный хорунжий Александр Конецпольский, витебский воевода Павел Самега и великий маршалок коронный Ежи Любомирский. Были здесь и Адам Кисель со своим отрядом вооруженной челяди, князь Корецкий и многие другие. Силы были немалые и хорошо вооруженные, готовые по первому зову ринуться в бой.

Значительное войско собрал и Хмельницкий. Отмечая это, немецкий хронист Иоганн Георг Шредер в своей иллюстрированной хронике под названием «Театр Европы» писал: «Пехота генерала Хмельницкого состояла тогда из 16 полков, каждый из которых насчитывал более 3 тысяч казаков. Среди последних было много полковников, на смелость которых и военную доблесть Хмельницкий, как всегда, полностью полагался. Имена этих полковников: 1. Федор Якубович, Чигиринский полковник; 2. Яков Вовченко, черкасский полковник; 3. Семен Савич, каневский полковник; 4. Лукьян Мозыра, корсунский полковник; 5. Михайло Громыка, белоцерковский полковник; 6. Иосиф Глух, уманский полковник; 7. Иван Богун, брацлавский полковник; 8. Иван Федоренко, кальницкий полковник; 9. Антоний Жданович, киевский полковник; 10. Федор Лобода, переяславский полковник; 11. Филон Джеджалий, кропивянский полковник; 12. Тимош Носач, прилукский полковник; 13. Матвей Гладкий,

мирогородский полковник; 14. Мартин Пушкаренко, полтавский полковник; 15. Прокоп Шумейко, нежинский полковник; 10. Мартин Небаба, черниговский полковник. В каждом полку, как сказано раньше, насчитывалось до 3 тысяч душ, а вместе они составляли 48 тысяч пехотинцев^[86]. Тут не были приняты во внимание варварские люди (восставшие крестьяне и ремесленники. — В.З.), которые в большом количестве пребывали в казацкой армии».

В помощь Хмельницкому под Берестечко пришли донские казаки и московские стрельцы. В битве принимали участие из-под Воронежа Никита Забабурой и другие представители русского народа.

Чтобы вызвать панику в тылу врага, Хмельницкий послал в Польшу около двух тысяч человек под командой ротмистра Петра Гжибовского, которым было поручено поднимать крестьян на борьбу, уничтожать шляхетские имения.

Место, где предстояло развернуться битве, представляло собой равнинный четырехугольник, образованный около Берестечко течением реки Стирь с притоками Ситенкой и Пляшевкой. Острова, овраги, болота затрудняли размещение войск, и потому Хмельницкий выслал передовой отряд, чтобы он разведал хорошую позицию.

Старшины, возглавлявшие войско, — Филон Джеджелий, Иван Богун, Матвей Гладкий, Иосиф Глух и другие в один голос настаивали на том, чтобы немедленно ударить по польскому войску всей казацкой армией, не дав шляхте возможности привести в боевую готовность войска. К этому всегда стремился и сам Хмельницкий. Но здесь он проявил нерешительность, надеясь дождаться своего союзника крымского хана Ислам-Гирея III, который обещал вот-вот подойти. Хмельницкий собрал свои войска около села

Колодне, недалеко от Вишневец, но татар все не было. С сожалением отметив про себя, что время для удара из-за хана действительно упущено, Хмельницкий дает приказ армии выступить к Берестечко. И тут 16 июня прибыл хан, недовольный и злой. Его лазутчики сообщили об огромном войске, которое привел польский король, и это известие его очень насторожило. Напрасно Хмельницкий убеждал его, что им не впервые громить шляхту. Ислам-Гирей лишь хмуро и недоверчиво молчал. А потом приказал поставить свою палатку в стороне от войска Хмельницкого.

Из записи рассказа в Посольском приказе посла Богдана Хмельницкого полковника С. Савича. 21 сентября 1651 года: «А гетман Богдан Хмельницкий из-под Зборова пошел же под Берестечко со всем же войском. А после того к гетману к Богдану Хмельницкому подоспел и крымский хан с войском. А по смете было с крымским ханом и с нурадыном^[87] самого доброго конного бойца с 80 000^[88], оприч их детей и чур^[89], которые на добычу ездили, а было тех добытчиков с 100 000.

И как-де король с войском пришел под Берестечко, в тот-де час и окоп себе учинил. А был табор Хмельницкого по смете на 7 верст шириною и длиною; а польский де обоз потому ж был немал...»

Королевские войска сосредоточились над речкою Стырь под Берестечко, крестьянско-казацкие — на западном берегу речки Пляшевки, выше села Солонева. Пятидесятитысячное войско крымского хана стояло отдельным лагерем.

Утро 18 июня 1651 года было сырым и туманным. Хмельницкий в окружении старшины стоял на пригорке и сквозь густой туман, клубившийся над Стырью, пытался рассмотреть, что делается на широкой равнине, где расположил войска противник. Еще

никогда не было у ляхов такого войска, какое пришло под Берестечко. Сейчас оно там, скрытое туманом, готово выступить ему навстречу. Он не боялся его и готов был к бою. Он знал, что такое же настроение было у его сподвижников. Но какая-то затаенная не то горечь, не то досада не утихали. Не выходили из головы ошеломившие его слова посланца-казака: дворецкий сознался в том, что жил с Еленой. Они собирались удрать вместе после того как отравят его, Хмельницкого. С этой целью и припрятали золото. Тимош казнил обоих^[90]. В бешенстве гетман выхватил саблю и чуть не зарубил казака, принесшего известие. С того времени прошел месяц, а боль не утихает. А тут новые огорчения. Верный человек из окружения короля сообщил о переговорах, которые ведет за его спиной с королем Ислам-Гирей. Когда он сказал об этом хану, тот страшно разгневался.

— Ну и что? — закричал он на Хмельницкого по-татарски. — Ты обманул меня! У короля не меньше чем двести тысяч! И войско все хорошее, отборное... А ты мне что писал?

Хан сидел в кольчуге, на которую была надета черная рубашка, поверх которой еще наброшена пурпурная епанча, и, пронизывая Хмельницкого своими острыми глазами, цедил сквозь зубы:

— С таким войском нам не справиться. Нужно уходить, пока не поздно.

Гетман опустил голову и молча слушал хана. И когда тот кончил, ответил:

— Уверяю тебя, что этот поход умножит твое богатство. Я же желаю только того, чтобы свои земли оградить и иметь в них мир, и буду воевать до тех пор, пока этого не достигну. Поляки только сначала стойкие. А как испробуют пицалей да сабель, да увидят твое ханское войско — куда все и денется...

Немного помолчал, а потом вновь продолжил:

— Прошу тебя, не оставляй меня. Я драться буду сам, только опираясь на твою шею. И сражаться буду до тех пор, пока выдержу, а когда уже больше не станет сил, поступай, как знаешь.

С этим он повернулся и вышел из ханского шатра.

А вечером в гетманском шатре собрались на совет. Тускло горели свечи, вырывая из темноты хмурые лица старшины. В основном говорил гетман. Он сообщил полковникам новые сведения о противнике, его расположении, указал где кому стоять завтра.

— Бой начнется крепкий, и начнем мы, если поляки нас не опередят.

Все молчали. Хмельницкий чувствовал, что они живут уже завтрашним боем, и решил их больше не томить, отпустить к своим полкам.

19 июня долину снова покрыл густой тяжелый туман. Под его прикрытием Хмельницкий перевел свои войска через переправу и приблизился к королевскому лагерю. Не успели поляки подготовиться к отпору, как на них лавиной обрушилась казацкая масса, за которой с гиком и свистом неслись небольшой отряд татар.

И началась жестокая сеча, Хмельницкий еле сдерживал себя, чтобы не ринуться в эту кровавую бойню. И когда поляки ввели конницу и при поддержке пехоты попытались на флангах окружить казаков, он не выдержал и поскакал на один из флангов. Вместе с казаками он набросился из засады на левое крыло конницы. В одно мгновение она была отрезана от войска и разбита. Бои не прекращались в этот день до четырех часов. И не было, казалось, ни одного человека ни с той, ни с другой стороны, который бы не принимал в них участия. Только хан, выслав небольшие отряды, с остальным войском стоял на далеком пригорке, ожидая, на чьей стороне окажется перевес. Но к вечеру бой утих, так и не выявив победителя.

Из записи рассказа в Посольском приказе посла Богдана Хмельницкого, полковника С. Савича, 21 сентября 1651 года: «А на другой день в четверг бой был рано... Польские люди, многие полки, жолнеры, копейники, рейтары, и пехота, и всякой зброной люд вышли на бой... А они-де, черкасы, шли к ним встречно на бой, многие люди бойцы... А крымский хан в то время стоял с войском своим на горе, только смотрел и на бой не ходил...»

В этот день неприятель понес значительные потери. Вместе со своими хоругвями погибли люблинский староста Оссолинский, галицкий каштелян Казановский, ротмистр Иордан, князь Козыка и многие другие, а будущий польский король Ян Собеский, проявив огромную смелость и воинскую сноровку, сумел пробиться через татарское окружение. Казаков же «господь милостью своею хранил, мало побито было».

Это не могло не радовать Хмельницкого. Но проезжая казацкими рядами, он видел, что мало кто вернулся с поля боя без ран. Глубокой болью отозвалась весть о гибели его старого боевого товарища, который первый подал ему руку помощи еще тогда, в самом начале восстания, перекопского мурзы Тугай-бея. Он единственный хранил верность Хмельницкому и в походах всегда отстаивал его перед ханом.

— Эх, хане, хане, снова показал свое нутро сегодня. Ведь если бы не стоял в стороне да ударили вместе единою силою, может быть, еще сегодня ляхам пришел бы конец.

Поведение хана встревожило и старшину. Что ожидать от него завтра?

Хмельницкий тяжело повернулся в седле, в котором пробыл целый день, и, увидев приближающихся к нему Богуна и Джеджелия, сказал им:

— Поеду к хану, пусть скажет, что замышляет и зачем так ведет себя. А вы готовьте войска.

Из записи рассказа в Посольском приказе посла Богдана Хмельницкого, полковника С. Савича о сражении под Берестечком 21 сентября 1651 г.:

«И после бою поехал гетман Богдан Хмельницкий к хану и учал хану говорити: наияснейший-де хане, что твоя за правда — стоишь с людьми, а помочи никакой не чинишь.

И хан гетману Богдану Хмельницкому говорил: для чего ты, пане гетмане, табором ставился близко табору польских людей, у нас ныне боярам битися немочно. А се татаров многие пошли по загонам, а иные по дорогам литовских людей и купцов перенимают и добычу себе чинят.

И гетман Богдан Хмельницкий хану говорил: наияснейший хане, только ты стой и войско свое в строитве держи, хотя и на бой не ходи, я уж, надежду имея на господу, стану своим войском сее ночи промышлять над табором польским.

И хан, уверяя и руки подав, с Хмельницким разъехалися...»

20 июня началась решающая битва. Король бросил в бой все свои силы. После разговора с ханом Хмельницкий с еще большей тщательностью готовил свои войска. Целую ночь вместе со старшиной расставлял полки, усиливал укрепления, с Джеджелием и Богуном следил, как вязали казаки знаменитого казацкого «вужака» — движущуюся крепость из возов, связанных цепями.

Июньская ночь коротка. И не успели погрузиться в сон, как настало утро. Оно было по-прежнему туманным. В густой белой мгле, покрывшей все поле, незримо застыли враждующие войска, ожидая просвета. Но когда он наконец наступил, полки не двинулись с места. Так в простояли за полдень, настороженно и оценивающе оглядывая друг друга.

Еще ночью Хмельницкий решил со старшиной, что будут ждать и вопреки своему правилу первыми боя не начнут. И когда он сейчас смотрел на железную боевую линию королевских солдат, на их грозно сомкнутые ряды, а потом на свое казацкое войско, готовое биться до конца, но уже истощенное и походами, и вчерашней битвой, и голодом, то подумал, что поступил правильно, решив выждать нападения польских войск, когда они разомкнут свои ряды и станет возможным просочиться в их строй.

Когда-то его старый товарищ французский инженер и воин Боплан сказал: «Сотня казаков под прикрытием лагеря не побоится боя ни с тысячью польских войск, ни даже с еще большим количеством войска татарского». Вспомнив эти слова, Хмельницкий удовлетворенно улыбнулся, и к нему снова возвратилась уверенность в своих силах. Да, воевать казаки умеют. К тому же под Берестечко у него более ста пушек направили свои жерла на шляхетские полки. Немало и другого огнестрельного оружия. Это сила, хотя часть казаков и вооружена луками.

Он повернулся к Джеджелию и Богуну, стоящим рядом, чтобы поделиться с ними своей мыслью, но в это время на левое крыло казацкого войска стальной лавиной двинулись польские войска. На недостроенный казацкий лагерь летела во главе с Вишневецким конница, а за ней шли полки сандомирского, ленчицкого, краковского и серадского «посполитого рушения».

Хмельницкий напрягся в ожидании. Польская конница врезалась в лагерь и прорвалась в него. Могло произойти непоправимое. Хмельницкий не выдержал и бросился к казакам, поднимая их в наступление. На белом аргамеке, в пурпурной мантии, отороченной горностаем, перепоясанный мечом, с булавой в руке, он был величествен и грозен. И казаки с воинственным

кличем ринулись за ним в бой. Ряды польского войска смешались и начали в панике отступать, оставляя на поле боя груды трупов в изуродованных панцирях, с обнаженными саблями и с ружьями в мертвых руках. Казаки захватили штандарт Вишневецкого, лагерь был очищен и снова стал спешно укрепляться.

Когда атака была сбита, Хмельницкий облегченно вздохнул: «Начало неплохое». И тут новая мысль встревожила его душу: «Только бы не пошли на татар, которые сошлись около ханского шатра».

Хан в этот день дважды посылал свои войска в атаку. И когда королевские полки поднимались против них, спешно их отводил. Он стоял около шатра с белым ханским флагом, на горе, и ему хорошо была видна вся картина боя и все королевское войско. Дав приказ во второй раз отвести войска, хан спешно направил к королю одного из своих мурз сказать, что он пришел не для войны, а для заключения мира с казаками и Речью Посполитой, и если казаки не согласятся, он принудит их к этому и отдаст Хмельницкого в руки короля. Ян Казимир ответил, что не верит его словам и сам справится с восставшими. Такой ответ насторожил хана.

День начал клониться к вечеру. В польском войске чувствовалось какое-то напряженное движение. Хмельницкий чутко всматривался вдаль, пытаясь разгадать, что готовит против него неприятель. С запада подул ветер. Он пригнал темное облако, которое закрыло солнце и разразилось ливневым дождем. И в это время со стороны королевских войск заиграли боевые трубы. Ударили десятки орудий, и на татар двинулось кварцаное войско.

— Чего боялся, то и случилось, — тоскливо подумал Хмельницкий, ожидая наихудшего.

Он хотел направить на подмогу Ислам-Гирею казаков, но татары, издав тысячеголосый вопль, вдруг

пустились наутек, побросав снаряжение, шатры, и даже серебряный барабан, которым сзывали на битву.

Это было так неожиданно, что в первую минуту ошеломило всех участников битвы, даже наступающих поляков. Но потом королевское войско, поддержанное артиллерией, двинулось дальше. Вот оно уже заняло территорию татар, взяло добычу и начало отступать в свой лагерь.

Хмельницкий с минуту сидел в оцепенении, потом кликнул к себе Джеджелия и, передав ему войско, бросился за татарами. За ним поскакал Выговский и телохранители.

Догнали хана через несколько миль.

Хмельницкий, с трудом сдерживаясь, как только вошел в ханский шатер, где на подушке сидел в окружении мурз Ислам-Гирей, глухо проговорил по-татарски:

— Недобро ты делаешь, хане. На чем ты, крымский царь, по своей вере мне, гетману, и всему Войску Запорожскому присягнул, во всем солгал для своей корысти. И за то тебя, крымского царя, бог покарает, и Войско Запорожское за то мстить будет.

Хан словно не слышал Хмельницкого. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Только из-под прищуренных век сверкали злостью щелочки глаз, все видящих и запоминающих. Шея его была завязана платком. Шляхетская стрела зацепила щеку около уха, и он теперь чувствовал себя раненым героем. Когда Хмельницкий закончил, он словно нехотя проговорил:

— Не дело говоришь, гетман. На чем я тебе присягнул, то выполняю. Когда бы я присяги не помнил и хотел солгать, я бы ныне из Крыму со всеми людьми на помощь к тебе, гетману, и Запорожскому Войску не ходил.

Хан перевел дыхание, разгладил невидимые складки на платке, прикрывавшем шею, и уже громче, с

угрозой в голосе продолжил:

— А вот ты, гетман, на чем присягал, того не держишь. Это ты изменник. По тебе поляки не стреляли, а по мне стреляли. Ведомо, что хочешь ты на мое королевство венгерского владетеля, а меня побить. Но того не будет!

Хмельницкий пытался разуверить Ислам-Гирея, просил не оставлять его и помочь в войне с королем. Но тот не стал дальше слушать. Он хлопнул в ладоши, и за спиной Хмельницкого тотчас появились ханские воины. Они скрутили ему руки и потащили из шатра. В ту же минуту табор снялся с места и спешно двинулся по Черному шляху в Крым, грабя и уничтожая все на своем пути. А Хмельницкого приковали к лошади и везли как пленника.

Из отписок путивльских воевод С. Прозоровского и И. Чемоданова, а также севских воевод Т. Щербатова и В. Апраксина в Разрядный приказ, июль 1651 года: «А крымский-де царь в тех боях стоял особо, черкасам не помогал и отступил прочь, потому что польский король крымского царя скупил и велел черкасские украинные города, которые по сю сторону Днепра, воевать. И гетман Хмельницкий из таборов пошел крымского царя уговаривать, чтоб ему, гетману, помог. И крымский царь гетману отказал, помочи на поляков не дал... И царь крымский на гетмана Хмельницкого и на казаков осердился: вы-де с венгерским князем сообща надо мною. И велел гетмана Богдана Хмельницкого оковать и держал его, оковав, 4 дни».

Из письма шляхтича Бжостовского из польского лагеря 7 июля 1651 года: «Вот верное сообщение одной шляхтянки, отпущенной ханом из-под Константинова, которае она вчера во всеуслышание рассказала перед королем. Будучи несколько дней при хане, видела плененного Хмельницкого и несколько знатных казаков. Хмельницкий был в красном бархатном жупане. Хан

велел связать его за ноги под коня, когда сядет на коня, а когда сойдет — руки назад и одну ногу к рукам. Слышала, как он, хан, ему говорил: «Пошлю тебя к королю и выкуплю своих: есть несколько мурз в плену и царевич».

Хан не отправил Хмельницкого к королю, но потребовал огромный выкуп — восемьсот тысяч талеров. Лишь когда из Чигирина спешно привезли бочонок с деньгами, он отпустил гетмана. Хмельницкий позже говорил назаретскому митрополиту Гавриилу, что «над ним, гетманом, крымский царь большое дурно учинил, и на чем присягал, во всем предал, и его, гетмана, взяв от казацкого обозу, отвез в дальние места и к войску не отпустил неведомо для чего, и держал у себя с неделю».

Вырвавшись из плена, Хмельницкий сразу же бросился к войску. Мучил вопрос: что сказать казакам, как оправдать поражение?

Подъехали Богун и другие полковники. Молча поздоровались. Заметив, как Богдан виновато отвел глаза, Богун глухо проговорил:

— Не казись, батьку. Не бери вину один на свою душу. Бились славно. И если бы не ханская измена, королю и его войску быть бы и на этот раз крепко битыми.

В словах Богуну была доля правды. Но утешала она очень слабо. Не предусмотрел, не сделал все возможное...

Без него казацкое войско очутилось в положении, которого не пожелаешь и врагу. После предательства татар крестьянско-казацкое войско, оставленное без полководца, было с трех сторон окружено польско-шляхетской армией. С четвертой стороны лагеря находилось топкое болото, которое хотя и защищало, но и не давало возможности в случае необходимости отступить. Войско голодало, не было хлеба. Не хватало

боеприпасов и пороха. 28 июня наказным гетманом был избран Филон Джеджелий, против его воли.

Несмотря на тяжелое положение, осажденные мужественно отбивали атаки врага и даже контратаковали, нанося врагу немалые потери. Руководили обороной лагеря Джеджелий, Гладкий, Богун и другие полковники. Так как другого выхода не было, старшина начала переговоры с польско-шляхетским командованием о прекращении военных действий. Но король и польская шляхта потребовали выдачи Хмельницкого и казацкой верхушки, ликвидации всех завоеваний украинского народа, закрепленных Зборовским договором 1649 года. Казаки не пошли на это и решили с боем прорываться через вражеское окружение. На состояние войска плохо повлияло предательство участника переговоров полковника Крысы, который перешел на сторону шляхты.

Через два дня после избрания Джеджелия казаки избрали новым наказным гетманом Ивана Богуна, который и руководил выходом крестьянско-казацких полков из окружения.

В ночь на 30 июня 1651 года казаки по указанию Богуна соорудили через непроходимое болото и речку Пляшевку три переправы. В ход пошли повозки, седла, тулупы, провиантские бочки, все, что можно было использовать.

Через эти переправы и начали отходить войска, по пятам преследуемые врагом. Много казаков полегло в неравной борьбе, проявив невиданную смелость, о которой потом слагались песни и легенды.

Небольшой казацкий отряд в 300 человек прикрывал отход войска. Он засел на одном из островков, и ведя отчаянную борьбу, сковывал значительные силы неприятеля. В ответ на обещание Николая Потоцкого подарить им жизнь, если прекратят

сопротивление, казаки в знак пренебрежения к жизни и богатству на глазах у шляхты выбросили в воду из своих кошельков деньги и продолжали сражаться. В неравной схватке они были разбиты, но и поодиночке боролись среди болот, пока все не погибли. Это их подвиг увековечил в своем стихотворении «За байраком байрак» Т. Г. Шевченко:

Нас тут триста, як скло,
Товариства лягло!
І земля не приймає.

Подобно этим героям, смертью храбрых полегли и другие казацкие воины, но врагу не сдались. Среди них были белорусы, поляки и русские.

Из «Истории войны казаков против Польши» Пьера Шевалье: «Остался один, который боролся на протяжении трех часов против целого польского войска; он нашел на болотном озерце лодку и, прикрываясь ее бортом, выдержал пальбу поляков против него; израсходовав весь свой порох, он потом взял свою косу, которой отбивался от всех, кто хотел его схватить... и казак, хотя и пробитый четырнадцать пулями, встретил их с еще большим упорством, что очень удивило польское войско и даже его королевское величество, в присутствии которого заканчивался этот бой. Восхищенный храбростью этого человека, король приказал крикнуть, что дарит ему жизнь, если он сдастся; на это последний гордо ответил, что он уже не заботится о том, чтобы жить, но хочет лишь умереть, как истинный воин...»

— Умрем за волю и веру! — давали клятву казаки, которым пришлось вести борьбу на Киевщине. Сюда прорвалось литовско-шляхетское войско со стороны Белоруссии. Ему противостоял небольшой отряд во

главе с черниговским полковником Небабой. Смяв его в жестоком бою, вражеские войска 25 июня захватили Киев и подвергли город грабежу и опустошению. Небаба, однако, не сдался врагу, а продолжал бороться. 26 июня под селом Репки снова вступил в бой с войском Яна Радзивилла. Отряд Небабы был полностью разгромлен. Сам же он, когда под ним убило лошадь, сражался с врагом пешим. Тяжело раненный в правую руку, он отбивался левой, пока не упал, изрубленный саблями.

...С тяжелым сердцем слушал обо всем этом Хмельницкий, но в душе его не было страха и уныния. Наоборот, он с еще большим рвением и энергией взялся за оборону Украины.

Может, потому он и согласился подписать 18 сентября 1651 года унижительный Белоцерковский договор, который навязала ему шляхта. Знал — быть ему непрочным и недолговечным.

Переговоры о заключении мира начались в первых числах сентября в условиях непрекращающихся военных действий и продолжались две недели. Согласно договору количество реестровых казаков было сокращено до 20 тысяч. Реестровцы могли жить только на территории Киевского воеводства. Шляхта получила право возвратиться на Украину в свои имения. На Украине размещались польские войска. Гетман Запорожского Войска должен был подчиняться в военном отношении польскому коронному гетману, не имел права вести дипломатические сношения с другими государствами и должен был расторгнуть соглашение с ханом.

Вынужденный в силу обстоятельств подписать Белоцерковский договор, Хмельницкий ни на один день не переставал думать о том, как вырваться из его кабалы, и мысли его были обращены к России. Вот свидетельство сына боярского Ивана Юденкова о

разговоре с Хмельницким на второй день после заключения мира: «Хотя-де они с поляками и помирились, только они полякам не верят. А будет-де государь пожалует, велит принять их под свою высокую руку в подданство, и они ему, государю, тотчас крест поцелуют и служить ему, государю, рады».

Батогская победа

В конце апреля 1652 года Богдан Хмельницкий созвал в Чигирин старшин казацкого войска на тайную раду. Причин для этого было много.

С того времени, когда он узнал о поражении казацких войск под Берестечком, в него словно влились новые силы. Все думали, что он упадет духом, растеряется, сдастся. А он был энергичен, словно только начинал восстание. Собирал народ, готовил армию, рассылал один за другим универсалы. «Всем, а особенно полковникам, есаулам, сотникам и всем молодцам Запорожского войска и полякам, которые побратимство с нами держат, сообщаю, — писал Хмельницкий в одном из универсалов. — Беря во внимание большие притеснения и обиды, которые как и раньше совершали, так и теперь снова совершают ляхи, которые... презренно, безвинно мучают, истязают и уничтожают, заставляют работать на себя не только в обычные дни, но и в божьи, чего наша вера не может терпеть и не позволяет...

Поэтому призываю, чтобы не только каждый воин был готов, но чтобы и гражданский человек имел все готовое, что должен иметь для войны, особенно едой хорошо был обеспечен... А когда... мои письма будут оповещены и каждому известны, чтобы на второй же день после получения известия о моих письмах не забыли к обозу, на назначенное место выйти и выступить в поход. Но без моего приказа пусть никто не смеет выступить, чтобы этим не дать ляхам повода к войне, хотя они ее очень ищут, и мира, хотя и обещали, дать не хотят...»

Он усиливает свои связи с русским правительством. В январе 1652 года отправляет в Москву посольство во

главе с Иваном Искрой, который передал царю просьбу Хмельницкого в случае войны с Польшей и поражения разрешить ему с войском переселиться в пределы России.

«Будет гетману, — говорил Искра на приеме у царя, — и всему Войску Запорожскому от поляков учнет быть какое притеснение большое, им, опричь царского величества милости, деться некуда. И в то б время царское величество пожаловал, велел их принять в свою царского величества страну с порубежными их городами, которые близко к путивльскому рубежу».

И царь ответил, что если такое случится, чтобы «они шли в царского величества сторону. В Московском государстве земли великие и пространные и изобильные — поселиться им есть где».

Как и в прежние времена, не все были довольны Хмельницким. Особенные нарекания вызывал и Белоцерковский договор, и связанные с ним события — приход на Украину польского войска и сокращение казацкого реестра.

Изгнанная с Украины шляхта, возвратившись по Белоцерковскому договору в свои имения, снова начала угнетать местное население. Казачество, крестьяне, городское население активно выступили против нее. В октябре 1651 года вспыхнуло восстание на Приднепровье. Оно охватило Черниговщину, Поднялись крестьяне Полтавщины. Недовольные новым реестром казаки Белоцерковского полка убили полковника Громыку. А в феврале 1652 года миргородский полковник Матвей Гладкий объявил себя гетманом и обратился к казакам-выписчикам с призывом идти под его рукою войной на ляхов. Часть казаков провозгласила гетманом полтавского полковника Мартына Пушкаря.

В этой сложной обстановке Хмельницкий и решил созвать старшинскую раду. Старшины, словно

сговорившись между собой, прибыли к Чигиринскому двору гетмана в одно и то же время. Встречал их гетман на крыльце вместе со своей новой женой, на которой женился в июле 1651 года. Это была вдова Ганна, которую по имени первого мужа, погибшего в бою полковника, называли Ничипоривна, родная сестра казацких сотников Ивана и Василия Золотаренко. Была она женщиной серьезной и почтенной. Ганна сразу же завела в гетманском дворе надлежащий порядок, которому вынужден был подчиниться и гетман. Он с уважением относился к ее советам, особенно когда увидел, что она поддерживает и разделяет его планы относительно Москвы. Эти убеждения она передала и своим братьям, будущим полковникам — корсунскому и нежинскому.

В Чигирине каждый, кто подходил к Хмельницкому и его Ганне, чтобы поздороваться, думал: наконец у гетмана достойная жена, да и для казачества мать и сестра. И чувствовал себя свободней и уверенней. Знал, что она с ними, своя, ей можно довериться во всем. И это уважительное отношение старшины к Ганне передалось и Хмельницкому и породило в нем спокойствие и уверенность в том, что все теперь будет хорошо, все задуманное исполнится.

Приняв гостей и рассадив их за заставленным снедью столом, Ганна хотела было уйти к себе, но поднялся полковник Джеджелий и от имени общества попросил ее остаться и украсить собрание. Богдан, удовлетворенно улыбнувшись, показал ей место рядом с собой. Казалось, даже всегда суровый и едкий Тимош стал сегодня другим, словно сбросил с себя всегдашнюю настороженность и подозрительность. Он смотрел на отца и на Ганну, и глаза его светились радостью и теплотой, от которых окружающие давно отвыкли.

Отобедав, перешли в светлицу, где и состоялся совет. После недолгих разговоров, порешили избрать комиссию, которая и скажет свое слово в отношении восставших полковников. Вскоре комиссия, которая проводила свою работу в Корсуне, вынесла свое решение: изловить и казнить Хмелецкого, Мозыру, Гладкого, войскового судью Гуляницкого и других.

Из Варшавы пришло известие, что сейм, который открылся 26 января 1652 года, Белоцерковский договор утвердить отказался, объясняя это тем, что-де польские комиссары превысили свои полномочия, составляя пункты договора. Казацкое посольство, которое возглавлял полковник Герасим Яцкевич, прибыло в Варшаву 26 февраля 1652 года. Почти одновременно с ними в столицу Речи Посполитой приехали послы из Москвы Афанасий Прончищев и Алмаз Иванов для переговоров, касавшихся Украины.

Сразу же по приезде русские послы хотели встретиться с казацким посольством. Но сделать это было по так просто, поскольку и те и другие оказались в изоляции. Лишь 6 марта подьячему Василию Старого все же удалось проникнуть к казацким послам.

Из статейного списка русских послов А. Прончищева и А. Иванова в Варшаву о переговорах с представителями польского правительства. Январь — февраль 1652 г.: «И того ж дня подьячий Василей Старого, пришед к посланникам (к Прончищеву и Иванову. — В.З.), сказывал, что он на тот двор, где он, будучи в Варшаве в гонцах, стоял, ходил и его, Василя, на тот двор запорожским посланцам солдаты, которые у них приставлены, не пустили. И он сказал, что идет того двора к дворнику, для того, как-де он был в гонцах и стоял на том дворе, и у того дворника забыл своей рухляди. И дал он, Василей, солдатам, чтоб его на двор пустили, ефимок. И солдаты его на двор пустили. И на том дворе с запорожскими посланцами виделся и имен

их спрашивал. И те запорожские посланцы ему сказались, что их послано от Хмельницкого из Чигирина 6 человек, а имена их: Герасим Яцкевич — был ныне под Берестечко в Войске Запорожском полковником, Звяглы Семен Ненартович — сотник черкасской, Михайло Табуренко с Корсуня, Василий с Каиева, Хоменко Федор, писарь посольский, Андрей Лисичииский з Волыни, а ныне живет в Богуславе.

А посланы они в Варшаву на сейм от гетмана от Богдана Хмельницкого из Чигирина.

А наказано было им от гетмана о том, чтоб король и сенаторы на сейме подкрепили нынешний последний гетманов коронных с ним, Богданом Хмельницким, и со всем Войском Запорожским под Белою Церковью договор. И чтоб тот договор с сейму велели доложить в конституцию и, конституцию напечатав, им, посланцам, дали... Только-де им, посланцам, в Варшаве в том учинено бесчестье, что на их дворе, где они поставлены, в верхних и нижних светлицах поставлены гетмана Радзивилла люди, а они забиты будто в тюрьму назади, в нижнюю и самую худую избенку, где они все сами и с рухлядью своею стоят и великою нужею. Да за ними же приказано втай смотреть, чтоб никто к ним не приходил и ни о чем не разговаривал. А о государевых людях приказано именно, чтоб от государевых посланников никакого человека до них не допускали...»

Русские послы решили договориться с запорожцами действовать сообща. Старого попросил казаков дать ему скопировать ответ короля Богдану Хмельницкому, чтобы русские послы знали, как отстаивать перед королем «украинские дела». Но на следующий день он не нашел казацкое посольство на прежнем месте. Как только польским властям стало известно о встрече запорожцев со Старого, их сразу же выслали из Варшавы.

Возвратившись в Чигирин, послы рассказали Хмельницкому о притеснениях в Варшаве, о том, что им вообще запретили говорить на сейме о Белоцерковском мире, который будто бы был «учинен» без согласия сейма. Отказ сейма утвердить Белоцерковский договор грозил новыми наступлениями королевско-шляхетских войск против Украины. Было ясно, что в новую войну король Ян-Казимир попытается вовлечь молдавского господаря Василе Лупу, которому обещал свою дружбу и помощь. Что же касается Лупу, то, обрадованный поражением казаков под Берестечко, он сделает все, чтобы избавиться от обязательств перед Хмельницким, и выступит против Украины по первому требованию короля.

Необходимо было разрушить эту связь, покончить с лицемерием Лупу и заставить его выполнять союзнические обязательства. Укреплению влияния Хмельницкого в Молдавии способствовала бы и женитьба его сына Тимофея на дочери Лупу княжне Роксанде. Хотя Лупу и дал на это согласие, но выполнять его не спешил.

Весной 1652 года Хмельницкий спешно собирает двадцатитысячный отряд казаков и отправляет его под предводительством Тимофея в Молдавию. А сам во главе Чигиринского, Черкасского, Переяславского и Корсунского полков да пяти тысяч крымцев двинулся к Ладыжину. Четырнадцать тысяч ногайцев под началом Карач-мурзы по просьбе Хмельницкого пошли на Брацлавщину.

Хмельницкий рассчитал все. И то, что на Брацлавщине собралось польское войско, которым, после смерти Вишневецкого и Потоцкого, руководил польный гетман Мартын Калиновский, неплохой вояка, но во многом уступающий своим предшественникам, и то, что Лупу обязательно попросит у ляхов помощи и те не откажут ему.

И действительно, как только Лупу узнал о выступлении на Молдавию Хмельницкого, он тут же послал письма Калиновскому и самому королю. В письме королю он писал: «Ради верности моей Речи Посполитой, ради моего владетельного достоинства, ради обета, данного поляками, умоляю, чтоб Калиновский не допустил свободно пройти в Молдавию казакам и татарам, их союзникам. Предстоит удобный случай уничтожить их, беспечных, не помышляющих о нападении...»

Но кто был более беспечен, показало будущее.

Король ответил Лупу, что тот напрасно беспокоится, ему хорошо известны намерения Хмельницкого, который на Молдавию не пойдет, а хочет только запугать его, чтобы он согласился отдать дочь за Тимофея. Гетман же Калиновский, о котором в Польше говорили, что он сам искал руки молдавской княжны, с двадцатитысячной отборной армией решил напасть на отряд Тимофея и разгромить его. Именно на это и рассчитывал Хмельницкий, ему было важно, чтобы Калиновский оторвался от своих главных сил. Чтобы подзадорить самолюбивого гетмана, Богдан даже написал ему письмо. С издевкой Хмельницкий сообщал, что не хочет таиться перед гетманом, что его сын «дерзкий Тимофей, собрав несколько тысяч войска, пошел на Молдавию, чтобы принудить к женитьбе дочь господаря. Остерегаю вашу милость, чтобы отошел с войском с молдавской границы и отступил в глубину к польским границам: чтобы сын мой по своей молодости и большой запальчивости не захотел на вашей голове испытать свою военную фортуна».

Это было уже слишком.

— Хмельницкий боится нас, — кричал Калиновский своим военачальникам. — Сын его идет с немногочисленным войском. Именно теперь выпал

случай нанести удар врагу отечества. Приказываю всем готовиться к битве, устраивать лагерь.

Хмельницкий нарочно отметил в письме, что писано оно в Чигирине. Уверенный, что Тимош остался без отцовской поддержки, Калиновский расположил войска в своих владениях на равнине на Южном Буге под Батогом. В помощь ему король направил шляхетские войска. Разгром отряда Тимоша должен был поднять боевой дух польской армии и послужить началом ее наступления на народное войско. «Должно было быть то какое-то романтическое дело, — писал польский историк Кубаля, — на которое вся рыцарская молодежь шла с кличем: защитить красавицу княжну и не допустить, чтобы свояченица Потоцких, Вишневецких, Калиновских досталась в руки дикого и неотесанного казака».

Узнав, что к Калиновскому идет подкрепление, Хмельницкий быстрым маршем двинулся навстречу врагу, чтобы предупредить соединение частей. 22 мая 1652 года казацкие полки под командованием Хмельницкого внезапно атаковали вражескую армию. Польское командование вынуждено было принять бой, не успев хорошо укрепить лагерь. Столкновение было недолгим. Наступил вечер, и войска вернулись на старые позиции.

Под покровом ночи казацкое войско окружило польский лагерь. Среди жолнеров началась паника. Часть из них решила самовольно покинуть лагерь. Но наемная немецкая пехота по приказу Калиновского стала стрелять по уходившим. Воспользовавшись этим, запорожцы подожгли вражеский обоз. Тем временем к казацкому войску подошли основные силы Хмельницкого.

Утром 23 мая Хмельницкий рассматривал окруженного врага. Опытным взглядом полководца он по отдельным признакам растерянности,

неупорядоченности войска и лагеря уже видел его поражение. За ним стояли его полки и лишь ждали знака, чтобы ринуться в бой. И остановить их в этом святом деле не сможет ничто. Подождав еще немного, он подал знак, и джура подвел к нему коня. Хмельницкий взял поводья и одним махом оказался в седле. Конь, словно кто-то ударил его кнутом, содрогнулся и рванулся вперед. Линия обороны была прорвана. Вместе с казаками в лагерь ворвались татары, и началась резня, в которой не было спасения никому. Жестокая и кровавая битва продолжалась до самой ночи.

В этот день огромное польское войско было уничтожено полностью. Погибли гетман Калиновский, последний из тех, кто начал с Хмельницким войну под Корсунем, его сын и другие командиры из знатных шляхетских родов. Это был разгром, какого польское войско не испытывало за всю свою историю.

Узнав о судьбе армии Калиновского, спешившие к нему на помощь шляхетские отряды, в которых была и «рыцарская молодежь», кричавшая, что уничтожит «быдло» и не допустит выдачи молдавской княжны за «неотесанного мужлана», сейчас посчитала «ниже своего достоинства» связываться с «мужицким быдлом» и начала поспешно отходить на запад. Когда же ляхам донесли, что за ними гонятся повстанцы, их стремление «не связываться с быдлом» усилилось настолько, что они просто бежали от казацкого войска, объятые страхом.

Из письма участника Батогской битвы Николая Длужевского коронному канцлеру князю Лещинскому. 22-23 мая 1652 г.: «На второй день 23 мая, близ полудня, нас атаковал сам Хмельницкий с такими большими силами, что мы не смогли продержаться и одного часа. Нас, окруженных со всех сторон, орда рубала саблями, а казаки так навалились на лагерь, что

наше войско было буквально с лица земли стерто. Гетман (Калиновский. — В.З.) сразу же спрятался в редутах, которые были заняты иностранными полками. Но и там нельзя было долго держаться... Казаки и татары легко проникли в лагерь и брали в плен кого хотели и где хотели. Из всего нашего полка бог спас только меня и еще одного воина: нам чудом удалось переплыть реку».

Батогская битва вошла в историю как выдающаяся победа под руководством Богдана Хмельницкого, которая еще раз показала его полководческое искусство, стала образцом военной тактики. Современники сравнивали ее с победой карфагенского полководца Ганнибала при Каннах (216 г. до н. э.).

После батогской победы начался новый подъем освободительной войны на Украине. Повстанческое движение охватило все Поднепровье. Киевский воевода Адам Кисель, а за ним и другие шляхтичи, вернувшиеся после Белоцерковского договора на Украину, вынуждены были бежать. Сам договор потерял силу. От польских войск были освобождены Волынь до города Дубно, Брацлавщина и часть Подолии.

Украинское войско вступило в Молдавию. Молдаване дружелюбно встречали своих украинских побратимов.

Чтобы уладить дело миром, Хмельницкий снова отправляет к молдавскому правителю Василе Лупу своего посла — грека Илью Мануйлова, который выполнял не одно поручение гетмана. Хмельницкий наказывает напомнить господарю еще раз, «чтобы он, Васил, по прежнему своему договору дочь за его, Богданова, сына, за Тимошку выдал». Он был полон решимости наказать Лупу за его двоедушие.

Угрожающее письмо Хмельницкого поначалу не очень встревожило Лупу. Он еще надеялся на помощь султана и паши, но те лишь отписали, чтобы стоял на своем и дочь не выдавал. Однако молдавские бояре

оценили положение трезво и уговорили Лупу выдать дочь за Хмельниченко, «чтоб не было смуты с казаками». Для подкрепления своего согласия Лупу посылает амантами^[91] к Хмельницкому племянника Ивана Гаврилова, пожескала^[92] Ивана Лупашку и Григория Вороника^[93]. Свадьбу назначили на 21 июля.

Из отписки белгородского воеводы Андрея Бутурлина в Разрядный приказ, 16 августа 1652 г.: «А казачий-де, государь, гетман Богдан Хмельницкий в Чигирине, а сына своего отпустил в Молдавскую землю к молдавскому владетелю Василию жениться на дочери его, а с ним-де послал казаков со всего войска с десятка по человеку. Да с ним же послал 10 000 татар для опасения от Радзивилла, чтоб Радзивилл на проходе сына его не побил. Да он же, Хмельницкий, поставил на Днепре, выше Киева, полк казаков, а достольным казакам велел всем быть готовым, для того, как Радзивилл пойдет на сына его...»

Обеспечив таким образом безопасность задуманного дела, Хмельницкий отправил Тимофея вместе с Выговским и Тетерею в Молдавию, а сам с Ганной взялся за благоустройство Субботова, где была назначена резиденция новобрачных. Был спешно расширен и приукрашен дом. Он был обнесен двойным валом.

Наконец в один из сентябрьских дней в Чигирин прискакал казацкий гонец от Виговского и сообщил о торжественной встрече, которую устроил молдавский господарь Лупу сыну Хмельницкого, о состоявшемся там богатом и пышном сговоре и свадьбе и о том, что новобрачные направляются в Чигирин.

И батогская победа, и женитьба сына Хмельницкого за молдавской княжне сыграли немаловажную роль в дальнейшей борьбе украинского народа за свое будущее. Польша утратила довольно сильного

союзника. Ее возможности захватить Украину и не допустить ее воссоединения с Россией значительно уменьшились.

Теперь русское правительство, думал Хмельницкий, должно бы увидеть, насколько ослаблена нами Польша, какая мощь таится в украинском народе. Теперь, возможно, оно не будет больше тянуть с подготовкой войны против Польши. А он, Хмельницкий, станет настойчивее добиваться воссоединения Украины с Россией.

Решение Земского собора

Несмотря на успехи, достигнутые украинским народом в освободительной борьбе, положение Украины оставалось очень тяжелым. Долголетняя война вконец разорила ее. Неурожаи, саранча, уничтожавшая из года в год посевы, вызывали голод, эпидемии, от которых умирали тысячи людей. А тут еще Украину постигло моровое поветрие. И снова смерти, которым, казалось, не будет конца.

Из летописи Самовидца: «В том же году очень большие приморки были в Корсуне и других городах в тех поветах, также и на Заднепре в Переяславле и в пригородах его, в Носовке, Прилуках, опроч Нежина, — много вымерло людей, аж пустые остались дворы».

Польский король объявил новое «посполитое рушение». Стремясь обезопасить себя, Ян-Казимир посылает в июне 1653 года своего посла Андрея Марштына к трансильванскому князю Георгию Ракоци с предложением военного союза. При этом он стремился запугать Ракоци нарастающим могуществом Хмельницкого, якобы мечтающего захватить Трансильванию. Пойти на союз с Польшей против Хмельницкого князь должен был убедить и турецкого султана. «К тому же, — наставлял король своего посла в инструкции, — туркам следует обратить внимание на подвластных им греков, чтобы, увлеченные примером удачного восстания Хмельницкого, и они не замыслили чего-нибудь».

Шляхта стремилась противопоставить Хмельницкому и Москву, всячески натравливая ее на повстанцев.

Отряды польских войск начали совершать набеги на Украину, доходя до Чернобыля, Павлочи, Брацлава.

Возглавлял их Степан Чарнецкий.

— И на развод не оставим русина! — кричал он в лютой злобе и превзошел в своей жестокости даже Вишневецкого.

Тогда Хмельницкий поручил Ивану Богуну организовать защиту западных земель. В марте 1653 года разбитый Богуну под Монастырищем Чарнецкий ушел в Польшу. А в июле на Украину вступило шестидесятитысячное польское войско во главе с королем. Оно направилось ко Львову, а оттуда 12 августа — к Каменец-Подольскому. Тогда же на Молдавию двинулись войска валахского господаря Матвея Бессараба и трансильванского князя Георгия Ракоци, начавших войну против господаря Лупу, чтобы посадить на престол логофета Георгия Стефана. Плохо подготовленный к боям, Василе Лупу спешно отступил вначале к Хотинской крепости, а потом к Каменец-Подольскому. Здесь он оставил семью, а сам помчался в Чигирин просить помощи. Господарем Молдавии в Яссах был провозглашен Георгий Стефан.

В это время Хмельницкий принимал русского посла Федора Абросимовича Лодыженского, привезшего царскую грамоту от 22 июня 1653 года. В ней царь впервые сообщал о положительном решении вопроса о воссоединении Украины с Россией. С волнением читал Хмельницкий слова грамоты: «И мы, великий государь... изволили вас принять под нашу царского величества високою руку... А ратные наши люди по нашему царского величества указу собираются и ко ополчению строятся. И для того послали мы, великий государь, к вам стольника нашего Федора Абросимовича Лодыженского, чтоб вам, гетману и всему Запорожскому Войску, наша государская милость была ведома. И прислали б есте к нам, великому государю и нашему царскому величеству, посланцев своих, а мы,

великий государь, наше царское величество, пошлем к вам наших царского величества думных людей».

Спешно созвали старшинскую раду, на которую прибыли все полковники. Грамота была встречена с огромной радостью.

Из отписки яблоновского воеводы Г. Куракина в Разрядный приказ от 29 июня 1653 г.: «А Богдан-де Хмельницкий полковников своих сбивал в круг и их допрашивал: которой-де земли царю или королю поклониться и бить челом, чтоб их принял в свое царство?»

И полковники ему, Богдану, в кругу сказали, что они хотят поклониться тебе, православному христианскому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси, а иным-де, государь, неверным царям и королям служить и в их вере быть не хотят».

Хмельницкий тут же отправил в Москву своих послов — полковника Герасима Яцкевича и Павла Обрамовича, которые везли письма патриарху московскому Никону и царю с выражением радости по поводу предстоящего воссоединения. Послы выехали 9 августа вместе с возвращавшимся в Москву Ладыженским.

Подготовили ответ и турецкому султану, предложившему Богдану Хмельницкому «стать под его руку». Ему отписали, что «под его рукою быть не хотят».

Как только со стольником Ладыженским были отправлены в Москву послы, в Чигирин прибыл новый посол царя Артамон Матвеев с подтверждением царской грамоты и для ведения переговоров о подготовке к воссоединению. Долгие беседы с ним еще больше уверили гетмана в государевом решении. И теперь, когда его известили, что крымский хан, в который раз согласившийся участвовать в войне с поляками, снова за его спиной заключил с ними

договор, он воспринял это спокойно, сообщив через Выговского, что будет вести войну один.

Он чувствует себя настолько сильным, что оказывает помощь своему свату. В июле 1653 года в Молдавию вступил девятитысячный отряд во главе с Тимофеем Хмельницким. Это был уже второй поход сюда Тимофея. Первый раз в мае того же года по просьбе Лупу двенадцатитысячное войско казаков стремительным маршем достигло столицы Молдавии — Ясс и принудило Георгия Стефана отступить. Сейчас Георгий Стефан, получив подкрепление от трансильванского князя, снова занял Яссы.

10 августа казаки подошли под стены окруженной врагами крепости Сучава, пробившись в нее и соединились с местным гарнизоном. Здесь их осадили объединенные силы венгров, поляков и валахов Георгия Стефана, надеясь на легкую победу. Но за одну ночь под руководством Тимофея были построены укрепления, которые приступом взять было невозможно. Своим мужеством и отвагой Тимофей Хмельницкий вселял в осажденных силы и веру в победу.

В это время в Сучаве пребывал антиохийский патриарх Макарий из города Алеппо близ Дамаска в Сирии, который со свитой направлялся в Россию к царю Алексею Михайловичу за материальной помощью, чтобы поправить дела совсем оскудевшей «древнейшей из восточных патриархий». Вместе с патриархом был его сын архидьякон Павел Алеппский, человек весьма любознательный и начитанный. Он оставил нам подробное описание событий, происходивших в Сучаве, и свидетельство героизма Тимофея Хмельницкого.

Из записок Павла Алеппского «Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века»: «Между осажденными и войсками господаря в течение долгого времени Тимофей, сын Хмеля,

ежедневно делал вылазки на врагов... Никто не имел силы противиться ему по причине великой его храбрости... Он то стрелял из лука правой рукой, то действовал им левой, потом колол мечом, стрелял из ружья, так что обеими руками метал орудия войны из-под брюха своего коня и убивал врагов... Никто не мог попасть в него из ружья или другого оружия: такой он был превосходный наездник и подобно молнии вертелся на спине лошади...»

Однако в одном из боев Тимофей был тяжело ранен. Силы казаков таяли. И Тимофей посылает гонца к отцу с просьбой о помощи. Гонец настиг Хмельницкого в Борках, куда он выехал из Чигирина для руководства войсками. Гетман тут же дает приказ части казаков идти в Молдавию на выручку сыну.

Долгие годы, постоянные битвы утомили и его начальников. И казаки решили отказаться от похода. Когда Хмельницкому сообщили об этом, он приказал созвать старшинский совет, чтобы запугать полковников смертной карой за непослушание. Но перед самым советом гетману пришло печальное известие: 5 сентября 1653 года его сын скончался.

Павел Алеппский по этому поводу записал: «Тимофея похоронили после того, как вынули его внутренности и, набальзамировав, положили в гроб, обитый бархатом снаружи и изнутри... Перед своей кончиной он получил радостную весть, что его жена родила двух мальчиков, но не успел насладиться счастьем...»

Сообщение о смерти сына повергло Хмельницкого в отчаяние. Вдруг возникшая неумемная боль затмила рассудок. Он приказал подать себе горилки, но она не принесла облегчения. И когда один из пришедших на совет полковников заявил, что войско отказывается идти в Молдавию, гетман потерял над собой власть...

Из отписки русских послов Р. Стрешнева и М. Бредихина из Чигирина в Посольский приказ, 16 октября 1653 г.: «И к гетману приходили полковники и говорили ему, гетману: непотребно нам чужой земли оборонять, а свою без остерегания бросать, полно нам того, что за себя стоять и свою землю оборонять. И гетман-де, вынув саблю, порубил черкасского полковника Есько по левой руке. А у гетмана-де в те поры было подпито. И пришел гетман к казакам, поклонился трижды до земли, и велел им дать бочку меду, и говорил им: детки мои, напейтесь и меня не вините. И казаки гетману сказали: пане гетмане, в том воля твоя, а быть мы с тобою все готовы».

30 сентября 1653 года осажденные в Сучаве казаки, сформированные в отряд Иваном Федоровичем, сумели выйти из крепости и увезти с собою тело гетманского сына. По дороге их встретил старый гетман. Еще издали он увидел отряд казаков, тихо, с опущенными головами идущих за гробом. Над возом на легком ветру трепетало казацкое знамя. По исхудалым, мрачным лицам казаков, посиневшим от голода и усталости, по низко опущенному знамени он понял: возвращается к нему его сын. Медленно подъехал гетман к возу и, чтобы оттянуть страшную догадку и боясь ее подтверждения, тихо спросил:

— Кого везете, казаки?

Но те лишь еще ниже опустили чубатые головы, боясь поднять глаза на своего гетмана. И лишь предательски дрожали их опущенные усы, смоченные слезой, да крепче сжимали руки казацкие шапки.

Хмельницкий еще ближе подошел к возу и глухим голосом приказал:

— Снимите веко!

Его затуманенному взору предстало восковое лицо любимого сына. Обессиленный, сникший, он припал к

голове Тимоша и все повторял и повторял одни и те же слова:

— Сыну, любимый, Тимоше мой, как же так? Столько с тобой рыцарей казацких было, и не уберегли, не уберегли...

Скорбно стояли казаки. Долго не мог Богдан оторваться от тела сына. Потом еще раз поцеловал его в холодный лоб и тихо проговорил:

— Спасибо тебе, господи, что не дал сыну моему попасть в руки врагам.

Подняв отяжелевшую от горя голову, он обратился к стоящим за возом казакам.

— И вам спасибо, братья, что привезли сына на родную землю. Везите его дальше в Чигирин и поставьте гроб в церкви. Пусть дожидается там моего возвращения. Поплатятся ляхи и за эту мою боль.

Подождав, пока скорбная процессия пройдет мимо него, он с силой дернул поводья и поскакал на запад, где под Жванцем собрал свое войско польский король.

Войско было огромное, прекрасно вооруженное, да и на ханскую помощь, как всегда, не очень-то приходилось полагаться. И гетман, не дожидаясь возвращения послов Яцкевича и Обрамовича, посылает в Москву самого близкого соратника и единомышленника субботовского атамана Лаврина Капусту. Он должен был передать царю просьбу, «чтоб государь... войска свои вскоре послать к пим велел». Гетман предупреждал русское правительство, что опасность велика и если оно «не сжалится», не поможет, что «иноверцы те их... разорят и под себя подобьют».

Капуста приехал в Москву, когда посольство Герасима Яцкевича и Павла Обрамовича уже побывало на приеме у царя. Отпуская 9 сентября 1653 года гетманских посланцев, русское правительство отправило с ними новое посольство к гетману во главе с

ближним стольником Родионом Стрешневым и дьяком Мартемьяном Бредихиным. Им было указано ехать на Украину спешно, не мешкая нигде ни часу, а прибыв к гетману, сказать ему, что разрыв с Польшей, которого так он добивался, совершится, когда возвратится из Польши посольство князя Б. Репнина и Б. Хитрово, отправленное из Москвы еще 30 апреля 1653 года. Репнин и Хитрово должны были предъявить польскому правительству обвинение в том, что по вине Речи Посполитой на Украине «учало быть утеснение и гонение большое», повлекшее за собой восстание. Польше предлагалось заключить мир с Украиной на основе Зборовского договора. Король обвинялся также в нарушении русско-польского мирного договора.

Так Россия начала подготовку предстоящего разрыва с Польшей и войны с ней за Украину. Однако переговоры с русскими послами поляки начали лишь 2 августа, когда решение о воссоединении уже было русским правительством принято. К тому же, не ожидая конца переговоров, Ян-Казимир 22 августа двинулся с войсками на Украину. Ему навстречу к молдавской границе выступил Богдан Хмельницкий.

Земский собор был созван для принятия решения о воссоединении Украины с Россией еще 25 мая 1653 года, но в связи с задержкой в Польше посольства Репнина рассмотрение дела было отложено. Когда послы вернулись и сообщили царю, что все их претензии польскому правительству отвергнуты, собор был созван вновь. О его проведении Хмельницкому сообщил возвратившийся из Москвы Лаврин Капуста, специально с этой целью задержанный русским правительством.

1 октября 1653 года Москва бурлила от множества пароду, прибывшего сюда с разных концов государства Российского. Все устремились к церкви Покрова

пресвятой богородицы, где в этот день государь слушал обедню, которую служил патриарх Никон.

Лаврин Капуста также побывал на обедне. Дождавшись, пока царь, осеняемый хоругвями и образами, при звоне колоколов покинул церковь и в сопровождении духовенства и мирян направился в Грановитую палату, он на правах именитого гостя тоже поспешил туда.

Палата была полна людей. Царь сидел на троне в парадном одеянии. По бокам расположились духовные — патриарх Никон, митрополит Сильвестр Крутицкий, сербский митрополит Михаил, почетные архимандриты и игумены, бояре, окольниковы, думные дворяне, стольники, стряпчие, московские дворяне, дворяне городовые, боярские дети. Были здесь гости и торговые люди, выборные из посадков и уездов, стрельцы.

Собрался Земский собор для решения важнейших дел государства. Он должен был рассмотреть два вопроса: о «неправдах» польского короля и шляхты и об обращении гетмана Богдана Хмельницкого с просьбой о воссоединении Украины с Россией.

На видное место перед царским тронном вышел думный дьяк Алмаз Иванов. В руках его был свиток. Он низко поклонился царю, всему собору и, получив молчаливое согласие царя, поднял свиток, развернул и, держа двумя руками перед собой, стал читать, четко выговаривая слова и стараясь, чтобы они были слышны во всех концах палаты.

Собору было доложено «о неправдах Яна-Казимира и панов рад», которые «имянования и титулы» «великого государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Руси самодержца» злоумышленно искажают: «в изданных в Речи Посполитой книгах были напечатаны злые бесчестья, и укоризны, и хулы о России и русском народе... А Владислав король написан

избранным великим князем московским мимо вечного dokonчания...»

Алмаз Иванов сообщил собору, что польский король Ян-Казимир, «забыв вечное dokonчание, умышляя над Московским государством злые неприятельские замыслы, ссыпался^[94] с общим христианским неприятелем с крымским ханом почасту и всякими вымыслами умышлял, чтоб сообща Московское государство воевать и разорить», и пытался привлечь к этому королеву Швеции Христину. Ропот негодования, перешедший затем в одобрительный гул, вызвали слова о том, что со стороны Польши начались набеги на пограничные русские земли, что Речь Посполитая не считается с мирным договором, что поэтому Россия должна принять меры к своей защите.

Лаврин Капуста слушал доклад Иванова и понимал, что теперь они не одни, теперь ляхам не бесчинствовать больше на их земле. В это время он услышал имя гетмана, и слух его обострился. Алмаз Иванов докладывал собору о письмах Богдана Хмельницкого и всего войска Запорожского к царю, в которых говорилось, что на Украине паны «православных христиан духовного и мирского чину многих невинно замучили злыми различными муками и всякое злое поругание чинили, о чем и слышати жалостно».

— Это так, это так, — повторял за каждым прочитанным дьяком словом Капуста, и перед его глазами вставали страшные картины шляхетского разбоя: насаженные на кол люди, выколотые глаза, отрубленные руки, ужасные костры смерти, когда связанных непокорных казаков бросали в костер живыми. «Это так, это так», — кивал головой атаман.

Алмаз Иванов извещал, что запорожские «черкасы милости просят со многим слезным челобитьем», чтоб

царь принял их «под свою государеву высокую руку». Собору сообщалось, что «и по государеву указу, и по челобитью гетмана Богдана Хмельницкого и всего войска Запорожского» в Варшаву посылались государевы послы, «чтобы король и паны рада»^[95] то междуусобье успокоили и с черкасами помирились», по «Ян-Казимир король и паны рада то дело поставили ни во что ж, и в мире с черкасами отказали».

Лаврин Капуста старался не пропустить ни единого сказанного на Соборе слова по украинским делам. Иванов докладывал, что он, Лаврин Капуста, посланец Богдана Хмельницкого и всего Войска Запорожского, привез к государю письмо гетмана, тот писал, что король ныне снова на Украину идет и что они не хотят снова Украину на «мучительство выдать», бьют челом, чтобы государь «войска свои вскоре послать к ним велел».

От массы людей, от их тел и дыхания в Грановитой палате становилось все более жарко и душно, но этого никто не замечал. Все сосредоточенно внимали словам дьяка. «А запорожский посланец Лаврин Капуста говорил, — продолжал Алмаз Иванов, — приказывал-де с ним гетман Богдан Хмельницкий, а велел государю бити челом, чтоб государь велел прислать в Киев и в иные города своих государевых воевод, а с ними ратных людей хотя с 3000 человек, и то для тех же государевых воевод, а у гетмана-де людей много. Да к нему ж-де хотел быть крымский хан с ордою, а иные татаровя уж и пришли и стоят под Белою Церковью. Да к гетману ж присылал турецкий султан в обоз в Борки посланца своего, зовучи его к себе в подданство. И гетман-де ему в том отказал, а надеется на государеву милость».

Когда Алмаз Иванов кончил свой доклад, сразу же началось голосование и вынесение решений —

«приговоров» — по всем изложенным Собору вопросам.

Первыми отдали свои голоса и «приговорили» бояре и думные люди. Они постановили «за честь блаженной памяти великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси и за честь сына его государева, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси, стоять и против польского короля войну весть».

Затем бояре и иные думные люди решили удовлетворить просьбу Богдана Хмельницкого: «А о гетмане о Богдане Хмельницком и о всем Войске Запорожском бояре и думные люди приговорили, чтоб великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси изволил того гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское с городами их и с землями принять под свою государеву высокую руку...»

Такие же «приговоры» вынесли и остальные участники Земского Собора, «по чинам, порознь» — «стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и жильцы, и дворяне ж, и дети боярские из городов, и головы стрелецкие, и гости, и гостиные, и суконные сотни, и черных сотен и дворцовых слобод тяглые люди, и стрельцы...»

Свершилась вековая мечта украинского народа: Земским Собором было единодушно принято решение о воссоединении его с русским народом.

4 октября 1653 года посланцу Хмельницкого, субботовскому атаману Лаврину Капусте было объявлено, что царь «посылает принимать гетмана Богдана Хмельницкого и Войско Запорожское своего царского величества ближнего боярина и наместника тверского Василия Васильевича Бутурлина, да окольного и наместника муромского Ивана Васильевича Алферьева, да думного дьяка Лариона Дмитриева сына Лопухина...». Им была определена

почетная миссия — закрепить великий акт воссоединения Украины с Россией присягой украинского народа. Капусте было передано письмо царя Богдану Хмельницкому.

Свершилось дело жизни Богдана Хмельницкого. «Радостно прочетши «государеву грамоту», он пишет Бутурлину, Алферьеву и Лопухину письмо, исполненное благодарности царю за «милостивую ласку и великое жалованье».

Это были слова, идущие от самого сердца, не только Хмельницкого, но и всего украинского народа.

Переяславская Рада — свершение цели

Великие и полномочные послы Василий Бутурлин, Иван Алферьев и Ларион Лопухин выехали из Москвы 9 октября 1653 года. Каждого из них сопровождала почетная свита. В свиту посольства входили более сорока стольников, стряпчих, дворян, подьячих и переводчиков. В составе посольства был также голова московских стрельцов Артамон Матвеев со стрельцами. С ними отбыл из Москвы и посланник Богдана Хмельницкого Лаврин Капуста. Он договорился с Бутурлиным, что поедет вперед, чтобы на границе посольство встретили представители гетманского правления и сопровождали «к войску».

В начале октября в Москве обычно бывает дождливо и пасмурно. Но в это утро, вдруг разорвав набрякшие влагой тучи, выглянуло солнце и весело заиграло на крышах, в лужах, на лицах людей. И все посольские люди, кто на лошадях, кто на подводах, кто в каретах, признали это за добрый знак.

Согласно предписанию, двигалось посольство «спешно, не мешкая..., чтоб государеву делу мотчанья не было». Хотя в этот год осень выдалась дождливая и размокшие дороги стали труднопроходимы, но 15 октября были уже в Калуге, 27 — в Севске, 1 ноября — в Путивле. Посольство было настолько спешным, что покинуло Москву, не дожидаясь даже инструкций. И уже в дороге оно получило царский указ о том, как, «будучи у гетмана, наше дело делать». Царские грамоты догоняли посольство на всем пути. В грамоте, полученной 7 ноября в Путивле, царским послам предписывалось: «Как они, боярин Василий Васильевич с товарищи, приедут в Путивль, велено послати от себя

в Чигирин проведать подлинно, где ныне гетман Богдан Хмельницкий, в Чигирин пришел ли или где стоит в обозе. Да будет гетман в Чигирин пришел, велети гетману про себя объявить, что посланы они... о государевых великих делах к нему, гетману, и ко всему Войску Запорожскому наскоро...»

3 декабря в Путивль приехал полковник кальницкий Иван Федоренко. Он передал Василию Бутурлину письмо от гетмана, в котором тот выражал радость по поводу решения Земского Собора и приезда послов, просил их, пока он не вернется в Чигирин, ожидать его в Переяславе. «А в Чигирин итить не велено для того, — сообщал Бутурлину представитель гетмана, — что город малый и траву саранча поела, а где саранча и не поела, и тут от засухи хлеб не родился, и хлебом и кормом в тех местах скудно». Переяслав же по тому времени был вторым большим экономическим и административным центром после Киева, старым казацким полковым центром на Левобережной Украине. Иван Федоренко и должен был проводить московских послов в этот город.

Хмельницкий находился в это время около Каменец-Подольского и держал в осаде польского короля, который «окопался под Жванцем за Каменец-Подольским, и в таборе великий голод и нужда, много немцев умирает...». Польское войско было отрезано от баз, не имело подвоза продуктов, терпело большие потери от ежедневных нападений казаков. Почти семидесятитысячной королевской армии грозил полный разгром.

Во второй половине ноября Хмельницкий, тщательно подготовившись, решил дать полякам генеральный бой. Казаки начали штурм королевского лагеря. Но хан и здесь, как и под Зборовом, предал Хмельницкого. Узнав о решении Земского Собора, Ислам-Гирей III поспешил договориться с Яном-

Казимиром и заключил с ним 5 декабря 1653 года так называемый Жванецкий договор. Король обязался уплатить хану контрибуцию в сумме 100 тысяч польских золотых и, кроме того, дал разрешение татарам на грабежи: на протяжении сорока дней они могли брать ясырь на Волыни с казаков и «русинов».

Стремясь удержать Хмельницкого от воссоединения с Россией, хан предложил ему также заключить мир с Польшей на условиях Зборовского трактата. Король вынужден был в сложившейся ситуации согласиться на это, хотя в будущем и не думал держать своего слова. За все «благоденствия» Хмельницкий должен был принять участие в совместном нападении на Российское государство, которое хан и король планировали на весну 1654 года. Хмельницкий гневно отказался. Собрав раду полковников, он обсудил на ней создавшееся положение. Было решено больше не задерживаться под Жванцем и возвращаться на Украину.

Карета с Хмельницким, окруженная казацкой охраной, медленно двигалась по промерзлой декабрьской дороге. Задумчиво смотрел гетман на припорошенную снегом землю, на заросшие бурьянами уже который год непаханные поля, на которых почти не видно было людей. Сколько лет борьбы и тревог пришлось пережить ему и всей Украине. Что-то сулит будущее? Решение Земского Собора — это, конечно, огромная победа. Но положит ли оно конец войнам? Мысль об этом рождала тревогу.

А может, причиной душевной смуты было то, что ехал на похороны сына, который лежит в чигиринской церкви и дожидается его. Как там дома? Удалось ли Ганне хоть немного утешить невестку, которая, как ему сообщили, убитая горем, все ходит и ходит вокруг церкви, забывая о только что родившихся близнецах? Волновало и то, как восприняла она его приказ об отце — молдавском господаре Лупу. Когда он прибыл на

Украину после изгнания из Молдавии в октябре 1653 года, его приняли с сочувствием. Хмельницкий распорядился поселить Лупу со свитой в 50 человек в Умани. Но вскоре гетману донесли, что тот снова начал сноситься с польской шляхтой и плести против него интриги. В гневе Хмельницкий выдал Лупу крымскому хану.

В Чигирине его ждет встреча с царскими послами. И он подумал, негоже завершать великое дело воссоединения, не посоветовавшись с Запорожским кошем. Заручившись поддержкой коша, начинал он войну с поляками и не может не посоветоваться с ним, принимая такое серьезное решение. Нужно будет по приезде в Чигирин сразу же написать письмо на Сечь.

И снова дорога. И снова вконец ограбленные ханской ордой села и города. Невозможно было смотреть на пустые хаты, на безжизненные дворища, в которых нередко виднелись трупы людей.

Вдруг карета остановилась.

— Что случилось? — спросил он подскочившего к окну сотника.

Тот показал на казацкое войско, скачущее навстречу. Через минуту первые казаки были уже около кареты. Один из них соскочил с коня и подошел к карете. Хмельницкий узнал в нем своего давнего друга Ивана Сирко, которому поручил казацкое войско, оставшееся с татарами после Жванецкой битвы. Полковник низко поклонился и с волнением в голосе проговорил:

— Извини, батьку Хмелю, что осмелились потревожить тебя. С трудом мы оторвались от хана, который возвращается в Крым и хотел нас силой затянуть туда же. Татары страшно издеваются над Украиной. Хватают в ясырь наших людей, грабят. Узнали мы, что из-под Литвы в Крым возвращается более пятнадцати тысяч воинов ханской орды,

отягощенных добычей, с сотнями пленников. Как смерч пронеслись они по Украине, предавая людей смерти, а жилища их — огню. Орда мимо Киева проходить будет. Дозволь, батьку Хмелю, по справедливости поступить — освободить братьев и сестер наших из неволи.

Хмельницкий вышел из кареты, расправил затекшие ноги, пошевелил крепкими плечами и оглядел подъехавших казаков. Подойдя к полковнику, он одобрительно проговорил:

— Доброе дело задумал. Только мало вас.

Потом приказал своему сотнику:

— Возьми сколько нужно казаков и поспеши в Чигирин. Там девять тысяч низового войска меня ожидает. Бери его и скачи нам на помощь. А я вот с этим да с охранной сотней пойду навстречу орде.

Хмельницкого словно подменили. Куда подевалась усталость, угнетенность. Он велел подать себе коня, вскочил на него по-молодому, на рысях проехал вдоль казацкого строя и, возглавив его, приказал казакам следовать за ним. Те, словно ожидали этого, с выкриками: «Ура! Слава нашему Хмелю!» — поскакали за гетманом.

Из летописи Самуила Велички: «Такие сведения получивши, Хмельницкий двинулся прямо и спешно на Белгородку на Межигору и там где-то около Межигора, с ордой встретившись, вступил в бой, в котором при всеильной помощи божественной всех татар тех разгромил и наголову поразил так крепко, что едва какой-то десяток их смог от того поражения спастись и хану об оном принести известие. Добычу татарскую всю позволил Хмельницкий казакам своим, в той войне трудившимся, подуванить, ясырь весь отбитый польский и литовский отпустил свободно в дома их...»

24 декабря 1653 года вечером гетман вернулся в Чигирин. Он тут же пишет письмо русским послам Бутурлину и Алферьеву с просьбой поспешить в

Переяслав для переговоров. А 26-го утром отправляет нарочного вместе с низовым Запорожским Войском с благодарственным письмом на Сечь. «Отпускаем к вам Войско ваше низовое Запорожское, которое вы прошлым летом по желанию нашему в связи с военной необходимостью против неприятелей поляков выступить к нам прислали, и за прислание оногo весьма вам благодарны и впредь убедительно просим».

Хмельницкий отмечал, что еще в прошлом году спрашивал совета у кошевого атамана и всего низового Запорожского Войска по делу о воссоединении, но ответа до сего времени не получил. Он просил, чтобы на это письмо, посылаемое с нарочным, ответ был дан незамедлительно.

Отправив письмо и войско на Запорожье, Хмельницкий в тот же день встретился с русскими послами Родионом Стрешневым и Мартемьяном Бредихиным. Они прибыли на Украину еще в октябре 1653 года и все ждали, когда Хмельницкий вернется в Чигирин.

Принимали русских послов очень торжественно. Подняв чашу за здоровье государя, гетман приказал стрелять из пушек.

Переговоры вели Хмельницкий и войсковой писарь Иван Виговский. Обсуждались вопросы, касающиеся будущего воссоединения и оказания Россией военной помощи Украине в борьбе с поляками. В этот день переговоры не окончились. 27 декабря 1653 года к русским послам пришел Виговский и передал, что гетман их принять не сможет, так как уехал «для своих потреб и Субботов».

Грустные были это «потребы»: гетман хоронил и деревянной Михайловской церкви сына Тимофея. Ильинская церковь, которую он возводил как семейную усыпальницу тут же около своего двора, еще не была достроена.

Вернулся Хмельницкий из Субботова 28 декабря грустный и отрешенный. На следующий день он снова встретился с послами, те не узнали гетмана. Молча встретил он Стрешнева и Бредихина вместе с сыном Юрием. Виговский принес гетману письмо к государю, скрепленное войсковою печатью. Хмельницкий взял его в обе руки и, поцеловав, вручил Стрешневу. Он передал благодарность государю за милость к нему и войску и просьбу — прислать ратных людей на помощь, «потому что чаёт он нового королевского прихода вскоре, ныне в великий пост или вскоре после светлого воскресенья».

После обеда гетман так и остался за столом. Прощаясь с послами, глухо проговорил:

— Не удивляйтесь и не держите обиды, что не могу вас проводить сам. Большая печаль подкосила меня.

Поручив провести послов Юрию и Виговскому, он стал готовиться к отъезду в Переяслав.

Во всех украинских городах, через которые лежал путь русских послов во главе; с Бутурлиным, к ним относились как к желанным гостям. За пять верст от Переяслава их встретил с сотниками, атаманами и с отрядом из шестисот казаков переяславский войскового полковник Павел Тетеря «с знаменами, и с трубами, и с литаврами». Не доехав до послов, Тетеря и все сопровождавшие его спешили. Полковник обратился к Бутурлину с приветствием:

— С радостью, — говорил он, — ваше благополучное приемлем пришествие. От многого времени сердце наше горело в надежде, слухом услаждался, что грядете со исполнением царского обета — быти под высокою... царя восточною рукою православному и преславному войску Запорожскому.

Прослышав о прибытии посольства в Переяслав, «всенародное множество с женами и детьми с великой радостью» высыпало на улицы. Около самых ворот

города по обе стороны рядами стояли казаки, салютуя выстрелами из ружей.

Духовенство вышло встречать посольство «со кресты, и с образы, и с хоругвями, и со святою водою». Переяславский протопоп Григорий в своем приветственном слове выразил от имени всех удовлетворение по поводу воссоединения «воедино Малой и Великой России». После встречи под торжественный звон колоколов направились в Успенскую соборную церковь, где состоялся молебен.

Гетман Богдан Хмельницкий приехал в Переяслав под конец дня 6 января 1654 года. Вместе с ним прибыли Чигиринский полковник Карп Трушенко, войсковой обозный Федор Коробка, войсковые судьи Самойло Зарудный и Федор Лобода, войсковой есаул Михаил Лученко, а на следующий день — войсковой писарь Ипан Виговский. Белоцерковский, Каневский, Киевский, Корсунский, Миргородский, Нежинский, Кальницкий, Полтавский, Прилукский, Черкасский, Черниговский, Переяславский полки представляли полковники Семен Половец, Федор Стародуб, Евтихий Пишко, Иван Гуляницкий, Григорий Лисницкий, Иван Золотаренко, Иван Федоренко, Мартин Пушкарь, Яков Воронченко, Яков Пархоменко, Степан Пободайло, Павел Тетеря. Прибыли представители киевских мещан, полковой и сотенной старшины, а также по пять-десять казаков из каждого полка. Не смогли приехать на раду Иван Богун, Михаил Зеленский и Иосиф Глух: их полки защищали западную и южную границы Украины от польских и татарских набегов. Не было здесь и поволоцкого полковника Михаила Суличича, направленного с посольством в Трансильванию, и войскового есаула Демьяна Лисовца, пребывавшего в Молдавии.

Посоветовавшись со старшиной, Хмельницкий послал к Бутурлину переяславского полковника Павла

Тетерю, чтобы договориться о предварительной неофициальной встрече. Условились встретиться в тот же день.

Из статейного списка русского посольства во главе с В. Бутурлиным, год 1654: «И того ж числа ввечеру приехал к боярину Василию Васильевичу на двор гетман Богдан Хмельницкий, а с ним приехали писарь Иван Виговский да переяславский полковник Павел Тетеря. И боярин Василий Васильевич с товарищи говорили гетману: присланы они от великого государя и великого князя Алексея Михайловича и всея Руси самодержца и многих государств государя и обладателя с его государевым, милостивым полным указом по его, гетманову, челобитью и всего войска Запорожского. И чтоб завтра, генваря в 8-й день, ему, гетману, государеву грамоту подать и государев милостивый указ сказать на съезжем дворе, а, подав бы государеву грамоту и сказав государев милостивый указ, того же дни идти в церковь и учинить ему, гетману, и полковникам, и иным начальным и всяким людям веру, как им быти под государевою высокою рукою. И гетман говорил, что великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси самодержцу они со всем войском Запорожским служить и прямити во всем душами своими рады, и головы свои за государское многолетное здоровье положить, и веру ему, государю, учинити генваря в 8-й день, и во всем по его, государеве, воле быти готовы».

Долго говорили. Когда Хмельницкому зачитали государеву грамоту и указ, не все, в них изложенное, удовлетворило его. Завязался длительный спор. Лишь после взаимных уступок пришли к согласию. Было решено: чтобы сохранить престиж царской власти, документ оформить в виде челобитной на имя царя, принятие которой гарантировалось. Но и тогда гетман предупредил, что окончательно утвердит условия

воссоединения лишь после совета с полковниками, который он назначил на завтра.

Рано утром 8 января 1654 года у гетмана состоялась Рада старшин. Она одобрила уточненные условия. И еще один вопрос был вынесен на всеобщее обсуждение. Хотя власть находилась в руках старшин и гетмана, но такого исторической важности дела, как воссоединение, они сами решить не могли. И старшина постановила созвать во второй половине этого же дня общевойсковую, народную Раду.

Уже когда начали расходиться, к гетманову дому прискакал казацкий гонец на взмыленной загнанной лошади. Он вручил Хмельницкому письмо с Запорожской Сечи. Полковники окружили гетмана. С волнением раскрыл он письмо. И чем дольше он читал, тем радостнее становились усталые, наполненные заботой глаза, разглаживались суровые морщины на лице. Наконец он поднял голову и воскликнул:

— Братья с Сечи одобряют наше дело! — И потом в полный голос торжествуя прочел: — «Замысел ваш — будь со всем народом малороссийским, по обе стороны Днепра живущим, под протекцией великодержавнейшего и пресветлейшего монарха российского, правильным признаем и даем наш войсковой вам совет, чтобы того дела не оставляли и оно кончили к наилучшей пользе отчизны нашей Малороссийской и всего Войска Запорожского...»

— Но тут далее, — продолжал гетман, — братья правильно нас предупреждают о том, о чем и мы сами только что говорили. Слушайте: «Как будете писать пакт, то извольте, ваша гетманская милость, сами прилежно проследить за тем, чтобы не было в нем чего лишнего и отчизне нашей вредного, а предковечным правам и вольностям нашим противного и бесполезного. Знаем наверняка, что великодержавнейший и пресветлейший монарх и самодержец российский, как

царь православный, примет нас охотно и ласково, как отец чадолюбивый сынов своих...

Хмельницкий поднял руку с письмом над собой как знамя.

— Это благословение и предостережение нам. А теперь за дело!

И забили литаврщики в котлы-барабаны, и сходились все, и стар и млад, и казак и мещанин, на Переяславскую площадь на великую и долгожданную раду, «явную всему народу».

Из статейного списка русского посольства во главе с В. Бутурлиным, 1654 год: «И по тайной раде, которую гетман имел с полковниками своими... во второй час дни бито в барабан с час времени — на собрание всего народа слышати совет о деле, хотящем свершиться. И как собралось великое множество всяких чинов людей, учинили круг пространный для гетмана и для полковников, а потом и сам гетман вышел под бунчуком, а с ним судьи и есаулы, писарь и все полковники...»

Московские послы со своей свитой стояли поодаль, на отведенном для них месте. Всенародная Рада была для них неожиданностью. Очевидно, ее решено было созвать на утреннем совещании у гетмана. И теперь послы, слегка растерянные, смотрели, что будет дальше. Вся площадь была запружена людьми, мальчишки воробьями облепили крыши прилегающих к ней домов.

Наперед вышел есаул и, подняв руку, потребовал тишины. Когда людской гул постепенно утих, в очищенный круг вошел гетман Богдан Хмельницкий. Был он в богатой одежде, в руке булава, усыпанная драгоценными камнями, над головой его держали бунчук. Он минуту постоял молча, внимательно всматриваясь в лица людей и унимая охватившее его волнение. Потом его правая рука с булавой взметнулась

над головами людей и над площадью разнесся сильный звучный голос:

— Панове полковники, есаулы, сотники, все Войско Запорожское, и все православные христиане! Ведомо то вам, что уже шесть лет живем без государя в нашей земле в беспрестанных бранях и кровопролитии з гонителями и врагами нашими, хотящими искоренити церковь божию, дабы имя русское не помянулось в земле нашей, что уже вельми нам всем докучило, и видим, что нельзя нам жити боле без царя. Для того ныне собрали Раду, явную всему народу, чтобы избрать государя из четырех, которого вы хотите.

Речь Хмельницкого была четкой, говорил он не спеша, чтобы каждый мог понять и вдуматься в услышанное и решить для себя главное...

— Первый царь есть турецкий, который многожды через послов своих призывал нас под свою власть; второй — хан крымский; третий — король польский, который, буде сами похочем, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может; четвертый есть православный Великой России государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец восточный, которого мы уже шесть лет беспрестанными молениями нашими себе просим, — тут, которого хотите, избирайте.

Хмельницкий засунул булаву за широкий красный пояс, и освободившаяся рука теперь, словно сабля, рубила воздух в такт его речи.

— Царь турский есть бусурман: всем вам ведомо, какую браться наши, православные христиане греки, беду терпят и в каком суть от безбожных утеснений. Крымский хан тож бусурман; по нужде в дружбу его принявши, нестерпимые беды приняли. Какое пленение, какое нещадное пролитие крови христианской от польских панов утеснения — никому вам сказывать не надо. А православный христианский великий государь,

царь восточный, есть с нами единого исповедания. Тот великий государь, шестилетних наших молений беспрестанных не презревши, теперь своих великих ближних людей к нам с царскою милостию своею прислать изволил... Кроме как под его царской высокой рукой, благодатишнейшего пристанища не обрящем. А буде кто с нами не согласен теперь, куда хочет вольная дорога!

И тогда раздались тысячи голосов:

— Волим под царя восточного!

Переяславский полковник Павел Тетеря, обходя круг, на все стороны спрашивал:

— Все ли тако соизволите?!

— Все! Все! — единодушно восклицали собравшиеся.

И тогда снова над толпою взмыл зычный голос гетмана:

— Будет тако! Да укрепит господь бог нас под его царскою рукою!

— Боже, утверди и укрепи! — со всех сторон отвечали гетману, добавляя: — Чтоб есмы вовеки все едины были!

Так было провозглашено воссоединение Украины с Россией. Свершилась великая цель, к которой стремились два братских народа. Безоговорочное заявление Рады 8 января 1654 года в Переяславе отразило действительные думы и чаяния всего украинского народа, который упорной и долгой борьбой расчищал себе путь к этому знаменательному историческому дню.

Сразу же после Рады Хмельницкий с войсковою старшиной прибыл на съезжий двор к боярину Бутурлину. Встретив гостей, воевода передал им царскую грамоту, подтверждавшую согласие русского правительства на воссоединение Украины с Россией, и произнес от имени и по поручению царя большую речь.

Он кратко изложил историю отношений войска Запорожского с Русским государством и еще раз подчеркнул готовность России принять Украину и защищать ее от врагов.

Из съезжего двора гетман, Бутурлин и все присутствующие отправились в Успенскую соборную церковь Переяслава для принесения присяги. Хмельницкий ехал в одной карете с боярином, и по дороге их радостно приветствовали горожане. Для приведения украинского народа к присяге в Переяслав вместе с посольством прибыли представители русского духовенства — архимандрит казанского Преображенского монастыря Прохор и протопоп Андриан со священниками и дьяконами. Вместе с переяславским протопопом Григорием и всем духовенством они встретили Хмельницкого и Бутурлина на церковной паперти, в ризах и под священное пение, благословя, проводили в празднично убранный храм. Горели паникадила и множество свечей. Посреди храма стоял аналой, накрытый парчовым покрывалом, на котором стояло золотое распятие, лежали евангелие и золотой крест. Архимандрит Прохор уже готовился начать церемонию, как часть высшей казацкой старшины неожиданно выдвинула требование, чтобы Бутурлин раньше присягнул от имени царя, что будут сохранены их права и вольности. Русские послы отказались, говоря, что этого «николи не бывало», чтобы самодержцы присягали своим подданным. После совещания между гетманом и старшиной было решено присягнуть, а «о своих делах учнут они, гетман и все войско Запорожское, бити челом великому государю». И тогда Бутурлин от имени государя заверил, что будут подтверждены все права и вольности Украины.

Первыми присягнули гетман, войсковой писарь, обозный, войсковые судьи, есаулы и полковники. Имена

всех их вносились в особую «чиновную» книгу, «каковая от государя прислана».

После присяги Богдану Хмельницкому в присутствии старшины, казаков и мещан были переданы повое знамя Войска Запорожского, булава, как знак гетманского достоинства, русская одежда («ферезея») и шапка. Знаки гетманской власти вручались торжественно: Бутурлин объяснял символический смысл каждой из них. Старшине были переданы царские подарки.

На следующий день были приведены к присяге участники народной Рады, жители Переяслава.

Гетман еще несколько дней побыл в Переяславе, встречался с послами, обсуждая с ними будущие неотложные дела. Он передал письмо государю и 13 января выехал в Чигирин. А на следующий день отправились в обратный путь и представители России.

Из летописи Самовидца: «И там Рада была, где все полковники и сотники с товарищами, при них бывшими, согласились стать под высокодержавную его царского величества руку, не желая уже более никоим образом быть подданными королю польскому и прежних панов, равно как и принимать к себе татар. На чем на той-то Раде в том месяце генваре и присягу дал гетман Хмельницкий со всеми полковниками, сотниками и атаманами и всею старшиною войсковою... И сейчас по всем полкам разослали стольников в сопровождении казаков, чтобы так казаки со всем народом присягу дали на вечное подданство его царскому величеству, что по всей Украине весь народ с охотой и сделал. А боярин Василий Васильевич Бутурлин повернул на Москву к его царскому величеству, и немалая радость межю народом стала».

Глава четвертая
«В своих делах всегда едины
будем»

По пути единства

Богдан Хмельницкий возвратился в Чигирин исполненный радостного чувства и в то же время тревоги: он знал — для покоя час еще не настал. Когда он приехал, ему сообщили, что, узнав о Переяславской Раде, король срочно отрядил гонца к крымскому хану. Видно, готовится новое совместное нападение. Хмельницкий срочно извещает об этом русского царя, а своим полковникам рассылает универсал с призывом готовиться к войне с панами. «Учиняю вам известным, — писал гетман, — чтоб вы были осторожны в замках и исполняли воинские обязанности по обычаю, как сами знаете: чтоб у вас пороха, свинца, муки и всякого продовольствия было довольно, потому что я с королем лядским мира не постановил, и вы неприятелей наших ляхов бейте, если они посмеют нападать на нас, а царь московский будет помогать вам».

На призыв гетмана откликнулся весь народ. Уже 28 февраля 1654 года грек Константинов, приехавший в Москву, сообщал в Посольском приказе об увиденном на Украине: «И в Красном-де при них приходили к полковнику и к начальным людям красногородцы мещане и давали начальным людям и всем солдатам кормы и питье, вино и пиво, а начальным людям и мед. А на лошади давали конские кормы. А сами начальные люди и солдаты у них корму не просили, а дали они кормы из чести, а знатно, что по гетманскому приказу. А во всех городах черкасы готовят запасы и делают телеги, и приказал им гетман всем быть готовым...»

В это время в соответствии с договором на Украину начали прибывать русские войска. В Киев были посланы воеводами боярин и наместник ростовский князь Федор Семенович Куракин, боярин и наместник галицкий

князь Федор Федорович Волконский. С ними прибыл дьяк Посольского приказа Андрей Немиров. Их сопровождал возглавляемый полковником Юрием Готцыным русский отряд, состоящий из 2000 солдат-пехотинцев, 500 стрельцов, 100 детей боярских и 5 пушкарей. Такие отряды направлялись и в другие города. Это была серьезная сила.

В связи со вступлением русских войск на Украину правительство разослало воеводам специальные указания, предписывавшие «жить с великим бережением» и обо всем проведывать, «чтоб им безвестным не быть». Хмельницкому донесли об этом, и его несколько смутило это.

Однако далее в наказе ратным людям самым строгим образом запрещалось по дороге на Киев «чинить шкоды»^[96] местным жителям, брать у них бесплатно продовольствие, фураж. «И велеть того берегти накрепко, — предупреждало правительство, — чтоб однолично черкасских городов никаким людям ни от кого обиды никакие не были». Наказ категорически предлагал всячески защищать жителей — «оборонить, и в плен и в разорение их не выдавать». Под угрозой наказания «без пощады» запрещено было «задираться или обиды им наши делать».

Куракину и Волконскому предписывалось укрепить кордоны, чтобы никто неузнанный не пробрался в Киев и не жил в нем. Всем беглым людям «давать волю» и не перечить им идти в казаки или записываться в мещане, «кто где хочет».

Русское войско строго придерживалось наказа.

Отряд вступил в Киев 23 февраля 1654 года. Еще на подходах к городу его радостно встречали наказной киевский полковник во главе тысячи казаков с развернутыми знаменами и горожане. Спешно началось строительство крепости. 17 марта киевские воеводы

доносили, что «острог»^[97] и всякие крепости делаем всеми людьми, днем и ночью, и стоим наготове».

Все это было известно Хмельницкому, и иного отношения к русским со стороны украинского народа он и не ожидал. Однако необходимо было укреплять эту дружбу. Сразу же после возвращения из Переяслава гетман со старшиной заседают в канцелярии для выработки условий воссоединения. Они должны были определить положение Украины в составе Российского государства, в чем были заинтересованы украинская старшина, светские и духовные феодалы. В короткое время гетман со старшиной всесторонне обсудили все вопросы. Многие из них уже затрагивались на встречах с Бутурлиным в Переяславе 9, 10 и 13 января 1654 года. Уже тогда гетман просил подтвердить права на земли, которыми владеют православные монастыри и церкви. Бутурлин заверил, что царь подтвердит эти права.

На встрече с Бутурлиным 10 января 1654 года гетман говорил ему: «В Запорожском Войске кто в каком чину был по ся места (до сих пор. — *В.З.*), и ныне бы государь пожаловал, велел быть по тому, чтоб шляхтич был шляхтичем, а казак казаком, а мещанин мещанином; а казакам бы судиться у полковников и у сотников. А чтоб не так быть, как были за польским королем: покамест казак жив, до тех пор за ним и маетность^[98], а как умрет, паны те маетности отбирали себе, а жен и детей высылают вон; да и вольностей бы их пожаловал государь, отнимать у них не велел». Бутурлин и на это ответил утвердительно.

Тогда же гетман просил передать царю просьбу, чтобы в казачий реестр были включены по крайней мере 60 тысяч человек. Бутурлин сказал, что гетману следует бить челом государю, который и укажет, сколько должно быть казаков. Хмельницкий ответил, что если бы «государь пожаловал, велел у них войску быть и

больше того, то и лучше». И чтобы сделать свою просьбу более приемлемой, добавил, что «жалования они у царского величества на тех казаков не просят» (на тех, которые будут вписаны в реестр сверх 60 тысяч).

Многое, о чем тогда говорилось, вошло в составленное царю прошение, которому в Москве думные дьяки дали название «статей». Под названием «мартовские статьи» или «статьи Богдана Хмельницкого» они и вошли в историю. Прошение состояло из 23 пунктов.

Из прошения царю Алексею Михайловичу о подтверждении прав и привилегий украинского народа. 1654, февраля 17:

«Божиею милостию великий государю, царю и великий княже Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя Руси самодержце и многих государств государю и обладателю, твоему царскому величеству, мы, Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского, и все Войско Запорожское и весь мир христианский российский до лица земли челом бьем.

Обрадовався вельми с пожалованья великого и милости неисчетные твоего царского величества, которую нам изволил твое царское величество показать, много челом бьем тебе, государю нашему, твоему царскому величеству, и служить прямо и верно во всяких делах и повелениях царских твоему царскому величеству будем во веки. Только просим вельми, яко и в грамоте просили есмя, изволь нам твое царское величество в том всем пожалованье и милость свою царскую указать, о чем посланники паши от нас твоему царскому величеству будут челом бити.

...1. Вначале изволь, твое царское величество, подтвердите права и вольности наши войсковые, как из веков бывало в Войске Запорожском, что своими правами суживались, и вольности свои имели в добрах

и в судах; чтоб ни воевода, ни боярин, ни стольник в суды войсковые не вступалися, но от старших своих чтоб товарищество сужены были: где три человека казаков, тогда два одного должны судити.

2. Войско Запорожское в числе 60 000 чтоб всегда было полно.

3. Шляхта, которые в России обретаются и веру, по непорочной заповеди Христове, тебе, великому государю нашему, твоему царскому величеству, учинили, чтоб при своих шляхетских вольностях пребывали, и меж себя старших на уряды судовые обирали^[99] и добрами своими и вольностями владели, как при королях польских бывало; чтоб и иныя, увидя таковое пожалованье твоего царского величества, клонилися под область и под крепкую и высокую руку твоего царского величества со всем миром христианским... Суды земские и градские через тех урядников, которых они сами себе добровольно выберут, исправливаны быти имеют, как и перед тем. Тако же шляхта, которые казну свою имели, по крепостям, на маетностях, тогда и ныне любо, чтоб им те деньги поплачены, или на маетностях додерживано.

4. В городах урядники чтоб из наших людей обираны были на то достойные, которые должны будут подданными твоего царского величества управлять и приход надлежащий... в казну твоего царского величества отдавати.

5. На булаву гетманскую, что надано со всеми принадлежностями староство Чигиринское, чтоб и ныне для всякого ряду прибывало.

6. Сохрани боже, смерти на пана гетмана, — понеже всякой человек смертен, без чего немочно быть, — чтоб. Войско Запорожское само меж себя гетмана обирали, а его царскому величеству извещали, чтоб то его

царскому величеству не в кручину было, понеже то давний извычай войсковой.

7. Имений казацких чтоб нихто не отбирал: которые земли имеют и что к ним належит, чтоб с теми именин вольны были. Вдовы казацкие остальные и дети их чтоб в такой же вольности жили, как предки, отцы их...

8. Писарю войсковому чтоб жалованья его царского величества было 1000 золотых для подписков, также и мельница для прожитку, потому что великие расходы имеет.

9. На всякого полковника чтоб мельница была для того, что расходы великие имеют; а будет милость Вашего царского величества будет, и Ваше царское величество и больше чем пожаловати изволишь...

10. Также на судьи войсковые по 300 золотых да по мельнице, а на писаря судейского по 100 золотых.

И. Также есаулам войсковым и полковым, которые всегда на услугах войсковых бывают и хлеба пахать не могут, чтоб им иметь по мельнице, просим твоего царского величества.

12. На поделку снаряду войскового и на пушкарей и на всех слуг, что у снаряду, просим твоего царского величества, изволь имети свое царское милостивое призренье, как о зимовле, також и о станах, також на обозного 400 золотых.

13. Права, наданные из веков от княжат и королей как духовным, так и мирским людям, чтоб ни в чем не нарушены были.

14. Послы, которые от века из чужих земель приходят до Войска Запорожского, чтоб пану гетману и Войску Запорожскому, которые б к добру были, вольно приняты, чтоб его царскому величеству во гнев не было; а чтобы имело противу его царского величества быти, должны мы его царскому величеству извещати...

15. А как по иных землях дань вдруг отдаецца, волили бы есмь и мы, чтоб цену давать ведомую от тех

людей, которые твоему царскому величеству належат, а если бы инако быти не могло, тогда ни на одного воеводу не позволять и о том договариватца; разве бы из тутошних людей обобраз воеводу, человека достойного, имеет те все доходы вправду его царскому величеству отдавати.

16. А то для того имеют посланники наши договариваться, что наехав бы воевода, права ломати имел и установы какие чинил, и то людям имело бы быти в великую досаду, понеже праву иному не могут вскоре навикнути и тяготы такие не могут понести, а тутошних людей когда будут старшие, тогда против прав и установ тутошних будут исправляти.

17. Преж сего^[100] от королей польских никакова гонения на веру и на вольности наши не было, всегда мы всякий чин свою вольность имели, и мы им верно служили; а ныне за наступанье на вольности наши понуждены есмы его царскому величеству под крепкую и высокую руку поддатца, для того усильно просити имеют посланцы наши, чтоб привилеи его царское величество нам на хартиях писаные, с печатями вислыми, один на вольности казацкие, а другой на шляхетские пожаловал, чтоб непоколебимо то в вечные времена было. Когда то сдержим, мы сами рассмотрение меж собою имети будем: хто казак, тот в вольности казацкой жити будет, а хто простой, тот станет должность обыкшую его царскому величеству воздавать по-прежнему. Также и на люди всякие, которые его царскому величеству подданные учинились, на каких правах и вольностях жити имеют...

18. О митрополите в разговоре вспомянуть имеют, о чем посланником нашим словесно приказано.

19. Также просити усильно имеют посланцы наши его царского величества, чтоб его царское величество рать свою вскоре прямо к Смоленску послал, не

откладаючи нимало, чтоб неприятель не мог в собранье притти и с иным согласитца, потому что войска ныне нужны, чтоб никаким их лестям не верили, будет учили б в чем льстить государю...

20. И то надобно припомянуть, чтобы кормовых людей zde на рубеже от ляхов, для всякого безстрашия, с 3000 поставить или как его царское величество изволит.

21. Обычай тот бывал, что всегда Войску Запорожскому плачено: бить челом и ныне его царскому величеству, чтоб на полковников поволили по 100 ефимков, на ясаулов по 200 золотых польских, на ясаулов войсковых по 400 золотых, на сотников по 100 золотых, на рядовых казаков по 30 золотых.

22. Орда татарская если бы похотела отстать [\[101\]](#), то надобно от Астрахани и от Казани на них наступить; также и донским казаком быти готовым; а ныне, когда еще в дружбе есмы меж собою, не зацепляти их...

23. Кодак город, которой есть устроен на пограничью от Крыму, в котором пан гетман всегда по 400 человек там держит и всем их покоит, чтоб и ныне его царское величество как кормами, також и зельем к снаряду изволил построить. Також и на тех, которые за порогами Коша берегут, чтоб его царское величество милость свою изволил показать, понеже трудно его одново без людей оставлять».

Написали отдельные письма царю, а также видным боярам Борису Морозову и Илье Милославскому, основным царским советникам, с просьбой поддержать их просьбы перед царем. А после решали, кого отправить в Москву. Царь желал, чтобы посольство возглавил сам Богдан Хмельницкий, чтобы он приехал «видети наши государевы пресветлые очи». Но ехать ему сейчас было невозможно: вот-вот поляки могут начать новый поход. Постановили послать в Москву

генерального судью Самойла Богдановича Зарудного и переяславского полковника Павла Тетерю. Во время переговоров в Переяславе они были в центре всех событий, возглавляли группу, требовавшую присяги от русских послов. И старшина считала, что они наилучшим образом будут отстаивать в Москве их же интересы. С послами ехали также брацлавский есаул Григорий Кириллович да Илья Харитонович и другие, всего 61 человек на 65 подводах и с 15 верховыми лошадьми.

Посольство выехало из Чигирина 17 февраля 1654 года, а уже 12 марта его торжественно встречали в Москве.

13 марта послы были приглашены во дворец. Царь принял их в окружении бояр. Когда думный дьяк Алмаз Иванов представил послов и те приветствовали государя и передали письмо от гетмана, царь сам спросил о здоровье гетмана Богдана Хмельницкого. Это было проявлением исключительного внимания. Выслушав ответ и речь одного из послов о цели приезда, царь допустил их к своей руке и повелел сесть на лавку, это также было проявлением особой чести.

Далее Алмаз Иванов сообщил царю о подарке, присланном ему Хмельницким, — жеребце-аргамаке серой масти.

«И государь велит аргамака принять на свою государеву конюшню. А после того велит государь думному диаку Алмазу Иванову молвить посланникам речь».

После произнесенной от имени царя речи о значении воссоединения Украины с Россией и сообщения, что царь рассмотрит их дела и даст свои указы, послам было сказано, что царь жалует их «своим царским жалованием в стола места корм», что означало, что они будут содержаться за счет царя, и послы были отпущены.

Все понимали, что дело, но которому приехали послы, неотложно, поэтому переговоры начались в тот же день. Со стороны русского правительства в них участвовали казанский наместник боярин Алексей Никитич Трубецкой, недавний царский посол боярин Василий Васильевич Бутурлин, окольный и каширский наместник Петр Петрович Головин и думный дьяк Алмаз Иванов. Переговоры сразу же приняли деловой характер.

Прибыв на Казенный двор, где состоялись переговоры, украинские послы устно изложили свои вопросы, на второй день они передали боярам «статьи» из 23 пунктов, привезенные из Чигирина. Большинство пунктов сразу же было решено положительно. Остальные потребовали дополнительного обсуждения. 21 марта 1654 года «Статьи Богдана Хмельницкого» были утверждены в 11 пунктах царем и Боярской думой, но окончательное решение было оформлено царскими грамотами от 27 марта 1654 года о сохранении прав и вольностей Запорожского Войска, православной шляхты, населения Украины.

В грамоте о Запорожском Войске было сказано: «И мы, великий государь, наше царское величество, подданного нашего Богдана Хмельницкого, гетмана Войска Запорожского, и все паше царского величества Войско Запорожское пожаловали: велели им быти под нашею царского величества высокою рукою по прежним их правам и привилегиям, каковы им даны от королей польских и великих князей литовских, и тех их прав и вольностей нарушивати ничем не велели, и судитися им велели от своих старших по своим прежним правам (а наши царского величества бояре и воеводы в те их войсковые суды вступатись не будут). А число Войска Запорожского указали есмы, по их же челобитью учинить спискового 60 000, всегда полное. А буде судом божиим смерть случится гетману, и мы, великий

государь, поволили Войску Запорожскому обирати гетмана по прежним их обычаям самим меж себя. А кого гетмана оберут, и о том писати к нам, великому государю, да тому же новообранному гетману на подданство и на верность веру нам, великому государю, учинити, при ком мы, великий государь, укажем (а при булаве гетманской старосту Чигиринскому со всеми его принадлежностями, которые прежде сего при нем были, указали есмы быти по-прежнему). Также и имений казацких и земель, которые они имеют для пожитку, отшатп у них и вдов после казаков отсталых, у детей не велели, а быти им за ними по-прежнему».

Специальной жалованной грамотой царя от 12 апреля 1654 года, посланной им Богдану Хмельницкому, все эти права и вольности подтверждались снова.

Запорожское Войско обязывалось «государю... и наследникам нашим служить... и всякого добре хотети, и наших государских неприятелей, где наше государское повеление будет, ходити и с ними битись, и во всем быти в нашей государской воле и послушанье навеки». Другой царской грамотой было утверждено при гетманской булаве Чигиринское староство. Царское правительство получило право иметь в Киеве и Чернигове своих воевод с войсками, контролировать сбор податей на Украине и отношения гетмана с зарубежными странами.

Украина, которая раньше была бесправной колонией Речи Посполитой, в составе Российского государства получила автономию.

Гетман и вся казацкая старшина с нетерпением ожидали возвращения послов. Очень многое зависело от исхода этого посольства. В последнее время многие высказывали Хмельницкому свои сомнения. Боялись, что царь не прислушается к их просьбам и учинит по-своему. Наконец Хмельницкий не выдержал и 21 марта, в тот же день, когда в Москве на Боярской думе во

главе с царем утверждались одиннадцать пунктов «статей», отправил письмо Зарудному (Богдановичу) и Тетере с указанием добиться у русского правительства подтверждения всех существующих «прав и привилегий».

В этом письме Хмельницкий еще раз дает инструктаж послам, напоминает им, что нужно говорить и отстаивать. Покуривая люльку и морща широкий лоб, он говорил писарю:

— Да напиши им, пусть не забывают, как Василий Васильевич Бутурлин словом его царского величества нас утверждал, что его царское величество не токмо нам права и привилегии, от века данные, подтвердит и при вольностях наших сохранит, по и паче еще особные свои всякого чину людям показовати имеет милость.

Опасались за свои привилегии. И для него они были не на последнем счету. Поэтому и просил Бутурлина, чтобы подтвердил царь за ним Чигирин и имения. Но еще больше боялся за народ. Что он получит? Не поднялся бы против них. И он снова обратился к писарю:

— Пиши, чтобы помнили о нуждах людей.

Хмельницкий встал с дубовой лавки, что стояла вдоль всей стены канцелярии, кряхтя расправил спину. Что-то в последнее время все больше донимают хвори. Он подошел к писарю. Тот поднял голову, ожидая, что скажет гетман. Но тот лишь посмотрел исписанные страницы.

— Напиши еще, — обратился он к писарю, — что им надобно поспешать со всем добрым, чтобы до войны людей лучше повадить будет, когда пожалованы значною его царского величества милостью будут.

Да, новая война не за горами, подумал гетман. Да она уже и началась. Под Немировом и под Копиевкою с нашими уже бились, а ныне Бушу осадили. А тут еще эти «прелестные» универсалы, которые распространяют

на Украине польский король Ян-Казимир и литовский гетман Якуш Радзивилл, в которых они обещают различные свободы и привилегии и призывают возвратиться под владычество Польши.

Один из них, обращенный к казакам и подписанный Яном-Казимиром 28 февраля 1654 года, ему принесли его люди, и он читал его. Лютует король, обозлен на него вельми и даже слов не выбирает, чтобы как больнее обидеть его, думал Хмельницкий, читая прелестное письмо короля. «Дошла к нам сим временем ведомость, — писал польский король, — что злосливый изменник наш, Хмельницкий, не удовляясь в столь лютые времена междуусобной брани кровью вашей христианской из-за своей корысти проливаемой, и в полон поганский побранных ниж столь многих погубленных душ, за верность вашу изменою в печное мучительство к царю Московскому под нестерпимое вольностям вашим запродавал владение, и тому ж мучительно без воли и умыслу нашего присягати вас понуждает».

Далее король писал, — чтобы казаки образумились и отступили от Хмельницкого и «жили в природном подданстве Речи Посполитой», а за это он, король, обещал «заступление», а также «в прадавних правах и вольности держати».

Нужно спешить сказать народу, что нам вдвое больше его царское величество дал вольностей, нежели обещает польский король. Обо всем этом также надобно написать послам в Москву. Да чтобы просили не идти донцов на море. Татары сейчас настороже, собрались к своей крепости Ислам-Кермень, что в низовьях Днепра, на левом берегу.

В этот же день составили и письмо царю с просьбой подтвердить права и привилегии украинского парода и скорее отпустить на Украину с царскими грамотами Богдановича-Зарудного и Тетерю.

Когда письма были составлены, он вызвал к себе одного из преданнейших своих сподвижников, Филона Горкушу. Дав ему подробные устные наставления, он спешным порядком направил его с письмами в Москву.

В конце марта возвратились из Москвы Богданович-Зарудный и Тетеря с царскими грамотами. О решениях царского правительства Хмельницкий тут же сообщил всем полковникам, чтобы сказали о них народу. Копии грамот вместе со своим письмом он отправил кошевому атаману в Запорожскую Сечь. Гетман писал, что «за ведомом и советом» казаков вошел «в союз» с Российским государством. И сейчас «царь на поставленных пактах в Переяславе» сделал свои подтверждения, выдав «монаршие превысокие» грамоты, утверждая и закрепляя оными все наши войсковые и общенародные малороссийские вольности и права». И здесь он впервые, наверное, подписался новым титулом: «Зиновий-Богдан Хмельницкий, гетман славного Войска Запорожского его Царского Величества и всея Украины Малороссийския».

В начале мая 1654 года гетман получил ответ из Сечи, в котором выражалась радость по поводу содеянного и была изложена благодарность Хмельницкому за «старание и труды».

Значит, запорожские казаки были с ним.

В составе русского воинства

В грамоте от 3 марта 1654 года царь Алексей Михайлович писал Хмельницкому: «И буде польские и литовские люди на наши царского величества черкасские города войною наступать учнут, и тебе б, Богдану Хмельницкому, гетману Войска Запорожского, над польскими и литовскими людьми промышлять, сколько милосердный бог помощи подаст, а мы послать к вам против тех неприятелей наших царского величества боярина и воеводу и наместника белозерского Василия Борисовича Шереметьева с товарищи готовы. О том к тебе и наперед сего в пашей царского величества грамоте писано».

Царская грамота пришла вовремя. Польское правительство явно готовилось к ноной войне. Уже в феврале — апреле 1654 года польско-шляхетское войско предприняло ряд крупных выступлений на Украине. В феврале польско-литовские войска пытались наступать в районе Шаргорода и Стародуба.

А вот только вчера Хмельницкий получил тайное донесение, что в местечке Полонном собралось двадцатитысячное польско-шляхетское войско, которое уже заняло Любар, Чуднов, Костельню и находится недалеко от Белой Церкви. Если бы оно одно! Вконец разгневанный Ислам-Герей за верность Москве грозит примкнуть к Яну-Казимиру.

Хмельницкий сидел в жарко натопленной светлице, держа в руке царскую грамоту, и тяжелые думы не отпускали его ни на минуту. Переяславская Рада, которая, казалось, должна была сплотить его побратимов по борьбе во имя великой цели, разделила их на два лагеря. Многие старшины, которые выступали против договора Москвы с Крымом, ищут связей с

польской шляхтой, готовы хоть сейчас идти к ней в объятия.

Конечно, он да и Москва понимали, что Жванецкий договор непрочен и в сложившихся условиях важно держать подальше Крым от Речи Посполитой. Об этом он не раз говорил с московскими послами в январе 1654 года. Правда, сначала он не очень верил в польско-крымский союз, да и не считал его слишком опасным, полагая что совместные действия русских и украинских войск, донских казаков и, возможно, ногайских татар и калмыков заставят крымцев занять только оборонительную позицию, но потом, поразмыслив, изменил свое решение и 14 февраля даже направил посольство в Крым. Хорошо, что его послы в Стамбуле все-таки добились, чтобы султан велел хану сохранить прежние связи с Войском Запорожским. Готовит посольство в Бахчисарай и Москва. Начали налаживаться отношения с Трансильванским и Молдавским княжествами.

Но сейчас главное — выступление русских войск против Речи Посполитой...

Двери светлицы медленно отворились, и вошла Ганна, спокойная и уверенная. Заботливо окинув взглядом гетмана и убедившись, что он в добром здравии, подошла к нему неспешной походкой.

— Снова думаешь, Богдане. Вышел бы к людям. Развеялся.

Провела заботливой рукой по голове с поседевшими уже волосами и тихо, убежденно добавила:

— Все будет добре, батьку. Все будет, как ты захочешь.

— Если бы кто знал, как лучше, да подсказал, — гетман горько усмехнулся и, сняв с головы руку жены, приложил ее ко лбу, словно хотел ею успокоить рождавшиеся в голове беспокойные мысли.

— Пора бы уже русскому царю объявить войну шляхте, Потом может быть поздно. А он все готовится и выжидает...

Ганна сочувственно кивнула головой:

— Такое дело... Обдумать и подготовиться нужно. Иван из Нежина сообщил, что с севским воеводой Бутурлиным Андреем Васильевичем тесную связь установил, А когда в феврале шляхетская угроза нависла, то Иван с Бутурлиным сговорились друг другу помогать, «делать во всем по совету», кат; он пишет. И московский двор это дело поддержал.

Речь шла о брате Ганны, нежинском полковнике Иване Никифоровиче Золотаренко, который, как и его сестра, отличался рассудительностью и недюжинным умом.

Ганна пересказала гетману то, что узнала от брата. Бутурлин говорил, что в Москве спешно готовятся к выступлению.

Хмельницкий и сам был хорошо осведомлен об этом, а также о том, что в планах войны с Речью Посполитой русское правительство изрядную роль отводит его казацкому войску.

И действительно, уже в апреле 1654 года Хмельницкий получает повеление Алексея Михайловича направить к нему в войско несколько казацких полков. Выбор пал на Черниговский, Нежинский и Стародубский полки, которые насчитывали около 20 тысяч казаков. Общее командование над ними в качестве наказного гетмана Хмельницкий поручил Ивану Золотаренко.

Движение основных русских войск из Москвы к польско-литовской границе началось 15 мая 1654 года. Воеводами в первом полку были князь Н. И. Одоевский, князь Ф. Ю. Хворостинин, князь Д. И. Львов, в ертаульпом^[102] — В. Б. Шереметьев и князь Т. И. Щербатов. 16 мая из Москвы в Вязьму выступили

большой и сторожевой полки. Воеводами в большом были князь Я. К. Черкасский, князь С. В. Прозоровский, князь А. Ф. Литвинов-Мосальский, в сторожевом — князь М. М. Темкин-Ростовский, В. И. Стрешнев, И. В. Алферьев.

Царь с остальными войсками выступил из Москвы 18 мая. Его сопровождала значительная часть двора — бояре С. И. и Г. И. Морозовы, И. Д. Милославский, Н. И. Романов, В. В. Бутурлин, Б. А. Репнин, Г. Г. Пушкин, Н. И. Хованский и др.

Войска из Москвы шли по смоленской дороге. В Смоленск должны были прибыть и казацкие полки под командованием Ивана Золотаренко и его младшего брата Нежинского полковника Василия Золотаренко. К казакам присоединились царский стряпчий Тимофей Спасителев с братом Андреем, которые прибыли на Украину в январе 1654 года в составе посольства Василия Васильевича Бутурлина на Переяславскую Раду и принимали присягу казацких полков. Тимофей Спасителев не раз встречался с Хмельницким и пользовался его уважением.

Отправляя казацкие полки под Смоленск, гетман передал письмо царю, в котором просил не гневаться за то, что не посылает в Смоленск указанный царем Переяславский полк, потому что пришлось бросить его против ляхов, которые «и волхов, мултянов и венгров на нас затагнули и здесь на Умань и на Белую Церковь ударити хотят». «Сего ради, — писал Хмельницкий, — просим вашего царского величества с ратью Шереметьева до Киева вскоре присылать для супротивления неприятеля вашего царского величества — ляхам».

Русское войско численностью свыше семи тысяч человек под командованием В. Б. Шереметьева находилось в это время на южных границах Русского государства по Белгородской оборонительной черте и в

случае наступления польско-шляхетского войска на Украину должно было поддержать Войско Запорожское.

Раньше, 22 апреля 1654 года воевода В. Б. Шереметьев и В. Ф. Бутурлин, который в это время находился в Рильске, получили приказ русского правительства идти со всеми ратными людьми в Киев и оказывать помощь украинским казачьим полкам под началом Богдана Хмельницкого.

Из отписки В. Б. Шереметьева, В. Ф. Бутурлина и В. П. Головина царю Алексею Михайловичу, мая 18, 1654.
«Что по твоему государеву указу велено мне, холопу твоему Ваське с товарищи, со всеми ратными людьми, с конными и с пешими, и с нарядами, идти к Киеву... гетману Богдану Хмельницкому помогать, над польскими и литовскими людьми промышлять с ним, Богданом, вместе сообща..., а мы, холопы твои, по твоему государеву указу станем ему помогать, сколько милосердной Бог помощи подаст...»

Тем временем Хмельницкий сам отправлял казацкие полки царю в помощь.

В середине мая к гетману в Чигирин приехали два брата Золотаренко. Статные, ловкие. Старшинская одежда ладно сидела на них. Хмельницкий видел, как жена любовалась братьями, и сам с удовольствием смотрел на них. После обеда он пригласил братьев в канцелярию, где ознакомил с письмами царю. Особенно обратил внимание на второе от 17 мая 1654 года, в котором писал, что наказал нежинскому полковнику Золотаренко, «чтоб во всем, по велению твоего царского величества, исправлялся и никакие людям не чинил обиды, идучи с полком твоего царского величества Запорожским».

Хмельницкий прочитал Ивану и Василию Золотаренко последние слова и сказал:

— На большое дело идете, и не дай вам боже оступиться в этом деле, особливо против братьев-

белорусов. Они ваша помощь и сила. Потому и прошу литовские города не разорять, а людям их не чинить обиды, а если сами поддадутся под его царского величества руку, то жаловать их милостью.

Долгой и поучительной для братьев Золотаренко была беседа с гетманом. О многом было переговорено. И о том, как вести себя с русскими, и как осаждать города, и как беречь своих людей — казаков. А утром чуть свет братья выехали к войску.

Определяя задачу войскам И. Н. Золотаренко, русское правительство считало, что они должны действовать в районе Северной Украины вверх по течению Днепра и Сожа, перпендикулярно движению русских сил, нанося удар польско-литовским войскам на фланге.

Осуществляя этот план, казаки И. Н. Золотаренко в середине июня 1654 года из Новгорода-Северского двинулись на Стародуб, а оттуда под Гомель. В конце июня они приступили к осаде этого города. Гомель, «место велми оборонное», защищали хорошо вооруженный двухтысячный гарнизон и крепкие оборонные сооружения. Взять его было непросто. Казаки до 11 июля четыре раза штурмовали Гомель, но приступы их были отбиты. Осажденные делали вылазки, завязывая бои с казаками. В одном из них был убит казацкий черниговский полковник Степан Побадайло.

Убедившись, что с ходу взять Гомель не удастся, Золотаренко часть своего войска оставил под стенами города, а остальных переправил на другую сторону Днепра. К 15 июля казацкие отряды Ивана Золотаренко заняли Речицу, Жлобин, Стрешен, Рогачев.

Белорусское крестьянство и низы городского населения с радостью встречали русских и украинских братьев. Они всячески помогали наступающим войскам,

захватывали в плен польских панов и шляхту, громили их имения, сообщали о передвижениях польских войск.

Януш Радзивилл, гетман Литовского княжества, возглавивший военные силы Речи Посполитой в Белоруссии, писал в августе 1654 года виленскому епископу, что «недоброжелательными нашими мужиками» русские войска осведомлены о всех его действиях. А один из очевидцев шляхтичей писал в Варшаву, что «неприятель (то есть русское войско. — *В.З.*) здесь в этих краях берет большой перевес. Куда бы он ни пришел, везде к нему собираются мужики толпами».

Шляхетское войско вынуждено было отступить.

Еще в июле 1654 года И. Н. Золотаренко получил распоряжение русского командования идти со своими войсками под Смоленск, который только что был осажден русскими войсками. Однако он медлил. Оставлять в своем тылу хорошо укрепленный Гомель, который пока не удалось захватить, было небезопасно.

В это время положение русского войска под Оршей осложнилось. Одному из отрядов войск Радзивилла удалось здесь нанести поражение войскам Я. К. Черкасского. И 26 июля 1654 года И. Н. Золотаренко получает новое распоряжение — идти со своими войсками под Оршу.

Не имея возможности снять осаду с Гомеля, он решает отправить под Смоленск своего брата Василия с отрядом. По дороге казацкий отряд, возглавляемый Василием Золотаренко, 8 августа 1654 года принял участие в отражении вылазки ляхов из Могилева. А потом в составе армии В. П. Шереметьева воевал под Витебском.

13 августа после более чем полуторамесячной осады Гомель сдался, и казацкие части начали развивать наступление на Могилев. 29 августа они

взяли Чечерск, потом Пропойск, Новый Быхов и начали осаду Старого Быхова.

2 сентября после долгой осады смоленская шляхта и духовенство подали царю Алексею Михайловичу статьи об условиях, на которых они готовы были добровольно сдать город. Смоленский воевода Обухович и полковник Корф просили прислать своих уполномоченных для переговоров. В результате переговоров, в которых с русской стороны принимали участие И. Б. и С. Ю. Милославские, А. С. Матвеев и М. Лихачев, пришли к соглашению, что Обухович, Корф и все желающие из шляхты и мещан могут покинуть город.

23 сентября царь со своей свитой и всеми 32 полками подошел к стенам Смоленска и стал против Молоховских ворот. Сколько видел глаз — блестели на солнце золотом шлемы, трепетали знамена, массы воинов покрывали все видимое поле. Здесь же возвышались бунчуки и казацкие пики отрядов И. Н. Золотаренко, вернувшихся по повелению царя под Смоленск. Впереди казацкого войска на резвых конях восседали Иван и Василий Золотаренко, честно и смело сражавшиеся плечом к плечу с русскими воинами.

А впереди всего войска, окруженный царедворцами, стоял в полном царском облачении российский самодержец Алексей Михайлович. Черты лица его выражали суровость и величие, в руках он держал массивный крест и державное яблоко.

И вот открылись кованые железом городские ворота и показались воевода и полковник, а за ними «литовские ратные люди». Головы их были склонены, знамена опущены. Тяжелым глухим шагом они подошли к государю и ударили ему челом, молча положили перед ним знамена и, повернувшись, отошли по дороге на Литву.

После того как все, кто хотел уйти, вышли из города, а кто пожелал остаться, остался в нем, царь с боярами и со всем своим воинством вошел в Смоленск, все так же торжественно держа в руках державное яблоко и крест.

Победу отмечали широко. Праздновали ее не только русские и украинские воины, но и оставшееся население Смоленска, и все начальные, и служилые, и жилецкие люди.

Царь многих жаловал своей милостью и наградами. Не оставил своим вниманием и казаков за их храбрость и отвагу. Старшину звал на обеды, а простых казаков награждал медалями.

Особой царской милостью были отмечены Иван и Василий Золотаренко, получившие от царя за храбрость города и поселения в Белоруссии.

Союз против Украины и России

Такого еще не было в истории Речи Посполитой. В один из последних дней сейма, проходившего в июле 1654 года в Варшаве, польский король Ян-Казимир в присутствии всех сенаторов унизился до того, что когда в зал вошел посол от вероломного крымского хана Сулейман-ага, прибывший для заключения договора против воссоединившихся Украины и России, король, презрев обычаи, поспешно поднялся со своего места и пошел к нему навстречу. При этом король снял корону и приложил по восточному обычаю руку ко лбу и сердцу, выказывая этим свою полную приверженность посланцу татарского хана.

И уж совсем было оскорбительным для шляхетских сенаторов то, что король с непокрытой головой громко и даже с каким-то вызовом в голосе зачитал здесь же, на сейме, присягу крымскому хану. Некоторые сенаторы не выдержали такого унижения и вышли из залы. Но многие остались, понимая, что иного выхода нет. Для борьбы с Украиной Польше нужны были союзники.

Для принятия присяги у хана король отправил с возвращающимся в Крым Сулейманом-агой М. Яскульского, уже не раз бывавшего в Бахчисарае. Король посылал хану указанные в присяге «упоминки», а также выработанный в Варшаве текст соглашения, которое должно было оформить польско-крымский союз, обязывающий поддерживать друг друга. Он должен был стать и оборонительно-наступательным союзом против России и Украины. Ближайшей целью союза было возвращение Украины под власть Речи Посполитой, а отдаленной — прежний проект совместной войны с Московским государством для его значительного территориального ущемления.

Понимая значительность дела, которое ему предстояло совершить, Яскульский ехал в Крым самым быстрым порядком. Но, прибыв вскорости в Валахию, он получил прискорбное известие о кончине хана Ислам-Гирея. Зная, что это событие может повлечь за собой неожиданные последствия, Яскульский срочно дал о нем знать королю, прося, совета, что делать дальше: ехать в Крым или же возвращаться в Варшаву и ждать, кто станет новым ханом. Ответ пришел быстро. Король наказывал спешно ехать в Крым и там добиваться присяги у нового хана.

Когда Яскульский прибыл в Крым, то узнал, что среди многих претендентов на крымский трон Стамбул избрал Махмед-Гирея. Счастливый претендент был срочно вызван с острова Родоса, который был своего рода местом домашнего ареста всех крымских ханов, лишившихся по каким-либо причинам прежней власти, в столицу. Как раздернутся дальнейшие события — никто не знал. Необходимо было ждать. Польский посол не терял времени даром, он дарил подарки всем, кто обещал поддержку.

Известие о смерти Ислам-Гирея привез Хмельницкому его старый знакомый Каммам-бет мурза — представитель той части крымских правителей, которые по-прежнему желали дружбы с Хмельницким и готовы были идти против ляхов. На конец июня хан Ислам-Гирей назначил праздник по случаю обрезания своих малолетних сыновей. Когда пиршество было в разгаре, на теле хана внезапно начали появляться какие-то гнойные струпья. К отошедшему в покои хану позвали лекарей. Но те ничего не могли поделать. Ни мази, ни другие снадобья не помогали. Гнойные струпья разрастались. Тогда их начали выдавливать. От этого болезнь еще больше обострилась, и 30 июня 1654 года он скончался. Ходили слухи, что он был отравлен.

Хотя после Переяславской Рады Ислам-Гирей и порвал с ним, вступив в союз с Речью Посполитой, да и раньше не всегда держался клятвы, но именно с ним был заключен еще в 1648 году первый договор против шляхты, именно с Ислам-Гиреем, сила и слабости которого были ему хорошо известны, было выиграно не одно дело, и смерть хана опечалила гетмана. Каммамбет мурза сообщил Хмельницкому и о бурной деятельности королевского посла Яскульского. Необходимо было парализовать его действия, и Хмельницкий вместе с возвращающимся Каммамбет мурзой посылает поволоцкого полковника Михаила Бокаченко. Решили, что с помощью Каммамбета мурзы полковник встретится с новым ханом еще до его возвращения в Крым и изложит предложение Хмельницкого о мире.

Отправив Бокаченко и мурзу, Хмельницкий написал письмо царю в Москву, в котором сообщил о смерти Ислам-Гирея, о крымском полове, о замыслах правителей Речи Посполитой против России и Украины.

Хмельницкого в это время волновало и другое: как поведут себя после смерти Ислам-Гирея ближайшие соседи Украины — княжества Валахия и Трансильвания? Недавно ему стало известно, что трансильванский князь начал активно искать пути сближения со шведским двором. В этом он возлагал большие надежды на Яна Амоса Каменского, прожившего уже ряд лет в Трансильвании и имевшего тесные контакты с ведущими протестантскими государствами Европы. Великий педагог пошел навстречу Ракоци. Видя в своей миссии шаг к достижению одной из главных своих политических целей — созданию обширного протестантского союза, в который должны были быть вовлечены и силы, представляющие православие, в первую очередь такие личности, как Богдан Хмельницкий. Каменский пишет письмо шведскому

королю Карлу X Густаву, в котором говорит о важности союза Трансильвании и Украины в борьбе с Речью Посполитой.

Карл X боялся дальнейшего усиления России за счет Речи Посполитой, будучи и сам не прочь поживиться за счет последней. Он опасался также, что после своих успехов в Литве и Белоруссии царские армии могут вторгнуться в шведскую Лифляндию. И потому усиленно перебрасывал войска в шведскую Прибалтику, располагая их близ границ с Россией и не обращая при этом внимания на реакцию царя Алексея Михайловича.

Осенью 1654 года в Ригу к семье и для «сбора вестей» был отпущен состоявший на русской службе шотландец, полковник Д. Китт. Из бесед со многими шведскими офицерами он сделал вывод: Карлу X «не любо», что царь «поймал у поляков города многие», он опасается, что если в русские руки попадет вся страна, то «и Свайской земле будет тесно». Д. Китт полагал, что король в связи с этим не откажется поддержать в нужное время Речь Посполитую против России, хотя и не исключал, что он на случай «новых польских военных неудач совершит нападение на Речь Посполитую». В нападении на Польшу Карл X видел своими союзниками и Семиградье, и Украину.

В возможном выступлении Швеции против Речи Посполитой Хмельницкий видел быстрейшее разрешение проблемы разгрома Польши, что было бы и помощью России, и потому стремился к союзу с Карлом X. Он не раз принимал в связи с этим шведского посланца игумена Даниила и даже просил царя, чтобы ему не чинили препятствий на пути в Швецию, «понеже мы уже от лет четырех с королевою свейской о приязни договоры чиним, чтоб на тех неприятелей ляхов нам помогала, а ныне, поддавшиеся под высокую и крепкую вашего царского величества руку, желаем не только,

чтобы из Сечи, но из иных краев на тех неприятелей вашего царского величества воевано...»

Даниил передал Карлу X письмо Хмельницкого о мире, однако тот не спешил с ответом, выжидая, как поведут себя с Речью Посполитой Россия и другие государства и еще раз определяя для себя, «каковы условия русско-украинского союза и воинская ценность Войска Запорожского; какую позицию займет Османская империя, не поможет ли она Речи Посполитой против России; последуют ли тогда за Портой Дунайские и Трансильванские княжества?»

Оценив обстановку, Хмельницкий понимал, что наиболее двойственную позицию по отношению к нему занимают Молдавское и Валашское княжества. Господарь Молдавии Георгий Стефан, как и господарь Валахии Константин Шербан, придерживались нейтралитета, больше, однако, отдавая свои симпатии польскому королю.

В этих условиях был исключительно важен союз с новым крымским ханом. Как и было условлено, посланец Хмельницкого встретил его, когда он после провозглашения в Стамбуле 25 августа 1654 года ханом возвращался в Бахчисарай. Приняв подарки, Махмед-Гирей, однако, не дал ответа. И Бокаченко пришлось оставаться и ждать...

В начале октября Махмед-Гирей прибыл во владения Карач-бея Перекопского в Кыл-Бурун. Здесь был созван большой курултай (съезд). Собралась верхушка татарских феодалов, представлявшая все их политические группы. Новому хану необходимо было урегулировать межгрупповые противоречия, наметить свою внешнюю политику. Два дня шел большой и сложный разговор. 5 октября при взаимном согласии всех групп, которые хану удалось примирить, курултай принял решение — внешнеполитическую линию

прежнего хана Ислам-Гирея оставить неизменной, а Хмельницкому предложить разорвать союз с Россией.

В Перекоп был срочно вызван Яскульский. И ему была вручена грамота польскому королю с подтверждением мира. В грамоте сообщалось, что в ближайшее время ему в помощь направляется часть татарских сил и что остальные будут подходить постепенно.

8 октября в Чигирин было отослано украинское посольство. Вместе с ним по велению хана ехал бахчисарайский дипломат Тохтамыш-ага. Он вез грамоты Махмед-Гирея и Карач-бея с предложениям разрыва союза с Россией.

В своей грамоте от 5 октября Карач-бей писал, обращаясь к Хмельницкому как к своему брату и приятелю: «...как мы были братьями и приятелями вашими, так и теперь того не изменим. Только твоя милость знаешь, что Москва мой неприятель, а ты теперь с Москвой побратался. Я тебя как добрый приятель остерегаю и потому посылаю братское письмо — твоя милость не слушаешь! Какая тебе от Москвы будет корысть? Они в лаптях ходят. А вы с ними живете, и мы всегда готовы до приятельства с Вами. Из-за вас и с поляками побратались. Если с королевской стороны будет какая-либо причина, мы с королем братство разорвем и к вам на помощь придем. Если у вас есть такое сильное войско и хан вам помогает — чего вам бояться?... Ты слушай хапа, а больше не слушай никого. Если же тебе была какая кривда, мы все готовы одноконно идти. Брось! Я твой милый добрый брат и злого тебе не желаю. Что я тебе желаю, пусть будет на мою голову, только отступи от Москвы».

В каждой строке этих грамот сожаление за теми временами, когда крымские татары могли грабить безнаказанно Украину, а в сложные минуты и продавать

ее польским магнатам, не опасаясь вмешательства России.

Тогда же в начале октября влиятельный крымский князь Маметша Сулешев от имени хана сделал окончательное политическое заявление. Т. Г. Хотунскому и И. Фомину сообщили, что хан принял предложение русского царя о совместном нападении на Речь Посполитую и что татары не станут разорять русские земли, даже если Ян-Казимир предложил бы им участие в этом. Одновременно Махмед-Гирей потребовал присылки «упоминков» и обязательства препятствовать нападениям донских казаков на Турцию и Крым, угрожая в противном случае войной.

Уже то, что посланцев русского царя принимал не хан, было пренебрежением по отношению к нему. Тон, которым разговаривали крымские князья с посланцами, предъявленные претензии вызывали у Хотунского и Фомина обиду и возмущение, но приходилось терпеть. Сейчас нужен был мир с Крымом. И поэтому на заявление М. Сулешева они ответили, что обещание хана не нападать на Россию достаточно для присылки обусловленной казны. Однако на требование запретить донцам нападать на Турцию и Крым посланцы сообщили, что донские казаки имеют полную самостоятельность и повлиять на их действия невозможно.

То же они подтвердили и в беседе с визирем Сефергазы-аги 6 октября 1654 года. Ответом им были крик и угрозы крымско-турецкого нападения на Россию. С этим и выехали русские посланцы из Бахчисарая.

Извещенный обо всем, Хмельницкий принял Тахтамыш-агу настороженно. Встреча состоялась в Корсуне 24 октября 1654 года. Может, потому, что были они с Тахтамыш-агой, смелым воином и дипломатом, давние приятели и уважали друг друга, говорил он с

ханским посланцем спокойно и даже с какой-то не свойственной ему горечью и сожалением.

— Пойми же, твоя милость, — отвечал Хмельницкий, прочитав грамоты с предложением хана порвать с Москвой и вместе с татарами и поляками пойти против нее войной, — не можем мы разъединиться с Москвой, потому что ляхи на нас многие земли созывают и вы сами про это ведаете, а нам неправду пишете. Твоя милость дружил с нами и знаешь, что присягу не мы нарушали, а вы. Пусть вас бог судит. Мы остаемся на Украине и, помолившись богу, будем вместе с Москвой защищаться.

Хмельницкий умолк, погрузился в мысли. Потом набил трубку, разжег ее от огня, принесенного джурой, и взглянув проницательно на Тахтамыш-агу, слегка улыбаясь, спросил:

— Неужели то хорошо будет, если вы с нами разбратаетесь? Вы с нами хлеб и соль ели, были в безопасности. Лучше уговорите хана остаться с нами довеку. Мы поляков не трогаем, это они всякими способами хотят нас уничтожить. Но бог этого не допустит.

С этим и был отпущен Тахтамыш-ага в Бахчисарай.

Тохтамыш-ага возвратился в Бахчисарай 18 ноября 1654 года и сразу же был призван к Махмед-Гирею. Услышав ответ гетмана, хан пришел в ярость. Обуреваемый гневом, он посылал на голову Хмельницкого проклятия и ругательства. 22 ноября спешно собрали диван. На него был вызван Якульский. Махмед-Гирей обратился к нему со словами:

— Брат мой Ислам уговорился с вами и присягнул каждого врага бить вместе. Это самое чиню и я. Перекажи это брату моему королю польскому и всей Речи Посполитой.

Взяв из рук визиря договор, хан проговорил:

— Как делают это все монархи, так и я отдаю тебе этот договор. Там моя святая присяга на веки вечные.

Приняв договор, Яскульский, осмелев, потребовал, чтобы хан присягнул при нем и чтобы его мурзы вместе с ним также присягнули.

Слова эти вызвали недовольство хана, и он со злостью ответил:

— В договоре написана моя присяга.

Но тут к нему наклонился главный визирь и тихо проговорил: «Ваше царское величество, не стоит перечить».

Немного поразмыслив, Махмед-Гирей приказал подать ему книгу «Алкоран» и, склонившись над нею, произнес:

— Пусть меня бог побьет, если я надумаю отойти от вас. Обещаю довеку враждовать со всеми вашими врагами. Помоги мне в этом, боже!

Осмелевший польский посол потребовал, чтобы присягнули и мурзы, но Махмед-Гирей резко отказал в этом:

— Как один бог на небе, так и я один властитель в моем царстве. Ступай.

Яскульскому после этого указали на дверь. В знак особой важности заключенного договора хан приказал отпустить с ним двести польских пленных.

На другой день на соединение с войсками Речи Посполитой двинулась первая татарская армия. А Хмельницкий, узпав об этом, спешно послал своих посланников к донским казакам, «о неприязни татарской дая знать, чтоб и они струги готовили и на Крым шли». Сам он также поднимал свои войска, готовясь вместе с русскими войсками, пришедшими на Украину, к новым битвам.

Дрыжиполе

В августе, «в среду (1654 г. — В.З.) в пост спасов страшное было солнца затмение о полдни, так иж цала светлость дневная мраком ночным бысць закрыта и звезды по небеси видины бяху», — сообщают летописи.

Народ воспринял затмение как недоброе предзнаменование и со страхом готовился к новым бедам. Ждать их пришлось недолго. Вскоре по всей Украине распространились вести, что ляхи вместе с татарами двинулись на украинские земли и Богун со своими казаками ведет с ними бои на Брацлавщине.

Тем временем коронный гетман Станислав Потоцкий, который вместе с польским гетманом Лянцкоронским возглавил двинувшееся на Украину шляхетское войско, направил основную часть его под командованием коронного обозного Стефана Чернецкого на Брацлав.

На их пути встала небольшая крепость Буша. Всего шесть тысяч левонцев^[103] укрылось за ее стенами, и казалось, что 60-тысячное войско Речи Посполитой походя сметет крепость с лица земли. Жители Буши поклялись умереть, но не сдаться врагу. Оборону возглавили сотники Гречко и Зависный. Во время одной из вылазок погибли Гречко и Зависный. Руководство обороной приняла на себя вдова Зависного Марьяна. Крепость продолжала держаться. Но с каждым днем ряды ее защитников редели. Шляхтичам удалось ворваться в Бушу. Тогда Марьяна Зависна взорвала пороховой погреб. Развалины крепости погребли вместе с защитниками много врагов.

Когда неприятельские войска подошли к Брацлаву, они встретили такой же решительный отпор, как и под Бушей. Узнав, какое огромное войско ляхов и татар

подошло к Брацлаву, Хмельницкий послал Богуну на подмогу казаков во главе с войсковым есаулом Томиленко. Пришел сюда и отряд русских драгун под командованием В. Колупаева.

Казацкое и русское воинство встретило врага, выйдя из крепости. Завязался жестокий бой, в котором погиб есаул Томиленко, полегло много казаков и русских воинов. Но шляхетская армия также понесла тяжелые потери.

После изнурительных боев казаки вместе с Богунуном оставили Брацлав, сожгли мост через Буг, замок и город, а сами ушли на Умань.

Умань в то время была одним из главных центров обороны страны. Разместившись на речке Уманке, город издавна подвергался нападениям кочевников, а позже разных иноземных захватчиков. Это заставляло жителей постоянно укреплять его. Богун в очень короткий срок подготовил к обороне уманский замок, а сам город окружил крепкими валами, которые проходили двумя линиями.

Спешные меры, предпринятые Богунуном, были кстати. Уже 10 января 1655 года шляхетские и татарские войска подошли к стенам Умани и на следующий день решили взять ее приступом. Потоцкий приказал бомбардировать город изо всех орудий, но зажечь его не удалось. Богун приказал намочить всю имеющуюся материю и покрыть ею крыши домов. Когда польским жолнерам удалось овладеть первым валом и вступить в ров, Богун неожиданно сделал вылазку и заставил врага отступить.

Не раз казакам Богуна пришлось отбивать приступы врага. Они пускали в ход различные уловки и хитрости. Ночью обливали водой пологие склоны крепости, которые превращались в ледовые горки, недоступные врагам для штурма.

Попытка противника взять Умань приступом окончилась неудачей. Не снимая осады, Потоцкий 16 января отправил из-под Умани в рейд к Киеву отряд в 8 тысяч жолнеров и татар.

Хмельницкий внимательно следил за всеми передвижениями шляхетского войска. Он знал все об осажденной Умани, также об осаде города Охматова, где засело полторы тысячи казаков, и спешил им на помощь.

В середине января 1655 года Хмельницкий с 60-тысячной армией был уже в Каневе, откуда вместе с русским войском во главе с В. Б. Шереметьевым вышел на Ставище. Еще в начале декабря 1654 года по его просьбе, обращенной к царю, командующий южной армией боярин Василий Борисович Шереметьев послал на помощь казацким войскам под командованием окольникового и воеводы Федора Васильевича Бутурлина 3 тысячи человек пехоты во главе с полковником Джоном Лесли и Александром Краффертом, тульский драгунский полк Р. Корсака в 568 человек, дворянские сотни П. Спешнева и М. Лутовинова, с которыми было 335 донских казаков. Сам В. Б. Шереметьев продолжал охранять южные русские рубежи, «опасаясь прихода крымского хана и больших воинских людей на украинские города».

19 января 1655 года объединенные силы Богдана Хмельницкого и В. Б. Шереметьева выступили из Ставища к Охматову и Умани. Сразу же была снята осада Умани и Охматова, где был оставлен лишь небольшой отряд под командованием Шемберга, и все полки спешно направлены против объединенных сил Хмельницкого и Шереметьева.

Шляхетские войска были встречены в четырех километрах от Охматова сплошным огнем казацкой артиллерии. Хмельницкий уже готов был подать команду к дальнейшему наступлению, как вдруг до

него донеслись возгласы и стрельба со стороны казацкого обоза. Это шляхетской коннице удалось разорвать ряды казацких возов и отбить более двадцати орудий. Положение сложилось очень тяжелое. Шляхта напирала все с новой силой, и сдержать ее, казалось, не было никакой возможности. И в эту критическую минуту во вражеском тылу слышались крики казаков и звон сабель. Все это перекрыли отчаянные вопли поляков: «Богун! Богун! Спасайся кто может!» И действительно, в тыл врага ударил отряд Богун, который, выйдя из крепости после снятия с нее осады, последовал за неприятелем и своим внезапным нападением вызвал панику в его рядах. Прорезая среди шляхетского войска коридор, он пробился к Хмельницкому. Этим немедленно воспользовался гетман. Не успели польские жолнеры прийти в себя от стремительного удара казацкого отряда Богун, как Хмельницкий организовал оборону, прервавшую наступательный порыв врага. Словно и не было минутного замешательства, вызванного неожиданным ударом шляхетской конницы.

Наступила ночь. Украинско-русский лагерь остановился между Жашковом и Охматовом на голом месте, где не было ни леса, чтобы можно было разжечь костры, ни воды. Люди мерзли, недоставало еды, но Хмельницкий и Шереметьев ни на миг не усомнились в своих воинах. Под их руководством войска целую ночь, не смыкая глаз, на лютom морозе укрепляли лагерь. Они окружали его возами и санями, которые ставили друг на друга, и все это сооружение скрепляли веревками и цепями. Получилась своеобразная крепость. И когда настало утро следующего дня, казаки и их русские побратимы были готовы к новым боям.

Враги окружили лагерь: с одной стороны полки воинства Речи Посполитой, с другой — татарские отряды. В этом капкане украинские и русские войска

без пищи и воды сражались три дня и три ночи. Против наступающего противника было использовано все, что было возможно. Непрерывно били по врагу казацкие орудия, не переставала палить из ружей пехота. А если кому-либо из жолнеров удавалось пробиться к стенам лагеря, в ход шли оглобли и разное другое снаряжение, которым можно было отбиваться.

20 января в наступление пошли конница и пехота врага. Нелегко пришлось осажденным. Бой продолжался целый день. Шляхта снимать осаду казацкого лагеря не собиралась, и нужно было готовиться к новым боям.

Хмельницкий позвал Богуна. Вдвоем они обошли лагерь, решая, что еще можно сделать, чтобы лучше укрепить его к завтрашнему бою. Богдан смотрел на хмурых побратимов, которые, укрывшись под возами и санями вместе с русскими солдатами, кто как мог готовились к повой битве, на горы замерзших вражеских трупов, оставшихся перед укреплением, на то, как казаки стягивали в ряды своих погибших товарищей, и невольно вспомнил о далекой Цецоре, когда ему вместе с отцом так же пришлось отбиваться от окружившего их врага. Сколько после этого пережито, сколько боев им проведено, но в такое казалось бы, безвыходное положение, как сейчас, попадать не приходилось. Где-то около Белой Церкви ждут его и Шереметьева войска, а они не могут дать им никакого знака, чтобы выступили на помощь. Неужели отвоевался? Ну пет, не бывать этому!

— Поднимай, Иване, казаков и тащите жолнерские трупы к возам и саням, укладывайте из них шанцы. Пусть хоть мертвые послужат доброму делу.

На следующий день к шляхте, штурмующей лагерь, присоединились наемные прусские пехотные части. Им удалось прорваться в лагерь. Особенно напирали «пруссы». Прикрывшись медными щитами, стремясь

отличиться среди других и завоевать себе славу, они крушили длинными мечами все на своем пути.

Приступ и на сей раз был отбит. Но Хмельницкий хорошо понимал, что на следующий бой, когда к шляхетской армии подойдет новое подкрепление, сил может не хватить. Чувствовал он и то, что сейчас наступил тот единственный момент, когда, используя растерянность врага, можно вырваться из окружения.

Он отдает команду немедленно вязать сани для наступления. Это было в ночь на 22 января 1655 года. А утром, как только засерел небосвод, казацкий лагерь двинулся на неприятеля в сторону Охматова. Не ожидавшая такого напора движущейся огромной крепости из саней, шляхта растерялась и не смогла задержать ее. Пробиваясь через заставы шляхетских войск, «крепость» продвигалась к Охматову на соединение с полком Пушкаря, осажденным в местном замке.

Вражеская конница постоянными наскоками стремилась разбить ряды возов и саней. Начался бой на саблях. И тут казаки снова показали свое умение. Шляхетским войскам так и не удалось разорвать лагерь.

В это время татарские отряды, видя, что с казаками ничего сделать невозможно, бросили своих союзников и пошли грабить беззащитные украинские села. Поведение татар отрицательно повлияло на боеспособность шляхетского войска. Оно стремительно отступило на Пятигоры, Тетиев и Животов. Теперь украинские полки стали преследовать шляхту.

Чтобы не допустить бесчинства татар на украинской земле, Хмельницкий отправил в погоню за ними Богуна. Многие из них так и не увидели Крыма. Около двух с половиной тысяч татар Богун захватил в плен.

Так закончилась битва под Охматовом. Позднее это место получило в народе название Дрыжиполя в память

о том, что от грома пушек и боевых стычек здесь дрожала земля.

Польско-шляхетское войско, понеся большие потери, отступило за Буг, откуда продолжало набег на украинские города и селения.

И хотя русское правительство, как и раньше, считало целесообразным главные военные силы сосредоточить и Белоруссии, чтобы быстрее осуществить свои стратегические планы, но борьбу за Белоруссию рассматривало в тесной связи с борьбой за Украину. Поэтому уже в феврале 1655 года оно приняло решение послать на Украину новую армию, возглавить которую должны были новый командующий боярин Василий Васильевич Бутурлин и воеводы стольник Григорий Григорьевич Ромодановский и окольный Андрей Васильевич Бутурлин. Ромодановскому было приказано со всеми ратными людьми идти «под литовские города, а с ним гетману Богдану Хмельницкому со всем Войском Запорожским». В. Б. Шереметьев и Ф. В. Бутурлин были отозваны.

Хмельницкий придавал большое значение приходу русских войск на Украину. И когда армия А. В. Бутурлина прибыла в Севск, расположенный на границе с Украиной, он сразу же послал к нему своего представителя с предложением о совместных действиях.

3 мая 1655 года В. В. Бутурлин и Г. Г. Ромодановский выступили из Севска на Украину.

В совместных боях и походах

В начале июня 1655 года гетман выехал из Корсуня, а 13 июня уже встретился в Киеве с Василием Васильевичем Бутурлиным и стольником князем Григорием Григорьевичем Ромодановским, который был назначен государем в товарищи Бутурлину.

Обсудив важнейшие дела, они направились в Белую Церковь, где 28 июня состоялся военный совет. На совете было принято предложение Хмельницкого: идти на Брацлав, там установить местопребывание неприятеля и двинуться на него. 1 июля 1655 года из Белой Церкви выступили полки Хмельницкого и Ромодановского, а на следующий день — ратные люди Василия и Андрея Бутурлиных. В это время казаки взяли город Меджибож, где нанесли поражение отряду полковника Моховского. В начале августа, минуя Брацлав, подошли к Каменец-Подольскому. К этому времени, очевидно, командованию объединенных сил уже стало известно, что польско-шляхетские войска собираются за Львовом.

После взятия Каменец-Подольского пришли под город Скала, «а в тем, государь, городке, — доносили воеводы царю, — сидели в осаде крестьянство и к ним, холопом твоим, выходили и говорили, что они под твоею государевою рукою быти рады». Из-под Скалы, пройдя ряд населенных пунктов, подошли к Ягельнице, резиденции Лянцкоронского. 1 сентября город сдался. 4 сентября от Ягельницы пошли на Львов. Ко Львову со своим войском отогел и Потоцкий, но узнав, что сюда идут объединенные силы, отошел к местечку Солоному. К этому его принудили и другие события.

В июне 1655 года в Польшу вторглись шведские войска. Карл X Густав начал реализацию своего

обширного плана завоевания Речи Посполитой. Стоявшие во главе войска, выступившего против шведов, познанский воевода Опалинский и калишский воевода Грудзииский изменили своему народу и перешли на сторону шведского короля. Предателями стали и крупнейшие литовские магнаты Януш и Богуслав Радзивиллы. В результате шведы быстро оккупировали часть Литвы и Великую Польшу. 8 сентября пала преданная польскими магнатами Варшава. Ян-Казимир вынужден был бежать в Силезию, это еще более усилило общую растерянность в стране. Военные успехи шведов внушали русскому командованию серьезные опасения.

18 сентября Хмельницкий и Бутурлин со своим войском подошли ко Львову. Осадив его, направили против войска Потоцкого значительный русско-украинский отряд под командованием Ромодановского. Сражение между ними завершилось разгромом шляхты.

Второй отряд под командованием П. Потемкина, Д. Фонвизина и Данилы Выговского был направлен в рейд к Люблину. Отряд двигался спешным порядком и уже 15 октября 1655 года был под Люблином, а 20 октября Потемкин писал Василию Бутурлину, что город сдался без боя, уплатил выкуп и присягнул на верность царю.

Потемкин рассказал о радостной встрече люблинцами русских войск, а также о том, что 1 октября шведам сдался Краков, что шведскому королю присягнул коронный хорунжий Конецпольский, а за ним удравшие из-под Львова Потоцкий и Лянцкоронский, которые сдали шведам под Сандомиром 11 тысяч солдат.

Все это время Хмельницкий вел переговоры с магистратом Львова о сдаче города. Переписка велась очень активно. Львовские власти упорно не желали сдаваться и вносить выкуп. А тут пришли тревожные

вести, что 30 августа 1655 года на Украину, заключив договор с Польшей, выступил сам крымский хан Махмет-Гирей он уже подошел к Чолганскому Камню и устремился ко Львову.

Это была страшная угроза. Все украинские и русские войска сейчас в походах. На Украине их почти не осталось. В этих условиях хан может принести много горя. И Хмельницкий принимает решение отойти на Украину. Бутурлин с ним полностью согласен.

Чтобы выиграть время и предотвратить продвижение татарской орды на Украину, Хмельницкий пишет хану письмо с просьбой начать переговоры о мире. Но тот, бросив в лицо послам Хмельницкого обвинение в вероломстве, приказывает отрезать им носы и уши, а затем отпустить к гетману.

Сжав зубы, Хмельницкий пишет второе письмо. Хан ответил, что согласится на мир, если Хмельницкий разорвет дружбу с Россией, выдаст ему русских воинов и пойдет с ним на Москву, Хмельницкий ответил на это новым письмом, в котором писал: «Удивляемся, что ваша ханская милость пишет, чтобы мы от московского царя отступили — это невозможно», так же невозможно, отмечал далее гетман, как хану отступить от турецкого султана.

28 сентября 1655 года, получив контрибуцию, Хмельницкий снял осаду Львова и выступил против татар.

Хан затаил злобу. И когда 8 ноября 1655 года войска Хмельницкого и Бутурлина, возвращаясь из-под Львова, подошли к местечку Озерное около Тернополя, татары напали на обоз Г. Ромодановского, по «людям ничего не учинили». На другой день у Озерной переправились через небольшую речушку Гнилая Липа.

10 ноября 1655 года на русско-украинские войска напал совместно с шляхетским отрядом сам Махмет-Гирей. Разгорелось жестокое сражение. Татарским и

шляхетским войскам было нанесено жесточайшее поражение.

11 ноября русские воины «з гетманом Богданом Хмельницким обозом стали вместе, прошед городок Езерну». В этот же день хан сообщил Хмельницкому о согласии начать переговоры, повторив свое условие — разорвать союз с Россией и выдать татарам русских начальников.

Хмельницкий и на этот раз отказал. Собрав полковников, он рассказал им о своем решении, и те дружно поддержали. Василий Бутурлин впоследствии доносил царю, что Богдан Хмельницкий и полковники говорили, что они нас, холопей твоих, с твоими государевыми ратными людьми не выдадут и головы свои положат за нас...»

Разгневанный хан решил наказать своевольного гетмана. Всей своей ордой вместе с поляками он снова навалился на русско-украинское войско. Однако татары встретили такой яростный отпор, что в ужасе бежали, оставив на поле боя множество убитых.

Вечером Хмельницкий вместе со старшиной сидели в шатре Бутурлина, тяжело раненного в последнем бою. Вошел джура и сообщил, что прибыли послы крымского хана для переговоров с гетманом. Хмельницкий, усмехаясь, посмотрел на Бутурлина, взглядом спрашивая, что делать, тот в ответ также улыбнулся и молча согласился: можно, мол, и поговорить.

— Ну что ж, переговоры так переговоры, — устало проговорил гетман. — Только вести их я сейчас не в состоянии. — Он оглядел старшину, и взгляд его остановился на войсковом судье Зарудном.

— Вот ты, Самойло, и займешься этим. Моя думка обо всем тебе ведома, на том и стой, — обратился Хмельницкий к Самойло Богдановичу Зарудному. — Да предупреди, что если еще раз нападут, пощады не будет, все здесь лягут. С ханской стороны переговоры

вел визирь Сефергазы-ага. Он сразу же потребовал, чтобы Украина порвала с Россией, обвинил казаков в измене хану.

— В прошлых годах, — говорил он, — казаки присягали, чтобы быть в приязни с крымским ханом, а ныне они присягу свою сломали и от крымского хана отстали, а учинились в подданстве у царского величества и города польского короля отдали царскому величеству, и в Киев пустили русских ратных людей.

Зарудный сразу же возразил визирю:

— Присяга московскому царю вовсе не означает измену договорам с Крымом, и договор с ханом мы не ломали, а хотим ныне с вами в приязни быть.

Он видел, что лицо визиря налилось кровью от возмущения, что ему перечат, и от того, что не признают его скрытой мысли о зависимости казаков от Крыма и внешне спокойно продолжал.

— И договор, который гетман Хмельницкий хочет заключить с ханом, это договор не о подданстве Украины, не о разрыве с Москвой, но лишь договор о союзе. В подданстве России мы останемся вовеки неотступно.

Сефергазы-ага сжал до боли челюсти, сдерживая вырывающуюся лютую злость. Он смотрел на Зарудного острыми уничтожающими глазами, но тот словно не замечал этого и все выпады воспринимал с железным спокойствием, не уступая ни на шаг. Видя, что ничего не добьется, Сефергазы выдвинул новое требование: пусть казаки идут отдельно от русских ратных людей.

— Чтобы вы могли на них напасть? — уточнил со злой иронией Зарудный. — Не будет того.

На этом переговоры в тот вечер закончились, не принеся никаких результатов. На следующий день, 12 ноября 1655 года, они возобновились.

Для принятия ханской шерти^[104] Хмельницкий сам прибыл в лагерь, оставив заложниками двоих мурз. Ему хотелось своими глазами увидеть нового хана, оценить его, испытать в разговоре.

Мехмет-Гирей встретил Хмельницкого сидя на ковре, разостланном на земле, с гневом и высокомерием. На произнесенное Хмельницким по восточному обычаю приветствие и предложенные хану дары, позолоченную конскую сбрую, «оздобленную» драгоценными самоцветами, он презрительно ухмыльнулся и отшвырнул подарок на землю. Сразу же начал упрекать гетмана.

— Зачем ты объединился с москалями, а не с нами, крымцами? Помощи их ты не искал тогда, когда с нашей поддержкой сбросил с себя ярмо неволи и разбил польское войско, которое было такое страшное со времен Зигмунда III и Владислава! Его боялись все соседи, а больше москали!

Хмельницкий молча слушал истерические выкрики хана, спокойно оправил саблю и сдерживал себя, и ото стоило ему немалых усилий. Наконец, когда хан выдохся в своих обвинениях казаков в предательстве, напомнил ему, что хотя он и выпросил у покойного хана татар, но не они выиграли битвы под Желтыми Водами, Корсунем, Пилявцами, а казаки.

— В сражениях под Збаражем, Берестечко, Жванцем татары постыдно изменили казакам, да еще и грабили Украину и брали в ясыр наших людей. И часа не хватит, чтобы перечислить все то зло, которое вы нам причинили... Такая ваша татарская дружба к нам.

Пока говорил Хмельницкий, хан, казалось, сейчас сорвется с ковра и кинется на гетмана в страшном гневе. Потом, прервав Хмельницкого, закричал:

— Был бы жив мой предшественник, ты бы не осмелился, пан гетман, так с ним говорить, а когда

видишь, что я добрый человек, то говоришь со мной неучтиво.

Хмельницкий смерил хана суровым взглядом.

— Зачем много говорить. Предшественник твой меня уважал и на мою словесную просьбу дал мне 4 тысячи войска, а тебе, видно, не стыдно так со мной разговаривать. Забываешь, что я такой самый, как и ты, предводитель своего народа.

Но хан, обуянный гневом, казалось, не слышал, что говорил Хмельницкий. Он каждый раз перебивал гетмана, угрожая ему великой силой татар, вспоминал Батыя, приведшего в трепет Россию, Польшу, Германию и другие народы.

— Знаешь ли ты, пане Хмельницкий, — кричал по-прежнему хан, — какая великая сила татар на Московии? Все они готовы помогать нам. А ты с ума сошел и не понимаешь, с кем ты соединился!

На это Хмельницкий, как и прежде, хладнокровно отвечал хану:

— Наоборот, я вижу, что гордость тебе ум застила. Ты думаешь, хан, устрашить меня, подобно хлопца малоумного. Ведаю, что татарские царства: Сибирское, Казанское, Астраханское и иные многие, откуда неисчислимые войска ордынские на войну ходили, вам уже помощи не дадут, находясь под скипетром российским. Что же упомянул ты о Батые, славнейшем вожде вашем, то помысли: война подобна мечу обоюдному: снисканное Батыем потеряно Мамаем.

Очевидно, спокойный голос Хмельницкого, его уверенность и внутренняя сила подействовали на хана. Он постепенно успокоился и стал вести себя более рассудительно. А к вечеру пришли к обоюдному согласию, хотя Хмельницкий и чувствовал, что хан затаил против него лютую ненависть. Василий Бутурлин сообщал царю, что Хмельницкий «помирился на том, что хан с татары царского величества на украинные и на

черкасские города войною не ходить и полякам на них помочи не давать, и царского величества с воеводы и с ратными людьми не битца, и царского величества людей и черкас, которые взяты в полон, отдать». В знак заключения мира татары отпустили захваченных накануне в плен стольника И. А. Бутурлина (сына А. В. Бутурлина), стольника И. Ярыжкина и капитана Колычева.

Утром 13 ноября обменялись пленными и разошлись. Крымский хан пошел в Молдавию, а русское и казацкое войско — на восток к Белой Церкви.

Последние решения

Хмельницкий вернулся из похода больной и разбитый. С трудом дышалось, руки и ноги словно свинцом налились: ни поднять, ни повернуть. Гетман сначала не придавал охватившей его хвори значения. Не раз уже было с ним такое. Отдых, домашний уют да жаркая печь — и тело вскоре вновь становилось легким и послушным. Но сейчас это не помогало. Не облегчили боли и знахарки, которых приводила Ганна.

Еще больше подкосила гетмана весть о том, что 7 октября 1655 года при осаде города Старого Быхова погиб его любимый полковник — брат Ганны Иван Золотаренко. Ганна ходила как снятая с креста: вокруг глаз черные круги, лицо суровое, без кровинки.

В июне 1656 года в Чигирин пришла весть, что из Москвы через Украину возвращается на родину патриарх Макарий. Хмельницкий воспрянул духом. Он полюбил этого мудрого старца. Да и тот был расположен к нему, хорошо говорил о нем царю. И сейчас встретиться с патриархом и отвести с ним душу было для Хмельницкого большой радостью. Он послал гонцов к полковникам, через города которых должен проезжать патриарх, чтобы надлежащим образом встречали его и пригласили в Чигирин.

И вот в конце июля они вновь встретились. Разговор был долгий. Хмельницкому интересно было узнать впечатления патриарха о Москве. Вспоминали о виденном и пережитом. Успокоенный разговором, Хмельницкий попросил патриарха поехать в его родовое поместье Субботов и освятить возводимую там церковь святого Ильи.

Из записок Павла Алеппского «Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине

XVII века»: «В субботу 2 августа Хмель приехал посетить нашего владыку патриарха, после чего мы выехали из города. Сделав около мили, ...мы прибыли в селение по имени Субботов, где обыкновенно жил покойный Тимофей, сын гетмана. Жители вышли нам навстречу крестным ходом и повели нас в большую новую церковь во имя св. Михаила; в этой церкви гробница Тимофея. Жена его, дочь Василия, господаря Молдавии, несколько раз посетила нашего владыку патриарха...»

Напротив церкви святого Михаила, в которой была гробница Тимофея, строилась церковь святого Ильи. Хмельницкий хотел, чтобы его там похоронили. Освятив церковь и отстояв обедню, патриарх распрощался с гетманом и поехал дальше. Пока он ехал по Украине, по приказу Хмельницкого навстречу патриаршему поезду выходили сотни со своими отрядами и знаменами и провожали его от города к городу.

После отъезда патриарха Хмельницкий снова погрузился в ежедневные дела и заботы. Шведский король, всегда искавший в нем союзника, и сейчас, захватив почти всю Польшу, присылал к нему посла за послом, предлагая совместные действия. Но союз со шведским королем означал бы разрыв союза с Россией, с таким трудом осуществленного украинским народом. И он писал королю Карлу X дружеские письма, в которых выражал уважение и преданность, но конкретно ничего не обещал. К тому же Хмельницкого не могло не возмущать, что шведский король считал украинские земли составной частью Польского государства.

Русскому правительству было невыгодно, чтобы шведы оккупировали Польшу, и оно начало с ней переговоры. Хмельницкий узнал об этом от гонца, которого царь послал к Яну-Казимиру с грамотой. Гетман дал гонцу проводников, а сам тут же написал

царю письмо с просьбой известить, когда и где начнутся переговоры. В письме он отнесся скептически к возможности заключения с Польшей твердого мира. Он сообщал о новых посольствах, которые польский король отправлял Ракоци, в Молдавию, турецкому султану и крымскому хану, ища у них помощи в походе на Украину. И Хмельницкий далее обращается к царю с просьбой: «Видя их, неприятелей наших, таковые хитрости, просим тебя не подавать нас на поругание иноверными». Хмельницкого беспокоила позиция царя в отношении Украины. А тут же в пароде поползли слухи, которые специально распускали польские лазутчики, что царь продал Украину и поляки снова вернутся на прежние земли. Послы Иван Скоробогатов и Остафий Федькович должны были передать царю желание гетмана: если будет съезд для переговоров о мире, направить на него своих представителей.

Еще не успели послы переехать границу Украины, как в Миргород, где гетманша по указанию Хмельницкого строила новый дворец и куда он поехал, чтобы посмотреть, как идут дела, прибыл стольник Василий Петрович Кикин. Он привез грамоту государя, в которой сообщалось, что переговоры состоятся в Вильно и что возглавлять их будет князь Никита Иванович Одоевский. Царь спрашивал также, «межи какими б городами и местами черкасскими и польскими рубеж учинить».

Хмельницкий прочел грамоту, молча отложил ее и задумался. Как-то не так все идет, как хотелось и как должно было бы идти. Вместо того чтобы вести войну с Польшей до конца, царь ищет с ней мира, прельстившись обещаниями, что станет польским королем. Хмельницкий твердо знал, что в Вильно будет идти речь об Украине, а царь и не помышляет, чтобы на этих переговорах были представители Украины. Верит,

что станет польским королем, а спрашивает о границах. Зачем тогда они?

А он за волю Украины, за эти границы уже девять лет ведет непрестанную войну. И он ответит царю, что в этой войне «много православных христиан одни мечом побиены, другие в неволю поганскую пошли, третьи голодом и иною разною смертью померли. Он ответит, что границы эти установила сама жизнь, и «пусть так, как за искони вечных предков вашего царского величества... было, и ныне будет, чтоб рубеж княжества Российского по Вислу реку был, аж до венгерские границы». Он просит царя «усмотреть», что на этих землях «православные епископы львовский, перемышльский, луцкий и перед тем под православием будучие хелмский, володимирский и весь народ православный, в тех епископиях обретающийся, великое гонение по вся времена терпели и ныне терпят». Он напишет и снова, и снова будет писать о том, чтоб не верили ляхам, что на съезде «польские послы воли вашего царского величества не учинят», что тот съезд они нарочно затеяли, чтоб тянуть время и договор со шведом уложить против России, а потом возьмутся «о нас промышлять...». И он примет решение послать из съезд своего представителя, хотят этого русский царь или польский король или нет. Но беда в том, что на съезд он пошлет неплохого воина, но дипломата никудышнего — сотника Романа Гапоненко, да и товарищей ему тоже подобрать не сумели. Сказалось тут многое, но главное, что отошли с боями и годами старые товарищи, и остались в окружении гетмана не те, кто готов был отдать свою жизнь не за собственные привилегии, а за отчизну.

Открылся съезд 10 августа и закончился в октябре 1656 года. Приехавший на него украинский посол Роман Гапоненко и его товарищи, не имея дипломатического опыта и такта, сразу же оказались в изоляции. На

заседания их не пустили, информации никакой они не имели. Питались провокационными слухами, которыми их специально снабжала польская агентура. Так и вернулись послы ни с чем.

А меж тем уже на одном из первых заседаний съезда российские делегаты передали польским комиссарам требование: «Королевское величество не может довечно вступаться в Малую Русь, Подолию и Волынь, в замки и в поветы, где теперь царского величества Войска Запорожского люди — Малая Русь, Волынь и Подолия принадлежат Московскому государству царского величества по реку Буг навечно. К Короне польской за рекою Бугом тое Малой Руси, Волыни и Подолии — замки и поветы ни жилых ни пустых не занимати, ани заседать, ани войсковых людей из своего государства, ни найманных, ни с чужих земель, ни явно, ни тайно за реку Буг не посылати. Гетману Богдану Хмельницкому, писарю, полковникам настоящим и будущим, которые будут за постановлением царского величества, ни всякого стана людям Войска Запорожского не мстити, они никаких военных дел с ними не зачинати, никакого лиха им не хотети».

Съезд закончился 24 октября 1656 года и не решил, как и предполагал Хмельницкий, главных вопросов — об избрании царя Алексея Михайловича королем Польши и установлении государственных границ. Было подписано лишь соглашение о перемирии и прекращении переговоров со Швецией.

Достоверные известия о съезде гетман получил от посланного царем Абрама Лопухина, который прибыл в начале января 1657 года. В марте из Москвы прибыл новый посол, старый знакомый Хмельницкого Василий Петрович Кикин, которого он искренне уважал и которому верил. Он привез подлинные статьи соглашения с поляками и грамоту царя, в которой тот

жаловался, что польские паны не придерживаются Виленского договора и не созвали сейма для избрания царя своим королем. 13 марта 1657 года Хмельницкий ответил царю письмом. В нем он воздавал благодарность государю, что «милостивое слово прислати изволил». Что же до того, что поляки не выполнили договора, то как писал гетман далее, «мы вам... и в прошлых грамотах о тех хитростях ляцких объявляли, что они с вами, великим государем, с вашим царским величеством, поступают хитро и не по правде и что они того договору в совершенье никогда не приведут, о чем вашему царскому величеству ныне уж самым делом явно есть, а того они не мыслили, чтоб ваше царское величество на корону Польскую и Великое княжество Литовское обирать и короновать».

Виленский съезд и все с ним связанное не внесли ничего нового в отношения между воюющими государствами и между Украиной и Россией, но породили у Хмельницкого опасение за будущее начатого им дела, за будущее Украины. Нemoшь, которая с каждым днем все больше сковывала его тело, доходившие до него слухи о намерениях Виговского после его смерти взять гетманство и разорвать союз с Россией — все это толкало на принятие какого-то решения. И он принимает его.

В середине апреля 1657 года полковники по городам и все старшины получили приказ прибыть в Чигирин на старшинскую раду. Собирались и ехали спешно и в тревоге, зная о гетмановой болезни. Рада собралась на Чигиринском майдане против дома Хмельницкого.

Гетман вышел, поддерживаемый близкими. Выглядел он истощенным, гетманская булава обвисала на поясе. Он стоял опершись на плечо сына Юрия, и было видно, что это стоило ему большого труда. Полковники стояли угрюмые и притихшие. Чуюли, что не

для веселого дела собрал их гетман. А он поднял поникшую голову, обвел всех усталым взглядом и приглушенным болезнью голосом проговорил:

— Братья! Так же, как и мне, вам известно, какие страшные гонения и поругания, ежедневные мучения терпел под игом поляков наш народ и как страдала мать наша православная восточная церковь. Известно вам и то, с какими трудами и потерями свершилось избавление православной церкви и отечества нашего. Богу было угодно, чтоб это свершилось мужеством вашим, казаки-рыцари, и под моим предводительством. Десять лет я посвящал себя отечеству, не щадя ни здоровья, ни жизни. Но старость и болезни одолели меня. Недолго мне быть с вами. Благодарю вас, возлюбленные братья, за ту честь, которую вы оказали мне, избрав гетманом. Благодарю за доверие ко мне, за непоколебимую верность и искреннее послушание. Благодарю за храбрость, проявленную вами в тридцати четырех сражениях с поляками, венграми, валахами, татарами, и более всего благодарю вас за то согласие и единодушие, которое вы проявили в трудах, перенося бедствия. Возвращаю вам теперь булаву, бунчук, знамена, все клейноды, означающие власть мою. Изберите себе нового гетмана, братья, пока я жив. Если я буду знать судьбу вашу, то спокойно сойду в могилу. Меня же, милые братья, простите по-христиански, если я, по немощи человеческой, кого-нибудь огорчил или против кого-нибудь из вас погрешил.

После этих слов гетман низко поклонился собранию, стараясь унять душившие его слезы.

Никто не отвечал на слова гетмана, безмолвно стояли вокруг него старые боевые товарищи. У многих на глазах блестели слезы.

Подождав немного и набравшись сил, гетман сам прервал молчание:

— Есть между вами люди опытные и достойные: и полковник киевский Антон Жданович, и полковник переяславский Тетеря, и полковник полтавский Мартын Пушкаренко...

Из «Истории Русов», «Чины и казаки, возрыдав горько от изречений гетманских, так трогательных и их поразивших, а паче о приближающейся кончине его и своем сиротстве, начали вопить: «Кого изберем на место твое? И кто достоин наградить отеческие к нам заслуги твои и нашу к тебе потерю? Сын твой Георгий да наследует место и достоинство твое! Он один пущай над нами начальствует, и мы, забыв и презрев великие твои к нам благодеяния, бесстыдны были б мы, если бы предпочли ему кого другого, забыв и презрев великие твои и беспримерные для отечества подвиги».

Все, кого назвал Хмельницкий как кандидатов в гетманы, отказались в пользу Юрия.

Хмельницкий, слыша это, согласился. Это было и его тайной мечтой. Он поднял просиявшие глаза на сына, потом взгляделся в стоящих перед ним соратников: от сердца ли они чинят сейчас. Уверившись в их искренности, он словно сразу набрался сил и прежней решительности, твердым голосом проговорил, указав рукою на сына:

— Вручается он в покровительство божье и в вашу опеку, и анафеме предаю того, кто совратит его с пути истинного! Предаю и самого его, если он удалится от чести и христианских добродетелей. Завещаю ему на всю жизнь его служить отечеству верно и усердно, блюсти его, яко зеницу ока, и пролить за него всю кровь свою, ежели это будет ему полезно и спасительно! Более сей жертвы я ничего другого от него не требую. А вас прошу и заклинаю укреплять его благими советами и постоянным мужеством, которое всему племени нашему славянскому искони присуще.

Он снова повернулся к сыну и добавил:

— Да будет в сердце твоём страх божий, чтобы не дерзнул нарушить верность его царскому величеству. Если же поступишь противно нашей дружбе с Россией, то пусть все зло отвратится от других и обратится на твою голову.

Гетман молча взял поданные ему войсковые клейноды, войсковую печать и передал сыну. Согласно обычаю, все, кто был здесь, поздравили его и покрыли знаменами и шапками. И в это время били в литавры, стреляли из пушек и ружей.

После гетман попрощался и удалился в дом. 23 апреля 1657 года он сообщил русскому царю: «И то тебе, великому государю, извещаю, что... за изволением всех полковников вручил есмя гетманство сыну моему Юрию Хмельницкому, за которым низко челом бьючи, молю, чтоб ваше царское величество милостив к нему был и в неотменной милости своей сохранял».

И несмотря на все ухудшающееся здоровье, он продолжал работать. Принимал послов других государств и отсылал своих, отправил письма российскому царю Алексею Михайловичу, польскому королю Яну-Казимиру, германскому императору Фердинанду III, курфюрсту Фридриху-Вильгельму, шведскому королю Карлу-Густаву, турецкому султану, давая универсалы на подтверждения прав и привилегий своим соратникам, городам, монастырям, церквям. Он словно не верил, что те, кто останется после него, сделают все как следует, и спешил решить наиболее важные вопросы.

Много сил и здоровья отнимало у гетмана осуществление его давней мечты — создание антипольской коалиции в составе Швеции, Украины, Дунайских княжеств — Молдавии, Валахии, Трансильвании. Он посылает к ним послов, старается объединить их стремления. Исходя из этого он заключает 7 сентября 1656 года союзный договор с

Ракоци и в феврале 1657 года посылает ему на помощь шестнадцатитысячный отряд под командой киевского полковника Антона Ждановича. В марте объединенные силы Ракоци и Ждановича пробились к Кракову и сошлись с армией Карла X.

Совместными действиями они продолжали развивать успех. Но в мае в войну против Швеции вступает Дания, а в поддержку Яна-Казимира в поход выступил Махмет-Гирей.

Предвидя действия татар, Хмельницкий еще раньше сформировал русские и украинские отряды, которыми номинально командовал сын Богдана Хмельницкого Юрий, но по малолетству советником ему поставили опытного в боях наказного гетмана Григория Лесницкого. Они встретили татар на Днепровских переправах. В результате многодневных боев, хан отступил на Перекоп. Вскоре он появился на Днестре и, преодолев его, вышел с армией к Каменец-Подольску, где стоял польский гарнизон.

Успеху хана в выходе за Днестр немало способствовал Виговский. Прикованный к постели Хмельницкий уже не мог, как раньше, вникать в дела, и генеральный писарь забирал все большую власть в свои руки. Вынашивая долгие годы свою мечту — вернуть Украину под руку короля, он сейчас делает все от него зависящее, чтобы пропустить татар на соединение с шляхетским войском.

По указанию Выговского и Жданович бросает Ракоци в самую критическую для него минуту, когда его отряды окружают войска Махмет-Гирея, Потоцкого, Сапеги к Чернецкого. Это было невиданное для казаков предательство.

Не зная об этом, гетман по-прежнему стремится к укреплению Украины. 16 июля 1657 года он пишет письмо белгородскому воеводе Г. Г. Ромодановскому с просьбой ускорить вступление новых отрядов русских

войск на Украину. Обращает внимание на ту большую опасность, которую таит в себе для России и Украины объединение крупных татарских сил с войсками Речи Посполитой.

Уже лежа в кровати, не имея сил подняться на ноги, он вел долгие разговоры с прибывшим в Чигирин Федором Бутурлиным о проблемах внешней и внутренней политики и заверил посла, что никогда не отступит от России. Эти же слова он повторил и польскому послу Станиславу Беневскому, который снова приехал в июне 1657 года, теперь уже с каштеляном Людвиком Евлашевским. Они должны были склонить Хмельницкого на союз с Польшей и составить об этом акт.

— Что мешает вам, — обращался к Хмельницкому волынский каштелян Станислав Беневский, — сбросить покровительство московское? Царь никогда не будет польским королем! Соединитесь с нами как равные с равными, вольные с вольными неразрывным дружеским союзом.

Хмельницкий с усилием поднял тяжелые веки, и польского посла пронзил все еще острый, все охватывающий и понимающий взгляд гетмана, от которого послу стало как-то не по себе.

— Я одной ногой стою в могиле, — ответил глухим, еле слышным голосом гетман, — а на закате дней не прогневаю небо, нарушив обет московскому государству. Раз поклялся ему на верность, сохраню ее до последней минуты.

С каждым днем гетману становилось все хуже. К тому же 21 июля он получает ужасающую весть о том, что в решительные часы совместных действий Жданович оставил союзника один на один с неприятелем и татары при поддержке шляхетских войск учинили страшный разгром Ракоци. Это было таким ударом для больного гетмана, что в гневе он

отдает приказ схватить и казнить Ждановича. Рушилась давняя его мечта о создании коалиции против Речи Посполитой, которая стоила ему стольких сил и трудов. А вскоре гетман почувствовал себя совсем плохо. Последовало кровоизлияние в мозг. Богдан Хмельницкий потерял речь. И когда 27 июля 1657 года утром, почувствовав некоторое облегчение, он призвал к себе близких, то те скорее разгадали по губам, нежели услышали его желание.

— Я умираю, — прошептал он им, напрягая последние силы. — Похороните меня в Субботове, который я приобрел кровавыми трудами и который близок моему сердцу.

Гетман скончался тихо, ровно в полдень, в тот же самый день. По его желанию тело его перевезли в Субботов и 25 августа 1657 года, когда собрались все старшины и «многий казацкий простой люд», схоронили в построенной им Ильинской церкви.

Из летописи Григория Грабянки: «Умершего Хмельницкого в день Успения пресвятыя девы, вси на погреб его зошедшиися генералы и полковники, старшина их и чернь з превеликим плачем и жалостию, купно же и войсковыми обрядами попроводиша з Чигирина в Субботов и тамо в церкви каменной, от самого ж иногда созданной, в недельный день пред Семеном погребоша и плакавше немало над гробом вождя своего...»

По своему великому сыну скорбела вся Украина. И эта скорбь, эта печаль по нем отразилась в народных песнях и думах.

То не чорні хмари ясне сонце заступали,
Не буйні вітри в темнім лузі бушували;
Козаки Хмельницького ховали,

Батька свого оплакали!

Основные даты жизни и деятельности Богдана Хмельницкого

1595, 27 декабря — Рождение в Чигирине Богдана (Зиновия) Михайловича Хмельницкого.

1609-1615, (приблизительно) — Обучение в латинской школе (иезуитской коллегии) г. Львова.

1620 — Участие в битве под Цецорой. Гибель отца. Пленение.

1622 — Освобождение из турецкого плена.

1623, (приблизительно) — Вступление в Чигиринский казацкий полк.

1625-1630 — Участие в совместных походах запорожских и донских казаков против татар и турок.

1632, 1637 — Участие в крестьянско-казацких восстаниях на Украине.

1637 — Вступление в должность войскового писаря реестрового казацкого войска.

1637, 24 декабря — Подписание Богданом Хмельницким в качестве писаря Запорожского войска под Боровицей акта капитуляции перед поляками.

1638, январь — Принятие польским сеймом «Ординации Войска Запорожского реестрового».

1638, 3 февраля — Составление Богданом Хмельницким письма польскому королю Владиславу IV о возвращении казацких вольностей.

1638, сентябрь — Поездка в Варшаву в составе казацкой депутации для подачи петиции королю о возвращении реестровому казачеству привилегий, ликвидированных «Ордина-цпей».

1644, сентябрь — Поручение кардинала Мазарини французскому послу в Варшаве графу де-Брежи

провести переговоры с Хмельницким о найме казаков на службу во Францию.

1645, март — Поездка Богдана Хмельницкого по приглашению французского правительства вместе со старшинами Сирко и Солтенко во Францию.

1645, 19 апреля — Подписание соглашения о службе казаков во Франции.

1645, октябрь — Участие Богдана Хмельницкого во главе двухтысячного отряда казаков в битве под Дюнкерком.

1646, апрель — Встреча Богдана Хмельницкого и других влиятельных старшин с польским королем Владиславом IV, получение от него привилегий на постройку казацких чаек и набор казаков для похода на Крым.

1647, конец лета — Созыв Богданом Хмельницким на тайную раду своих единомышленников, так называемое «совещание в роще» близ Чигирина. На нем Хмельницкий выдвинул план восстания, предусматривавший обращение за помощью к России и заключение военного союза с Крымом.

1647, декабрь — Поход казацкого отряда во главе с Богданом Хмельницким на Запорожье.

1648, 21 января — Освобождение восставшими казаками во главе с Богданом Хмельницким Запорожской Сечи, которое стало началом освободительной войны украинского народа против шляхетской Польши.

1648, февраль — Посольство Богдана Хмельницкого к крымскому хану Ислам-Гирею III. Военный союз с Крымом.

1648, февраль — Избрание Богдана Хмельницкого гетманом.

1648, 5-6 мая — Разгром восставшими казаками во главе с Богданом Хмельницким польского войска под Желтыми Водами.

1648, 15-16 мая — Разгром восставшими главных сил польско-шляхетского войска под Корсунем.

1648, 21 мая — Прибытие войска Богдана Хмельницкого под Белую Церковь.

1648, июль — Мобилизация Богданом Хмельницким войска для похода против польской шляхты.

1648, 13 сентября — Разгром польско-шляхетской армии под Пилявцами.

1648, 26 сентября — 16 октября — Осада крестьянско-казацкими войсками города Львова.

1648, ноябрь — Смерть Максима Кривоноса.

1648, 17 декабря — Торжественный въезд Богдана Хмельницкого в Киев.

1649, январь — март — Переговоры С. Мужиловского с царским правительством о воссоединении Украины с Россией.

1649, 10-16 февраля — Переговоры Богдана Хмельницкого с польскими правительственными комиссарами в Переяславе.

1649, 17 апреля — Прием Богданом Хмельницким первого русского посольства во главе с Г. Унковским.

1649, 5-6 августа — Битва под Зборовом.

1651, 19 февраля — Решение Земского собора в Москве о согласии принять Украину в состав России.

1651, 18-30 июня — Битва под Берестечко.

1651, 18 сентября — Заключение Белоцерковского договора.

1652, 22-23 мая — Разгром войсками Богдана Хмельницкого польско-шляхетской армии под Батогом.

1653, апрель — май — Поход крестьянско-казацкого отряда во главе с Тимофеем Хмельницким в Молдавию.

1653, 25 мая — Начало деятельности Земского собора в Москве, где рассматривались вопросы о воссоединении Украины с Россией.

1653, июнь — июль — Посольство Ф. Ладыженского на Украину с царской грамотой о согласии русского

правительства воссоединить Украину с Россией.

1653, август — сентябрь — Второй поход крестьянско-казацкого отряда во главе с Т. Хмельницким в Молдавию.

1653, 5 сентября — Смерть Тимофея Хмельницкого.

1653, 6 сентября — Прибытие послов русского правительства Родиона Стрешнева и Мартемьяна Бредихина к Богдану Хмельницкому.

1653, сентябрь — декабрь — Бои под Жванцем крестьянско-казацких войск с польской шляхтой.

1653, 1 октября — Решение Земского собора в Москве о воссоединении Украины с Россией и провозглашение войны шляхетской Польше.

1653, 31 декабря — Прибытие в Переяслав русского посольства во главе с боярином В. Бутурлиным.

1654, 6 января — Приезд Богдана Хмельницкого в Переяслав.

1654, 8 января — Переяславская Рада. Принятие решения о воссоединении Украины с Россией.

1654, январь — февраль — Торжественная присяга населения Украины на верность России.

1654-1667 — Война Российского государства с шляхетской Польшей.

1655, август — сентябрь — Освобождение Подолии и Галичны русскими войсками во главе с В. Бутурлиным и украинскими казацкими войсками во главе с Богданом Хмельницким.

1657, 27 июля — Смерть Богдана Хмельницкого в Чигирине.

1657, 25 августа — Похороны Богдана Хмельницкого в Ильинской церкви в Субботове.

Краткая библиография

Источники

Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Т. 2-3. СПб., 1894-1901.

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. В 5-ти т. Т. 4-5. СПб., 1851-1853.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. В 15-ти т. Т. 1-15. СПб., 1863-1892.

Алеппский П. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом П. Алеппским. М., 1896-1898, вып. 1-4.

Архив Юго-западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов, состоящий при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторстве. В 35-ти т. Т. 1-35. К., 1859-1914.

Эварницкий Д. Источники для истории запорожских казаков. Т. 1-2. Владимир, 1903.

Исследования

Джерела до історії України — Русі. Т. 6-12. Львів, 1911.

Історія України в документах і матеріалах, Т. 3. — К.: Вид-во АН УРСР, 1941. — 221 с.

Летопись Григория Грабянки: К., 1854. — 371 с.

Летопись событий в Юго-западной России в XVII веке. Составил Самоил Величко, бывший канцелярист

Канцелярии Войска Запорожского. Т. 1-4. К., 1848-1864.

Літопис Самовидця. — К.: Наукова думка, 1971. — 208 с.

Голобуцкий В. А. Дипломатическая история освободительной войны украинского народа. 1648-1654 гг. — К.: Госполитиздат УССР, 1962. — 360 с.

Голобуцкий В. А. Освободительная война украинского народа под руководством Хмельницкого (1648-1654). — М.: Госполитиздат, 1954. — 159 с.

Гуржій І. О. Фрідріх Енгельс про Україну. — К.: Політвидав України, 1970. — 156 с.

Османская империя в первой четверти XVII века. Сборник документов и материалов. — М.: Наука, 1984. — 213 с.

Памятники, изданные Киевскою комиссией для разбора древних актов. Т. 1-2. К., 1897-1898.

Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной России, изданный Комиссией для разбора древних актов. К., 1888, LXI. 332 с.

Козаченко А. И. Борьба украинского народа против иноземных поработителей за воссоединение с Россией. — М.: Политиздат, 1954 — 296 с.

Костомаров Н. И. Богдан Хмельницкий. Изд. 3-е. Т. 1-3. М., 1870.

Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Кн. 8. СПб., 1905.

Крип'якевич І. П. Богдан Хмельницкий. — К.: Вид-во АН УРСР, 1954 — 535 с.

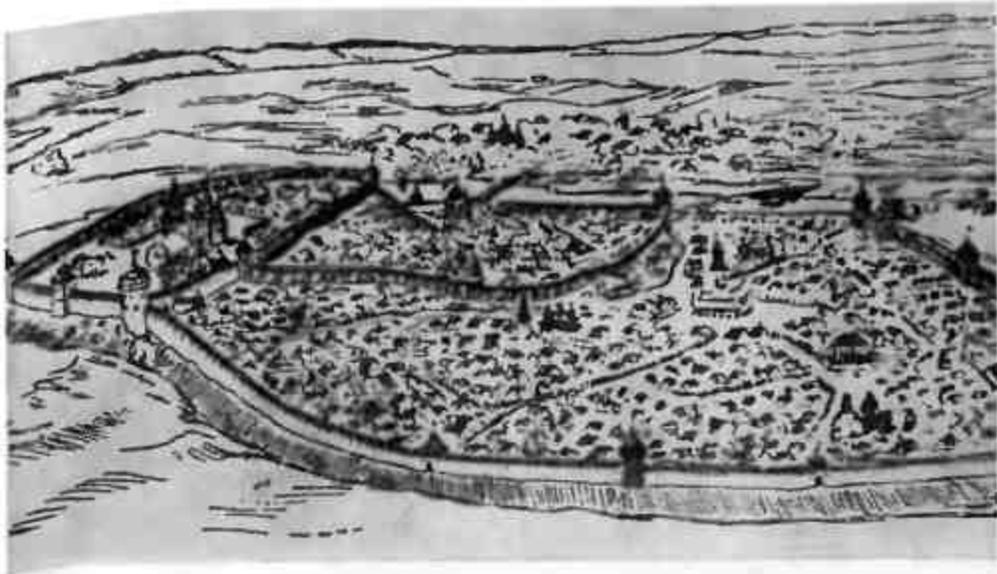
Легкий В. Н. Крестьянство Украины в начальный период освободительной войны 1648-1654 гг. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1959. — 175 с.

Осипов К. Богдан Хмельницкий. — М.: Молодая гвардия, 1948. — 480 с.

Петровский М. Н. Визвольна війна українського народу проти гніту шляхетської Польщі і приєднання

України до Росії (1648-1654). — К.: Вид во АН УРСР, 1940.
— 268 с.

Иллюстрации

Чигирри.

Чигирри с Суботовекой дороги.

Казанские послы.

Украинский помещик.

Украинская
крестьянка.

Казак.

Казанский челн.

Богдан Хмельницкий.

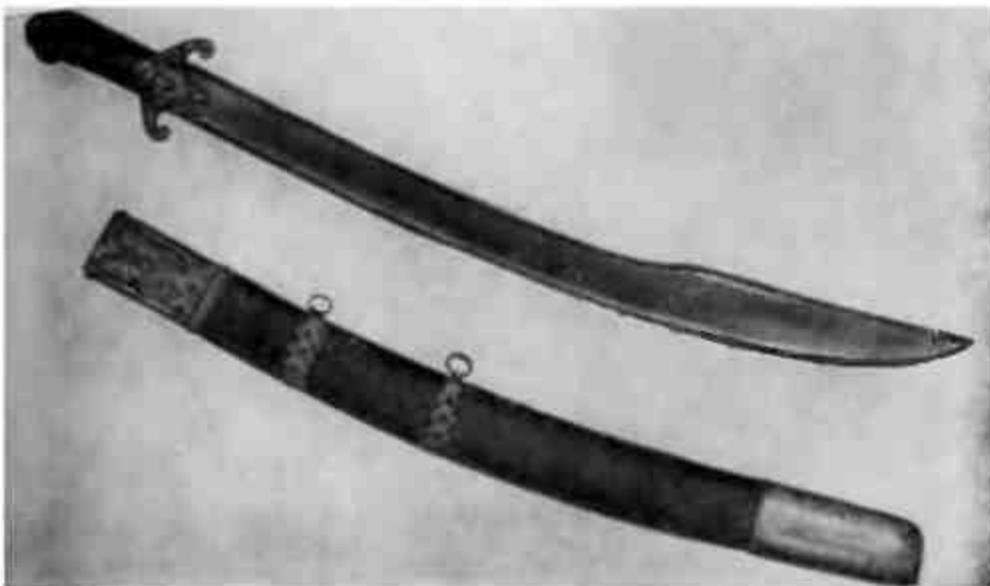
Царь Алексей Михайлович.

Казацкое войско.

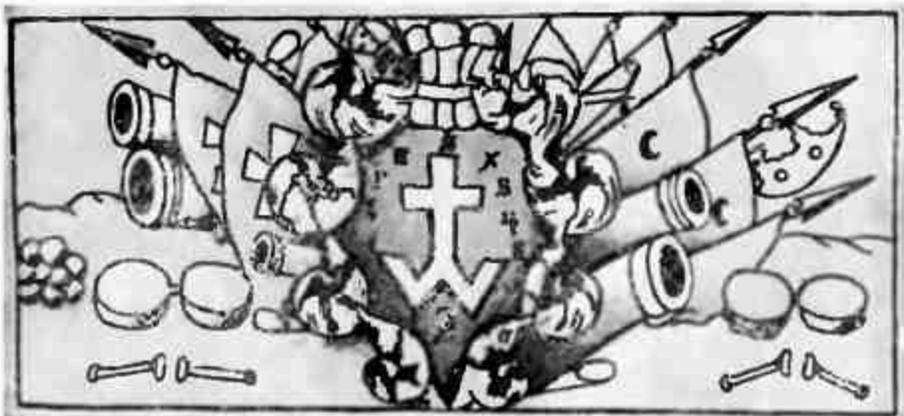
Адам Кисель.

Оружие периода освободительной войны.

Предметы казачьего быта.

Печать города Переяслава

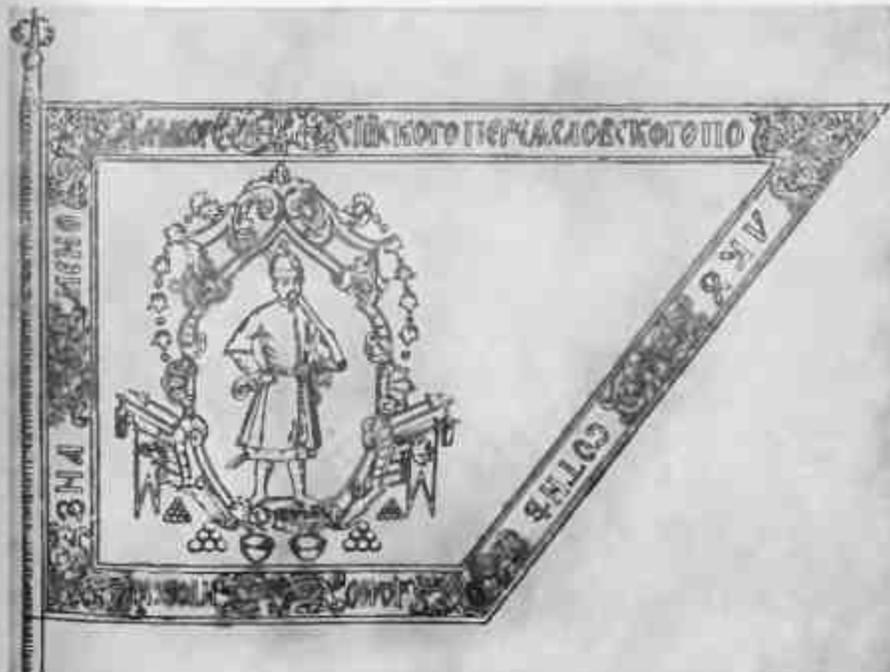

Квашиная фляга.

△ Кавказская конница
под Львовом.

Герб Богдана
Амелинского.

Флаг Домонтовои сотни
Переяславского
повета.

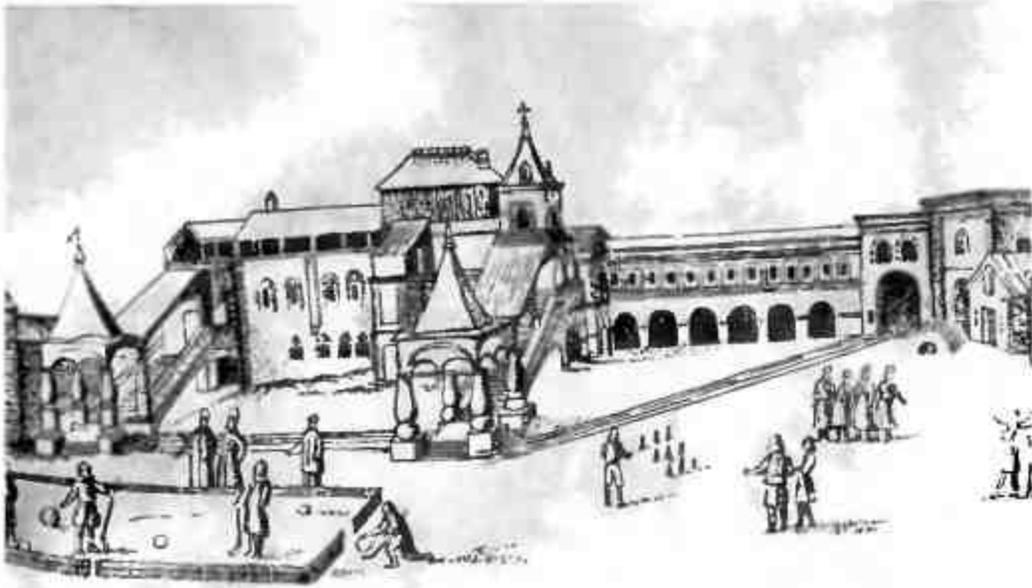
Московский Кремль.
XVII век.

Думный дьяк Алмаз
Иванов. ▷

Польский двор
в Москве.

Тип русского боярина.

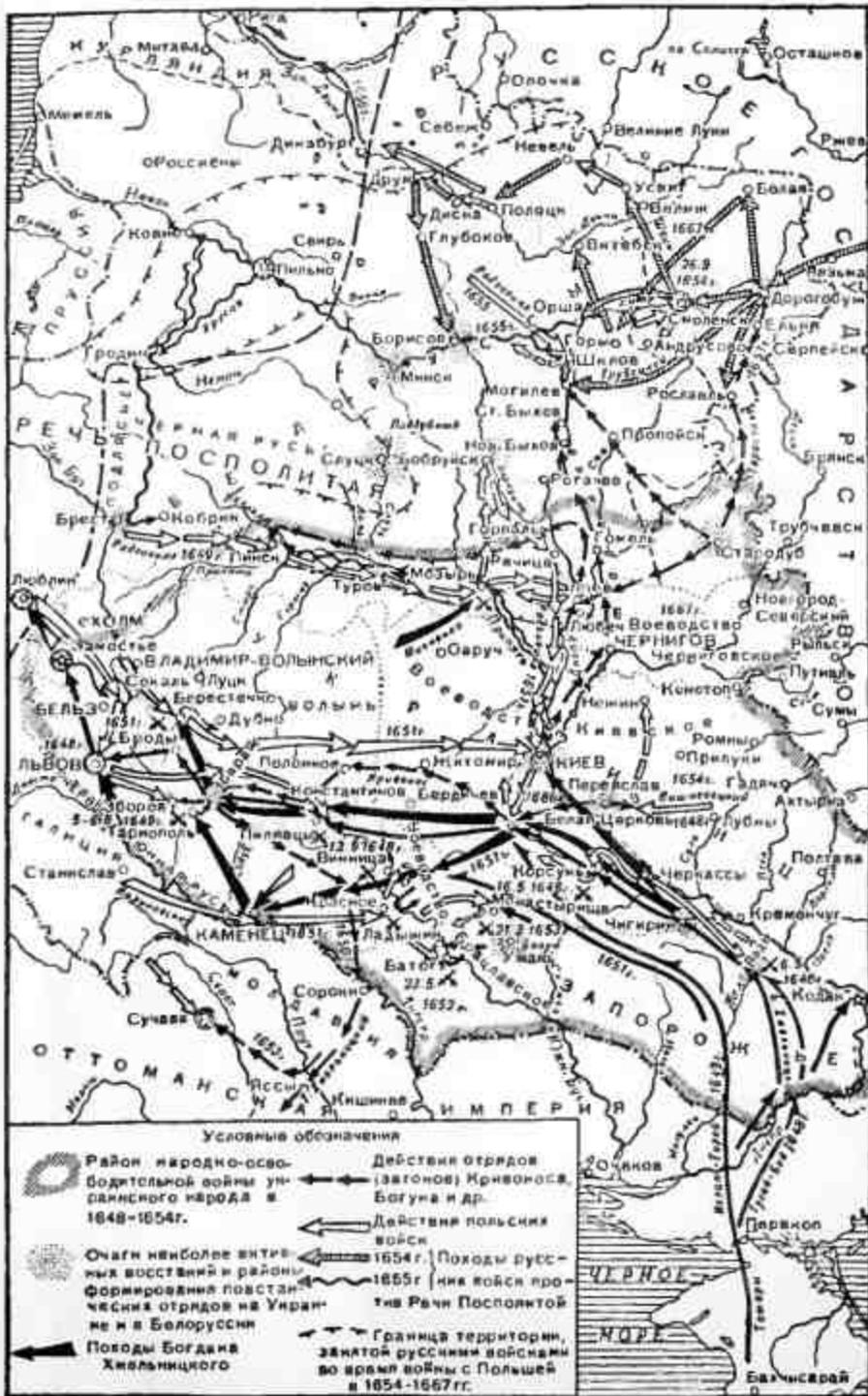

Осада казаками города Львова.

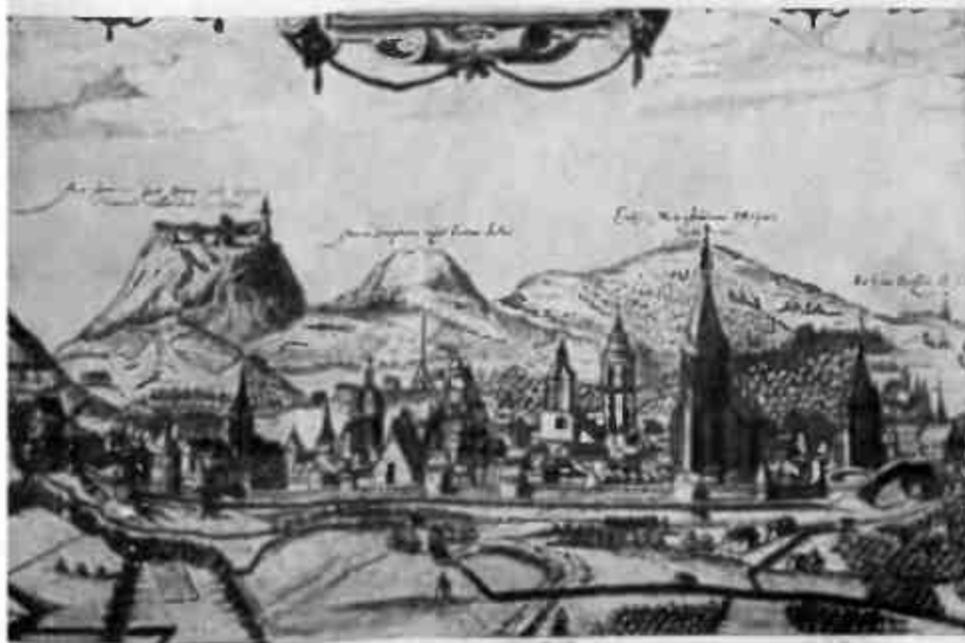
Богдан
Хмельницкий.

Освободительная война украинского народа.

Бой на Днепре под Киевом 20 августа
1651 года между казаками и войсками
Я. Радавицка. С рис. Вестерфельда. 1651 год.

Город Львов, гравюра XVII века.

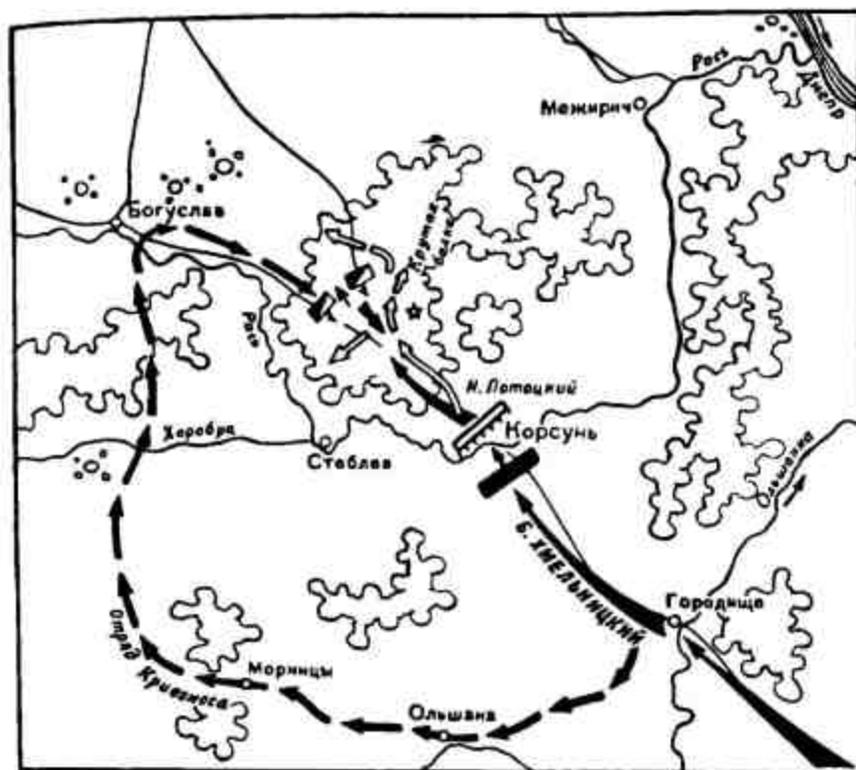

Русская артиллерия
в походе.

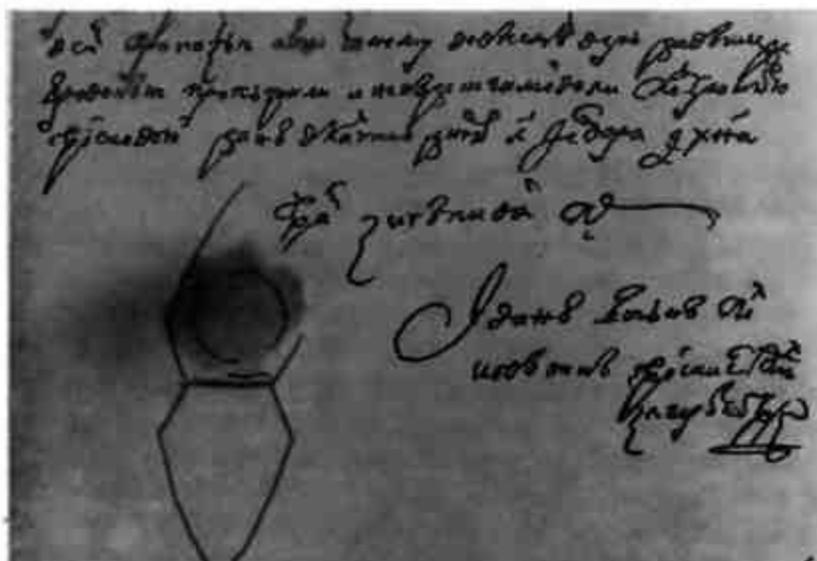

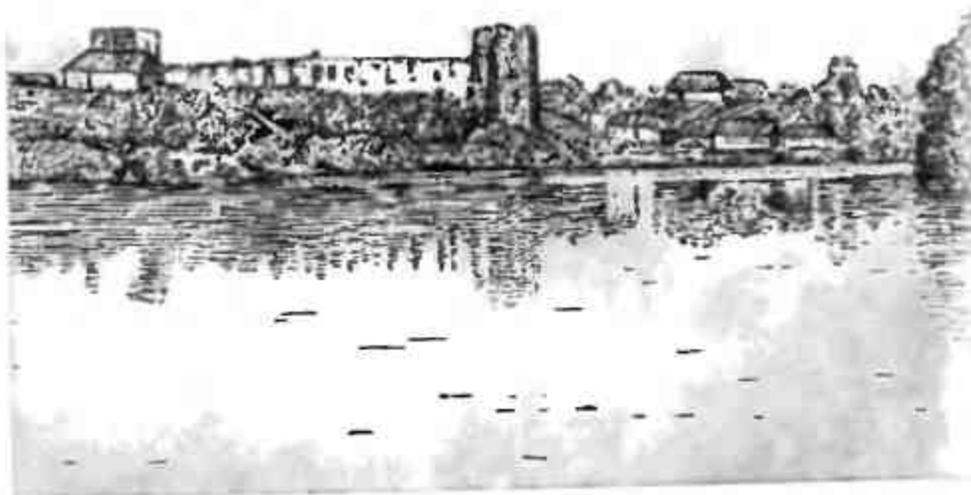
Автограф ▷
Ивана Богуна.

Тип донского казака.

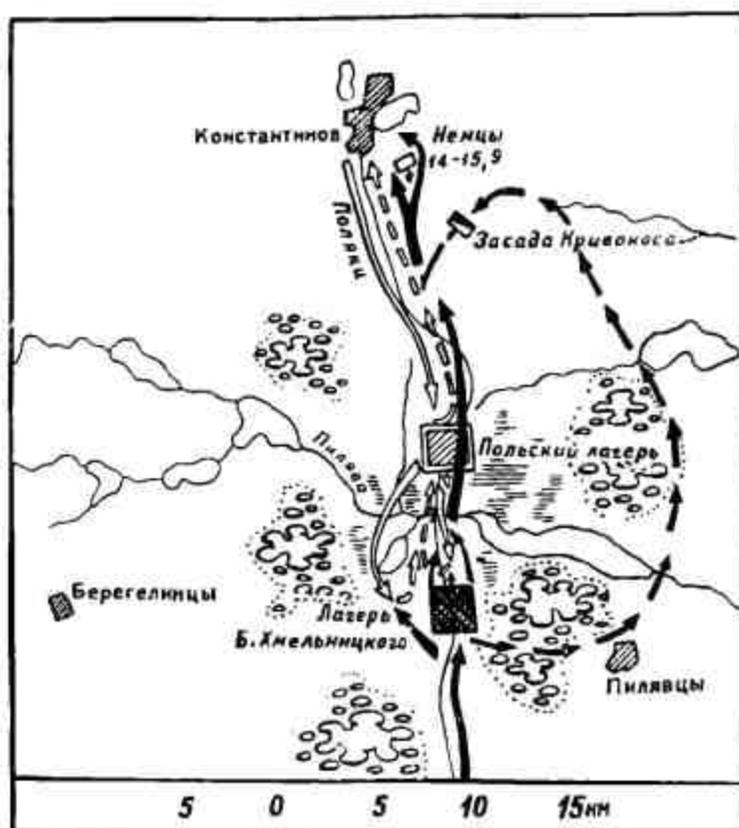

Сражение под Корсунем в 1648 году.

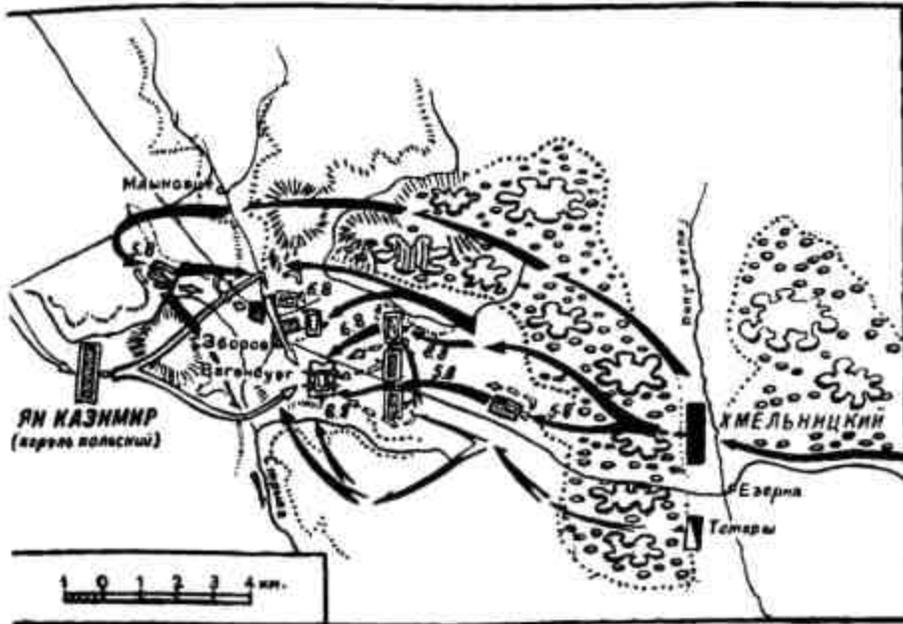

Пиллявецкий замок.

Пиллявецкая битва.

Сражение под Зборовом в 1649 году.

Автограф Михаила Хмельницкого.

Свѣтъ уло и на нѣши п. Ковро Турецкого Турмаха
 при шлою Свѣтъ да залорного Янъ Хмельницкого

 Михаило
 Хмельницкого

Переяславская Рада.

Успенская церковь в Переяславе.

Софійський собор в Києві.

Русская
государственная
печать для грамот
Запорожского
Войска.

Церковь
в Суботове,
где был погребен
Богдан
Хмельницкий.

Пам'ятник Богдану Хмельницькому.

Орден Богдана
Хмельницкого.

Памятник
«Тысячелетие
России»,
скульптурная
группа «Военные
люди и герои».
Фрагмент
с Богданом
Хмельницким.

Памятник «Тысячелетие России» в Полгороде.

notes

Примечания

1

Речь Посполитая — название Польского государства в XV-XVII веках.

2

Шляхта — дворянство.

З

Григорий Грабянко принадлежал к казацкой старшине, второй казацкий летописец после так называемого Самовидца; вместе с летописью Самойла Величко составляет своеобразную трилогию казачьего летописания XVII столетия.

4

Схизма (схизматики) — раскольники.

История Русов или Малой России. Сочинение Георгия Конисского, архиепископа белорусского. М., 1846.

Трансильвания (Семиградье) — княжество, которое составляло юго-восточную часть Венгрии, теперь почти вся территория Трансильвании входит в состав Социалистической Республики Румынии.

7

Валахия — молдавская земля.

Порта, или Блистательная Порта — Турецкая империя.

Каменецкая хроника составлена Агопом, а позже отредактирована, значительно дополнена и продолжена братом Аксентом в 1650–1652 годах.

Относительно количества войск у историков нет согласия. Один из переводчиков и издателей «Каменецкой тропики» Э. Шюц полагает, что под командованием татарского налги Давлет-Гирея и мурзы Кантемира находилось не более 25 тысяч человек. По польским сведениям, армия противника насчитывала 150 тысяч человек, тогда как согласно турецкому хронисту Наиму у Искандер-паши вначале была одна тысяча, а позже 10 тысяч человек. Наима указывает, что польского войска сначала было 53, а позже 60 тысяч человек, английский посол в Стамбуле Томас Роу — 30 тысяч, польские очевидцы — 8,4 тысячи.

11

Саква — переметная сума.

12

Ясырь — пленные.

Жовнеры (жолнеры) — воины, солдаты.

Радцы — советники, члены городского совета.

15

Ферязь — широкая одежда (мужск. и женск.) с длинными рукавами без воротника.

16

Делия — длинная шуба из волчьих или медвежьих шкур.

Доломан — гусарский мундир.

Жупан — род полукафтана,

Нетяга — горемыка.

Привилей — королевская жалованная грамота, устанавливающая права и привилегии.

Кзаки, пребывавшие на Запорожье на самом его низу (*разг.*).

Выписчики — казаки, выписанные из реестра.

Рада — совет, казачий круг.

Черкасы — казаки.

25

Конвокационный — учредительный.

Элекция — выборы.

Примас — главнейший среди епископов в стране.

Каштелян — управитель замка или округа.

Хлоп — крепостной крестьянин.

Джура — оруженосец, у казаков слуга, товарищ.

Величко Самоил Васильевич (г. р. неизв. — ум. после 1728 г.) — украинский казацкий старшинский летописец. Автобиографические данные поместил в своей летописи, которая впервые была напечатана в издании: Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии Войска Запорожского, 1720.

Поволовщина — налог на скот.

Мисюрка — воинская шапка с железным верхом.

Строительство челнов.

Русь, Русское воеводство — так поляки называли тогда Украину.

Рарог — разновидность ястреба; раструб — разновидность сокола.

Хоругвь — знамя, полк.

Скарбница — казна, сокровищница.

Здрайца — предатель, изменник.

40

Щирым сердцем — всем сердцем, от чистого сердца.

Ловитвы — угодыя.

42

Кий — палка, дубинка.

43

Толмач — переводчик.

Дискреция — умение хранить тайну.

Певная — определенная.

46

Байрак — буерак, овраг, балка.

Розевинуло — рассвело.

Майдан — площадь.

Клейноды — регалии, атрибуты власти.

50

Бунчук — знак власти, древко с конским хвостом.

Ассистенция — свита, сопровождающие лица.

Байдаки — большие речные суда.

Рушить — двинуться, отправиться.

Простувати — направляться, следовать, стремиться.

Гаковница — ручное огнестрельное оружие с крюком у приклада.

Каламарь — чернильница.

Пахолки — слуги.

Примас — епископ или кардинал, первенствующий по сану в стране.

Латво — легко, быстро.

Посполитое рушение — всенародное ополчение.

61

Региментарий — полководец, заместитель гетмана.

Подचाший — придворный чин.

Дытына — ребенок.

Схизматик — раскольник, еретик (православные в глазах католиков).

Балта-Таймес — татарское название старинного караимского кладбища при крепости Кырк-Ер, позднее Чуф-Кале.

Видимо, старейшины общины, хотя название Эрби означает у караимов лицо духовного звания,

67

Название квартала, расположенного между Бахчисараем и крепостью Чуф-Кале.

Неверный, немусульманин.

Диван-чауш — пристав ханского государственного совета.

70

Довбыш — литаврщик.

71

Гребля — плотина.

Магистрат — городское управление,
муниципалитет.

Злотый — польский золотой, денежная единица, равная в то время $\frac{1}{5}$ русского рубля.

Райцы — советники, члены магистрата.

Речники — представители.

Валашский — молдавский.

Справа — дело.

Войт — староста.

Гаковницы — ручное огнестрельное оружие с крючком около приклада.

Летопись Самовидца — один из наиболее достоверных летописных источников XVII века. Написанный очевидцем, он содержит фактические данные из истории украинского, белорусского, русского, польского и других народов второй половины XVII века.

81

Суплека — просьба.

Наймит — батрак.

Кроме реестрового казачества, были еще и охочекомонные казаки, служившие гетману и полковникам за плату.

В погоне за добычей.

То есть в Польше.

В битве под Берестечко количество крестьянско-казацкого войска составляло 100 тысяч.

Нурадин — начальник области, подвластной Турции.

В битве под Берестечко татарское войско насчитывало 50 тысяч воинов.

Чура, джура — слуга,

В примечании к своей книге «История Малой России» (К., 1903) Д. Бантыш-Каменский приводит выдержку из дел Коллежского архива, в которой говорится о смерти жены Хмельницкого в 1651 году: «Мая 10, — сказано там, — пришла к гетману весть, что не стало жены его и о том гетман зело был кручинен». — С. 516.

Заложниками.

Управляющий двором молдавского господаря.

Главный смотритель при дворе молдавского
господаря.

Поддерживал связь.

Члены рады (совета).

Шкоды — наносить ущерб.

Острог — крепостные стены из вкопанных заостренных сверху столбов; крепость, обнесенная такими стенами.

Маѣтность — имене, поместье; имущество, состояние.

Обирать — выбирать.

100

През сего — до тех пор пока.

101

Разорвать дружеские отношения.

Ертаульный полк — легкоконный отряд русского поместного войска XVI-XVII веков. Выполнял задачи разведки противника в пути движения главных сил, а также охранения войск в походе.

Так называли восставших крестьян в Подолии.

Шерть — присяга у мусульман.